

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2021

ТРУДЫ XVIII ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18 - 19 марта 2021

Санкт-Петербург, 2021

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИНФОРМАЦИЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВО**

ИКО-2021

**ТРУДЫ
XVIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
18 – 19 марта 2021 г.**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021**

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2021): Труды XVIII Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 18 – 19 марта 2021 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2021. – 410 с.

ISBN 978-5-7629-2813-7

Научная конференция ИКО–2021 представляет собой 18-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания (философии, социологии, политологии, истории, лингвистики, теории коммуникации и др.), обсуждаются философия в горизонте будущего, социальные проблемы развития общества, в том числе изменения в сфере образования, историческое развитие России и мира, развитие языков и культур, также уделяется внимание проблемам профессионального развития в сфере коммуникации – наиболее острые вопросы для современного кризисного этапа развития общества.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. **Иванов Андрей Федорович** (*главный редактор*); к. т. н., доц. **Гигаури Нина Константиновна** (*зам. главного редактора*); к. филос. н., доц. **Пирайнен Евгения Викторовна** (*ответственный секретарь*); к. т. н., доц. **Гаркуша Владимир Николаевич**; д. и. н., проф. **Калашников Владимир Валерьянович**; к. полит. н., доц. **Строгецкая Елена Витальевна**; д. филол. н., доц. **Шумков Андрей Арнольдович**

ISBN 978-5-7629-2813-7

© Авторы публикаций, 2021

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XVIII-ая Всероссийская научная конференция «Информация–Коммуникация–Общество» проходит в условиях очередного «излома»; в новейшей истории цивилизации, вызванного глобальной короновирусной пандемией. Человеческая цивилизация находится в точке бифуркации, детерминированной сложнейшим комплексом противоречий (онлайн–оффлайн, реальное–виртуальное, человеческий разум–искусственный интеллект, и многие другие). В этом сложнейшем процессе определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии.

В современных противоречивых реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных и технологических ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека, общества, цивилизации.

Мы гордимся тем, что вот уже 20 лет научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» выступает профессиональной площадкой для осуществления междисциплинарного полифонического диалога исследователей, работающих в различных областях социогуманитарного знания. К тому же летом 2021 года СПбГЭТУ «ЛЭТИ» готовится отметить свой 135–й день рождения. Пожелаем же друг другу успехов, счастья и благополучия, новых идей, эффективных социальных практик, сохранения старых связей и приобретения новых партнеров и друзей.

Добро пожаловать в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»!

ОРГКОМИТЕТ ИКО–2021

СЕКЦИЯ №1. ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ

УДК: 162.6

И. Б. Микиртумов (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: i.mikirtumov@spbu.ru)

УБЕЖДЕНИЕ В СПОРЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

(Исследование ведётся в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках проекта РНФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»)

В статье показано, какие логические закономерности влияют на ход убеждения в споре, и как его участники моделируют формирование желаемых эпистемических установок. Показано, что такие установки имеют потенциальный характер и возникают в ходе анализа сочетания имеющихся установок агента с информацией, полученной в споре. Сформулированы определения истинности для некоторых эпистемических операторов.

Спор, агент, эпистемические установки, возможный мир, семантика, прагматика.

Когда a спорит с b по поводу содержания, выраженного формулой φ , их оценки истинности φ расходятся. Пропонент a полагает, что b можно переубедить, поскольку для a желателен мир, в котором b принимает φ . Если речь идёт о сильной установке, т. е. о знании, то φ должно быть истинно в тех мирах, где относительно φ имеется знание [см.: 1]. Для установок более слабых это не обязательно. Кроме того, a полагает, что существуют предложения $\pi_1, \dots, \pi_n$ такие, что, во-первых, $\pi_1 \wedge \dots \wedge \pi_n \Rightarrow_b \neg\varphi$, где $\Rightarrow_b$ – отменяемый вывод, совершенный b , т. е. что b склоняется к $\neg\varphi$ не без оснований, и что существуют $\chi_1, \dots, \chi_m$ такие, что $\chi_1 \wedge \dots \wedge \chi_m \Rightarrow_b \varphi$, или $\chi_1 \wedge \dots \wedge \chi_m \Rightarrow_b \neg\pi_1 \vee \dots \vee \neg\pi_n$, или $\chi_1 \wedge \dots \wedge \chi_m \Rightarrow_b \neg(\pi_1 \wedge \dots \wedge \pi_n \Rightarrow_b \neg\varphi)$, т. е. что для b аргументы $\chi_1, \dots, \chi_m$ либо опровергнут $\neg\varphi$, либо подорвут какие-либо из его оснований в пользу $\neg\varphi$, либо отменяют вывод $\neg\varphi$, произведённый из этих оснований. Почему же b не оперирует аргументами $\chi_1, \dots, \chi_m$, и что произойдёт, если он сопоставит их с $\pi_1, \dots, \pi_n$?

Ответ на первый вопрос состоит в том, что знание агента ограничено, ответ на второй потребует выработать метод моделирования противоречий установок агента. Их локализация достигается через описание неполноты информации агента b . Три ситуации указывают на три варианта ответа: (1) агенту не

известны приемлемые посылки φ , а среди предложений, которые он считает посылками для $\neg\varphi$, есть ложные; (2) среди предложений, которые b считает посылками для $\neg\varphi$, есть ложные; (3) умозаключение, которое приводит b к $\neg\varphi$ не всегда верно, и в данном случае отменяемо.

Возможный мир, сопоставляемый установкам агента, строится на основе конечного набора установок, образующих его эпистемическое состояние, если они не порождают противоречий. Часть информации, которая соответствует действительности, не используется, а часть используемой не верифицирована. Если же набор установок порождает противоречие, то перед нами только набросок мира, некоторая неполная картина, совместимая с установками агента, но не с их логическими следствиями. Эпистемическое состояние агента в мире несёт в своём актуальном ядре два конечных набора пропозиций: знание и полагание (убеждение), обозначаемые как K и B множества. То, что агент знает, соответствует действительности, то, в чём он убеждён, не противоречит тому, что он знает, хотя может противоречить логическим следствиям знаний и другим, сформированным ранее убеждениям. Периферией эпистемического состояния являются его возможные расширения в данном мире. Туда входят два бесконечных набора пропозиций. Первый характеризует то, что агент примет как знание, второй – то, что он примет как убеждение. В обоих случаях принятие предполагает совершение определённых познавательных операций. К сфере потенциального знания, получаемой как расширение сферы знаний в мире w , относятся вообще все истинные в w формулы. Предполагая же, что агент не выявит противоречия некоторого утверждения с тем, что знает, и в чём убеждён, мы можем считать такое утверждение потенциально полагаемым.

При расширении эпистемического состояния может происходить полная или частичная ревизия установок, при котором то, что входило в B -множество, из него удаляется или заменяется на своё отрицание или ослабление (методы такого рода ревизий оставляю в стороне) [см.: 2]. Возможные миры знания строятся относительно эпистемического состояния агента с помощью стандартных процедур непротиворечивого расширения. На основе каждого мира знаний агента могут быть построены миры его консистентных и неконсистентных убеждений. К первым предъявляется требование непротиворечивости, вторые представляют собой неполный мир $v^*_{K, a}$ – парную структуру, образованную данным миром знания и набором, возможно, противоречивых или несовместимых с ним убеждений. Они здесь просто фиксируются как пропозиции, находящиеся в сфере установки, т. е. помещаются в своего рода «песочницу». Неполный мир $v^*_{K, a}$ порождает множество обычных миров $v^B_{K, a, 1}, \dots, v^B_{K, a, m}$ при согласовании знаний и убеждений. Каждый мир из такого множества возникает на основе совмещения исходного мира знаний с каким-либо совместимым с ним максимальным числом убеждений. Если все убеждения совместимы с миром знаний, то порождается один мир, если сфера убеждения может быть разбита на две группы пропозиций, каждая из которых совместима

с миром знания, то порождается два мира. В случае, когда формула φ противоречива или несовместима с миром знания, если она атомарна, расширения не происходит, и $v^*_{K,a}$ оказывается полным миром в котором верно $\neg\varphi$. Если же φ выражает сложную пропозицию, то берётся полный перечень её непротиворечивых следствий и, учитывая возможность наличия противоречий в φ при их выведении используется исчисление релевантной логики, не допускающей правила *ex contradictio qudlibet*.

Мотивируется это тем, что, с одной стороны, формирование убеждения, как эпистемическое действие, имеет дело с конкретной пропозицией, а с другой стороны, предпринимаемая оппонентом критика такой пропозиции будет основываться как раз на её структурном анализе и выделении отдельных элементов содержания. Порождение из неполного мира $v^*_{K,a}$ множества миров $v^B_{K,a,1}, \dots, v^B_{K,a,m}$ происходит, в этом случае, на основе перечня предложений, полученного путём извлечения всех непротиворечивых следствий из предложений, находящихся в области действия оператора В. Описанная процедура обходит противоречия во мнениях агента, соотнося с миром знания все непротиворечивые компоненты. Это отражает возможную критику сферы убеждений, которая, если бы она имела место, выявила бы указанные противоречия и поставила бы агента перед необходимостью подвергнуть свои установки ревизии и выработать их консистентную версию. Множество $v^B_{K,a,1}, \dots, v^B_{K,a,m}$ представляет собой обзор таких версий.

Пусть теперь $V(a, \varphi)$, и $v^*_{K,a}$ порождает множество миров $v^B_{K,a,1}, \dots, v^B_{K,a,m}$. Под ослаблениями φ понимаются непротиворечивые логические следствия, которые не эквивалентны φ . Интерпретация формулы с каким-либо оператором полагания каждому миру v сопоставляет неполный мир v^* , порождающий миры $v^B_{K,a,1}, \dots, v^B_{K,a,m}$, соответствующие непротиворечивым комбинациям объединения К и В-множеств агента в мире v с φ . Семантику четырёх операторов полагания определим следующим образом:

- « a в v полагает, что φ » – $V(a, \varphi)$: для любого $v^B_{K,a,j}$ верно φ ;
- « a в v готов допустить, что φ » – $A(a, \varphi)$: существует $v^B_{K,a,j}$ такой, что в нём $V(a, \varphi)$;
- « a в v полагает все ослабления φ » – $Vaw(a, \varphi)$: для любого ослабления φB_k и любого $v^B_{K,a,j}$ верно в нём $V(a, B_k)$;
- « a готов допустить любое из ослаблений φ » – $Aaw(a, \varphi)$: для любого ослабления φB_k существует $v^B_{K,a,j}$ такой, что в нём $V(a, B_k)$;
- « a готов допустить некоторые из ослаблений φ » – $Asw(a, \varphi)$: существуют ослабление φB_k и $v^B_{K,a,j}$ такие, что в них $V(a, B_k)$.

Комбинация истинности φ ($\neg\varphi$) с ослаблениями $\neg\varphi$ (φ) имеет следствием ложность, по крайней мере, одного из этих ослаблений, т. е. соответствующие множества формул противоречивы, как и полные перечни их следствий. Это отражается на отношениях установок, образующих контрадикторные пары: $V(a, \varphi)$ и $A(a, \neg\varphi)$, $V(a, \varphi)$ и $Asw(a, \neg\varphi)$, $A(a, \varphi)$ и $Vaw(a, \neg\varphi)$, $V(a, \varphi)$ и $V(a,$

$\neg\varphi$), $B(a, \varphi)$ и $Baw(a, \neg\varphi)$, $B(a, \varphi)$ и $Aaw(a, \neg\varphi)$, $Baw(a, \varphi)$ и $Baw(a, \neg\varphi)$. Отношения подчинения очевидны: $B \rightarrow A \rightarrow Baw \rightarrow Aaw \rightarrow Asw$.

С потенциальным полаганием дело обстоит иначе, поскольку констатировать его можно, сопоставляя B -множества агента с некоторыми их расширениями. Пусть для w верно $Bw(a, \varphi)$ тогда и только тогда, когда существует мир $v^{B_{K, a, j}}$ такой, что $wR^*v^{B_{K, a, j}}$, и в $v^{B_{K, a, j}}$ верно φ .

Отношение достижимости R^{min} связывает миры, тождественные во всём, кроме фактов, относящихся к эпистемическим установкам, различия которых также полагаются наименьшими. Каково отношение R^* , связывающее актуальный мир w одного агента с миром установок полагания $v^{B_{K, a, j}}$ другого? Иными словами, когда я думаю, что мой собеседник, скорее всего, согласится с тем, что φ , как я представляю себе мир его установок и представляю ли я его себе вообще? Ответ на этот вопрос можно разделить на две части. Во-первых, тот факт, что другой агент разделяет некоторую точку зрения, наблюдающий агент может зафиксировать лишь по его поведению. Это значит, что для пропозиции, выраженной предложением φ , и для агента существует два класса ситуаций [ср.: З. С. 85–86]. В ситуациях из первого класса он ведёт себя так, как мы ожидаем от контрагента, разделяющего φ , в ситуациях из второго класса это не так. Я строю фрагмент мира агента, который является конечным и непротиворечивым которого проблематична в двух отношениях. Я не могу констатировать её для себя и, тем более, не могу констатировать её для другого. Тем самым я имею дело с неполным миром, в котором представлено то, что я знаю, а также – в «песочнице» – то, что должно полагаться, чтобы в совокупности вызвать желательные для меня действия контрагента. Работает схема аргументации от действий. Стратегия же убеждения строится в обратном порядке, поэтому я ставлю задачу убедить контрагента в том, что φ , т. е. попасть в мир, в котором истинно $B(a, \varphi)$, акциональные альтернативы которого будут мирами, в которых a совершает Φ , т. е. проходит тест на установку относительно φ . Таким образом, отношение R^* связывает миры, разделённые действием по предъявлению аргументов в пользу φ .

Условие истинности выглядит тогда так: в w верно $Bw(a, \varphi)$ тогда и только тогда, когда для любого мира u , такого, что $wR^{ACT}u$ и такого, что для него верно $Ap(b, a, \varphi)$ существует мир v такой, что uKv , и для v верно $B(a, \varphi)$, где Ap – прагматический предикат анонсирования, R^{ACT} – отношение акциональной достижимости.

Иными словами, потенциальное знание констатируется, исходя из всегда присутствующей возможности верифицировать предложение при прочих равных условиях, а потенциальное полагание предполагает анонсирование φ и последующую его обработку агентом, приводящую к расширению сферы мнения.

Источники:

1. van Benthem, J., Velázquez-Quesada, F. R. The dynamics of awareness // *Synthese*. Vol. 177. P. 5–27. 2010. <https://doi.org/10.1007/s11229-010-9764-9>
2. Velázquez-Quesada, F. R. Inference and update // *Synthese*. Vol. 169. P. 283–300. 2009. <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9556-2>
3. Лисанюк Е. Н., Мазурова М.Р. Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре // *Эпистемология и философия науки* 2019. Т. 56. № 1. С. 81–100. DOI: 10.5840/eps20195619.

I. B. Mikirtumov (*St. Petersburg State University*)

PERSUASION IN DISPUTE AND POTENTIAL EPISTEMIC ATTITUDES

The article shows what logical patterns influence the course of persuasion in a dispute, and how its participants model the formation of the desired epistemic attitudes. It is shown that such attitudes are of a potential nature and arise in the course of analyzing the combination of the agent's existing attitudes with the information obtained in the dispute. The definitions of truth for some epistemic operators are formulated.

Dispute, agent, epistemic attitudes, possible worlds, semantics, pragmatics.

УДК 165.12

Е. М. Ананьева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

О НОВИЗНЕ «НОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

В статье оцениваются два опыта синтеза антропологического знания, каждый из которых в известном смысле может быть назван «новой антропологией». Первый – сравнительный анализ новых подходов к исследованию человека естественными и гуманитарными науками, представленной в семитомной «Новой антропологии» (издание, вышедшее под редакцией Х.-Г.Гадамера и П.Фоглера в середине 70-х). Второй – методологическая рефлексия по поводу статуса когнитивной антропологии и современная полемика по поводу оснований и границ когнитивных наук. Оценивается роль герменевтики в представленном методологическом анализе.

Герменевтика, когнитивная антропология, методология гуманитарного знания, когнитивные науки.

Под напором новых вызовов, новых научных открытий изменяют свои конфигурации исследовательские программы. Границы между гуманитарным и естественным знанием оказываются проницаемы в обоих направлениях. Остается ли востребованным в «цифровую эпоху» опыт методологической рефлексии по поводу этих изменений? Интересны ли жаркие дискуссии по этим методологическим вопросам за пределами разделенных специализацией научных сообществ? «В истории науки всегда была тенденция широко представлять глобальные взаимосвязи и обобщать знания своего времени в энциклопедических трудах, а с другой стороны были ученые, которые, наоборот кропотливо и зачастую на протяжении всей своей жизни входили в детали исследуемой проблемы. Первые потерялись в водовороте стремительного прогресса научных знаний, став в основном предметом исторического интереса, результаты вторых, как правило, пережили свое время, подтвердившись неоднократно. В наши дни **невозможно быть энциклопедистом**» [1, p.179]. Такой решительный отпор попыткам обратиться к Big picture был заявлен не в наши дни, когда столь велик авторитет аналитической философии с ее скепсисом в отношении рецидивов метафизического мышления. Эти строки написаны в 70-е годы; выше процитированные категоричные суждения высказаны в рецензии на первые тома «Новой антропологии».

Семитомная «Новая антропология» была задумана ее соредакторами – Хансом-Георгом Гадамером и Паулем Фоглром не как новая энциклопедия в духе французских просветителей, но и не как семь томов выдержек из учебников по отдельным дисциплинам, изучающим человека – биологии, психологии,

социальным наукам, культурной и философской антропологии. Философ Гадамер и врач Фоглер задумали это издание в ответ на потребность в создании пространства и возможности для диалога наук и ученых, как противодействие центростремительному движению позитивных исследований человеческого тела, человеческого мира, человеческой истории, как попытку ответить на вызовы информационного общества предоставлением качественной информации «для независимого суждения, которое мог бы сделать тот, кто не является специалистом в той или иной частной области» [2, р.374]. «Интердисциплинарность ни в настоящем, ни в прошлом не являлась дизедератом науки» – сформулировал Гадамер волнующую его проблему в заключительной статье этого семитомника [2, р. 374]. Понимание, как по сходному поводу сформулировал соратник Гадамера по герменевтической философии, не возникает само собой, оно «должно быть желаемо и достигаемо в каждом пункте» [3, р. 91–92]. Эти семь томов в попытке соединить разбегающиеся исследовательские стратегии – результат такого усилия по достижению понимания.

Казалось бы, за последние годы подобные издательские проекты, собиравшие под одной обложкой представителей разных дисциплин в поисках диалога исследовательских программ, повторялись неоднократно. За прошедшие полвека с момента осуществления вышеупомянутого проекта неумолимый прогресс научного знания должен бы был сделать неодолимо устаревшей собранную для этого издания информацию. В нем еще нет термина «когнитивные науки» – на незримое присутствие этого подхода лишь косвенно указывает раздел, посвященный проблемам кибернетики в биологической антропологии и медицине. В последних томах цикла, отведенных «философской антропологии», уже внимательно обсуждается тема информационных подходов в традиционно гуманитарных дисциплинах, но еще не чувствуется морозного дыхания «натуралистических концепций сознания».

Но из нашего теперешнего горизонта нам уже известно, что амбициозный вызов еще одной «новой антропологии», попытка нового синтеза наук о человеке в 70-е годы готовится именно в этой исследовательской программе, в союзе шести когнитивных дисциплин, одной из которых является когнитивная антропология.

В новом столетии и для антропологии как когнитивной науки, похоже, наступило время подводить итоги и формулировать свой вариант общей картины в эпоху невозможности энциклопедий. И чем острее звучат полемические голоса «за» и «против» перспектив антропологии как когнитивной науки [4], [5], [6], [7], тем отчетливей видна необходимость вести эту дискуссию в пространстве, рассчитанном на понимание обеих сторон диалога.

В последнее десятилетие в одном из профильных периодических изданий когнитивных наук была инициирована дискуссия о статусе когнитивной антропологии. Ряд исследователей представил аргументы в защиту тезиса о «бегстве» антропологии из сообщества когнитивных наук. «Как ни парадоксально, но антропология дезертирует или изгоняется из сообщества когнитивных наук

именно в то время, когда первостепенная роль культуры все более признается в науках о человеческой когниции» [8, р. 343]

В соответствии с канонами смены парадигмы по Куну или конкуренции исследовательских программ по Лакатосу авторы, защищающие эту позицию, сформировали пул непреодолимых противоречий в подходах антропологии и когнитивных наук. Надежда на возможность обнаружить «когнитивные культурные единицы» в качестве своеобразных когнитивных «атомов» культуры, которые соединяются в бесконечно многообразные сочетания в «молекулах» – собственно единицах культуры, – надежда, что «это ставит антрополога, который знает и умеет использовать естественный семантический метаязык, в такое же положение, как и химика, который знает, что большинство реальных вещей мира – соединение атомов, то есть молекулы, – и нужно исследовать именно свойства последних» [9, р. 249] – не убедила часть сообщества когнитивных антропологов. Взаимная дополнительность уникальности культурных феноменов на уровне «молекул» и универсальности когнитивных структур на уровне «атомов» (в терминологии Роя д'Андрате) не затушевала проблему исходного методологического ориентира исследователей – либо на уникальное, либо на сериальное. Увлечение «универсализмом» «культурных атомов» в предпочтении их «культурным молекулам», по остроумному сравнению К. Гирца, стало напоминать противостояние «художников-монументалистов» и «художников-миниатюристов» [10, р. 322], если бы было возможно предположить, что они обратились к изображению одной и той же сцены.

И хотя, по мнению многих исследователей, в том числе того же К. Гирца, излишнее увлечение в дискуссии аргументами «от гуманитарности» могло бы родить еще худшее непонимание («в гуманитарных науках методологические дискуссии, ведущиеся с точки зрения общих позиций и абстрактных принципов, в основном бесполезны. За исключением нескольких примеров (возможно, Дюркгейм, возможно, Коллингвуд), такие обсуждения в основном приводят к внутренним спорам о правильном пути и к ужасным последствиям («релятивизм», «редукционизм», «позитивизм», «нигилизм») для тех, кто по ошибке или по незнанию, сбился с пути») [10, р. 322], вариант сохранения гуманитарного измерения новой, когнитивной, антропологии оставался привлекательным для многих. Следствием разных исходных предпосылок оказались, как показали участвующие в дискуссии исследователи, выбор разных периодических изданий для публикации результатов, разных ученых форумов и разной потенциальной аудитории слушателей и читателей.

В результате «пространство диалога» начало сжиматься, и, как видно из динамики публикаций, этот процесс стал заметен уже в 80–90 годы прошлого века, когда «влияние когнитивной антропологии и ее присутствие в когнитивных науках начало резко снижаться» [11, р. 260], а сообщество когнитивных антропологов поляризовалось в своих предпочтениях гуманитарного или естественно-научного образца. Под влиянием этого поляризационного тренда когнитивная антропология пережила увлечение интеллектуального сообщества

постмодернизмом, которое не сгладило, а, наоборот, обострило ситуацию противостояния: «постмодернистская ориентация» антропологии «с присущей ему высокой оценкой субъективности и герменевтического понимания перестала быть понятной для большинства представителей когнитивных наук» [11, р. 261].

Как сформулировал в своей классической работе Томас Кун, «научное знание, подобно языку, по своей внутренней сути является или общим свойством группы, или ничем вообще. Чтобы понять его, мы должны понять специфические особенности групп, которые творят науку и пользуются ее плодами» [12, С. 268]. Поэтому в сравниваемых подходах – предпринятом полвека назад Гадамером и ориентирующимся на последние достижения и опубликованные работы когнитивных ученых – видится нечто вроде согласия по поводу задач и ориентиров. В предисловии к «Новой антропологии» (которое затем вошло в собрание сочинений под заголовком «Теория, техника, практика») Гадамер так сформулировал главный запрос наукам, изучающим человека: «что полезного приносит освоение знания о человеке для знания человека о себе самом? И как это реализуется практически?» [13, С. 261] Таким образом, этот герменевтический элемент представляет неустранимую составную часть исследования: «Прежнее различие номотетического и идеографического оказывается недостаточным, чтобы быть соразмерным основанием антропологии. Поскольку то, что проявляется в каждом конкретном применении знания о человеке и в этом смысле относится к историчности знания, со своей стороны все же реализуется не как отдельное, а как «человеческое» в целом – хотя бы оно и было заметно только в отдельных проявлениях» [13, С. 265].

В этом специфическом смысле научное знание, или наука «никогда не испытывала потребности и необходимости представить себя в качестве «современной»» [14, р. 702], и возможно, смелое суждение, с которого начата эта статья, не вполне верно – и «энциклопедиям» не суждено потеряться в водовороте времени.

Источники:

1. Spindler P. Review: Gadamer, H.-G., & Vogler, P. (Hrsg.), 1972: Neue Anthropologie. Bd. 1. Biologische Anthropologie, 1. Teil / Anthropologischer Anzeiger, Jahrg. 35, H. 2/3 (März 1976), pp. 179-181.
2. Gadamer, H.-G. Schlußwort. / Gadamer, H.-G., & Vogler, P. (Hrsg.): Neue Anthropologie. – Bd. 7. Philosophische Anthropologie, 2. Teil. 412 S. Thieme, Stuttgart. 1975
3. Schleiermacher Fr. Hermeneutik und Kritik. / Hrsg. und eingel. von M.Frank. Fr.a.M. 1999, 466 pp.
4. Unsworth S.J. Anthropology in the Cognitive Sciences: The Value of Diversity. Topics in Cognitive Science 2012. 4, 1–8
5. Kiper J. Why Anthropology Remains Integral to Cognitive Science. Topics in Cognitive Science 2014. 6, 151–152

6. Keen I. Does Cognitive Science Need Anthropology? *Topics in Cognitive Science* 2014. 6, 150–151
7. Ludwig D. 2018. Does Cognition Still Matter in Ethnobiology? *Ethnobiology Letters* Vol. 9, No. 2, 269-275
8. Beller S., Bender A., Medinc D. L. Should Anthropology Be Part of Cognitive Science? / *Topics in Cognitive Science* 2012 – 4, 342–353.
9. D'Andrade R.G. A Cognitivist's View of the Units Debate in Cultural Anthropology / *Cross-Cultural Research: 2001- 35 issue: 2*, pp. 242-257.
10. Geertz C. History and Anthropology / *New Literary History*, 1990 – 21, No. 2, pp. 321-335
11. Rothe A. Das große Bild vor Augen: Wie die Kognitionsethnologie zurück zu den Kognitionswissenschaften finden kann / *Zeitschrift für Ethnologie*, 2010 Bd. 135, H. 2, pp. 259-274
12. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост В.Ю. Кузнецов. М: ООО «Издательство АСТ», 2003 605 с.
13. Gadamer, H.-G. *Theorie, Technik Praxis* / Gadamer, H.-G. *Gesammelte Werke*, 10 Bde., Bd.4, *Neuere Philosophie*, II: *Probleme Gestalten* Mohr Siebeck; 1st edition, 1987, 507 pp.
14. Luhmann N. *Die Modernität der Wissenschaft* / Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990 732 pp.

E. M. Ananieva (Saint Petersburg State University)

ABOUT THE NOVELTY OF THE "NEW ANTHROPOLOGY"

The article evaluates two variants of the synthesis of anthropological knowledge, each of which in a sense can be called "new anthropology". The first is a comparative analysis of new approaches to human research in the natural and human sciences, presented in the seven-volume "New Anthropology" (edition published under the editorship of H.-G. Gadamer and P. Vogler in the mid-70s). The second is methodological reflection on the status of cognitive anthropology and contemporary polemics about the foundations and boundaries of the cognitive sciences. The role of hermeneutics in the presented methodological analysis is being evaluated.

Hermeneutics, cognitive anthropology, methodology of humanitarian knowledge, cognitive sciences.

УДК 37.022

О. М. Корчажкина (Институт кибернетики и образовательной информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, e-mail: olgakomax@gmail.com)

ДИАЛОГ В СТИЛЕ ПЛАТОНА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматриваются общие принципы построения текстов Платона, выполненных в форме диалога и представляющих собой в большинстве своём иллокутивные речевые акты. Несмотря на сложное философское содержание и историческую направленность, стратегии, использованные Платоном, можно применять в учебном процессе для обучения школьников и студентов приёмам логического мышления. В качестве примера предлагается фрагмент рабочих материалов для построения диалога при обсуждении темы «Власть и насилие» в курсе обществознания для средней школы.

«Диалоги» Платона, логическое мышление, тезис, аргументация, понятие, суждение, умозаключение

«Диалоги» древнегреческого философа Платона Афинского (ок. 428 – 348 до н. э.) [1], составляющие значительную часть сочинений Платона, или так называемого *Платоновского корпуса* (лат. *Corpus Platonicum*), насчитывают порядка 36 философских тематических текстов. Они представляют собой примеры реализации диалектического подхода к содержанию логической деятельности в диалоге – искусству исследования и убеждения посредством беседы, имеющей сугубо познавательную нацеленность: «...уметь различить одну идею, повсюду пронизывающую многое, где каждое отделено от другого; далее, различить, как многие отличные друг от друга идеи охватываются извне одной и, наоборот, одна идея связана в одном месте совокупностью многих; наконец, как многие идеи совершенно отделены друг от друга» (цит. по [2, С. 226]).

Для выражения своих научных взглядов Платон не случайно выбрал форму философского диалога. Используя специальные приёмы, он подчинил её определённым правилам и принципам:

- разговор ведётся с одним оппонентом, что создаёт иллюзию беседы человека с самим собой, со своим внутренним миром, со своим *Я*; тем самым диалог предстаёт как **вербализированный процесс мышления**;
- различаются две роли – «ведущего» диалога и его «оппонента» («ведомого») с явным интеллектуальным доминированием первого; **это придаёт беседе некоторую «обучающую» направленность и позволяет выделить**

конечную истину, то есть констатировать наиболее аргументированное мнение, а не прийти к консенсусу двух одинаково «сильных» тезисов;

- применяется способ «избыточной аргументации», когда, уже победив в споре, «ведущий» привлекает дополнительные доводы или аргументы для защиты своей позиции, не относящиеся напрямую к обсуждаемой теме, а концентрирующие внимание на отдельных деталях дискуссии, прояснить которые возможно путём отсылки к фундаментальным вопросам философии Платона; этот приём применяется в тех случаях, когда **тезис «ведущего» по тем или иным причинам требует более веского обоснования;**

- встречаются «эпизоды умолчания», когда в ходе какого-либо обсуждения «ведущий» употребляет фразы или высказывает утверждения, отсылающие оппонента к тем или иным идеям Платона, которых нет не только в этом диалоге, но и в других диалогах; подобная тактика ведения дискуссии объясняется несколькими причинами: 1) видимо, **существует некое «неписанное учение» Платона**, не дошедшее до нашего времени, в котором раскрываются эти идеи; 2) подобные отсылки предназначались **для мотивации учеников к самостоятельному и более подробному изучению затронутых проблем** (так наз. «домашнее задание»); 3) Платон стремился **ограничить общий уровень сложности дискуссии**, поскольку считал, что она будет понятна не всем ученикам, если в неё включить дополнительную информацию для серьёзного размышления;

- в диалогах реализуется основной принцип диалектики Платона: свойства любого предмета рассматриваются как триада «тезис – антитезис – синтез», то есть **«утверждение – оспаривание утверждения – вывод»**, или более детально: **«тезис – подтверждение тезиса – вывод тезиса», «антитезис – подтверждение антитезиса – вывод антитезиса», «синтез вывода тезиса и вывода антитезиса»;**

- развитие содержательной части диалога происходит через диалектическое единство трёх форм мышления – *понятия, суждения и умозаключения;*

- диалоги проводятся с использованием «ведущим» прагматических инструментов иллокутивных речевых актов: концептуальных вопросов, промежуточных выводов на основе ответа оппонентов, которые мотивируют «ведущего» на новые утверждения и вопросы, реплик согласия/несогласия и вопросов оппонентов, проясняющих ответы «ведущего», итогового вывода и пр.

Важную роль в использовании «модели Платона» в учебном процессе играют упомянутые выше формы мышления – *понятие, суждение (высказывание) и умозаключение*. Они являются необходимыми и равноценными компонентами любого мыслительного процесса, ставящего своей целью успешное «постижение истины». В ходе оперирования этими формами учащиеся приобретают умение выстраивать логические связи в своих рассуждениях, учатся анализировать и синтезировать факты и идеи, что способствует их интеллектуальному развитию.

Понятие – начальная форма и самая «мелкая» структурная составляющая, используемая в процессе мышления, которая выражается словом или реже словосочетанием, обозначающим единичную, общую, конкретную или абстрактную сущность предмета, процесса или явления, описывающая его индивидуальные свойства, связи или отношения с родственными или чужеродными объектами. Корректно сформулированное или выбранное понятие позволяет в сжатой форме обобщать существенные признаки изучаемого объекта, чем способствует накоплению нового знания.

Суждение – промежуточная форма мышления, которая приобретает определённость в результате аналитической работы с имеющейся у исследователя информацией об изучаемом предмете. Суждение представляет собой фразу, включающую исходные или производные понятия и идеи в их взаимосвязи с реальными событиями и сформулированную в виде повествовательного предложения, подтверждающего или опровергающего некоторое другое суждение о факте, явлении, событии, процессе, их свойствах или отличительных признаках, особенностях или связях. Истинность или ложность суждения зависит как от объективных факторов (надёжности и достоверности привлекаемых аргументов, доводов и примеров), так и от субъективных (владение исследователем приёмами логических рассуждений, формулировка правдоподобной гипотезы, общая организация исследовательской деятельности и пр.).

Умозаключение – высшая форма мышления, завершающая процесс «обретения истины» (получения нового знания) и выражаемая выводом (обобщением конкретного процесса мыслительной деятельности человека). Умозаключение формируется на основе понятий и суждений, достоверность которых обосновывается в ходе мыслительной деятельности, организованной по методу правдоподобных рассуждений (синтез абдукции, дедукции и индукции по Чарльзу Пирсу, о котором подробнее см. в [3]).

Однако не следует забывать, что все три формы мышления могут отражать как истинные, так и ложные представления, поэтому описанные этапы исследования являются одинаково важными и взаимосвязанными. На начальном этапе необходимо опираться на истинность и научность выбранных исходных понятий; на промежуточных этапах формулировки суждений – на соблюдение правил, диктуемых методом правдоподобных рассуждений; на заключительном этапе – на логику обобщения полученных результатов. В случае отсутствия верификации (неподтверждённой достоверности) хотя бы одного звена весь процесс познания приведёт к заведомо ошибочному результату.

Покажем на кратком примере, как можно реализовать на уроке обществознания платоновскую модель диалога (дискуссии) по теме «Власть и насилие», основанную на принципе: «тезис – подтверждение тезиса – вывод тезиса», «антитезис – подтверждение антитезиса – вывод антитезиса», «синтез вывода тезиса и вывода антитезиса». Мы не будем приводить конкретные фразы,

которые могли бы использовать участники диалога, а сконцентрируем внимание на его содержательной стороне (по материалам [4, С. 622–627, 632–644]).

Тема диалога. «Власть и насилие».

Понятия (ключевые слова). Политическая власть, государственная власть, насилие, принуждение, право на насилие, государство, гражданское общество, общественный договор, закон, добровольное/принудительное исполнение закона, аппарат принуждения.

Тезис (гипотеза «ведущего»). Государство должно добиваться добровольного принуждения путём воспитания своих граждан и прибегать к насилию только в самых крайних случаях. Насилие и принуждение не являются целями и отличительными чертами власти (согласно точке зрения Александра Кожёва) [4, С. 626].

Подтверждение тезиса (суждение). Государства создаются в результате стремления людей к совместной жизни ради общего блага, что и является целью власти и искусством правления (Аристотель); «общим благом» является прекращение «войны всех против всех» на основе «общественного договора» власти с гражданским обществом (Гоббс, Локк, Руссо) [4, С. 636].

Вывод тезиса (умозаключение). Любая власть основана на добровольном подчинении подвластных властвующим. Принуждение и насилие не имеют отношения к сути власти как таковой. Государство прекращает «войну всех против всех» и рождает «гражданское общество» [4, С. 637].

Антитезис (гипотеза «оппонента»). Государственная власть основана на государственной монополии на принуждение в форме легитимного организованного насилия. Любая политическая власть основана на насильи (согласно точке зрения Макса Вебера) [4, С. 623].

Подтверждение антитезиса (суждение). Власть неотделима от принуждения (Платон) [4, С. 623]; абсолютизация принуждения является главной задачей власти и функцией государства (Ф. Энгельс): «...власть правящего класса, составляющего меньшинство в обществе, обеспечивается систематическим принуждением остальных к повиновению, осуществляемому в форме *насилия*, а государство является совокупностью институтов, осуществляющих это насилие в интересах правящего класса, не имеющих ничего общего с интересами и нуждами большинства» (цит. по [4, С. 623–624]); принуждение и насилие внутри государственного организма, применяемое правящей верхушкой к каким-то группам населения, характерно для ксенократических (чужевластных) государств [4, С. 633]; «общественный договор» в ксенократических государствах означает сговор завоевателей с бывшей правящей верхушкой завоёванных [4, С. 635]; «гражданское общество» в ксенократических государствах порождает «войну всех против всех» и уничтожает государство [4, С. 637].

Вывод антитезиса (умозаключение). В ксенократическом государстве «гражданское общество» является школой неподчинения власти,

провоцирующего её на насилие. Гражданское общество подпитывает сомнение государства в доверии народа к своим институтам, чем препятствует усилению власти [4, С. 638].

Синтез вывода тезиса и вывода антитезиса (итоговое умозаключение). Следует признать, что одной из функций современного государства является функция насилия. Ни одно государство, каким бы демократическим и прогрессивным оно ни было, не может строить свою деятельность, не опираясь на аппарат принуждения. Однако эта функция в большинстве ныне существующих государств, которые утратили свой ксенократический статус или в значительной степени его смягчили, не является определяющей, поэтому её последовательная реализация приводит не к распаду, а к укреплению государства. Подобную созидательную, а не разрушительную роль играет в этих государствах и гражданское общество. Право государства на насилие и принуждение должно регламентироваться конституцией и другими государственными законами, находиться в юрисдикции судебной системы, а также контролироваться партиями, общественными организациями и быть открытым к иным формам взаимодействия органов государственной власти и представителей гражданского общества.

Справедливости ради следует отметить, что не все диалоги Платоновского корпуса могут быть напрямую использованы в качестве обучающей модели. Например, в одном из самых сложных для восприятия и понимания диалогах «Парменид» [1, С. 267–355] основатель Элейской философской школы Парменид (ок. 540 – ок. 470 гг. до н. э.) преподаёт урок молодому Сократу, будущему учителю Платона (и в его лице всем начинающим исследователям), о том, какими путями следует доискиваться до истины. В этом диалоге Парменид выбрал своим собеседником совсем ещё мальчика – отрока Аристотеля, но не того Аристотеля, который в дальнейшем стал учеником Платона и величайшей фигурой мировой философской мысли, а его тезки – впоследствии одного из тридцати тиранов, проспартанских правителей Афин.

Может показаться, что диалог «Парменид» представляет собой образец любимого способа Платона витиевато излагать свои мысли. Читая вторую часть диалога «Парменид», мы думаем, что Платон явно пытается запутать молодого Аристотеля, когда тот, не в силах вступить в спор с маститым философом или даже хоть в чём-то возразить ему, находится в состоянии, близком к анабиозу, и произносит только короткие фразы: «Да», «Именно так», «Непременно», «Правда», «Должно», «Правильно», «Совершенно верно», «Похоже, что так». Иногда задаёт вопросы: «Да как же это возможно?», «Почему так?», «Как же иначе?», «А почему же нет?». Или изредка вторит Пармениду, используя лексику из его же вопросов: <Да,> «Беспредельно»; <Нет,> «Не находится»; <Нет,> «Не движется»; <Да,> «Необходимо» и т.п.

Однако при более тщательном анализе выстраивается вполне последовательная картина движения мысли философа от понятий к суждениям и затем

– к умозаключениям, а Аристотель выполняет чисто техническую функцию: своими репликами делит монолог Парменида на логические части и тем самым даёт тому собраться с мыслями, а слушателям (и читателям) – проследить за ходом его рассуждений.

Поэтому подобный диалог может быть использован на уроке, если его «вывернуть наизнанку», то есть предоставить возможность учащемуся стать «ведущим» (Парменидом), а учителю – «оппонентом», причём не всегда «подакивающим». Однако реализовать такую модель можно лишь при определённых условиях: 1) по завершении изучения какой-либо темы или при защите проектной работы; 2) при понятной учащимся формулировке проблемного задания; 3) при довольно высоком уровне подготовки учащихся по предмету, в области риторики и развитого логического мышления; 4) готовности учителя корректировать ход мысли учащихся с помощью коротких, но ёмких фраз в стиле Аристотеля, но более активных и мотивирующих, например: «Поясни», «Докажи», «Не совсем понятно», «Откуда это следует?», «Сделай промежуточный вывод», «На основании каких данных получено такое умозаключение?», «Приведи примеры», «Резюмируй свою мысль», «Каким будет альтернативное суждение?» и пр.; 5) знакомстве учащихся с подобным форматом представления учебного материала и «непротивлении» ему.

Такое выступление не будет походить на традиционный и привычный монолог учащегося при освещении какой-либо темы. Если учитель раньше не прерывал рассказ ученика и ждал, пока тот полностью закончит свой ответ, а затем задавал ему вопросы, то здесь, когда помимо содержания учителю приходится следить за логикой изложения материала, от него потребуются и самому выдерживать схему Платона, и направлять изложение учащегося в то же русло: «тезис – подтверждение тезиса – вывод тезиса», «антитезис – подтверждение антитезиса – вывод антитезиса», «синтез вывода тезиса и вывода антитезиса». А учащегося следует готовить к тому, что ему также на протяжении всего изложения придётся следовать логике «схемы Платона», а само изложение может быть в любой момент прервано учителем (или другим участником дискуссии), если эта логика будет нарушена, а затем продолжено до завершения мысли.

Рассмотренная технология использования в учебных целях диалогов в стиле Платона является довольно сложным дидактическим приёмом, однако с его помощью учащимся предоставляется возможность освоить новые средства и способы познания и развития логического мышления.

Источники:

1. Платон. Диалоги / Перевод с древнегреческого. М.: Эксмо, 2019.
2. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

3. Корчажкина О. М. К вопросу о методологии научной деятельности // Инновации в образовании. 2018. № 3. С. 18-33.

4. Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2020.

O. M. Korchazhkina (*Institute for Cybernetics and Informatics in Education, Federal Research Centre “Computer Science and Control”, The Russian Academy of Sciences, Moscow*)

THE DIALOGUE IN THE MANNER OF PLATO AS A TOOL OF DEVELOPING STUDENTS’ LOGICAL MINDSETS

The article focuses on the general principles of constructing Plato's texts, executed in the form of a dialogue and representing mostly illocutionary speech acts. Despite the complex philosophical content and historical orientation, the strategies used by Plato can be applied to the teaching/learning process to help students acquire the techniques of logical thinking. To illustrate the idea of building a similar dialogue, we display a fragment of working materials for discussing a subject “Power and Forcing” in the Social Studies course for high-school students.

Plato’s “Dialogues”, logical thinking, thesis, argumentation, concept, assertion, conclusion

УДК 162.6

Е. Н. Лисанюк (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: e.lisanuk@spbu.ru)

«СВЕДЕНИЕ К ГИТЛЕРУ»: ОСКОРБЛЕНИЕ ИЛИ АРГУМЕНТ?

(Исследование проводится при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00485
«Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»)

*Риторический прием «сведение к Гитлеру» *reductio ad Hitlerum* часто используется в современном публичном дискурсе и свидетельствует о распространности словесной агрессии, языка ненависти и поляризации разногласий. В докладе предложен двухэтапный механизм анализа рассуждений, включающих этот прием: анализ и оценка роли такого рассуждения в диалоге, а также обоснованности и корректности аргумента с точки зрения его строения. Рассуждения, содержащие «сведение к Гитлеру», предлагается реконструировать как правдоподобные аргументы «к человеку» и «к последствиям», отделяя диалектическое использование их в качестве аргументов от инвектив, нацеленных на дискредитацию оппонентов.*

Аргументация, правдоподобные аргументы, схема аргументации, «новая диалектика», аргумент «к человеку», аргумент «к последствиям».

В мае 2020 г. на волне локдаунов, вызванных пандемией коронавируса, известный итальянский философ Джорджо Агамбен опубликовал в своем блоге пост под названием «Реквием по студентам», где выступил с критикой онлайн-обучения в университетах. По мнению Агамбена, практика перехода в тотальный онлайн-формат приведет к социальной смерти университета, уничтожит плодотворную среду студенческой жизни, средоточием которой европейские *universitas* были со времени своего зарождения в Средние века. Могильщиками университетской жизни Агамбен назвал университетских профессоров, преподающих свои курсы онлайн: «Профессора, которые соглашаются – что они делают в массовом порядке – подчиняться новой телематической диктатуре и проводить свои курсы только онлайн, являются совершенным эквивалентом университетских преподавателей, которые в 1931 году присягнули фашистскому режиму. Как случилось тогда, вероятно, так будет и теперь, что только пятнадцать из тысячи откажутся, но, безусловно, их имена будут помнить вместе с именами тех пятнадцати учителей, которые отказались присягнуть» [1]. Агамбен призвал студентов приступить к организации новых социально-культурных институтов на месте гибнущей *universitas* и предостерег их от привлечения к этому университетских профессоров – коллаборантов телематической диктатуры, ведущей в технологическое варварство.

Рассуждение Агамбена содержит три сравнения: онлайн-обучение в университете он считает телематической диктатурой и уподобляет ее фашистской диктатуре; профессоров, преподающих онлайн, он уподобляет их коллегам коллаборантам или сторонникам фашистов, а тех из профессоров, кто имел смелость отказаться преподавать онлайн, – героям антифашистам. Второе из этих сравнений представляет собой так называемый аргумент «сведения к Гитлеру» – *reductio ad Hitlerum*. Суть его заключается в том, чтобы отклонить взгляды или действия оппонентов, либо дискредитировать самих оппонентов при помощи уподобления Гитлеру, нацистам, фашистам и иным символам абсолютного зла.

Название подобному приему дал Л. Штраус в 1951 г.: «приближаясь к концу [обсуждения], мы неизбежно достигнем некоей точки, за которой сцена омрачена тенью Гитлера. К сожалению, не является безоговорочным правилом избегать распространенной в последнее время ошибки подмены рассуждения *reductio ad absurdum* рассуждением *reductio ad Hitlerum*. Мнение не может быть опровергнуто тем фактом, что ему случилось совпасть с мнением, которое разделял Гитлер» [2, р. 41-42].

В докладе я защищаю три положения о «сведении к Гитлеру». Во-первых, «сведение к Гитлеру» – это риторический прием сравнения, призванный продемонстрировать высшую степень негативной оценки. Сам по себе он не составляет аргумента, но может быть одной из посылок в двух видах правдоподобных аргументов, в аргументе «к человеку» и «к последствиям». Использование «сведения к Гитлеру» в аргументе «к человеку» может иметь двоякий характер, выражая разные намерения его автора: отклонение взглядов оппонентов, как в оригинальной версии Л. Штрауса, и непосредственную дискредитацию оппонентов, как его часто используют в словесной агрессии. В докладе предложены специальные критерии для их разграничения. Во-вторых, использовать ли «сведение к Гитлеру» в аргументе «к человеку» или в аргументе «к последствиям» – это зависит от того, что мы понимаем под злом – собственно моральное зло в деонтологическом смысле или его последствия, т.е. зло консеквенциалистском смысле [3]. В-третьих, спорность и неприемлемость приема «сведения к Гитлеру» сама по себе не является ошибкой аргументации и не выступает причиной ошибочности аргументов, в которых он выступает посылкой, потому что этот риторический прием характеризует не обоснованность и корректность аргумента, в составе которого его применили, а определенные намерения автора аргумента и аргументацию как способ организации социальной коммуникации в публичном дискурсе.

Актуальность обсуждения риторического приема «сведение к Гитлеру» продиктована, с одной стороны, остротой разногласий и тенденциями все большей поляризации современного общества, чему свидетельством выступает популярность языка ненависти, словесной агрессии и риторики оскорбленных чувств [4, 5]. С другой стороны, активизация дискуссий в современном глобальном мире ведет скорее к росту и остроте разногласий и замыканию

полярных взглядов в собственных информационных пузырях, нежели к их преодолению [6, 7]. Высокая распространенность «сведения к Гитлеру» служит иллюстрацией обеих тенденций.

Для доказательства этих трех положений и формулирования критериев разграничения между использованием «сведения к Гитлеру» в разных рассуждениях используется методика анализа правдоподобных аргументов, основанная на «новой диалектике» Д. Уолтона [8] и апробированная в [9, 10].

Выделено 3 схемы рассуждений, где используется «сведение к Гитлеру», они различаются в двух связанных между собой аспектах. Это предмет негативной оценки – что оценивают: оппонентов, их взгляды или поступки; и цель негативного сравнения – чего намереваются добиться: дискредитировать самих оппонентов, либо отвергнуть их взгляды или поступки. Прямым сведением названо рассуждение, использующее прием «сведения к Гитлеру» и нацеленное на дискредитацию оппонентов как личностей; косвенным сведением – рассуждение, в котором «сведение к Гитлеру» предназначено отклонить взгляды или поступки оппонентов. С точки зрения схем аргументации прямое и косвенное сведение может быть двух видов: через аргумент «к человеку», когда взгляды оппонентов отклоняют путем дискредитации самих оппонентов, и когда это делают посредством указания на негативные последствия поступков оппонентов, т.е. при помощи аргумента «к негативным последствиям».

При помощи двух критериев, диалектического и коммуникативного, можно провести границу между прямым сведением как проявлением словесной агрессии к предмету сравнения, не выступающему стороной дискуссии, и косвенным сведением как стремлением отклонить взгляды или линию поведения оппонентов, пусть и в эмоциональной форме. Коммуникативный критерий разграничивает рассуждения, в которых сравниваемые оппоненты являются или не являются его адресатами, т.е. сторонами дискуссии. Диалектический критерий различает рассуждения, включающие «сведение к Гитлеру», в зависимости от их вклада в обоснование или опровержение обсуждаемых точек зрения. Два этапа анализа рассуждения Агамбена, при помощи этих двух критериев и посредством схем аргументации, позволяют определить его как прямое сведение, которое, однако, является приемлемой разновидностью аргумента «к последствиям», а не аргумента «к человеку», в противовес привычному взгляду на «сведение к Гитлеру» как разновидность аргумента «к человеку».

Источники:

1. Agamben G. Requiem per gli studenti. URL: <https://www.iisf.it/index.php/attivita/pubblicazioni-e-archivi/diario-della-crisi/giorgio-agamben-requiem-per-gli-studenti.html>. Дата обращения 25.05.2020.

2. Strauss, L. The Social Science of Max Weber // Measure: A Critical Journal 1951. № 2 (2). P. 204–230.

3. Лисанюк Е. Н., Чалый В. А. Что такое Reductio Ad Hitlerum и допустим ли он в споре? // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2017. Этика революций. Материалы IX международной конференции. Санкт-Петербургский Государственный Университет. Отв. ред. В.Ю. Перов. СПб, 2017. С. 69–70.

4. Жадунова Н. В., Коваль Е. А. Солдат информационной войны: десубстантивация и пределы моральной аргументации // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 3 (35). С. 77–83.

5. Микиртумов И. Б. Риторика оскорблённых чувств // Радио.ru. 2016. № 2 (17). С. 80–101.

6. Olsson, E. J. A Bayesian Simulation Model of Group Deliberation and Polarization // Zenker F. (Ed.). Bayesian Argumentation. Springer, 2013.

7. Zollman K. J. S. The Communication Structure of Epistemic Communities // Philosophy of Science. 2007. V. 74. No. 5. P. 574–588.

8. Walton D. Methods of argumentation. Cambridge Univ. Press, Cambridge, 2013.

9. Лисанюк Е. Н., Хамидов А. А. Аргумент к незнанию и аргумент от тишины // Дискурс. 2021. Т. 7. № 1. С. 5–16.

10. Лисанюк Е. Н., Карпов Г. В. Практическая философия обучения аргументации и критическому мышлению // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. №3. С. 3959–3970.

Elena Lisanyuk (Saint Petersburg State University)

REDUCTIO AD HITLERUM: INVECTIVE OR ARGUMENT?

The rhetorical technique Reductio ad Hitlerum is often used in the contemporary public discourse and testifies to the prevalence of aggressive "hate speech" and the polarization of disagreements. The report proposes a two-stage mechanism for analyzing reasonings that include this technique: analyzing and assessing the role of such reasoning in the dialogue, as well as the validity and correctness of the argument from the point of view of its structure. We propose to reconstruct the reasonings with Reductio ad Hitlerum as plausible arguments "ad hominem" and "ad consequentiam", separating their dialectical use as arguments from invectives aimed at discrediting opponents.

Argumentation, plausible arguments, argumentation scheme, 'new dialectics', ad hominem argument, ad consequentiam argument.

УДК 165.6/.8

В. А. Лобастова (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, e-mail: beshent@bk.ru)

СТРАТЕГИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г.Г. ШПЕТА

В статье представлен анализ понимания русским философом Густавом Густавовичем Шпетом (1879-1937) феноменологического метода, его роли и значения в критическом и радикальном преодолении весьма ограниченной с гносеологической точки зрения естественной модели мышления, применяемой в повседневной жизни и в системе специальных наук. Феноменологический метод прокладывает путь к сфере чистого сознания и выдвигает способы наиболее наглядного описания его абсолютного бытия. Одна из фундаментальных задач феноменологического метода состоит в прояснении идеальной сущности познавательной деятельности сознания и в обнаружении условий возможного осуществления познания, связанных с поиском адекватной корреляции сознания и его предметного мира.

Структура сознания, самосознание, феноменологический метод, имманентная предметность, Г.Г. Шпет, «Явление и смысл».

Радикальный по своим задачам и целям феноменологический проект, задуманный Э. Гуссерлем на рубеже XIX–XX столетий и реализуемый им на полемических страницах своих произведений, Шпет рассматривает как эпохальный поворот в развитии философской мысли, направленный на создание идеальной модели науки, способной к обоснованию и утверждению теоретических положений и методов, которые формируют научное познание. Феноменологическая философия была призвана конституировать идею строго научного знания с целью «учить объективно значимым образом» [1, С. 669] именно благодаря развитию и углубленному изучению метода, его роли и значения для научного познания, состояние которого Гуссерль определил как критическое и требующее серьезного и глубокого переосмысления. Главная цель разработанного Гуссерлем метода феноменологической редукции состоит, прежде всего, в прояснении универсальных оснований или абсолютных начал, на которых может быть построено философское размышление строго научного характера. В качестве абсолютного основания в феноменологическом проекте выступает сфера чистого сознания, независимая от трансцендентных допущений и полаганий.

В контексте исторического развития философской мысли поиск предельных оснований, необходимых для интеллектуального движения к подлинному знанию, оказывается традиционным и имеет глубокие метафизические корни,

отсылающие к самому предмету, вокруг которого разворачивается философское исследование. Будучи универсальным, предмет философии выражает ее стремление к целостному пониманию мира, в рамках которого формируется идея мира, заключающая в себе «всеохватное единство всего сущего» [2, С. 634]. Причем все принципы, способы и стратегии, которые выдвигает научная методология, должны в полной мере соответствовать самому предмету исследования. Поэтому метод становится рационально рефлексированным, строго и последовательно структурированным действием, предназначенным для решения проблемных задач на пути к достижению поставленной цели.

Научное познание имеет характер моделирующей конструкции, направленной на создание «картины мира». Сформированная в процессе исследования научная картина мира образует сложно структурированную, замкнутую в себе систему как «набросок», как «всеобъемлющую схему» [3, С. 43] представлений о мире, в котором вещи, события и сам человек с необходимостью соотносены с методом, формирующим и определяющим целостность и устойчивость научного знания. Критерий научности знания выделяют с целью отличить знание научное от ненаучного, а также от донаучного, обыденного знания. Кроме того, свой объективный характер научное знание обретает тоже благодаря соответствию определенным критериям, среди которых следует выделить теоретический способ исследования, ориентированный на установление причин и закономерностей. Тем самым научное теоретическое знание, становясь логически обоснованным, убедительно доказанным, эмпирически проверенным и экспериментально подтвержденным, способно реализовать себя в качестве действующей силы, которая обеспечивает достижение практического результата.

Однако сила научной рациональности ограничена, так как научное знание демонстрирует обусловленность относительным положением своей теоретической позиции, поэтому философское знание универсальных оснований, способных к обоснованию всех видов знания и деятельности человека, должно быть до-теоретическим или «чистым, абсолютным, свободным от всякой теории» [4, С. 4]. Получается, что обыденное знание как до-теоретическое, донаучное оказывается местом, где возможен поиск философского знания абсолютных начал с помощью определенного метода, инструментальная стратегия которого ориентирована на преодоление выявленных ограничений научной теории. Шпет поясняет: «начало всех начал, «принцип всех принципов» самой основной философской науки требует, чтобы всякую первоначальную интуицию мы брали такую, как она «первично» является перед нами, в границах ее данности» [4, С. 60]. Именно интуитивные границы данности позволяют исключить какие-либо связи с теоретически нагруженными предпосылками и не допустить никаких искажений в достижении ясного и отчетливого понимания в ходе предметного конституирования. Феноменологический дескриптивный анализ, далекий от абстрагирования или выведения, разворачивается в непосредственно данной коррелятивной связи трансцендентного и имманентного.

Феноменология есть чисто описательное до-теоретическое интуитивное познание, основным предметом которого становится абсолютное бытие чистого сознания. «Феноменология имеет своим предметом [...] то абсолютное имманентное бытие, которое открывается актом рефлексии, направленным на сознание, на интенциональные переживания как абсолютные сущности», читаем в «Явлении и смысле» Шпета [4, С. 58]. Именно раскрытие сущности бытия чистого сознания становится важной задачей феноменологии, решение которой осуществляется в непосредственном сущностном (категориальном) усмотрении с помощью идеальной интуиции, которая наряду с сознанием интенционально проясняет эйдос (чистую сущность) конституируемого предмета, а не фактического проявления его индивидуации. Шпет поясняет возможность сущностного усмотрения так: «он [объект] необходимо должен сохранить нечто *существенное*, чтобы остаться «тем же» при всех «случайностях» своего обнаружения» [4, С. 63]. Чистота сущности не имеет ничего общего с результатами ментальных операций абстракции или индуктивного обобщения в процессе построения умозаключений всякого рода.

Шпет стремится прояснить структуру чистого сознания, которая открывается после проведения последовательных этапов феноменологической редукции. Феноменологическая установка есть установка на имманентное, абсолютное бытие, поэтому она исключает все трансцендентное как неабсолютное, а соотнесенное с сознанием в качестве интенциональной предметности. «Трансцендентное бытие всегда относительно», – уточняет Шпет, – «и поэтому частно, и оно относит себя к сознанию как абсолютному, которое имеет бытие и без отнесения к частному и относительному» [4, С. 57]. Редукция есть отказ от актуального переживания трансцендентного мира с помощью чувственных интуиций, т. е. выведение его из зоны внимания и обращение рефлексии в сферу имманентного опыта, в котором идеальные интуиции схватывают сущности интенциональных предметностей, усмотренных и выявленных в едином потоке многообразных переживаний сознания. Как пишет Шпет, «в феноменологической редукции будет подвергнуто выключению все то, что открывается в ее специфической установке не как чистое сознание в своем абсолютном бытии» [4, С. 61].

При описании интенциональности как фундаментальной характеристики сознания, открывающей его ментальные состояния разного уровня сложности и полноты, Шпет выделяет два модуса: эксплицитная (актуальная, явная, выполненная, осуществленная) модальность схватывания предмета и удержание его во внимании и модальность имплицитная (неявная, потенциальная, предположительная, затененная) как всего лишь «побуждение к акту» [4, С. 76], как поверхностный или глубинный фон, окружающий и сопровождающий актуальное восприятие.

Динамический поток непрерывно меняющихся переживаний развертывается вокруг своего полюса – идентичного Я. Шпет указывает на затруднения, возникающие при последовательном описании чистого Я, и поясняет

понимание Я следующим образом: «сознание как актуальное, так и потенциальное, необходимо относится к Я, но оно само как переживание в то же время среди этих переживаний не дано» [4, С. 80–81]. Будучи не обнаруженным в самом сознании, самосознание оказывается трансцендентным, но не коррелятивным сознанию подобно любого рода переживаемой предметности в силу своего абсолютного бытия. Шпет подчеркивает, что «абсолютное бытие относится к сущности Я, и оно может быть трансцендентно только по отношению к возникающим переживаниям, по отношению с становлению в потоке переживаний» [4, С. 82]. Так при сопоставлении сознания с предметом и самосознанием отчетливее раскрывается смысл понятия абсолютного и более очевидным становится понимание существенных свойств феноменологического метода, обладающего такими инструментальными характеристиками, которые осуществляют редуктивные, дескриптивные, рефлексивные, интуитивные, дискурсивные рациональные процедуры, способные осуществлять различные манипуляции с состояниями сознания и производить любые трансформации принадлежащего сознанию предметного мира.

Источники:

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ (Классическая философская мысль), 2000. С. 667–743.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ (Классическая философская мысль), 2000. С. 625–666.
3. Хайдеггер М. Время картины мира. // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика (Мыслители XX века), 1993. С. 41–63.
4. Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М.: Гермес, 1914.

V. A. Lobastova (Saint Petersburg state University of Industrial Technologies and Design)

THE STRATEGY OF THE PHENOMENOLOGICAL METHOD IN THE INTERPRETATION OF G. G. SHPET

The article presents an analysis of the understanding of the Russian philosopher Gustav Gustavovich Shpet (1879-1937) of the phenomenological method, its role and significance in the critical and radical overcoming of the limited model of

---

---

natural thinking used in the system of sciences and in everyday life. The phenomenological method paves the way for the realm of pure consciousness and puts forward the methods of the most vivid description of its absolute being. One of the fundamental tasks of the phenomenological method is to clarify the ideal essence of the cognitive activity of consciousness and to discover the conditions for the possible realization of cognition associated with the search for an adequate correlation between consciousness and its objective world.

Structure of consciousness, self-consciousness, phenomenological method, immanent objectivity, G. G. Shpet, "Phenomenon and Meaning"

УДК [1: 316] (430)

О. М. Ломако (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, e-mail: olga-lomako@yandex.ru)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена философскому анализу трансформации власти в информационном обществе. Подчеркивается, что трансформация власти связана с изменением ценности политического и нравственного в условиях глобализации. Рассматривается антропологическое развитие типов власти в условиях формирования различных форм человеческой субъективности. Информационное общество генерирует новое представление о власти, о порядке, о знании, которое больше не определяется дилеммой двойственной экзистенции человека.

Трансформация власти, информационное общество, социальная философия, антропология, история, глобализация, дигитализация

В ситуации сегодняшнего кризиса, вызванного атакой вируса COVID-19, пожалуй, как никогда прежде, жизнь человека и общества оказалась в непосредственной зависимости от информационных сетей. На фоне социальной нестабильности неизбежным спутником бытия оказывается информационное насилие, информационный прессинг через предоставление недостаточной, искажённой и даже нелегитимной информации.

Вырабатывая нормативное содержание действительности, формируя взгляды, потребности и оценки, СМИ являются одной из конститутивных составляющих современного социума. Функционирование государства с его социальной, политической, экономической и духовной сферой находятся в прямой зависимости от электронного пространства. «Основными формами информационного насилия являются информационный прессинг, искажённая информация, недостаточная информация, нелегитимная информация. Отсюда наиболее общие механизмы информационного насилия: информационное давление, искажение информации, утаивание информации, незаконное получение информации» [1, С. 93–94]. Не случайно ещё в конце 70-х гг. 20 в. Э. Фромм говорил о возможности создания «информационного империализма», о том, что информация может стать средством информационного давления и господства.

Известный исследователь будущего Элвин Тоффлер использовал для его описания формулу «трёх волн», исчерпывающих, по его убеждению, всю человеческую историю. После первой (систематическое сельское хозяйство) и второй (индустриализация) волн неизбежно наступает третья волна –

информационное общество, в котором нас ожидает глобальная борьба за власть. Не случайно третья книга трилогии «Метаморфозы власти» (первые две книги – «Шок будущего» и «Третья волна») сопровождается пояснительным под-названием «Знание, богатство и сила на пороге XXI века».

На протяжении тысячелетий главными ресурсами государств и народов являлись золото и территория/пространство. Постновейшее время вызвало к жизни новый ресурс – информацию. Знание, насилие, богатство и взаимоотношения между ними определяют власть в обществе. Теперь основой битвы за власть являются не деньги, не насилие, а знание. Прежняя власть могла опираться на насилие. По сути, вся человеческая история есть история насилия. Э. Тоффлер подчёркивает, что знание значительно превосходит достоинства других источников власти, поскольку именно знание может служить для приумножения богатства и силы.

Согласно классификации Тоффлера, только в самом примитивном виде власть использует насилие для наказания, которое является низкокачественной формой власти. Богатство – власть среднего качества. Знание – самая высококачественная форма власти. Решающее отличие между насилием, богатством и знанием состоит в том, что и если сила и богатство являются собственностью только могущественных и состоятельных, то знанием могут обладать также слабые и бедные. В этом Тоффлер видит принципиальное отличие знания от силы и богатства. К тому же знание не может быть «израсходовано». Тот, кто «отдаёт» знание и информацию, тем не менее не перестаёт ими обладать. Информационное общество характеризуется фундаментальным изменением в соотношении насилия, богатства и знания, которые служат для контроля и управления обществом [2, С. 42].

Речь об информационном обществе – относительно социальных, политических и экономических критериев – только тогда обретает свою полную значимость, если понятие «информация» включает различные технические новации, методы деятельности и способы коммуникации, деградацию физического пространства и феномены ускорения или так называемого киберпространства.

Следствием «падения» материи с философского пьедестала является субстанциональное изменение восприятия пространства и времени, что понимается как дальнейший шаг к пониманию сути информационного общества. Сетевое общество отменяет социальные отношения, привязанные к физическому пространству, которое становится маргинальным, и тем самым преодолевается география как таковая. В цифровой (дигитальной) жизни не имеет значения конкретное место/время, поскольку становится возможным перенос хронотопа.

Сам человек превращается в цифровую вычислительную машину. Опубликовав в 1966 году «Порядок вещей», М. Фуко показал человека как научное изобретение 19 века, т.е. как бесспорную предпосылку и объект знания, как одновременно парадоксальное эмпирико-трансцендентальное дублирование.

Идея человека, какой она описывалась и анализировалась в 19 в., есть всего лишь следствие специфических диспозиций знания – знания 19 в., которое, с одной стороны, инициировало веру в прогресс, с другой стороны, – предсказывало энтропический конец света. «Антропологической иллюзией» модерна Фуко считает дублирование эмпирически-тривиального начала человека и его способности к размышлению и познанию. Тогда М. Фуко перенёс возможный перелом эпистемы, включающей конец человека, в неопределённое будущее.

С середины 60-х гг. 20 в. о кибернетике заговорили как об универсальном знании, которое ставило под вопрос существующие науки о человеке. Формализация занимает место антропологизации. Именно это видение мышления – мышления-без-субъекта, без человека мыслящего, инициирует кибернетика, основываясь прежде всего на информации. В этом контексте мышление выступает как без-субъектный процесс, а человек – как высокопроизводительная вычислительная машина. «Событие» Фуко, которое могло бы вытеснить человека из центра познания, состоится раньше и по-новому конституирует знание человека о себе и своём познании. Там, где раньше жизнь, язык и труд находили своё единство в человеке, встречаются теперь за пределами человека в кругу правил информации, коммутационной алгебры и обратной связи.

«Погашение» человека как исходного пункта всего познания генерирует другое представление о порядке, о знании, которое больше не определяется фундаментальным расколом или дилеммой двойственной экзистенции человека. Философия как инстанция метафизической спекуляции в этом контексте теряет своё назначение: информационная теория претендует на то, чтобы преодолеть дихотомии этики и знания, человека и мира и перевести их в циркулирующие системы. Тем самым философская метафизическая установка стала считаться устаревшей – не потому, что она предметно или методологически неверна, а потому что информационный подход – в границах информационного универсума – превосходит её и по актуальности, и по значимости, поскольку между человеком и техникой, объектом и субъектом нет никакой субстанциональной разницы.

Тело, душа и разум должны беспрекословно подчиняться «аппаратному обеспечению мышления» (Denk-Hardware). Следуя такой комбинационной логике, человек, в конечном итоге, есть лишь дигитально задуманная счётная машина под черепным покровом, и все материальные элементы есть лишь вторичное выражение той же логики [3, С. 140].

Сегодня власть переместилась на телевизионные экраны и базируется на масс-медиа, обретая всё более виртуальный характер. Благодаря телевидению любые действия людей, например, акции протеста, на деле приводят к укреплению власти. Критика идеологии остаётся безрезультатной, она никого не разоблачает, поскольку власть не обманывает, она просто делает людей такими, какими нужно.

М. Фуко всю свою жизнь посвятил исследованию власти, считал её многогранной и разнообразной, действующей не как сущность, а как стратегия. Его

археолого-генеалогический метод предполагает, прежде всего, исследование феномена политического на микроуровне. Исследование «микрофизики власти» у Фуко означает, что власть – это не достояние, а стратегия, т.е. совокупность механизмов, техник, тактик и действий. Именно поэтому он говорит о биовласти и биотехнологии власти как телесной зависимости индивидов от форм контроля и господства над ними в различных дисциплинарных пространствах цивилизации [4].

Характеризуя XVIII век, М. Фуко отмечает как факт, что человек становится мерой не вещей, а власти, когда возникает тенденция к более тонкому и справедливому правосудию, к более тщательному надзору за телом общества. Организуется поле предотвращения преступлений. Дисциплинарные пространства (больницы, школы, казармы) выработали механизм контроля, наподобие некоего микроскопа для наблюдения за человеческим поведением. Вокруг людей образовались аппараты наблюдения, регистрации и муштры [5, С. 256].

Человек неосознанно избегает давления безличной власти в мировой информационной империи. Он уходит в различные микросообщества, где превалирует аспект межличностной коммуникации и происходит формирование единого тела, переживаемого как свое собственное. Человек стремится туда, где власть *олицетворена*, а угроза очевидна, где более жесткие, т. е. более личные, отношения, где, наконец, можно полнокровно проживать конкретные жизненные ситуации. Ибо человеку присущ страх пустоты, одиночества и полного разрыва человеческих связей. Пустота, как и стерильность, невыносима в жизни: чем чище рефлексия, тем более отравлена окружающая среда [6, С. 20].

В своей политической философии Жиль Делёз называет формами власти религию, государство, науку, право, общественное мнение, телевидение, но не философию. И хотя она ведет постоянные переговоры с формами власти, всё же Философия – не Власть. Поскольку Власть не довольствуется внешним миром и проникает в каждого из нас, то все мы ведём постоянные переговоры с властью [7, С. 12].

Историческая трансформация власти происходит на разных уровнях. Так, уходят в прошлое дисциплинарные общества, им на смену приходят общества контроля, которые можно назвать постдисциплинарными. Это значит, что исчезает характерная для дисциплинарных обществ потребность в сегментации и фрагментаризации социального пространства и в особой для каждого сегмента форме контроля и власти. В обществе контроля границы фрагментов и сегментов социального пространства теряют всякий смысл, поскольку теряют смысл техники изоляции и дисциплинарные практики. Общество контроля функционирует по иным принципам: тотальный контроль и мгновенная коммуникация в наступающей эпохе перманентного реформирования всех сегментов социального пространства (школы, больницы, армии, производственной сферы и т.д.) [7, С. 223].

Власть перестала быть очевидной, став почти невидимой, но при этом сила её не ослабла. Существуют невидимые формы порядка и власти, к таким, например, можно отнести рекламу. Власть рекламы обеспечивается через зависимость человека от социума. На бессознательном уровне реклама воспринимается как новая защищённость, как забота и дар [8, С. 51] которые, впрочем, не становятся чем-то внутренним, а остаются на поверхности и тут же забываются, сменяясь постоянно меняющимися рекламными роликами.

Политики, журналисты и дикторы ТВ не принимают во внимание наше мнение. Они либо его формируют, либо дают выбирать из тех возможностей, которые сами определяют. Средства массовой информации, давно осознающие себя как «четвёртая власть», апеллируют к общественному мнению, которое является ничем иным как продуктом масс-медиа [9, С. 440].

Господство информационных технологий принципиально изменяют человеческую жизнь, однако общение с новыми технологиями необходимо выстраивать по меркам человека.

Источники:

1. Социальная антропология насилия. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2005.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство Аст», 2003.
3. Feustel R. Am Anfang war die Information. Berlin: Verbrecher Verlag, 2018.
4. Foucault M. Geschichte der Gouvernementalität II. Die Geburt der Biopolitik. Vorlesung am Collège de France (1978/79). Frankfurt/M, 2004.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem» 1999.
6. Савчук В. В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001.
7. Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004.
8. Ломако О.М. Историческая трансформация власти в большом городе: генеалогия и аналитика // Власть. 2014. № 3. С. 48–51.
9. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011.

O. M. Lomako (Saratov State University named after N.G. Chernyshevski)

ANTHROPOLOGICAL TRANSFORMATION OF POWER IN THE INFORMATION SOCIETY

This article is devoted to the philosophical analysis of transformation of the power in the information society. It is noted, that the transformation of power is associated with the change in value of political and moral in the context of globalization. The article discusses the anthropological development of the types of power in the formation of various forms of human subjectivity. The information society

---

---

generates a new view of power, of order, of knowledge, which is no longer defined by the dilemma of a person's dual existence.

Transformation of Power, information society, social philosophy, anthropology, history, globalization, digilization

УДК 141.4

Д. И. Маврин (Санкт-Петербургский электротехнический университет «ЛЭТИ»; e-mail: daniil.mavrin02@gmail.com)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

В данной статье рассматривается эволюция философских и религиозных воззрений западной цивилизации. На основе полученной информации выявляется динамика изменений в системах взглядов, а также эволюция методов работы с философскими концепциями. На основе выявленной динамики и имеющегося инструментария автор выдвигает гипотезу о будущем направлении развития западной философии.

Юнгианство, нигилизм, марксизм, миф, философия, постмодерн, психология

“God is dead. God remains dead. And we have killed him. How shall we comfort ourselves, the murderers of all murderers?” [1]

Friedrich Nietzsche

Since the beginning of the 20th century philosophy has taken a turn away from religiosity. In light of accelerating scientific advances that lead to the invention of the atomic bomb, social unrest, wars and revolutions, and many more subtle factors, a painful paradigm shift in western thinking was inevitable.

The famous quote by the German philosopher Friedrich Nietzsche, though open to interpretation, marks the start of the social change towards secularism, as well as an increasingly atheistic approach to philosophy, governance and personal lives.

Though this separation is very approximate and one “era” of ways of thinking did not strictly end or begin at an exact time, the general consensus classifies western culture as such: Pre-Modern, Modern and Post-Modern [2][3].

It is important to note that what is referred to as Modernity in this article should not be confused with the modernist movement of the 20th century. This text refers to the modern era of western culture, starting with the Renaissance approximately in the 16th century. And thus a “post-modern” era refers to a broad phenomenon with non-strict chronological boundaries as well [4].

Let us first specify the differences between said eras, then look at their possible causes and consequences, and then apply this knowledge to discussing the fate of religious philosophy in the 21st century.

Pre-modern era is characterised by a supernatural and mystic view of reality, concepts of original sin and subjection to God’s will and a feudal social structure. The scientific method was not yet born in the pre-modern era so the main methods

of exploration of reality were religious, mystical, or rudimentary experimental, birthing alchemy and occultism [5].

Everything changed with the start of the Renaissance, which brought a revolution in art, philosophy, religion and science. Naturalism and reason became the core methods of exploration of reality, meanwhile the values of individualism and the enlightenment started ruling over society. This period marks the start of rapid evolution of science, modernisation, development of new social classes under capitalism, and a consequent industrial revolution.

The start of this sudden change occurring at this period points to a shift in historical consciousness. In the pre-modern era time was viewed as mostly static or cyclical, and so the traditions of the ancestors were perceived as a role model that should be followed. Moreover from the end of the last era, judea-christian worldview had an apocalyptic foundation. Concepts of original sin and fall from the garden of Eden made it so that the past was always viewed as closer to god than present. Time was viewed as a downward spiral into sin, and apocalyptic attitudes were popular among christians well into early renaissance. Hence, any innovation or change from tradition was viewed as unnecessary, and at times even bad. But with the values of the enlightenment: such as secularism, reason, individual liberty, the past began to be viewed as radically different from the present and not necessarily better than the present, so it opened up possibilities for innovation. Instead of being subject to God's will humans began to be perceived as having will of their own and a right to explore [6] [7] [8].

The stated cause of the shift from pre-modernity to modernity is the Crisis of the Middle Ages – a collective term referring to many simultaneous crises in the 14-15th century european countries, such as urban, religious, monastic, intellectual, economic, etc. These events caused a need to adapt to new circumstances, and so birthed new ways of thinking, philosophy and art [9].

Yet both of these eras were religious at their core, intellectuals as well as laypersons of both eras remained deeply christian, despite the changed outlook on their place in the universe. This started to change in the end of the 19th century, beginning in european intellectual circles.

Individual anarchism, existentialism and nihilism started arising in the first half of the 19th century. The umbrella term for the pessimistic philosophies of this kind is philosophical pessimism. All these philosophies broadly overlap on the idea of meaninglessness of life, rejectment of the enlightenment and standard moral values. Although some have a less negative approach to the postulated meaninglessness than others.

Perhaps the most negative pessimist philosopher to come out of european history is Philipp Mainländer. To quote the author himself: *“the will, ignited by the knowledge that non-being is better than being, is the supreme principle of morality”*. Nonetheless, his philosophy was not atheistic. He reinterpreted Schopenhauerian metaphysics stating the death of Will, and postulating the will-to-die as the means of salvation. In this way he could be called a predecessor to Nietzsche, although he

was born just 3 years prior to Wilhelm. The philosopher ended up committing suicide [10].

The most illustrative case of early nihilist philosophy is the German post-Hegelian philosopher Max Stirner. His main ideas of individualism and egoism, rejection of morality and purpose in life have acted as forerunners to further development of nihilism in the late 19th century. He did not believe in faithfulness to one's partner, any form of altruism and government, and proclaimed self-interest and lack of greater meaning as highest truths. By his friends he has been described as a cynical and cold yet smart man [11] [12].

Nihilism became very popular among intellectual circles, especially in Russia. An image of a Russian nihilist student is portrayed by Turgenev in his novel "Fathers and children". At first glance Bazarov resembles Stirner, but the author gives him a more conflicted stance, making him doubt his nihilist views at the end of the novel. This is not the last time when the origins of nihilism have been connected to Christian values. There is a strong consensus that Nietzsche's concept was strongly influenced by Dostoyevsky, whose ideas are deeply Christian [13] [14].

A final turn away from theism came to be with the ideas of Carl Marx. His work generally laid the foundation for the post-modern values and outlooks. Basing his philosophy in materialism and logic, he had a more positive outlook on life, opposing philosophical pessimism. He postulated the class struggle as the foundation for conflict and suffering in society, and the production of material goods as the main way to happiness. Despite rejecting the idea of God completely, he took a more positive approach, stating altruism and working for the good of humanity as the meaning of one's life. These ideas were further developed by Vladimir Lenin, and Marxist Leninist philosophy was officially named "dialectical materialism" in the USSR [15] [16].

Despite this, the communist ideas did not themselves bring about post-modernity. Though the post-modern values greatly overlap with those of Marx, proposing social construction and conflict and supporting collectivism and socialism, there is a major difference: post-modernity rejects social objectivism, and is anti-realist at its core. What most likely contributed to anti-realist attitudes is the utter shock that was the 20th century: 2 world wars, many communist revolutions, the great depression, starvation, and economic collapse in most major countries. On top of that, the ideas of the subconscious mind developed by Freud and behaviourist psychology of Skinner, that took free will out of the equation. This complex of events and ideas made people eventually reject the concepts of the enlightenment, free will and objectivity [17].

In the increasingly atheistic society still recovering from the shock of the early 20th century, the rates of depression started rapidly increasing, and are increasing to this day. Many people have started looking for alternative ideas. Buddhism and esoterism have become popular in the west. Buddhism and Zen were first popularised in America by the philosopher Alan Watts. This modern philosopher held lectures on several topics, teaching about Zen, Buddhism and Hinduism, and was an

opponent of the Bible, stating that it is “a dangerous book”. The main concern of Watts was that at the core of the judea-christian belief lies a duality, a war between good and evil. He himself did not subscribe to that, proposing an absence of objective good or evil. To support this view he did not only explore indian and chinese philosophy, but turned to the famous psychologist Carl Jung, exploring the idea of the shadow and the collective unconscious [18] [19] [20].

The final development that re-sparked interest in the religious in the west after almost a century of nihilism and materialism was the birth of the New age movement. It happened during the “psychedelic era”, when psychedelics finally became available for scientific research, and the heyday of the hippie movement in 60s America. The main personalities thought to be responsible for the start of the movement are writer Carlos Castaneda and philosopher Terrence McKenna. Independent from one another, they both deeply researched alternative states of consciousness and proposed different spiritual and religious ideas implementing the use of psychedelics [21] [22].

But the ideas of the New age, especially those of Castaneda have had their fair share of critics. It is now a point of general consensus that the anthropologist had faked most, if not all of his fieldwork, and the authenticity of much of his material has been long debunked [23].

Contemporary psychologist Jordan Peterson takes a new look at religion, implementing the complex of psychological ideas that has formed during the last century. He criticises the post-modern rejection of the enlightenment. Nevertheless, he does not discard the achievements of post-modernity, exploring shamanism, psychedelics, and basing much of his philosophy in the ideas of Carl Jung. The main concepts Peterson borrows from Jung are the shadow and the collective unconscious. But he uses these concepts to explore the judea-christian system of beliefs. Being a big admirer of Dostoyevsky, he believes that a rational return to Christianity, equipped with all the modern tools of mental exploration, is the way to solve the increasing rates of depression and the onset of post-modern Marxist thinking that he calls “the crisis of meaning”. To support his hypothesis he quotes Tolstoy’s “Confession”, where the author speaks of the depression and dissonance he felt when became an atheist: “*I described my spiritual condition to myself in this way: my life is some kind of stupid and evil practical joke that someone is playing on me. In spite of the fact that I did not acknowledge the existence of any ‘Someone’ who might have created me...*” [24].

In his book “Maps of Meaning: the architecture of belief” Peterson explores ancient myth through the lense of the pre-modern view of the world without the scientific method. Using the ideas of Jung, he reinterprets myth not as an attempt at history, but as a call to action. Thus, he states that the Christian mythos should be interpreted as a symbolic role-model, that creates a system of meaning in the life of a person [25].

Since the release of the book in 2002, Peterson’s theories had become increasingly popular, and his appearances as a public speaker in universities and television,

as well as a number of recorded lectures, have sparked new interest in rediscovering mythological and theological texts. Peterson's theories are still in active debate and development, and the effects of his work have given a new direction to philosophy, driven by the most modern psychological and scientific conceptions. Public and intellectual reception of Peterson gives much hope that the "crisis of meaning" can be finally solved in the future.

References:

1. Nietzsche F. (2008), *The Gay Science*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 120.
2. Modernity, 2021. Wikipedia. [online] Available at: en.wikipedia.org/wiki/Modernity [Accessed 10 January 2021].
3. Anderson P. (1998), *The Origins of Postmodernity*. London: Verso, p.3.
4. Childs P. (2000), *Modernism*. London: Routledge.
5. Scientific Method, 2015. Stanford Encyclopedia of Philosophy. [online] Available at: plato.stanford.edu/entries/scientific-method/ [Accessed 10 January 2021].
6. Grever M. Adriaansen R. (2019). Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*, [online] Volume 51(6), pp. 814-830. Available at: [tandfonline.com/doi/full/10.1080/00220272.2019.1652937](https://doi.org/10.1080/00220272.2019.1652937) [Accessed 11 January 2021].
7. Pirie I. (2019). How Enlightened was the Enlightenment? [online] *Imagining Other*, Ian Pirie's website. Available at: imagining-other.net/enl2introduction2.htm [Accessed 11 January 2021].
8. *Judaism in the First Century* (2009). YaleCourses. [video]. Available at: [youtube.com/watch?v=7QIBB7gXHKc&list=PL279CFA55C51E75E0&index=4](https://www.youtube.com/watch?v=7QIBB7gXHKc&list=PL279CFA55C51E75E0&index=4) [Accessed 11 January 2021].
9. Goldsmith J. (1995), *The Crisis of the Late Middle Ages: The Case of France*. Oxford: Oxford University Press.
10. Mainländer P. (2018). *Philosophy of Redemption*. [online] Internet Archive. Available at: archive.org/details/MainlanderPhilosophyOfRedemption [Accessed 11 January 2021].
11. Stirner M. (1907). *The Ego and His Own*. New York: Ben J. R. Tucker.
12. Max Stirner, 2021. Wikipedia. [online] Available at: en.wikipedia.org/wiki/Max_Stirner [Accessed 12 January 2021].
13. Turgenev I. (1920), *Fathers and children*. New York: The Macmillan Company, pp. 325-358.
14. Ruth K. (2013). Nihilism before Nietzsche. In: *Oxford political theory conference*. [online] Loughborough: Loughborough University, p. 1. Available at: researchgate.net/publication/273923817_Nihilism_before_Nietzsche [Accessed 12 January 2021].
15. Karl Marx, 2003. Stanford Encyclopedia of Philosophy. [online] Available at: plato.stanford.edu/entries/marx/ [Accessed 12 January 2021].

16. Kuusinen O., Arbatov Y., Belyakov A., Vygodsky S., Mileikovsky A., Sheidin L. (1963), *Fundamentals of Marxism Leninism*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.

17. Hicks S. (2004). *Explaining Postmodernism*. New York: Scholargy Publishing, p. 15.

18. Klerman G., Weissman M. (1989). Increasing rates of depression. *JAMA*. [online] Volume 261(15), pp.2229-2235. Available at: jamanetwork.com/journals/jama/article-abstract/377029 [Accessed 13 January 2021].

19. Alan Watts ~ The bible is a dangerous book (2018). Elysium. [video]. Available at: youtube.com/watch?v=4nCl-eJsivw&list=WL&index=38&t=1282s [Accessed 13 January 2021].

20. Alan Watts ~ Understanding your own shadow (2018). TheSpiritualLibrary. [video]. Available at: youtube.com/watch?v=QGbv5F9uEn8&list=WL&index=19 [Accessed 13 January 2021].

21. Miles B., Perry C. (1997). *I Want to Take You Higher: The Psychedelic Era 1965-1969*. San Francisco: Chronicle Books.

22. Hippie, 2021. Wikipedia. [online] Available at: en.wikipedia.org/wiki/Hippie [Accessed 13 January 2021]

23. Holden K. (1978). *Yaqui Women: Contemporary Life Histories*. Lincoln: University of Nebraska Press. pp. 24–25.

24. Tolstoy L. (1983). *Confession*. London: W W Norton & Company, p. 29.

25. Peterson J. (1999). *Maps of Meaning: The Architecture of Belief*. London: Routledge.

D.I. Mavrin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***RESURGENCE OF INTELLECTUAL RELIGIOUS PHILOSOPHY
AS A RESULT OF IMPLEMENTATION OF CONTEMPORARY
PSYCHOLOGICAL CONCEPTS***

This article examines the evolution of philosophical and religious views of the Western civilization. Based on the information obtained, the dynamics of changes in systems of views, as well as evolution in methods of working with philosophical concepts are revealed. Based on the identified dynamics and available tools, the author hypothesizes the future direction of development of Western philosophy.

Jungianism, nihilism, marxism, myth, philosophy, postmodernity, psychology

УДК 140

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»);

С. Н. Почебут (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sniper2711@yandex.ru)

ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Рассматривается цифровой этикет как инструмент коммуникативного взаимодействия в сети Интернет нового поколения. Отдельное внимание уделяется потенциалу цифрового этикета и возможностям его использования в целях обеспечения эффективного взаимодействия пользователей в Сети, анализируется вопрос о влиянии пандемии на развитие поведенческих норм в виртуальном пространстве нового Web 3.0.

Цифровой этикет, сетевой этикет, Web 3.0, Phygital-взаимодействие, контент, пандемия

Современное общество становится свидетелем того, как развитие новых и новейших информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) влияет на необходимость соблюдения правил цифрового этикета – поведенческой культуры в пространстве Web 3.0. Особенно очевидно это стало в условиях пандемии. Именно цифровой этикет в период коронавирусного карантина стал важным инструментом эффективного взаимодействия во многих сферах жизнедеятельности современного социума.

В начальный период пандемии в электронной переписке вместо привычных комплиментарных слов, традиционно завершающих цифровое деловое письмо, появились фразы: «Надеюсь, Вы здоровы в эти трудные времена», «Берегите себя!», «Берегите себя и своих близких!». Эти и другие подобные фразы с пожеланием здоровья стали по мере обострения ситуации стали повторяться с постоянной-? регулярностью, а противовирусные меры борьбы с коронавирусом определили в том. числе и новые этикетные нормы взаимодействия людей в цифровой и нецифровой среде. Данный факт в очередной раз подтверждает, мнение аналитиков о том, что этикет – это тот социально-культурный феномен, который достаточно точно и тонко реагирует на процессы, происходящие в культуре и обществе [1].

В частности, в пространстве реального времени эта реакция на коронавирусную пандемию, обрушившуюся на все мировое сообщество, проявилась в появлении новых этикетных норм взаимодействия людей, обеспечивающих охрану их физического и психологического здоровья и в целом, получивших сначала название – «коронавирусный этикет», а затем и –

«пандемический этикет», как более широкое понятие, применимое к условиям любого антивирусного карантина.

В свою очередь, угроза заражения коронавирусом при непосредственном взаимодействии, определила необходимость перехода на дистанционный формат (частичный или полный) многих сфер жизнедеятельности социума в целях обеспечения безопасности здоровья и жизни людей в такой сложный период. При этом, именно потенциал цифрового этикета во многом обеспечил возможность построения эффективной коммуникации в виртуальной среде на всех уровнях взаимодействия – официальной, деловой, межличностной. Этот потенциал обусловлен природой Сети третьего поколения – Web 3.0, одной из качественно новых характеристик которой, среди прочих, стало «взаимодействие Интернета с физическим миром» или Phygital-взаимодействие [2]. Среди специфических особенностей Phygital-взаимодействия: нелинейность, возможность передавать большие объемы многоплановой информации посредством прямых трансляций, репостинга, сторис и др.

Новый вид взаимодействия еще мало изучен и является предметом исследовательского поиска, однако некоторые свойства Phygital уже определились, например, такая важная специфическая особенность коммуникации в Сети как возможность применения голосовой речевой коммуникации. Соответственно, функционирование цифрового этикета в условиях Phygital-взаимодействия реализуется при помощи всех этикетных норм коммуникативного поведения – письменного, поведенческого и речевого, в отличие от сетевого этикета, ориентированного исключительно на правила письменной и поведенческой культуры в Сети, детерминированные возможностями Web 1.0. и Web 2.0.

Таким образом, цифровой этикет, представляет собой новый коммуникативный феномен новой цифровой эпохи, который функционирует в Сети как Digital-взаимодействие, и как Phygital-взаимодействие [3]. При этом, Digital-взаимодействие – это поведение в Сети, электронная почта и мессенджеры, а Phygital-взаимодействие – взаимодействие с гаджетами, персональные и корпоративные самопрезентации, проходящие в интерактивном режиме, практика видеоконференций. Следует особо отметить, что формат видеоконференций оказался одним из наиболее востребованных в связи с переходом на дистанционный режим.

Однако, переход на дистанционный режим выявил не только позитивные свойства цифрового взаимодействия, но и целый ряд проблемных зон этого взаимодействия, как общего, так и этикетного плана. В этой связи, специалисты отдельное внимание уделяют анализу ситуаций, напрямую связанных с функциональными характеристиками новых технологий в целях нахождения этикетных поведенческих решений и формирования поведенческой культуры в сети Интернет, значение которой так актуализировалось в период пандемии.

Аналитики отмечают, что необходимость проводить много времени в изоляции, определила серьезный сдвиг в отношении к новым технологиям – например, это широко распространившаяся практика видеозвоноков, будь то

через Zoom, Skype, Google Hangouts или подобные инструменты. Сегодня многие социальные аспекты жизни медленно, но все-таки возвращаются в физическое пространство современного социума, однако большая часть нашей повседневной и профессиональной деятельности в ближайшем обозримом будущем, видимо, во многом будет осуществляться в смешанном режиме, где важное место отводится онлайн-взаимодействию. Это означает, что практика видеозвонков и других возможностей Интернет-коммуникации будет активно востребована. В свою очередь, это означает, что в настоящее время правила цифрового этикета как нормативно-этического регулятора поведенческой культуры в Сети представляют для общества наибольший, чем когда-либо, интерес, поэтому специалисты разрабатывают рекомендации этикетного характера исходя из специфики нового этикета.

Так, Анна Кокс, специалист по вопросам взаимодействия человека и компьютера, подчеркивает, что в условиях реального общения между людьми устанавливается зрительный контакт, активно используются и особенности языка тела, но если общение переносится в виртуальное пространство, воспользоваться этой информацией таким же образом уже не получится. Например, по видеозвонку достаточно трудно определить, смотрит абонент непосредственно на говорящего или же на кого-то другого, просматривает в этот момент корпоративный почтовый ящик, или листает ленту новостей, так как невербальный компонент коммуникации в виртуальной среде имеет весьма минимизированный характер. Вдобавок, любой перекрестный разговор делает общение невозможным, поэтому в целях этикетной регуляции и налаживания эмоционально комфортных отношений, специалисты рекомендуют использовать систему поднятия рук, некоторые видео-приложения имеют такую функцию, или, например, можно просто поднять руку и поднести ее к видеокамере [4]; и др. Однако, в рамках цифрового этикета обсуждаются рекомендации не только технологического свойства.

Отдельная тема – это специфические особенности удаленной работы, например, необходимость проводить онлайн-встречи чаще, нежели, чем в обычных условиях жизни. По мнению аналитиков, с переходом на новый формат, речь фактически идет о дополнительной работе, отсюда вопросы не только этикетного, но и правового, и социально-психологического и материального характера. Предостерегают специалисты и от попыток работодателей навязать удаленной команде регулярные рабочие встречи. В частности, Брюс Дейсли, автор книги «Ешь, спи, работай, повторяй», отмечает, что цифровые инструменты могут усилить чувство обязательности быть в Сети в любое время, что влечет за собой появление состояния стресса и депрессии, особенно, если камера и микрофон постоянно должны быть включены согласно регламенту. Оперативная отзывчивость, по мнению данного автора, также не является хорошим посредником для измерения производительности и может фактически нанести ущерб результатам работы. В данном случае Дейсли предлагает для такого рода взаимодействия выделить час или два в день. С его

точки зрения, например, час дня по восточному времени хорошо подходит для работы в американских и европейских часовых поясах, когда все согласны быть готовыми немедленно ответить на сообщения или звонки. Соответственно, если отправка рабочего письма в нерабочее время считалась неэтичной, то в новых условиях оценивается уже как приемлемое.

Выступает Дейсли и за гибкость рабочего графика. В нынешней ситуации идея введения строгого режима с 9 до 5 часов кажется ненужной и лишённой сочувствия. Многие работники вынуждены в сложившейся ситуации заботиться о детях или родственниках, не говоря уже о том, что они должны справляться ещё и с общим стрессом, вызванным пандемией и психологическими последствиями изоляции. Предостерегает Дейсли и от навязывания удаленной работы всем работникам, поскольку многие из тех, кто живут в небольших квартирах с трудом находят удобное для себя рабочее место, и одновременно, не обременяющее близких. В свою очередь, отмечается, что молодые сотрудники, работая исключительно в удаленном режиме могут потерять практику неформального наставничества, которая возникает только в процессе совместной работы с более опытными коллегами и является важным инструментом личностного и профессионального роста [5].

В то же время, по мнению доктора Аарона Балика, лондонского психотерапевта и писателя, стоит быть особенно внимательным и к контенту, которым в сети делятся окружающие люди, поскольку, может иметь место «эмоциональное заражение», при этом, негативные эмоции притягивают гораздо больше внимания, чем позитивные. Соответственно, стоит быть осторожнее и со своими постами в социальных сетях, репутация электронных персон во многом создается самими пользователями. Доктор Балик также считает, что в дальнейшем опыт изоляции может привести человека к тому, что он будет меньше полагаться на технологии для поддержания отношений в долгосрочной перспективе, сегодня люди жаждут встреч лицом к лицу, раньше такие встречи считались само собой разумеющимися [6].

В целом, специалисты рассматривают ситуацию перехода на дистанционный формат с позиции переосмысления и значения живого общения для человека, и значения новых технологий, которые внезапно стали важной составляющей жизнедеятельности современного социума, и значение поведенческой культуры в Сети, которая обусловлена природой этих технологий, поэтому предусматривает не просто владение новыми и новейшими технологиями, а использование их потенциала с целью выстраивания эффективной эмоционально-ориентированной коммуникации. Одновременно предполагается, что приобретенный опыт во время коронавирусного карантина поможет выстроить и целостную картину проблемных зон, имеющих этикетный, правовой, психологический и социально-психологический характер, с целью их устранения и управления возможными рисками в цифровой и нецифровой среде.

Однако, по мере постепенного выхода из пандемии, мир, в который возвращается человек, становится совсем другим – более сложным и социально,

и психологически, чем когда-либо ранее. В этой связи специалисты по этикету, в частности, Лиза Гроттс и Джоди Р. Р. Смит, предлагают несколько советов, призванных помочь нам ориентироваться в наиболее сложных социальных ситуациях, с которыми мы так или иначе столкнемся в новой постпандемической реальности: сохранять хладнокровие, избегать негатива, использовать юмор и придерживаться правил социального взаимодействия. В свою очередь, автор и создатель телеграмм-канала «Цифровой этикет», Ольга Лукинова добавляет к этим правилам успешных коммуникаций необходимость организации обратной связи без педалирования темы «эпидемия» и создания лишнего информационного шума [7]. Таким образом, цифровой этикет как нормативно-этический регулятор, регламентирующий поведенческую культуру и все сетевые взаимоотношения человека, призван помочь в организации эффективного взаимодействия в виртуальной среде современного социума не только в условиях пандемии.

Источники:

1. Лихачева Л. С. Капкан М. В. «Тонкости этикета» в культуре информационной эпохи» / Информационная эпохи: новые парадигмы культуры и образования: монография. Отв. ред. И.Б. Кириллова, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 69–70
2. Хветкевич А. Говорит и показывает Интернет или Web 3.0 в действии. [Электронный ресурс]. URL: <https://info.nic.ua/articles/article-opinion/govorit-i-rokazyivaet-internet-ili-web-3-0-v-d> (дата обращения: 10.03.20)
3. Мамина Р. И. Искусство самопрезентации в эпоху цифры. СПб.: ИД «Петрополис», 2020
4. Cox, Anna Louise; University of Hertfordshire (2002). Exploratory learning of interactive devices: what people do and what people learn. Hatfield: University of Hertfordsh
5. Bruce Daisley, «Eat Sleep Work Repeat», podcast. <https://www.listennotes.com/podcasts/eat-sleep-work-repeat-brucedaisley-qTud3jt2kCW/> (дата обращения: 12.02.2021)
6. Dr. Aaron Balick, The Psychodynamics of Social Networking: Connected-up Instantaneous Culture and the Self (Psychoanalysis and Popular Culture) Paperback – 18 Sept. 2013. <https://te-st.ru/2020/04/24/digital-etiquette> (дата обращения: 12.02.2021)

Mamina R. I., Pochebut S. N. (Saint-Petersburg state Electrotechnical University «LETI»)

DIGITAL ETIQUETTE DURING THE PANDEMIC

Digital etiquette is considered as a tool of communicative interaction in the Internet of a new generation. Special attention is paid to the potential of digital

---

---

*etiquette and the possibilities of its use in order to ensure effective interaction of users on the Web, the issue of the impact of the pandemic on the development of behavioral norms in the virtual space of the new Web 3.0 is analyzed*Digital etiquette, content, pandemic, process, trend, development.

Digital Etiquette, Network Etiquette, Web 3.0, Phygital-Interaction, Content, Pandemic

УДК 14

Б. В. Марков (Санкт-Петербургский государственный университет)

СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕДИА

Сегодня мы оперируем значением понятий Я и Мы, которое сложилось в прошлом на основе определенных и тоже уже изменившихся общественных отношений. Поэтому Я и Мы нельзя рассматривать как обозначения отдельных сущностей. Необходимо учитывать, что соотношение индивидуального и социального складывалось в разные эпохи по-разному. Современные исследователи по-прежнему опираются на проект Просвещения, в котором человек мыслился как свободный автономный индивид, наделенный разумом, способный к рефлексии, т.е. к наблюдению за самим собой и обществом, в котором он существует. Но модель гражданского общества уже не соответствует отношениям людей, сложившимся в эпоху глобализации. Мы живем в постиндустриальном обществе, одни называют его информационным, другие – сетевым, одни его приветствуют другие проклинают. Прежде чем оценивать его в либеральном или консервативном масштабе, необходимо описать специфику отношений Я и Мы на современном этапе истории.

Человек, коммуникация, сетевое общество, индивидуализм, коллективизм, масс медиа, одиночество, идентичность

Дискуссии о будущем сетевого общества и искусственного интеллекта не следует воспринимать как интеллектуальное развлечение, которому предаются свободные умы далекие от насущных проблем. Пренебрегать ими не следует, так как чем больше сценариев возможного развития будет создано и прочитано, тем лучше человечество отреагирует на очередной кризис. Среди гуманитариев немало критиков масс медиа. Между тем, это такая виртуальная реальность, в которой мы уже живем, и которая воздействует на наше сознание, может быть даже значительно сильнее, чем природная среда обитания. Конечно, она тоже во многом символическая, но все-таки сложившаяся исторически, а не сконструированная технологически, проверена тысячелетним опытом выживания человеческих коллективов.

Телекоммуникативная технология в отличие от аналогового изображения и грамматически упорядоченного текста воздействует на сенсорный аппарат человека точечно. Нужно различать зрение и способность видеть. Работу глаза, его взаимодействие с мозгом описывает нейрофизиология. Зрение устроено так, что селекция и конструкция образов соответствует таким свойствам окружающей среды, которые значимы для сохранения и выживания биологического вида. Если у животного нет ни потребности, ни способности дистанцироваться от видимого мира и задаваться вопросом, соответствует ли его

образ «вещам в себе», то человек не только видит мир, но и способен к воображению, и рефлексии. Если зрение сканирует поверхность, не проникая в глубину, то видение сопровождается символическими актами, которые нагружают сенсорную информацию сакральными, теоретическими и иными культурными символами.

В этой связи возникает вопрос, что происходит со способностью видеть в обществах, которое называют фотогенными и spectacularными. В этой связи указывают на деградацию гуманизма в римской культуре «хлеба и зрелищ», которая снова возрождается на экранах наших ТВ. Другие, наоборот, говорят о господстве слова в высоких культурах и считают масс медиа освобождением тела и чувственности от диктата рассудка. Обычный упрек в адрес цифрового общества состоит в том, что современные медиа используют такие знаки, которые являются неотличимыми от обозначаемых событий. В семантике знак определяется как материальный и тем не менее несамостоятельный предмет, в том смысле, что значим не сам по себе, а как заместитель другого. Что касается образных знаков, то они воспроизводят событие в виде картинки. Кажется, новые медиа продвинулись слегка дальше, добавили к неподвижному образу движение и звук. Но на самом деле сначала кино, а потом и ТВ привели к радикальному изменению знаков. Главными стали сами знаки, а не их понятийные значения. С другой стороны, это не вещи, а их символические заменители, или симулякры. Парадокс в том, что знаки обозначают не реальность, а другие знаки. Конечно, вещи еще существуют и удовлетворяют потребности, но сами потребности становятся искусственными, а вещи знаковыми, т.е. не столько удовлетворяющими потребности, сколько демонстративными.

Задача аналитической философии состоит в том, чтобы понять, по какому сценарию пишутся сами сценарии. Прежде всего, срабатывает двоичный код бинарного мышления. Одни предполагают, что сетевое общество будет не государственным, а «общечеловеческим». [1, С. 492, 2, С. 184] Другие, наоборот, утверждают, что человек утратит свободу и окончательно растворится в сети, а она превратится в "матрицу". [3, С. 150] Человек станет "цифровым двойником" не только для статистики, но и в реальности. Очевидно, что эти страхи подпитывают друг друга. Необходимо исследовать социальную реальность в аспекте изменения механизмов, как дифференциации, так и интеграции автономных индивидов в то, что называют сетевым обществом. Я-идентичность и Мы-идентичность не исключают, а предполагают и дополняют друг друга. Поэтому проект экзистенциальной философии, доставшийся Европе в наследство от эпохи индивидуализма, нуждается в пересмотре. В моделях и проектах сетевых сообществ необходимо программировать и обеспечивать возможности эмоционального общения, утрата которого делает наши пространства «бытия вместе» пустыми и холодными.

Среди гуманитариев немало критиков масс медиа и защитники книжной культуры. Между тем, виртуальная реальность, в которой мы уже живем, воздействует на наше сознание, может быть, даже значительно сильнее, чем

объективная среда обитания. Конечно, она тоже во многом символическая, но сложившаяся исторически, а не сконструированная технологически, и проверенная тысячелетним опытом выживания человеческих коллективов. Не мы первые переживаем коммуникативную революцию. Алфавитная письменность, особенно изобретение книгопечатания, существенно повлияли не только на мышление, логика которого повторяет грамматику. Линейное, селектированное и упорядоченное восприятие мира сложилось на основе категорий письменного языка. Что меняет телекоммуникативная технология? М. Макклюэн писал, что в отличие от аналогового изображения и текста, экран воздействует на сенсорный аппарат человека точно. Сегодня мы воспринимаем предметы так, как их изображают цифровые видеокамеры. Изготовленные ими образы не предполагают субъективной интерпретации, и выглядят реальнее, чем сама реальность. Они уже не являются знаками, которые предполагают рефлексию, а образуют искусственную среду обитания, которая имеет символический характер и, вместе с тем, создает иллюзию абсолютной реальности. Протест против масс медиа вызван тем, что они не позволяют осмысливать события. Даже прямой репортаж, демонстрирующий происшествие, не дает времени их оценить и возможности эмоционально отреагировать, не говоря уже о критической рефлексии. Другой протест вызван тем, что новые информационные технологии не просвещают, а оглушают людей. Кажалось бы, оцифровка окружающего мира делает доступными все богатства природы и культуры, но цифровые двойники при всей их яркости и убедительности не способствуют умению мыслить и правильно жить. Человек остается потребителем звуков и образов, участником интерактивной игры, которая не делает людей лучше. Если послушать людей, которые путешествуют во всех направлениях, то их рассказы не несут ничего нового, так как сообщают в основном об отелях, пляжах и прочих местах удовольствия. Еще уже обстоит дело в цифровом образовании. Знания передаются посредством презентаций, которые выглядят абсолютно достоверными и не стимулируют критическое мышление.

Не отвергая подозрений франкфуртцев, которые считали, что современные медиатехнологии подчиняют людей сильнее, чем слова и тексты, можно утверждать, что они пока еще обладают достаточно сильной иммунной защитой. Поскольку почти четверть населения в развитых странах проживает в одиночестве, то нужно признать, что светящийся экран и льющиеся из динамиков звуки заменяют другого. Поэтому современные модели не только коммуникации, но воспитания и образования, тоже следует строить на основе аналитики медиа-другого. Да люди не смотрят ТВ, не отрывая глаз, они не воспринимают рекламу, клипы, сериалы как гиперреальность. Они по-прежнему рефлексиируют и не очень доверяют пропаганде, будь то политика или реклама. Но нельзя отрицать, что все это как-то воздействует на людей, задает общезначимые коды и нормы, т.е. социализирует городских индивидуалистов, запершихся в четырех стенах своих апартаментов.

Мы живем в настоящем и вынуждены поступать по нормам и кодам, образующим сложившийся общественный порядок. Вместе с тем, именно в современных обществах обострился кризис идентичности. Что-то заставляет человека отторгать этот порядок, несмотря на его ощутимую пользу. Чаще всего это объясняют растущим индивидуализмом людей. Но на самом деле защиты своего Я оказывается не чем иным, как сохранением Мы, только не современного, а прошлого. Поскольку в своем индивидуальном развитии от детства до старости мы повторяем психоисторию общества, то сохраняем в памяти опыт коллективного бытия. Практики совместного бытия с другими сформировали наши габитусы, т.е. желания, вкусы, привычки. Именно их человек считает ядром своего Я и не уступает требованиям нового коллектива. Если раньше коллективные контейнеры развивались сравнительно медленно, они были небольшими, а переход из одного в другой случался крайне редко, и чаще всего в форме плена и рабства, то сегодня габитус ребенка, сформировавшегося в рамках теплого родственного и дружеского общения, не соответствует постнациональным и постгосударственным объединениям, в которых живут взрослые. Поэтому причину современных конфликтов идентичностей следует искать не в индивидуализме, а в глобализации. И если она неотвратима, следует более терпеливо воспринимать новый порядок и не горячиться с протестами, кажущимися справедливыми.

Источники:

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Михайлов И. Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФРАН, 2015. – 196 с.
3. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. М.: ИФРАН, 2013. – 229 с.

B. V. Markov (St. Petersburg State University)

MEDIA RESISTANCE.

Today we operate on the meaning of the concepts of me and We, which has developed in the past on the basis of certain and already changed public relations. Therefore, I and We cannot be considered as designations of individual entities. It should be taken into account that the ratio of individual and social developed in different eras in different ways. Modern researchers continue to rely on the Enlightenment project, in which man was thought of as a free autonomous individual, endowed with a mind capable of reflection, i.e. observing himself and the society in which he exists. But the model of civil society no longer corresponds to the attitudes of people in the era of globalization. We live in a post-industrial society, some call it informational, others – network, some welcome it others curse. Before assessing

it on a liberal or conservative scale, it is necessary to describe the specifics of the relationship between I and We at the present stage of history.

Person, communication, network society, individualism, collectivism, media, loneliness, identity.

УДК: 004.03

Т. Б. Маркова (Библиотека Российской академии наук; e-mail m.tanucha@rambler.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОГРАФИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ

В статье представлены наиболее распространенные источники библиографической информации – электронные каталоги и ресурсы библиотек, электронные библиотеки, поисковые системы и базы данных. На основе обзора библиографических электронных ресурсов рассматриваются возможности библиографии в информационной среде. Взаимодействие библиографов и программистов способствует систематизации и упорядочиванию информации в Интернете.

Библиография, Интернет, электронные библиографические ресурсы, библиографические базы данных, электронные библиотеки

Современная культура характеризуется тем, что человек получает всё более совершенные технологии и практики поиска информации. Её переизбыток приводит к тому, что с одной стороны, он превращается в робота-автомата, потребляющего информацию как энергию, а с другой – становится независимым от компетентного эксперта, помогающего оценить достоверность размещенного в сети знания. Возрастает потребность в библиографической информации, представленной в сетевой форме. При этом большинство пользователей не удовлетворено самостоятельным поиском, как в Интернете, так и в библиотеке. Им необходима помощь со стороны квалифицированных специалистов. Библиография обладает огромным потенциалом в навигации поиска и систематизации информационных ресурсов. Она выходит за пределы библиотек, расширяя границы информационного пространства.

Поиск публикаций в Интернете в основном ведется по ключевым словам. Тематический поиск предполагает знание семантических связей между элементами, а также совмещение собственных представлений о теме со средствами поиска в электронном каталоге. Вследствие этого поиск по предметным рубрикам менее востребован. Разнообразии источников библиографической информации приводит к дублированию информации и отсутствию структуризации ресурсов в Интернете. Пользователи не знают какой из них выбрать для эффективного поиска и меньшей затраты времени; в каких ресурсах содержатся сведения о научных публикациях в конкретной области знания, а какие отражают художественную литературу. В целях облегчения взаимопонимания пользователей и поисковых машин разрабатываются новые модели

представления знаний. Обзор электронных библиографических ресурсов позволит осмыслить возможности библиографии в интернет-среде.

Электронные ресурсы библиотек, научно-исследовательских и образовательных учреждений охватывают общий электронный каталог, тематические и библиографические базы данных, каталоги специализированных фондов, электронную библиотеку, архив публикаций сотрудников и преподавателей Вуза. Наряду с документами, раскрывающими состав библиотечного фонда, представлена информация обо всех документах, независимо от их местонахождения в целях удовлетворения универсальных и специальных информационных потребностей (указатели, списки, обзоры, библиографические и реферативно-библиографические базы данных, картотеки и др.). В Библиотеке РАН библиографические базы данных созданы на основе специального программного поиска, благодаря которому они преобразуются в систему многоуровневых указателей различного вида. В Библиотеке по естественным наукам РАН разработана надстройка над УДК, позволяющая вести поиск по тематическим рубрикам [1, 2]. В РГБ реализован проект представления библиотечно-библиографической классификации в виде сетевой системы организации знаний. Его идея заключалась в объединении технологий тематического поиска в различных электронных каталогах и электронных библиотеках [3, 4].

Усовершенствование сайтов библиотек, расширение возможностей информационного поиска привели к тому, что электронные библиографические ресурсы стали посредниками между пользователями и электронными изданиями. Бесплатные электронные библиотеки предоставляют доступ к электронным версиям печатных изданий. К таковым относятся электронная библиотека РГБ, Кибер-ленинка, НЭБ, электронная библиотека диссертаций.

Кибер-ленинка (cyberleninka.ru) – научная электронная библиотека, в которой представлены статьи из научных журналов России и Ближнего зарубежья по всем областям знания (медицинские, гуманитарные, сельскохозяйственные, технические, социальные, естественные науки). Научные тексты размещены в открытом доступе и могут быть найдены как с помощью популярных поисковых систем, так и посредством системы полнотекстового научного поиска. В электронной библиотеке диссертаций (dissertat.com) представлены авторефераты и диссертации по всем отраслям знания. Для ознакомления с текстом доступны оглавление, введение, краткое содержание из автореферата и список литературы. Для углубленного изучения научной проблемы можно заказать работу и скачать ее в формате pdf, что избавляет пользователя от необходимости посещать библиотеку.

Национальная электронная библиотека (НЭБ, <http://rusneb.ru>) объединяет фонды публичных библиотек России различных уровней, научных библиотек и образовательных учреждений для предоставления читателям открытого доступа. Издания и проекты структурированы по разделам и имеют единую поисковую систему. НЭБ включает в себя электронные копии печатных изданий и потому в нее не входят удаленные электронные ресурсы. Электронная

библиотека РГБ также содержит только копии печатных изданий, а не оригинальные электронные документы. Применение онлайн технологии при составлении библиографических ресурсов позволяет пользователям одновременно ознакомиться как с полнотекстовыми изданиями, так и с работами, размещенными в электронной библиотеке РГБ [5, 6].

eLibrary.ru – электронная научная библиотека, содержащая информацию о публикациях, включенных в систему РИНЦ, ВАК. Помимо доступа к полнотекстовым документам, авторизованные пользователи могут самостоятельно вносить информацию о своих публикациях, делать подборки и редактировать записи к ним. Доступ к библиографической информации осуществляется в разделах «Каталог журналов», «Авторский указатель», «Полнотекстовый поиск», «Тематический рубрикатор», «Предметный указатель», «Каталог книг», «Научные издательства», «Новые поступления», «Новые журналы», а также через рубрики навигатора. eLibrary носит справочно-библиографический характер. Ее возможности по комбинированию и использованию тематических запросов ограничены. Тем не менее, ресурсы eLibrary содействуют удовлетворению информационных потребностей и предоставляют возможность для формирования собственного библиографического продукта с использованием внутрижурнальных указателей, подборки научных статей по темам, а также готовой библиографической информации [7].

Огромный массив информации содержится в библиографических базах данных, включающих сведения о статьях из периодических изданий, сборников материалов конференций. Этот вид публикации в настоящее время становится востребованным в научной среде, поскольку в нем отражены важнейшие достижения науки, техники и культуры, проекты и персональные сведения. Чаще всего в Интернете исследователи обращаются к базам данных универсального профиля, (UnCover, IngetaConnect, AGRICOLA, ИНИОН), медицинским базам данных (MEDLINE и PubMed), а также англоязычным тематическим базам данных, например, библиографические базы данных по проблемам физики высоких энергий, информатики. Среди поисковых систем и путеводителей по периодике пользуются спросом PubList, Internet Public Library, HighWire. Зарубежные издательства предоставляют бесплатный доступ к оглавлению журналов и рефератам опубликованных в них статей. Наибольшее число обращений приходится на платформы издательств «Elsevier» (ScienceDirect) и «Springer» (SpringerLink). Особенностью зарубежных ресурсов является отсутствие стандартов библиографического описания и сведений о хранении документов. В то же время в них широко раскрыты содержательные аспекты – аннотации и рубрики. [8, С. 24]

Кроме библиографических баз данных поиск документов в Интернет может осуществляться по поисковым системам. Одной из популярных поисковых систем является Google Scholar (Гугл-академия). Она включает публикации из российских и зарубежных рецензируемых научных журналов; научных издательств, профессиональных сообществ, преподавателей университетов, а

также научные статьи из других интернет-источников. В отличие от других поисковых систем Google Scholar русифицирован и легкодоступен. Авторизированные пользователи имеют возможность расширенного поиска, подписки на обновления и оповещения, выгрузить сведения о публикациях и цитировании в систему управления библиографическими данными, например, EndNote, RefMan, BibTex.

Поисковая система CiteSeerX содержит публикации о компьютерных и информационных технологиях. Она не только находит ресурсы в свободном доступе, но и выполняет функцию электронной библиотеки. Используя ключевые слова, пользователь находит интересующиеся статьи, загружая их для полного просмотра. Особенность Microsoft Academic состоит в том, что поиск ориентируется не на ключевые слова, а на содержание запроса. Функция «Visual Explorer» позволяет увидеть, какие журналы и сборники оказали влияние на написание автором статьи и проследить цитирование статьи в других публикациях [9].

К последней группе библиографических источников относятся системы цитирования и заимствования (Скопус, РИНЦ, Веб Сайнс), а также профилированные информационные порталы, например, «Культура России», «Российское образование», информационно-справочный портал Library.ru и другие. База данных Web of Science помимо данных о цитировании предоставляет возможность тематического поиска и выбор инструментов для экспорта его результатов, в частности вывод библиографических описаний в библиографический менеджер [10, С. 71].

Обзор интернет-ресурсов и публикаций, посвященных им, показал, что в настоящее время технологии тематического поиска в библиотеках и цифровой среде различны. Разнообразие информационно-поисковых языков и тезаурусов, различие в отборе источников и составе библиографических записей затрудняет самостоятельный поиск информации. Это ведет к потере информации и выдаче большого числа нерелевантных публикаций. В основном пользователи используют русскоязычные поисковые системы, мало обращаясь к зарубежным источникам. Электронные каталоги и библиографические ресурсы библиотек открывают широкие возможности для осуществления информационного поиска. Этому способствует популяризация библиографических ресурсов, открытый доступ к источникам, а также использование многоаспектного поиска, в том числе и семантического – по классификационным индексам, предметным рубрикам и ключевым словам. Классификации являются перспективным средством представления знаний, поскольку позволяют управлять семантическими связями между поисковыми системами.

Содействие библиографического общества систематизации ресурсов Интернета приведет к эффективности и оптимизации информационного поиска. Перспективы такого взаимодействия видятся, во-первых, в определении критериев отбора документов для баз данных; во-вторых, в использовании научной и библиотечной классификации; в-третьих, в изучении электронных

библиографических ресурсов и представлении общей информации о них пользователям; в-четвертых, в исследовательской составляющей библиографической деятельности, позволяющей комбинировать и создавать новые виды библиографической продукции. Одной из таковых, стала вебблиография – сфера деятельности по организации интернет-ресурсов с целью облегчения информационного поиска пользователей. Взаимодействие библиографов и специалистов по информации способствует созданию единого информационного пространства и формированию библиографической культуры общества.

Источники

1. Власова С. А. Реализация тематического поиска в электронном каталоге Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук // Румянцевские чтения -2018: библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд на будущее: материалы Междунар. науч.-практ конф., (Москва, 24-25 апр. 2018 г.) М., 2018. Ч. 1. С. 145–149.
2. Ивановский А. А. Возможности поиска по классификационным индексам в электронном каталоге: опыт Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук // Петерб. библ. шк. 2016. № 4. С. 64–69.
3. Лаврёнова О. А., Павлов В. В. Библиотечно-библиографическая классификация как традиционная система организации знаний в среде открытых связанных данных // Науч.-техн. б-ки. 2017. № 4. С.44–60
4. Лаврёнова О. А., Винберг А. А. Современные пользователи библиотек и пространство связанных открытых данных // Библиотековедение. 2020. Т.69. № 3. С. 243–256.
5. Теплицкая А. В. Библиографические ресурсы РГБ в электронном формате // Моргенштерновские чтения – 2016: библиотеки регионов в цифровую эпоху: управление, ресурсы, технологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 6-7 октября 2016 г.). Челябинск, 2016. С. 122–128.
6. Решетникова О. В. Библиографическая информация онлайн: возможности и перспективы (опыт Российской государственной библиотеки) // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 4. С. 403–407.
7. Довбыш А. П. Научная электронная библиотека eLIBRARY: возможности использования в библиографической деятельности / А. П. Довбыш, Е. М. Смирнова // Вестн. Омского ун-та. 2013. № 3 (69). С. 174–177.
8. Евстигнеева А. Г. Современные тенденции применения веб-технологий в библиотеках // Науч.-техн. б-ки. 2017. № 4. С. 22–33.
9. Джабраилов Ю. М. Лучшие научные поисковые системы и электронные библиотеки // Международный журнал прикладных наук и технологий «Интеграл». 2018. № 1. – URL: <https://e-integral.ru/rubriki/integral-1-2018-20> (дата обращения 02.02.2020).
10. Ткачёва Е.В. Создание и использование тематических запросов в базах данных Web of Science и eLibrary: сравнительный анализ // Петерб. библ. шк. 2016. № 4. С. 70–74.

Markova T. B. (Library of Russian academy of sciences)

***THE OPPORTUNITIES OF BIBLIOGRAPHY AND INFORMATION
ENGINES OF SEARCH***

The article presents the most common sources of bibliographic information – electronic catalogs and library resources, electronic libraries, search engines and databases. Based on the review of bibliographic electronic resources, the possibilities of bibliography in the digital environment are considered. The interaction of bibliographers and programmers contributes to the systematization and ordering of information on the Internet.

Bibliography, Internet, electronic bibliographic resources, bibliographic databases, electronic libraries

УДК 101

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

УЧЕБНИК ПО ФИЛОСОФИИ В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Определены недостатки учебной литературы по философии, выделены психологические особенности современных студентов и связанные с ними тенденции в современном образовании, сформулированы методические проблемы, возникающие в ходе проектирования учебника по философии, и обозначены варианты их решения

Философия, методика преподавания, теория поколений, общество досуга, цифровая культура

Кризис учебной литературы по философии, предназначенной для студентов нефилософских специальностей, достаточно давно отмечается среди исследователей [1; 2]. Среди основных проблем, присущих учебникам отмечается: отсутствие методологии, субъективизм, фрагментарность, перегруженность информацией, поверхностность, упрощение материала, излишняя сложность изложения, низкая дидактическая культура, фактические ошибки, ретроградство или напротив радикальный модернизм и др. Противоречивость в выявляемых в учебной литературе недостатках связана с высокими требованиями, предъявляемыми к современной учебной литературе: она должна не только знакомить студентов с азами дисциплины, но и давать углубленные знания по изучаемому предмету и пробуждать интерес – одновременная реализация которых представляет собой проблему для добросовестного автора.

Отсутствие согласия о месте и роли философии, как учебной дисциплины, на нефилософских специальностях, также порождает определенные трудности при написании учебника. Если обратиться к федеральным образовательным стандартам высшего образования последнего поколения, то среди универсальных компетенций, которые могут быть закреплены за философией, можно назвать компетенции, связанные с развитием системного и критического мышления (УК-1 – способен осуществлять поиск, критический анализ информации, применять системный подход для решения поставленных задач), межкультурным взаимодействием (УК-5 – способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах) и самоорганизацией (УК-6 – способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни) [3]. Соответственно отбор и изложение учебного материала, а также применяемые педагогические

технологии, должны соответствовать вытекающим из стандартов целям: развитие критического мышления, ознакомление с философским контекстом межкультурного разнообразия, формирование установки на самосовершенствование и саморазвитие в течение всей жизни (столь характерную для философской позиции Сократа и Платона). Однако формальный подход и желание соответствовать букве стандартов может привести автора учебника к патовой ситуации, когда он окажется в роли постоянно отстающего от черепахи Ахиллеса, не успевающего за бюрократической машиной, постоянно вносящей изменения и уточнения в документацию, регулирующую образовательный процесс. С другой стороны, традиционное изложение истории философии или введение в систематическую философию не соответствует трансформации современной системы образования и тому количеству часов, которые отводятся на изучение предмета в современном вузе.

Не менее серьезные вызовы перед сообществом преподавателей философии ставят и трансформации, происходящие с современным обществом. Образование уже приобрело статус услуги, а соответственно с этим произошло изменение ролей субъектов образовательного процесса. Современный студент, воспитанный в обществе потребления и цивилизации досуга, часто не готов продираться сквозь сложную терминологию, особенно если цели и практическая польза этого процесса ему неочевидна, и предпочитает наглядно-образную подачу информации. Взросление с гаджетами в руках, по мнению ряда исследователей [4, 5, 6] сделало их цифровыми аборигенами, определив специфику сознания и поведения.

Среди характеристик «клипового» мышления, приписываемого поколению Z, чаще всего фигурируют фрагментарность, эмоционально-образный характер, неустойчивость, однако незаслуженно обходятся молчанием и его сильные стороны: алгоритмичность, модульность, рациональность, многозадачность, оценка информации как высшей ценности, на которые указывает Яркова Е. Н., призывая обратить внимание на ошибочное отождествление цифровизации и клиповизации [7].

В контексте образовательного процесса это означает, что студент поколения Z имеет возможность знакомиться с онлайн курсами, читаемыми ведущими специалистами мира, быстро теряет мотивацию, если не видит возможности использовать полученные навыки и знания на практике, а также если не ощущает себя активным соучастником образовательного процесса. Это достаточно искушенный массовой культурой и индустрией развлечений зритель, которого уже не так легко удивить и увлечь простыми презентациями, а любая интересующая его информация находится от него на расстоянии клика. Различные формы популяризации научного знания (проекты «Арзамас», «Постнаука», «Science Slam», «TED», «Блог злобного культуролога» и др.) играют против академической аудитории, приучая аудиторию к высокому уровню ораторского мастерства и визуализации информации. Проще всего популяризировать историю философии, подтверждением чему можно назвать

многочисленные проекты: серия графических философских романов «Платон и К^о» [напр. 8], философские комиксы [9, 10 и др.], книги по философии, ориентированные на детей [напр. 8], медиапроекты «Суть философии» (vk.com/philosyt), «Philosophy» от «The school of life» (<https://m.youtube.com/channel/UC7IcJI8PUf5Z3zKxnZvTBog>) и др. Однако подобная переработка философских идей хоть и способствует формированию мировоззрения и соответствует запросу аудитории на развлекательность, тем не менее закрепляет мемориальный статус философии в качестве культурного наследия. К тому же это не решает проблему отбора историко-философского материала в учебник.

Современный студент обладает множеством альтернатив учебнику: от Стэнфордской философской энциклопедии до статей, посвященных актуальным философским концептам и теориям, на развлекательно-образовательных порталах (<https://monocler.ru/>, <https://gorky.media/>, <https://knife.media/> и др.) – однако не всегда ими пользуется, ограничиваясь при подготовке к занятиям ресурсами с готовыми рефератами и докладами или, в лучшем случае, русскоязычной Википедией. Создание актуального цифрового учебника по философии могло бы решить эту проблему, предоставив студентам доступ к удобному цифровому инструменту, объединяющему в себе наглядность, многоуровневость подачи материала и практикоориентированность.

Одна из крупнейших образовательных платформ «Юрайт», специализирующаяся на учебной литературе, в последние годы активно занимается цифровизацией учебников и развитием цифровых навыков педагогов. Как указывается на сайте издательства, их учебники – это учебники последнего поколения «с современной теорией, актуальной практикой ее применения и практикумом, позволяющим отработать навык». Анализ учебной литературы по философии, представленной на сайте, позволяет разделить учебники, ориентированные на нефилософские специальности, на три группы: история философии, основы философии, комбинация истории философии с основами философии – что соответствует сложившимся традициям преподавания. Каждая из трех обозначенных траекторий предполагает решение сложных методических и педагогических задач: изучение истории философии требует серьезной и мотивированной работы с философскими текстами, для обсуждения философских проблем необходима хорошая историко-философская подготовка, которой не обладают студенты нефилософских специальностей, а попытки соединить историю и теорию философии в рамках одного учебника неминуемо приводят к серьезным пробелам в попытках объять необъятное. Мультимедийность представленных учебников сводится к возможностям пройти достаточно простые тесты после прочтения и просмотреть видеоролики к некоторым темам, причем число роликов ограничено, и они повторяются от учебника к учебнику. Представленный формат мало чем отличается от традиционного учебника и минимально использует возможности цифровизации и медиареальности.

Построение востребованного и у студентов, и у преподавателей учебника по философии связано с ответами на целеполагающие вопросы: «Для кого этот курс?» и «Для чего он им нужен?». Ответ на первый вопрос предполагает адаптацию и спецификацию учебного материала в соответствии с профилем обучающихся. В данном случае речь идет не столько о необходимости иллюстрировать философские теории и проблемы примерами из областей близких будущей специальности студента, сколько о необходимости показать связь философии с выбранной студентами областью знаний. Часто упоминание о том, что учебник предназначен для какой-то специальности, носит формальный характер (так далеко не в каждом учебнике по философии для технических специальностей предусмотрен раздел по философии техники и ее прикладным проблемам, связанным, например, с развитием искусственного интеллекта). Ответ на второй вопрос, позволяет определить подход к отбору и изложению материала. На страницах учебника философия может предстать как школа рефлексии, развивающая логическое, системное и критическое мышление студентов через знакомство со специфическими методами рефлексии – феноменологией, структурализмом, диалектикой и др. Ориентация на мировоззренческую функцию философии влечет за собой проблемный подход с обзором актуальных теорий, выработанных в философии для решения этических, социальных, методологических и др. проблем.

Согласимся с тем, что «концепция «Образование через всю жизнь» предполагает, что задача любого учебника – дать «не рыбу, а удочку», не готовый свод систематизированных фундаментальных знаний, а инструмент, позволяющий накапливать опыт сравнения и сопоставления информации разных источников, их критического переосмысления, творческой интерпретации, что необходимо для создания собственных текстов культуры и развития системного мышления; видеть за изложением фактов и их комментариями не только проблемы в конкретных сферах научного знания, но и осознавать их непосредственную соотнесенность с жизнью обучающегося, определять пути их решения» [12, с. 41–42]. Таким образом, актуальный и современный учебник по философии обречен стать инструментом, обеспечивающим зону ближайшего развития студента, что невозможно без использования возможностей, предоставляемых современным медиaprостранством, без учета психологических, возрастных и социальных особенностей обучающихся, а также без актуализации учебного материала и включения в учебники современных философских теорий и дискуссий.

Источники:

1. Труфанов С. Н. Об учебнике философии // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2007. №1. С. 98–107.
2. Шелковников А. Ю. Размышления о современном философском образовании // Проблемы современного образования. 2016. №3. С. 7–13.

3. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/92>
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. №9 (5-6); P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816
5. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
6. Gardner H., Davis K. The APP generation. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
7. Яркова Е. Н. Теория клипового мышления или эскиз картины регресса человеческого разума // Дискурс-Пи. 2019. №2 (35). С. 77–85.
8. Арменьо Ф. Носорог Витгенштейна. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
9. Ван Ленте Ф. Данлеви Р. Философы в действии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
10. Робинсон Д., Гривс Дж. Философия в комиксах. М.: Эксмо, 2018.
11. Цуканов А. Нескучная философия. СПб.: АСТ, 2017.
12. Ванюшкина Л. М., Тихомиров С. А., Куракина И. И. Медиакурс «искусство быть зрителем»: проблемы и перспективы проектирования современного учебника // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020. №2 (33). С. 39–68.

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PHILOSOPHY TEXTBOOK IN THE XXI CENTURY: TRENDS, PROBLEMS, PROSPECTS

Author shows the existing shortcomings of textbooks on philosophy. The article shows psychological features of modern students and related trends in modern education. Author formulates methodological problems that appears during designing philosophy textbook, and options for their solution are identified

Philosophy, teaching methods, Strauss–Howe generational theory, society of leisure, digital culture

УДК 111

К. А. Очеретяный (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: kocheretyany@gmail.com)

ОНТОПОЭЗИС ЦИФРОВОГО ОПЫТА: ПРИНЦИПЫ ДОМЕСТИФИКАЦИИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-169.2021.2. СПбГУ)

Цифровые оболочки наших гаджетов не только облегчают нам доступ к технологиям, но и прилагают к нам все более жесткие императивы. Выдвигаются такие требования по концентрации внимания, удержанию в памяти избыточной информации, ориентации в сетях коммуникации, которые предшествовавшие эпохи не знали. Наши психотехники, телесные техники, техники работы со вниманием, с чувством, желанием как бы не поспевают за технологиями и, конечно, рано или поздно встанет вопрос о техниках выживания в информационной среде. В данной статье показано, что такими техниками заботы о человеческом капитале могут быть компьютерные игры.

Человеческий капитал, компьютерные игры, техники заботы, медиа

В 1918 году Карл Бюллер выделил три функции языка. Согласно его подходу первые две функции (экспрессивная, или выразительная, а также сигнальная, или стимулирующая функции) – доступны животным. Например, животное выражает боль или радость, исходя из внутренних физиологических состояний (экспрессивная функция), а другими животными это выражение прочитывается как сигнал к действию или бездействию (сигнальная функция). Однако, третья функция – дескриптивная выходит за границы природы и принадлежит уже скорее культуре. Эта функция свойственна только человеку, который благодаря своей «эксцентричной позициональности» (по определению, Хельмута Плеснера) имеет свои корни не в том, что есть, а в том, чего нет – в экзистенциальной виртуальности. В отличие от животных человек может описывать то, что не имеет места, то что существует в мечте, в воле, в рассказе. Животные могут читать сигналы, следы, запахи, но в отличие от человека они не могут писать рассказы. В случае же человека рассказы – мифы, истории, теории переживают не только индивида, но и целые народы. Ученик Карла Бюллера – Карл Поппер, отметив возрастающую сложность машин и предположив, что со временем будет все сложнее отличить инструмент от актора добавил к трем перечисленным функциям языка четвертую – аргументативную [1, С.110–113]. Нечленораздельные звуки и болтовня, сопровождающая взаимодействия в группах, развиваются в потребность рассказывать истории: со временем становится ясно, что событие осуществляется уже не в телесно-

инструментальном взаимодействии, оно бестелесно и дает о себе знать в языке – в истории, в комментарии, в теории. Поппер, однако, видел только один экзосоматический орган – язык. Современная теория вслед за лингвистическим и иконическим поворотом выделяет медиаповорот акцентируя внимание на всем наборе посредников, используемых нами в коммуникативном взаимодействии и определяющих наш жизненный мир. Мы живем не только в рассказах, но и в образах, в технических интерфейсах, определяющих картины мира. А событие осуществляется не только в языке, или в акте выбора историй, но и в тех технических условиях, которые делают возможным общественное взаимодействие.

В «Письмах об эстетическом воспитании человека» Шиллер выделил три типа человеческого общественного взаимодействия: правовую, этическую и эстетическую [2, С. 200–293]. Власть внешнего принуждения (закона) в процессе истории уступает место этическому сознанию (императиву), но только эстетическая формация позволяет освободить человека от власти императивов, общественную практику – от деспотизма принуждения, дать место любви (как форме сознания себя и Другого) и игре (как форме деятельности, свободной от варварства утилитарных целей). По мысли Шиллера, игра – источник всех искусств и она же единственный принцип человеческой свободы: человек забывает о себе если его деятельность забывает о своем игровом истоке. В современном мире утопия Шиллера оказалась реализована – современная реальность предельно алгоритмизирована и эстетизирована, в ее производстве участвуют технологии больших данных, нейросети, дерева выбора решений, иммерсивные интерфейсы и т.д. Однако все это не освободило человеческую деятельность. Напротив, скорее не человек играет возможностями в цифровой реальности получая удовольствие от своей свободы, но цифровая реальность играет с ним: технологии обработки данных (Big Data, нейросети и т.д) предлагают ему решения, смысл которых он не может понять, а технологии взаимодействия (software- и hardware-интерфейсы) предельно ужесточают требования к имеющемуся у человека психофизиологическому ресурсу (адаптивности, личностного вовлечения, внимания, эмоционального отклика, оперативного вмешательства и т. д.)

Как и полагал Шиллер игра стала средством эмансипации. Но он не предвидел, что эмансипировано будет все кроме человека. Это предвидели русские космисты. Они показали, что смысл информационного взрыва, неизбежного в результате технологического развития, будет состоять в высвобождении смыслов, образов, событий, знаков, лиц и т.д. из предшествующих типов связи [3, С. 575–607]. Человек станет открыт всем эпохам, всем мифологиям, всем символам, а потому чрезвычайно усложнится. В стремительно изменяющемся мире человек хронически открыт неопределенности и вопрос стоит о возможности приручения этой неопределенности. Н. Федоров полагал, что приручить ее сможет общее дело, но цифровая реальность, существующая в открытости изменениям, нестабильности, требует скорее «депрофессионализации» дела –

общей игры. Общее дело уступает место тотальной игре: символическому обмену антропотехник. Антропотехники меняются от органона к агонону. Органон – вводит в уже имеющиеся контексты (знания, практик и т.д.). Агонон ($\acute{\alpha}\gamma\acute{\omega}\nu + \acute{\omicron}\rho\gamma\acute{\alpha}\nu\omicron\nu$) – создает контексты в их фактическом отсутствии. Агононическое действие не создает нечто, а проясняет, что собственного говоря делается. Оно является не прагматическим, а эпистемическим.

Общественная практика показывает, что значимые технические инновации действуют разрушительно на исторически-сложившиеся общности. Тем не менее, Н. Бердяев полагает, что в этом разрушительном воздействии видится не негативная, а продуктивная сила техники. Если органические тела «разлагая» неорганические, способны превращать их массу в энергию, используемую для своей жизни, то организованные тела, разрушая любые стихийно-сложившиеся «органические» образования, высвобождают содержащуюся в них энергию – и позволяют длительное время удерживать ее техническими средствами, а также взаимодействовать с ней [4, С. 345]. Сетевые коллективные тела, существующие по законам цифровой реальности, – продукт высвобождения и новой технической связи энергий, которые длительное время были скрыты в стихийных образованиях, и теперь вырвались наружу.

Делегирование технологиям многочисленных функций, которые были привилегией человека, привели к трансформации человеческого. Согласно устоявшимся представлениям, интерфейсы наших устройств делают сложные технологии доступными, приближают машину к нам, нашему пониманию, нашим установкам и привычкам. Однако, интерфейс со всем вниманием, которое уделяется его проектированию, дизайну не упростил человеческую жизнь. Стремительно возрастающие степени вовлечения внимания, требования к концентрации, уровень информационных перегрузок, свидетельствуют о противоположной тенденции: чем более интерфейс прост и доступен, тем более невыносимые требования он предъявляет к своему пользователю. В интерфейсе скорее не машина приближена к пониманию человека, а человек все более приближен к машине, заключен в мир высоких скоростей, избыточных информационных объемов, вызовов, требующих незамедлительных откликов. Интерфейс, таким образом, приближает не технологии к нам, делая их человекообразными, а наоборот нас к технологиям, лишая человеческий материал устоявшихся культурных форм, заставляя его претерпевать модификации, подчиняя новым требованиям к дисциплине, менеджменту внимания, контролю событий. Очеловечивание техники – ее приближение к человеку, расчеловечивает человека, отдаляя его от самого себя. Обратная сторона доступности техники – ее интерактивности, является интерпассивность человеческих сообществ. Уязвимость и незащищенность человека, вызванная развитием технологий, ускорением процессов коммуникации, требованием перманентного бытия-онлайн имеет обратной своей стороной уход в миф. Информационный шум заглушают через встраивание в малые идеологии (комиксы, кино блокбастеры, компьютерные игры), дающие легко обозримый мир.

Компьютерные игры, уже позволяют не транслировать историю иных состояний, а написать историю состояний собственных. Малые идеологии или новые мифологии дают опыт подлинности, который не дают иные среды. Логика современных коммуникативных процессов приводит к тому, что человечество все больше вытесняется в сферу мифа. И именно новые возникшие на технологическом базисе мифологии позволяют пережить то, что уходит из социальной коммуникации: тотальность персонального вовлечения. Компьютерные игры – парадокс по определению, ведь компьютер предельно утилитарный продукт прагматичной новоевропейской культуры (модерна), однако на высшем витке своего развития и распространения он начинает использоваться неутилитарным образом. Однако именно в этом отрицании утилитарности видится новый аспект деятельности: в компьютерных играх открывается возможность использования инструментов не для производства чего-либо (прагматическое действие), но для понимания того, что производится (эпистемическое действие). Компьютерные игры таким образом служат инструментами понимания новой онаученной инструментальной реальности – средствами проигрывания/продумывания новой социальной, политической, культурной, экзистенциальной ситуации человечества в мире технических медиа. Исследование аффективного, имагинативного и эпистемического ресурса социально-цифровой коммуникации и главным образом компьютерных игр – задача эпистемологии, претендующей на актуальность. Доцифровые (аналоговые) игры освобождают человека от сил природы, т.е. позволяют осмыслить природный потенциал психики и физиологии, а также использовать его не по назначению в ритуалах, обрядах и т.д. формируя культуру; цифровые игры, позволяют осмыслить арсенал культуры – всю сумму антропотехник, которые освободились от своих утилитарных целей и стали открыты современному человеку.

Источники:

1. Поппер К. Эволюционная эпистемология Князева Е. Н. (сост.) Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е. Н. Князева. М. Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 110–133.
2. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.–Л., 1935. С. 200–293
3. Федоров Н. Ф. Музей его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Сочинения. М. Мысль, 1982. С. 575–607
4. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. С. 318–363.

K. A. Ocheretyany (St. Petersburg State University, e-mail:
kocheretyany@gmail.com)

ONTOPOESIS OF THE DIGITAL EXPERIENCE: PRINCIPLES OF DOMESTIFICATION

The digital interfaces of our gadgets not only make it easier for us to access technology, but also impose ever more stringent imperatives on us. Such requirements are put forward for concentration of attention, retention of redundant information in memory, orientation in communication networks, which the previous eras did not know. Our psychotechnics, bodily techniques, techniques of working with attention, feeling, desire, as it were, do not keep up with the technologies and, of course, sooner or later the question of survival techniques in the information environment will arise. This article shows that computer games can be such techniques for caring for human capital.

Human capital, computer games, care techniques, media

УДК: 1:122:316.422

С. И. Пелевин (ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», e-mail: pelevin17@gmail.com)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Актуальность социально-философской рефлексии цифровизации как социокультурной сферы приобретает особую значимость в современном посткарантинном мире. Падения вывела цифровизацию постиндустриального общества на качественно новый уровень. В статье исследуются основные процессы цифровой трансформации современного общества в рамках социокультурных преобразований общественной жизни. По мнению автора, процессы развития современного общества релевантно описываются с помощью теории информационного общества и общества знаний. В рамках исследования раскрывается, что в теориях цифрового социума и общества знаний центральным является вопрос о стратегиях цифровых социокультурных практик и их последствий для общества и индивидов. Отмечено, что цифровизация социальных практик изменяет структуру и формы процессов коммуникации между социальными субъектами, а также динамику развития и функционирования различных элементов социальной сферы. В рамках исследования продемонстрирован механизм социокультурной регуляции процессов трансформации, в качестве которой в современном обществе выступает технологизация социальных практик. Приводится анализ технологического сдвига ценностных ориентаций, акцентируется внимание на связи социальных, культурных и цифровых изменений. С целью системного анализа автор раскрывает какие именно трансформации происходят в культуре и социальной системе, цикл развития которых намного продолжительнее, чем в экономике или в индустриальной сфере. Автор приходит к выводу о том, что в современном обществе технологический прорыв, связанный с процессами цифровизации, приводит к появлению новых угроз и рисков для социокультурной среды.

Социокультурная среда; цифровизация; общество знаний; технологизация; социокультурные риски; техносфера; трансформация.

Модернизация современного социума является разновекторным и неравномерным по своему характеру процессом и может быть представлено самым различным образом в рамках современных социокультурных теории. Среди теорий, описывающих процессы цифровой трансформации, следует особо указать на массив теории информационного общества и сопутствующие им концепции общества знания. По мнению автора, особую значимость имеет рассмотрение и анализ данных проблем характерных для описания процессов,

происходящих в современном российском обществе, ведь социокультурной сферы трансформирует структуру и формы процессов коммуникации между социальными субъектами и динамику развития и функционирования различных элементов социальной системы. В рамках современных социальных процессов становятся все более очевидными новые прагматические и динамические аспекты динамики знания, в результате чего знание становится не просто важным ресурсом модернизации социума, но и существенным фактором личностного роста и устойчивого существования индивида в активно трансформирующемся цифровом мире. Кроме того, современное общество можно репрезентовать как техногенное, в виду того, что его особенности порождены современными технологиями. Таким образом возможно говорить о цифровизации как факторе трансформации социокультурной сферы.

Цифровизация современного общества затронула все аспекты жизни общества. Пандемия лишь ускорила интервенцию техносферы в привычный образ жизни человека. Однако, рассматривая процесс технизации и цифровизации в рамках социально-философского анализа невозможно в отрыве от социокультурной трансформации, а также изменениями в политической и экономической сферах. Современные ученые, описывая социокультурную трансформацию, представляют ее в качестве транзитного процесса от индустриального общества к постиндустриальному. Однако, имплементация схожих технологий не продуцирует в различных локальных сообществах к идентичности модернизационных процессов не только в силу разнообразия социокультурных практик, но и в силу различия существующих практик социально-политических. Другими словами, процесс цифровой трансформации, который мы наблюдаем в технологизирующем обществе проецируется на конкретный социум и демонстрирует существенные различия от государства к государству. Более того, данный процесс проходит не равномерно и зависит от уровня постиндустриально развития и доступа к современным цифровым ресурсам.

Цифровая и техногенная трансформация доказала свое экономическое преимущество по сравнению с бюрократизированными классическими индустриальными процессами. Однако, экономическая выгода далеко не всегда приносит мягкую модернизацию в политическую сферу. США является ярким примером страны, в которой передовые цифровые технологии оказали положительный эффект на экономику с одной стороны, а с другой привнесли невиданные до этого страхи и риски, ассоциированные с цифровой интервенцией в стабильность политической системы. Так или иначе, технологизация при своей стабильной и глубокой интервенции ведет к изменениям в аксиологической сфере и поднимает новые проблемы аксиологии. Действительно, насущные и потенциальные проблемы ценностной ориентации общества не могут быть решены без учета цифрового мышления и образа жизни современного человека.

Техногенная революция общественной жизни в постиндустриального общества принесла серьезные изменения в ценностной сфере, внося свои

коррективы в социокультурную сферу, политику и экономическую сферу, этику и даже затронула религиозные устои. Существенно трансформировалась привычная жизнь людей, их потребности и ежедневные нужды. В виду того, что различные сферы социальной жизни модернизируются с разной скоростью, человек уверенно наблюдает за трансформациями, происходящими в экономической и материально-технических сферах, чуть хуже он понимает, как происходят изменения в политике, потому что они захватывают несколько больших период времени [1].

Тем не менее, в современном обществе поддержание устойчивости и целостности социокультурной системы, ее развитие на фоне растущей индивидуализации социальных субъектов и социокультурной фрагментации и децентрации фактически были бы невозможны без устойчивости расширяющихся информационных потоков и активного использования современных цифровых инструментариев. В свою очередь, в экономической сфере создание персонализированных продуктов было бы невозможно без сбора, обработки и распределения информации среди этих производителей. Цифровизация стала краеугольным камнем конкурентоспособности в жесткой экономической среде, особенно в случаях небольших экономических субъектах с большим разнообразием вариантов выпускаемой продукции. Менеджеры промышленных предприятий должны справляться со сложностью, которая характерна для Industry 4.0 в различных измерениях, чтобы использовать возможности цифровых технологий для своих сайтов. При этом развитие управляемых служб промышленной безопасности может способствовать стабилизации промышленной системы. Помимо этого, цифровизация значительно расширила возможности обработки и анализа массива информации и знаний об окружающем мире, так называемых «Big Data». Однако, что усложнение современных цифровых инструментов, в том числе и в области коммуникации сопрягает существование человека с различными новыми рисками, опасностями и угрозами. К примеру, генезис и активная имплементация новых технологий значительно трансформирует сенсорное восприятие человека среды, окружающей его, в результате чего происходит подрыв его самоидентификации. В посткарантинное время мы видим, что, к сожалению, процессы цифровизации лишь усугубили данную тенденцию нарастания рисков. Данные риски и угрозы социокультурной сферы является продуктом не только новых техногенных и социальных практик. Другими словами, в постиндустриальном обществе цифровой прорыв, связанный с процессами информатизации и цифровизации, приводит к появлению новых рисков для всех субъектов социума [2].

Цифровизация по сути является ведущей движущей силой социокультурного развития. Все больше властимущие перераспределяют технократам, а информация превратилась в важнейший ресурс общественного развития. В социальной философии при рефлексии трансформаций, происходящих в аксиологической сфере, часто отмечается, что общество, смотрящее на мир «техническими глазами», переживает кризис деантропологизации, для которого

характерны подчинение человека цифровым и технологическим средствам, воспроизведение техносферы в ущерб человеческим интересам и превращение человека в раба орудий труда. Цифровая трансформация социокультурной сферы базируется на массовом типе культуры, задающем особый образ жизни общества и обеспечивающем особую глобальную связь между различными обществами, переступившими некий минимальный порог технологизации.

Исследуя причинно-следственные связи трансформации в социокультурной сфере, сложно определить, что именно первично в этом постоянно модернизирующемся круге социальных изменений: цифровая сфера, задающая определенный стандарт жизни обществу или социальный запрос, востребующий и легитимирующий данные трансформации техногенной сферы. Тем не менее, ученому, исследующему долгий процесс, не имея временной дистанции, понятно, что волны технологизации продуцируют социокультурные трансформации, а они, в свою очередь, производят ценностные изменения, «многое из того, что считалось абсолютным, с течением времени обесценивается, и наоборот, новые моменты, нормы, ростки общественного бытия естественно будут порождать новые ценностные идеалы» [3]. В конечном счете социокультурная трансформация, когда она достаточно последовательна и глубока, всегда заканчивается изменениями аксиологической сферы и актуализирует проблемы аксиологии. Помимо этого, существующие и обозначающиеся в будущем проблемы не могут быть преодолены без анализа ценностей общества, потому что доминирующие в культуре ценности охватывают собой все сферы общественной жизни и регулируют поведение и нормативную систему общества.

Таким образом, социокультурная трансформация общества оказывается в тесной взаимозависимости от технической и технологической трансформации, несмотря на то, что они представляют собой различные, хотя и смежные процессы. Сложное взаимодействие происходит между путями развития этнических и национальных культур и процессом политической трансформации. К сожалению, зачастую сложным оказывается соотнесение нового политического режима с социокультурными религиями, ценностями, веками сформированной идентичностью [4]. В наше время аксиологическая проблематика актуализируется не вопреки, а именно благодаря цифровой трансформации и пандемия стала невольным катализатором донного процесса. Тем не менее, количество фундаментальных исследований снижается, уступая место прикладным, нацеленным на решение конкретных практических задач. Социальная философия призвана описывать базовые ценности общества и успешно справляется с задачей исследования социокультурной сферы, в которой цифровизация и технологизация становятся основными ресурсами общественного развития и базовыми ценностями [5].

Источники:

1. Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурных изменений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 4. С. 387–392.
2. Пелевин С. И. Особенности социально-философской рефлексии феномена технологии в условия информатизации постиндустриального общества // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 2. С. 159–167.
3. Кульжанова Ж. Т., Кульжанова Г. Т. Техногенные преобразования с самоизменением человека и общества // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1-2 (7). С. 168–170.
4. Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / ред. В. Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010. 318 с.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

S. I. Pelevin (Armavir State Pedagogical University)

**SOCIOCULTURAL REFLECTION
ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY**

The relevance of the socio-philosophical reflection of digitalization as a socio-cultural sphere is of particular importance in the modern post-warranty world. Pod-name lead the digitalization of post-industrial society to a qualitatively new level. The article examines the main processes of digital transformation of modern society in the framework of socio-cultural transformations of public life. According to the author, the processes of development of modern society are described in a relevant way using the theories of the information society and the knowledge society. The research reveals that the central issue in the theories of the digital society and the knowledge society is the strategies of digital socio-cultural practices and their consequences for society and individuals. It is noted that the digitalization of social practices changes the structure and forms of communication processes between social actors, as well as the dynamics of the development and functioning of various elements of the social sphere. The study demonstrates the mechanism of socio-cultural regulation of transformation processes, which in modern society is the technologization of social practices. The analysis of the technological shift in value orientations is given, and attention is focused on the relationship between social, cultural and digital changes. For the purpose of system analysis, the author reveals exactly what transformations are taking place in the culture and social system, the cycle of development of which is much longer than in the economy or in the industrial sphere. The author comes to the conclusion that in modern society, a technological breakthrough associated with the processes of digitalization leads to the emergence of new threats and risks for the socio-cultural environment.

Sociocultural environment; digitalization; knowledge society; technologization; sociocultural risks; technosphere; transformation.

УДК 159.964.21

Е. В. Пирайнен (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evpirainen@gmail.com)

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ САМОРЕФЛЕКСИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Рассматривается явление самопрезентации в цифровой среде. Исследуется взаимосвязь саморефлексии и самопрезентации для создания и поддержания имиджа. Обозначаются проблемы самоидентификации, обусловленные возможностями цифровой среды.

Самопрезентация, саморефлексия, персональный имидж, успех, Phygjital-коммуникация

Одной из ведущих философских проблем гуманизма XXI века является проблема успеха. Успех – это своеобразный индикатор переживания человеком последствий собственных стремлений, т.е. его отношение к себе, а также показатель его положения социуме, т.е. отношение к нему других. Успешный человек – это человек, ставящий перед собой перспективные цели и умеющий грамотно их достигать: своевременно, с минимальными затратами энергии, в гармонии с жизнью и обстоятельствами. Сегодня нацеленность на успех культивируется как определенный стиль поведения и жизни. Это проявляется в том, что интерес человека направляется на самого себя, а его деятельность – на преобразование окружающей действительности.

Критерии успеха неоднозначны: внешне это может быть материальное и социальное благополучие (доход, карьера, интересный круг общения и др.), внутренне – это ощущение гармоничности своей жизни, позитивное отношение к жизни, внутренняя удовлетворенность, вера в себя и свои возможности.

В этой связи особую актуальность приобретает самопрезентация как способ подачи себя социуму. Главная цель самопрезентации – завоевание интереса к своей персоне. [1]

Современная цифровая реальность дает множество инструментов самопрезентации. Сегодня на первый план выходит Phygital-коммуникация. Термин «phygital», хотя еще не имеет широкого применения, но, по мнению аналитиков, именно этот термин наиболее точно отражает объединение двух реальностей – физической и цифровой, поскольку его формула включает в себя «Physics + Digital = Phygital». Основная идея заключается в том, чтобы, используя сильные стороны двух измерений направить их на прогрессивное развитие, как отдельного человека, так и всего социума. Особенность Phygjital-коммуникации в ее нелинейности и возможности передавать объемную многоплановую информацию, доступную в любое время в любом месте, причем не только для восприятия, но и

для дальнейшей передачи через посты, сторис, прямые трансляции и т. п. Тема Phygital-взаимодействия в настоящее время является предметом особого внимания, поэтому особую актуальность приобретает самопрезентация через соцсети. Социальные сети, сегодня выступают площадкой для самопрезентации и дают новые формы представления себя в виртуальном пространстве, так как их формат предполагал максимальную приближенность создаваемого виртуального образа к реальной личности.

Существует несколько основных каналов коммуникации в соцсети: фотографии, видео, сторис и комментарии к постам. Взаимосвязь самопрезентации личности с личностными чертами является предметом анализа многих исследователей. Так, например, по мнению Р. Викланда, человек формирует мнение о себе через оценку его другими людьми. В процессе осознания чужих оценок возникает особое психологическое состояние – состояние объективного самосознания. Такое состояние сфокусированного на себе внимания возникает время от времени в повседневной жизни как результат внимания к индивиду со стороны окружающих. Объективное самосознание включает фокусировку внимания индивида на самом себе и на своем представлении о том, как его воспринимают и оценивают другие люди (т. е. рефлексия себя) [2]. Именно этой цели удовлетворяют сегодня соцсети, где профиль способствует поддержанию определенного социального имиджа. Фото в профиле поддерживает необходимый уровень успешности, а лайки способствуют подтверждению этого факта. В последние несколько лет продолжается самый настоящий бум социальных сетей. Социальная сеть помогает людям раскрывать себя с новой стороны и даже зарабатывать деньги. Сампрезентация в сети – это красивая качественная картинка. Профессиональные блогеры, например, часто прибегают для создания своего контента к помощи профессиональных фотографов и устраивают съемки на различных пафосных мероприятиях, в шикарных шоу-румах мебельных центров и в дорогих машинах, обеспечивая тем самым флер своей успешности.

Но возникает проблема, как в погоне за деньгами, лайками и подписчиками не потерять свое настоящее «я». Все чаще стали появляться случаи психологической зависимости и даже раздвоения личности среди профессиональных пользователей соцсетей, когда в реальности живешь одну жизнь, а в соцсети описываешь совершенно другую.

Р. Викланд объяснял, что в основе самопрезентации лежит саморефлексия. Каждый человек рефлексировал о своей жизни, поступках и собственном развитии. Понятие рефлексии как осознанного познания себя появилось еще в Древней Греции. Сократ считал, что самопознание – наиболее важная задача человека. Платон связывал понятие рефлексии с благоразумием – знанием о самом себе. Позже Джон Локк определял рефлексию как основу жизненного опыта, который помогает человеку развиваться. Саморефлексия – это способность разбираться в себе. Смотреть на свои поступки, чувства и эмоции со стороны и на их основе делать выводы, чтобы идти дальше, конструктивно

проживая разные жизненные события. С развитым навыком саморефлексии можно даже контролировать свои мысли. Концепция объективного самосознания Р. Викланда нашла свое развитие в работах А. Фенигштейна, М. Шейера и А. Басса. Они предположили, что самосознание может быть личностной чертой. Некоторые люди постоянно осознают себя, в то время как у других такое качество отсутствует. На основе этого предположения А. Бассом был разработан опросник «Шкала Самосознания», включающий 38 пунктов, касающихся разных аспектов самосознания: чувства, поглощенности прошлым, настоящим и будущим поведением, поглощенности внешностью, значимости уважения в глазах других и т. д. Опросник предъявлялся 2000 респондентов. На основе их ответов был проведен анализ, в результате которого были выявлены три фактора.

Личное самосознание – фактор, включающий пункты, которые обращают внимание на реальные чувства.

Публичное самосознание связано с интересом к себе как к социальному объекту

Социальная тревога относится к возможности индивида теряться вследствие социального внимания [3].

Эти результаты позволили сделать предположение, что люди отличаются в той степени, в какой они постоянно осознают себя каждым из этих способов. Эти различия в самоосознании приводят к различиям в поведении. Например, люди, обладающие более высоким уровнем публичного самосознания, более склонны соглашаться с группой, даже когда группа, очевидно, ошибается. Таким образом, авторы концепции проводят связь между самопрезентацией и личностными чертами.

Американский психолог М. Снайдер высказал предположение о том, что не все люди в одинаковой степени управляют впечатлением о себе. Одни люди выстраивают свое поведение, руководствуясь своим внутренним (реальным) Я. Другие руководствуются впечатлением, которое хотят произвести. М. Снайдер называет саморефлексирующими людей, которые в своем поведении руководствуются проективным Я, т. е. рефлексией чужих мнений и оценок. Согласно исследованиям М. Снайдера, высоко саморефлексирующие люди отличаются от низко саморефлексирующих. Так люди с высоким уровнем саморефлексии интересуются социальным соответствием своей самопрезентации, внимательны к поведению других для самовыражения, способны контролировать самопрезентацию, и видоизменяют ее в зависимости от ситуации. Теория М. Снайдера является сегодня одним из самых распространенных психодиагностических инструментов в исследованиях процессов самопрезентации и управления впечатлением.

Таким образом, согласно исследователям Викланда, Снайдерса и др. основой самопрезентации выступает именно саморефлексия. Поэтому уровень адекватности самопрезентации зависит именно от того, как воспринимает себя индивид. Потенциал цифровой среды дает много возможностей для создания

и поддержания любого образа, но обнаруживает проблему потери собственного я из-за неадекватной самооценки. Особую актуальность эта проблема приобретает в виду того, что интерес к феномену самопрезентации растет, и ценность самопрезентации как предмета научного познания все более явно ощущается в условиях мировой глобализации и интенсивного развития информационных технологий.

Источники:

1. Гоффман Э. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц; Кучково поле, 2000.
2. Мамина Р. И. Искусство самопрезентации. СПб.: ИД «Петрополис», 2017.
3. Михайлова Е. В. Самопрезентация. Теории. Исследования. Тренинг. СПб.: Речь, 2007.

E. V. Pirainen (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SELF-PRESENTATION AS A RESULT OF SELF-REFLECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

The phenomenon of self-presentation in the digital environment is considered. The article examines the relationship between self-reflection and self-presentation for creating and maintaining an image. The problems of self-identification caused by the possibilities of the digital environment are identified.

Self-presentation, self-reflection, personal image. success, Phygjital-communication

УДК 159.93:17.02:17.035

А. И. Пономарёв (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail aiponomarev@etu.ru);

К. Г. Фролов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail kgfrolov@etu.ru)

ВОСПРИЯТИЕ ЭМОЦИЙ В ДИСКУССИИ О МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

(Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-703.2021.2 Натуралистическая эпистемология агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта)

Доклад посвящен анализу возможности наделяния искусственного интеллекта моральной ответственностью. Отличительной особенностью морального агента является способность к пониманию личности другого, по отношению к которому совершается действие. При этом одна из наиболее перспективных теорий понимания другого – теория личностной модели А. Невена – исходит из возможности непосредственного восприятия ментальных состояний окружающих, таких как эмоции. В таком случае, если понимание другого определяется способностью к прямому распознаванию эмоций, то искусственный интеллект не может быть признан способным в достаточной мере понимать людей, и, следовательно, не может быть признан моральным агентом.

Теория личности, теория восприятия, перцептивные переживания, расширенное содержание переживаний, восприятие эмоций, моральная ответственность, моральная агентность, народная психология, теория симуляции, репрезентационализм

В современном мире существует много попыток решить проблему моральной ответственности искусственного интеллекта. Моральной ответственностью может обладать такая сознательная система (человек или группа людей), которая 1) непосредственно влияет на события, за которые назначается моральная ответственность, 2) знает о последствиях своих действий, 3) свободна в выборе своих действий [1]. Для признания искусственного интеллекта морально ответственным исследователями предпринимаются разнообразные усилия. Некоторые теоретики предлагают отказаться от тех или иных условий, чтобы искусственный интеллект смог быть признан морально ответственным [2]. Другие предлагают ввести особый вид моральной ответственности для искусственного интеллекта и относиться к нему так, как мы сейчас относимся к животным или к адвокатам [3]. Однако порой в подобных дискуссиях

упускается из виду, что моральным агентом может быть только сознательная личность. Особенностью сознательной личности является то, что она определяет себя во взаимодействии с другими личностями и для этого должна быть способна понимать, с какими личностями взаимодействует. В связи с этим проблематика эпистемологии личности оказывается весьма актуальной и востребованной в контексте дискуссий о моральной ответственности искусственного интеллекта.

Существует ряд теорий, которые объясняют, как происходит понимание другого: теория народной психологии, теория симуляции, теория прямого восприятия [4].

Теория народной психологии (Folk psychology theory) полагает, что для понимания другого мы распознаем их ментальные состояния, в первую очередь убеждения и желания, и затем делаем предсказания о дальнейшем поведении [5, 6]. Несмотря на очевидность данного тезиса, существует много контрпримеров к данному подходу: в ряде случаев понимание другого никак не включает объяснение его действий исходя из желаний. В частности, младенцы в очень раннем возрасте могут распознавать эмоции родителей: если родитель при общении с младенцем имеет радостное лицо, младенец отвечает смехом, если же лицо родителя грустное или эмоционально нейтральное, то младенец отвечает плачем [7].

Теория симуляции (Simulation theory) представляет собой иной подход к пониманию личности другого [8]. С точки зрения этой теории, один человек понимает другого благодаря тому, что ставит себя на его место и пытается представить, что бы он испытывал, если бы находился на месте другого. Модель теории симуляции основывается на работе так называемых зеркальных нейронов. Когда человек видит эмоции другого, например нахмуренное выражение лица, в его мозге активируются нейроны, отвечающие за аналогичные эмоции. Теория симуляции имеет ряд преимуществ по отношению к теории народной психологии. В частности, теория симуляции позволяет объяснить, как возможно понимание младенцами эмоционального состояния родителей. Наблюдения показывают, что у младенцев еще в очень раннем возрасте проявляется высокая активность зеркальных нейронов. Однако ограничения теории симуляции также очевидны: если ментальные состояния каждого человека являются всякий раз по-своему уникальными и индивидуальными, то никакие два человека не могут находиться в одном и том же состоянии, а потому полное понимание оказывается принципиально недостижимо. Такой подход можно применять в тех случаях, когда нет необходимости точного знания ментальных состояний другого, поскольку любая симуляция всегда будет давать только приблизительное знание.

Теория взаимодействия (Interaction theory) [9] в свою очередь утверждает, что для понимания других необходимо не только наблюдать за ними, но и взаимодействовать с ними. Восприятие не является пассивным процессом, оно требует активных действий от воспринимающего субъекта. В упоминавшемся

выше исследовании показано, что у младенцев распознавание эмоций родителей происходит не при пассивном наблюдении, а при активном взаимодействии младенцев с родителями. Младенцы своим поведением показывают, каких эмоций они ждут от родителей, и их плач вызван во многом недовольством тем, что родители «неправильно» реагируют на их «требования». Тот факт, что младенцы еще до развития когнитивной системы могут распознавать эмоциональные состояния родителей, свидетельствует в пользу непосредственного восприятия ментальных состояний другого человека.

Традиционно считается, что с помощью восприятия человеку доступны немногие свойства предметов (в случае зрения такими свойствами обычно называют цвет и размер предметов). Однако в последнее время активно развивается концепция расширенного содержания ментальных состояний (в англоязычной литературе эта концепция получила название *rich content view* или *liberal-content view*). Согласно данному подходу через восприятие человеку доступны такие качества как принадлежность к классу, причинно-следственные связи. Данная концепция развивается в рамках репрезентационализма, согласно которому феноменальные качества являются частью репрезентационального содержания. Можно продемонстрировать эту позицию на примере восприятия свойства принадлежности к классу «знакомые предметы». При взгляде на знакомый предмет человек получает перцептивные переживания, несколько отличные от тех переживаний, которые он имел при первом взгляде на тот же предмет. Если сам предмет не изменился, значит перцептивные переживания в первом и во втором случае могут отличаться только феноменальными качествами (квалиа). В рамках репрезентационалистского подхода, разница в феноменальных качествах может быть объяснена только разницей в репрезентациональном содержании. Следовательно, человек действительно воспринимает принадлежность предмета к классу «знакомые предметы» [10, 11].

Следует признать, что все три представленные выше модели понимания другого используются в повседневной жизни в разных ситуациях. В связи с этим А. Невен предлагает свою так называемую теорию личностной модели (*Person model theory*), которая представляет собой синтез этих трех подходов [4]. При этом непосредственное восприятие чужих эмоциональных состояний остается в рамках данной концепции одной из базовых стратегий понимания другого.

Более того, А. Невен выдвигает утверждение, согласно которому эмоциональные состояния другого человека являются частью расширенного содержания перцептивных переживаний (*liberal-content view*). Таким образом, концепцию Невена о непосредственном восприятии эмоциональных состояний другого можно свести к нескольким положениям. Во-первых, распознавание эмоций другого возможно не только у младенцев, но и у животных, таких как собаки. Это означает, что распознавание эмоций является важным эволюционным фактором, доступным живым организмам с достаточно развитой когнитивной системой. Во-вторых, восприятие эмоций построено на распознавании конкретных поведенческих паттернов, свидетельствующих об эмоциональном

состоянии. Когда человек смотрит на лицо другого человека, он видит не только выражение лица, но и конкретные детали (паттерны), такие как нахмуренные брови, расширенные зрачки, которые свидетельствуют о конкретных эмоциональных состояниях, таких как гнев или страх. В-третьих, восприятие эмоций подвергается влиянию когнитивной системы воспринимающего субъекта (cognitive-perceptual penetration, CPP). Страдающему от болезни Паркинсона человеку очень трудно контролировать выражение лица. Если воспринимающий субъект будет знать, что смотрит на человека с болезнью Паркинсона, он не будет видеть гнев глядя на нахмуренные брови [12].

Эмоции не зря попадают в центр эпистемологической дискуссии о личности. Отличительной особенностью эмоциональных состояний является их прямая связь с эмоциональным поведением. Даже если эмоциональное поведение можно имитировать, то это сделать достаточно сложно. Если человек смотрит театральную постановку или фильм, то у него есть ряд оснований не доверять выражению лица актера, потому что актёры умеют контролировать своё эмоциональное поведение и учатся этому достаточно долго. Люди с болезнью Паркинсона не могут контролировать своё эмоциональное поведение, но знание о болезни также является поводом не доверять выражению лица. При знании контекста полная имитация эмоционального поведения невозможна. Поэтому прямое восприятие эмоциональных состояний другого человека является одним из главных механизмов идентификации личности этого человека. Личность представляет собой набор ментальных состояний, но эмоциональные состояния являются наиболее характеристичными.

Приведенные рассуждения можно применить к дискуссии вокруг искусственного интеллекта. В рамках данного подхода искусственный интеллект не может быть признан личностью в силу того, что он неспособен испытывать эмоциональные состояния. В качестве возражения иногда приводят в пример чат-ботов. Действительно, боты способны демонстрировать определённые формы *эмоционального поведения*. Например, они могут отправлять смайлики в сообщениях. Однако на такое возражение можно ответить, что общение через чат не предполагает прямого восприятия эмоций. Общение с помощью чата предполагает семантическую интерпретацию символов, что лишает *эмоциональное поведение* прямой связи с гипотетическими *эмоциональными состояниями*, поэтому такое эмоциональное поведение не позволяет судить о понимании искусственным интеллектом личности своего собеседника.

Возможность непосредственного восприятия чужих эмоциональных состояний является одной из основных стратегий понимания личности другого. В силу того, что искусственный интеллект не способен к такому восприятию, а также не способен испытывать какие-либо эмоции сам, его признание личностью затруднительно. Если же моральной агентностью может обладать только сознательная личность, способная к пониманию других личностей, то искусственный интеллект не может быть признан моральным агентом.

Источники:

1. Noorman, M. Computing and Moral Responsibility. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/computing-responsibility> (дата обращения 15.02.2021)
2. Powers T. M. On the moral agency of computers // *Топoi*. 2013. № 32 (2). P. 227–236.
3. Johnson D. G., Powers T. M. Computers as surrogate agents. In J. Van der Hoven and J. Weckert (eds.) *Information technology and moral philosophy*. 2008. Cambridge University Press, New York, USA. P. 251–269.
4. Newen A. Understanding Others – The Person Model Theory. In T. Metzinger & J. M. Windt (Eds). 2015. *Open MIND*. 26 (Т). Frankfurt am Main: MIND Group.
5. Baron-Cohen S. *Mindblindness. An essay on autism and theory of mind*. 1995. Cambridge, MA: MIT Press.
6. Gopnik A. How we know our minds: The illusion of first-person knowledge of intentionality // *Behavioral and Brain Sciences*. 1993. № 16 (1). P. 1–14.
7. Griffiths P. E. *What Emotions Really Are. The Problem of Psychological Categories*. 1997. Chicago, IL: Chicago University Press.
8. Goldman A. I. *Simulating minds. The philosophy, psychology, and neuroscience of mindreading*. 2006. Oxford, UK: Oxford University Press.
9. Gallagher S. Direct perception in the intersubjective context // *Consciousness and Cognition*. 2008. № 17 (2). P. 535–543.
10. Siegel S. *The Contents of Visual Experience*. 2010. New York: Oxford university press.
11. Пономарев А. И. Можем ли мы видеть свойства высокого порядка? *Дискурс*. 2017. №3, с. 44–51
12. Newen A. Defending the liberal-content view of perceptual experience: direct social perception of emotions and person impressions. *Synthese*. 2017. № 194. P. 761–785

A. I. Ponomarev, K. G. Frolov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PERCEPTION OF EMOTIONS IN THE DISCUSSION OF AI MORAL RESPONSIBILITY

The paper examines if it is possible for AI to be a moral agent. The distinctive feature of a moral agent is the ability to understand other persons to evaluate their actions. One of the most promising strategies of understanding others is the direct perception of their mental states such as emotions. If the understanding of others is essentially based on direct perception of their emotions then AI could not be a moral agent.

Theory of person, theory of perception, perceptual experience, rich content of experience, emotions perception, moral responsibility, moral agency, folk psychology, simulation theory, representationalism.

УДК 1.101; 378.016

Д. В. Прокофьева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: Janis-maverick@yandex.ru)

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Данная статья посвящена осмыслению значения философии как учебной дисциплины в формировании ценностных ориентиров и мировоззренческих основ жизни человека. Роль философии вырисовывается через её функции как в научном познавательном процессе, так и в становлении личности отдельного индивида, поскольку влияет на осознанное формирование и осмысление жизненных установок людей и существующих в обществе ценностей, способствует вовлечению человека в социальную жизнь и в процессы рефлексии и самопознания, развитию ответственности, нацеленности на диалог.

Философия образования, отчуждение, образование, ценности, мировоззрение

Дискуссии о необходимости и важности философии как образовательной дисциплины не ведутся прямо и открыто, но при этом не теряют своей актуальности, и в сегодняшних преобразованиях мы видим крен в сторону негативных тенденций. Они проявляются, в частности, в уменьшении часов преподавания дисциплины в высших учебных заведениях, – за последние десять лет во многих вузах курс философии сократился с академического года до одного семестра. В подобных действиях просматривается пренебрежительное отношение к самой дисциплине, которая в таких условиях превращается в беглый ознакомительный экскурс в историю философской мысли, зачастую – в перечисление имён, терминов, ключевых концепций. Это может сказываться и на качестве преподавания предмета, когда преподаватели видят отсутствие мотивации и, часто, заинтересованности у студентов, особенно тех, кто далёк в своём основном профиле подготовки от гуманитарных дисциплин.

Всё это заставляет, с одной стороны, пересматривать и реструктурировать сами курсы философии, подводя их под меняющиеся стандарты и требования, жонглируя формами подачи материала, пытаться вместить в них нужное содержание, чтобы при этом вызвать заинтересованность студентов, а с другой – задаваться риторическим вопросом о резонности проводимых образовательных реформ, в частности, сокращения часов преподавания гуманитарных дисциплин.

Современная российская школа высшего образования балансирует между опытом советским и европейским. Благодаря Болонскому процессу мы получили двухступенчатую структуру обучения в вузе, большую доступность высшего образования, в частности, – столичного для абитуриентов из регионов;

балльно-рейтинговую систему и непереносимое использование тестов. От советского прошлого нам достались образовательная программа с набором базовых обязательных дисциплин, определённая форма проведения экзаменов и некоторые другие образовательные традиции. На наш взгляд, бесспорно положительный момент – внесение философии в список обязательных для изучения дисциплин.

Несмотря на попытки унифицировать философию и поместить в строгие рамки, как вузовская дисциплина она сохраняет свои важнейшие и органичные свойства, как то: самокритичность, стремление к истине, отказ от догматичности, стандартизации и застывших форм. Она не только даёт студенту определённый набор знаний, но и ставит своей целью побудить к размышлению и рефлексии, даёт возможность напрямую задаться базовыми экзистенциальными вопросами, ответы на которые способствуют формированию более зрелого и целостного мировоззрения, развивают критическое мышление, логику, аргументацию, умение дискутировать. Одним из следствий обращённости философии на самоё себя и побуждения к этому человека является постановка вопросов о ценностях – как индивидуальных, так и общественных.

Определённые ценности и нормы закладываются индивиду уже в раннем детстве, в процессе освоения мира. Впоследствии они могут стать жизненными принципами, – часть из них составит своего рода базис, на который человек будет опираться всю жизнь, часть же тех, что не имеют под собой реального основания и рационального объяснения, такую проверку не пройдёт, и постепенно будет отсеиваться, иначе говоря – отчуждаться, и это – естественный процесс формирования внутренних убеждений. Если же мы говорим о сформировавшейся личности, то в какой бы ситуации человек не оказался, поступать он будет согласно своим нравственным ориентирам и установкам, а внешние условия станут проверкой самой сущности и устойчивости нравственных приоритетов и моральных принципов. Нравственный стержень составляет духовный ориентир человека и его внутреннюю культуру, а, следовательно, влияет и на общество. Диалектичность процесса заключается в том, что изменения в моральных установках общества касаются нравственных ориентиров его членов, отдельно взятых личностей, которые, в свою очередь, оказывают влияние на социум.

Экономические кризисы, политические встряски и прочие трансформации в обществе провоцируют социальные конфликты, колебания и нестабильность в том числе в морально-нравственной сфере. На наш взгляд, очень точно характеризует состояние человека конца XX – начала XXI века термин «экзистенциальный вакуум», предложенный австрийским психиатром и психологом В. Франклом. Так Франкл обозначает состояние человека, который оказался потерянным, утратил вектор движения, остался без опоры на принципы и какие-либо прочные социальные установки, модели. Причиной же возникновения «экзистенциального вакуума» он видит «упадок универсальных ценностей» [1, С. 295]. Духовная составляющая жизни индивида отстывает на

второй план, привычные ценности и смысл утрачивают своё первоначальное значение, и возникает перекося в сторону удовлетворения материальных потребностей. То, что мы называем жадностью обладания и потребления, становится своего рода ответом на эту внутреннюю пустоту, которая требует своего заполнения.

К. Маркс полагал, что появление частной собственности сделало основополагающим и движущим желанием обладания, которое вытеснило многие другие потребности, привело к отчуждению людей друг от друга, к более одностороннему восприятию мира. Впоследствии Э. Фромм развивая идеи К. Маркса, подчеркивал: «Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. Если человек считает высшей целью доход, труд и экономию, трезвость и прочее, он упускает из виду подлинно моральные ценности: богатство чистой совести, добродетели. В состоянии отчуждения каждая сфера жизни не связана с другими (экономика с моралью и т.д.). И это специфическая особенность царства отчуждения, где каждый вращается в кругу своей собственной отчужденности и никого не трогает отчужденность других людей (чужая боль)» [2, С. 375-414]. То есть в таком отчуждённом состоянии теряется взаимосвязь материального и духовного, личность становится как бы раздробленной и уходит от своей целостности. Фромм сделал акцент на том, что до определённого времени капитал стоял на службе человека и способствовал достижению его единственной цели – спасению души, но с наступлением определённого исторического периода стал его хозяином, превратив человека всего лишь в деталь огромной экономической машины, в средство для получения экономической выгоды и прибылей. В полной мере такое отчуждение проявилось в капиталистическую эпоху.

Основу для развития такой рабской сущности человека заложили ещё М. Лютер и Ж. Кальвин, распространяя идеологию протестантизма, суть которой состояла в признании ничтожности человека перед Богом, его греховности, порочности и бесполезности любых усилий. Характерной чертой протестантской этики является фатализм – вера в возможность спасения лишь тех людей, кому это предназначено Богом (к ним, безусловно, относились сами протестанты) и в обречённость прочих. Таким образом, человек, ощущая свою ничтожность, готов подчинить себя служению высшим целям, то есть Лютер и Кальвин психологически подготовили человека к служению капиталу, для которого человек – лишь орудие и средство вследствие господства рабской идеологии. Капитализм подавляет способности человека, калечит его духовную сущность, не позволяя ему развиваться как творческому существу, а потому он является абсолютно чуждым человеческой сущности. Опредеичивание принимает форму отчуждения тогда, когда процесс, условия и результаты труда принадлежат не самому человеку, а другому, что и составляет основу утраты рабочим самого себя. При этом, помимо явного отчуждения в экономической сфере, обнаруживает себя и извращение сущности человека, которая становится лишь проявлением животных устремлений. Индивид начинает

воспринимать свои потребности и инстинкты как саму суть своего существования, а труд – как средство, необходимое для их удовлетворения. Вследствие всех этих причин труд зачастую расценивается как наказание, отнимающее у человека время его жизни, которая по-настоящему может быть прожита только в свободное от работы время. Таким образом, труд не раскрывает творческие задатки и потенциал человека, и парадокс заключается в том, что смыслом и целью зачастую становится именно отдых от работы, и состоит он в бесконечном удовлетворении своих желаний.

Однако дух протестантства, сильно повлиявший на формирование европейской культуры, не свойственен для России, ибо культура нашей страны развивалась под неоспоримым влиянием восточного христианства и культурно-исторических особенностей, названных в XIX веке соборностью. В советский же период был взят курс на социализм, который, соответственно, также отвергал индивидуалистическую протестантскую идеологию, но уже основываясь на коллективизме. Во многом благодаря успешности коммунистической идеологии, мотивировавшей людей на служение государству во имя светлого будущего, страна превратилась в державу с развитой индустрией, массовой грамотностью, первоклассными наукой и образованием, смогла поднять материальное благосостояние народа, его культурный уровень и, конечно, выдержать испытания Великой Отечественной войны.

Кризис советской эпохи, в том числе и аксиологический, явно проявился в перестройке середины 80-х годов XX века, и в корне пошатнул все те установки, на которых базировался остов советской государственности – произошло «разрушение коллективных представлений, представлений о национальных интересах, представлений о целостности общества, воспринимавшихся как наследие тоталитаризма» [3, С. 234]. Национальные интересы были отвергнуты во имя гуманистических и общечеловеческих ценностей: идеология «нового мышления» предполагала «европеизированный» облик государства. Однако, на деле получилась «вульгаризированная» версия либерализма, утверждающая, что общественные интересы являются лишь фикцией, а реально ценны исключительно индивидуалистические устремления, которые, при этом трактовались как имеющие своей целью получение максимальной выгоды. Затем национальные и культурно-исторические традиции были отодвинуты на второй план под воздействием повсеместного распространения западной «массовой культуры», имеющей свои истории и шаблоны. Иными словами, реальной, созидательной альтернативы отвергнутым ценностям предложено не было. В итоге граждане были вовлечены в процесс адаптации к условиям турбулентности и элементарного выживания.

Сегодняшние обновлённые общественные установки и ориентиры представляют собой аналог глянцевого «американской мечты», составляющими которой являются непрерывное потребление материальных и духовных благ, а также комфорт, что воплощается через принадлежность к сфере, работа в которой способна принести достаточное количество денег, автомобиль,

квартиру, или лучше загородный дом, социальный статус мужа или жены, родителя. Однако, если целью является достижение такого материального и морального комфорта при отсутствии каких-либо стремлений к развитию и освоению новых социальных, духовных и культурных пространств, то это не спасает от появления экзистенциального вакуума, который в более лёгкой форме проявляется в скуке и, как следствие, в новой жажде потребления, в более тяжёлом варианте может переродиться в депрессивное состояние. Очевидно, что рефлексирующий человек, который не пытается убежать от себя в развлечения или заполнить время рутинной и какими-либо надуманными делами, ощутит этот экзистенциальный вакуум даже добившись состояния материального благополучия. Это ощущение нехватки чего-то большего приведёт к осознанию того, что материальное благополучие не приносит чувств счастья и полной удовлетворённости жизнью, несмотря на постоянное ретранслирование этого постулата в средствах массовой информации. Кроме того, это даст толчок к более внимательному рассмотрению собственных личных ценностных установок и стремлений. В подобных случаях человек выходит за рамки привычного, начинает поиск чего-то большего, иногда он способен даже отказываться от накопленного материального богатства, осознав, что оно не принесло ему ожидаемого счастья, чем вызовет несомненное непонимание окружающих.

Очевидно, что духовная составляющая жизни – есть необходимое условие развития общества, продолжения его нормального функционирования, и она требует бережного к себе отношения. Для её сохранения и развития должны культивироваться идеи вовлечения человека как в социальную жизнь, так и в процессы рефлексии и самопознания, ответственность, нацеленность на диалог. Это должно быть понято как на уровне отдельной личности, так и на уровне государства, и таким образом будет идти постепенное преодоление черт отчуждённого человека и отчуждённого общества. Французский персоналист Э. Мунье повторяет идею Фр. Ницше о том, что человек в процессе бытия должен преодолевать себя и свои слабости, ведь именно такое постоянное преодоление и есть важная часть процесса становления, вовлечения, активной жизни и развития человека, раскрытия его талантов и способностей, обретения собственной цельности. И здесь проявляется особая роль философии, которая позволяет человеку увязать воедино собственные взгляды, убеждения, ценности, помогает рефлексировать и критически осмысливать реальность и собственное я, понять связь свободы и ответственности, развивает пытливость. Формирование целостного мировоззрения ведёт к гармоничному развитию и становлению осознанной, зрелой и ответственной личности. Выполняя свою критическую функцию, философия будет служить своего рода фильтром для убеждений и принципов. Как отмечает О.А. Береговая, «Проблематизация в педагогике невозможна без философии. Философия помогает поставить проблему, а наука её решает своими специфическими методами... Философия как особый тип теоретического знания рефлексивирует образование

на онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, праксиологическом уровнях, имея своей целью отражение его целостности» [4, С. 135].

В последние десятилетия у нас в стране много говорится о формировании личности ответственного и нравственного гражданина, уважающего, кроме своих собственных устремлений, интересы общества и страны. По этой причине философия должна поддерживаться государством, а не восприниматься как просто дополнение к «обязательным курсам». Редкий студент будет самостоятельно изучать труды философов, основные философские концепции и их связь с современной культурой, особенно если речь идёт об учащих техникских или естественнонаучных направлений. Но даже при таком несомненно положительном намерении человеку в большинстве случаев необходимо руководство более опытного и сведущего человека, коим и станет для него преподаватель.

Здесь присутствует тонкий момент: философия не должна превращаться в идеологию, формирующую в головах людей определённый универсальный ценностный набор и шаблоны. Но, так или иначе, она несёт в себе исторический багаж разработанных систем, теорий и знаний, которые были усвоены обществом на различных этапах развития и прочно укоренены в нашей сегодняшней культуре. Поэтому даже не являясь некой официальной доктриной (что на наш взгляд, было бы для философии преступно), она влияет на формирование взглядов людей и существующих в обществе ценностей, и сегодня это происходит во многом через продукцию массовой культуры. Философия, как наука и как преподаваемая дисциплина имеет, кроме прочих, задачу заострить внимание человека на самой жизни как универсальной ценности, взглянуть на неё осмысленно, отказаться от её бездумного и пустого растрачивания собственной, взять на себя ответственность и за собственное бытие, и за то, что происходит в обществе. Она даёт индивиду возможность задать себе вопросы, критически их осмыслить и, по возможности, честно на них ответить.

Источники:

1. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Фромм Э. Марксова концепция человека. // Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 375–414.
3. Социальные знания и социальные изменения – М.: ИФРАН, 2001. – 284 с.
4. Береговая О. А. Философия и педагогика: грани взаимодействия // Мanusкрипт. 2021. Том 14. Выпуск 1. – С. 131–136.

D. V. Prokofyeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF HUMAN VALUES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

This article is devoted to understanding the importance of philosophy as an academic discipline in the formation of value orientations and worldview foundations of human life. The role of philosophy is outlined through its functions not only in the process of scientific cognition, but also in the formation of the personality of an individual, since it affects the conscious formation and comprehension of people's attitudes and values, contributes to the involvement of a person in social life and simulates the processes of reflection and self-knowledge, development of responsibility, focus on dialogue.

Philosophy of education, alienation, education, values, worldview

УДК 130. 2

Ю. Л. Сироткин (Казанский юридический институт МВД России, e-mail: syurij75@gmail.com)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЧЕЛОВЕКОМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Рассматриваются модели антропологического времени и человекомерного пространства в качестве эпистемологической перспективы философской антропологии. Исследуется антропологический потенциал пространственно – временно-континуума. Раскрываются перспективные направления аналитики антропологической природы пространства – времени.

Антропологическое время, человекомерное пространство, человек, пространственно-временной континуум.

Антропологическое время – это мера жизни человека/человечества в освоенных пределах досягаемости. Аналитика антропологического времени как времени жизни преследует цель показать человека в социально – исторической временной реальности и определиться с возможностями его времяощущения и пространствования, которые изменчивы и определяются эволюцией общества и развитием человека. Исследование времени как человеческой меры предполагает переоткрытие представлений о времени в каждый промежуток его проживания человеком/человечеством. Это не одно и то же об одном и том же. Это об ином иначе. Восприятие, понимание смысла и характера времени предоставляет человеку шанс моделирование временных констант, в основе которых лежит поиск духовного смысла бытия. Перспективы философско-антропологического подхода к анализу и восприятию времени обозначают постижение времени как результата человеческого осуществления жизни, объединяющего в своем содержании историческое, социальное и индивидуально-личное время. Представляется необходимым критериальное разграничение времени как меры человеческой жизни и социально-исторического бытия людей. Время требует раскрытия в качестве всеобщего условия бытия человека и человечества. Ставится задача разграничения общего, особенного и индивидуального в личном человеческом времени и социально-историческом бытии. В таком направлении иначе выстраивается логика действий человека как исторической индивидуальности в ее ценностном измерении.

В аналитике антропологического времени получает отражение изменившаяся в XXI веке человековедческая проблематика. Изменения касаются вектора человекознания. Человек начинает осмысливаться посредством раскрытия фундаментальных отношений к миру как пространственно-временному континууму, к самому себе как внутреннему времени – пространству в себе и к

Абсолюту. Обозначенное триединство являет собой человекомерный пространственно-временной континуум. Стратегическая цель предлагаемого вектора аналитики предполагает достижение антропологического синтеза культуры, науки и искусства, объединенного человеческой мерой. В этом видится эпистемологическая перспектива обновления знаний о человеке.

Не менее перспективной выглядит попытка восстановления антропологического принципа осмысления исторического времени. Реабилитируется субъективный метод; он обретает право на научную значимость и эвристическую ценность [1]. Субъективность определяет событийность и задает вектор движения исторического времени. Время субъективно, а историческое время индивидуально. Ускорение исторического времени в его линейной модели (И.М. Дьяконов, С.П. Капица и др.) определяет динамику восприятия человеком его событийности и порождает неопределенность. Многолинейные модели исторического времени [2] позволяют выдвинуть альтернативные представления: интенсивность восприятия возрастает, расширяя границы возможностей человеческого сознания либо ограничивая потенциал восприятия, а значит, участие человека в историческом процессе. Гипотеза об ускоряющемся времени во многом объясняет ограниченность в проявлениях активности человека как исторической индивидуальности, но не отменяет ее, так как человеческий отсчет времени основан на самосознании себя в мире и мира в себе. Такой отсчет переводит проблему восприятия времени в историческую плоскость и задает вектор поиска механизмов восприятия времени исторической индивидуальностью. Человек обретает качество исторической индивидуальности, когда находится в пространстве исторического бытия и сопереживает время, воспринимая его как историческое.

Формула, обозначающая человека, осуществляющего свое бытие «через время и в качестве времени» [3, С. 171] определяет перспективы аналитики времени. Эта формула нашла свое воплощение в концепции единства человека и пространственно – временного континуума [4].

Выскажу осторожное предположение: будет подвергнуто сомнению рас пространенное суждение об общественном, культурно – историческом времени как онтологической и аксиологической реальности по отношению к индивидуальному времени. Предположение основано на тенденции поглощения социального личностным временем. Отмеченная тенденция едва обнаруживает себя. Тем не менее, она демонстрирует устойчивость и уже в ближайшей перспективе претендует на место тренда.

Антропологическое время инкорпорирует личностное время. Это время человеческой повседневности. Необратимая темпоральность, конечность личностного времени как исчерпанность человеческой жизни придает человеку осознаваемое чувство ограниченности бытия. Тем не менее, конечность отдельного человека вписывается в бесконечную темпоральность, что вселяет оптимизм и обязывает эпистемологическую перспективу реанимировать

проблематику свободного времени, ассоциировав ее с многовекторностью саморазвития в пространстве свободы самовыражения.

Человекомерным обозначается пространство, созданное, освоенное, регулируемое человеком и имеющее потенциал расширения. В настоящем докладе с позиций антропологической природы аналитики человекомерных пространств рассматриваются: социальное, социокультурное, культурное и приватное пространство.

Социальное пространство рассматривается как приоритетное в выборе индивидуального маршрута развития человека. Интегрированный в социальное пространство человек отличается качественной определенностью, которая динамически структурирована и обеспечивает самореализацию. Социальный статус человека также обусловлен включенностью в социальное пространство. В этом контексте представляется преждевременным тезис о конце социальности (Ж. Бодрийяр). Социальность, как нам представляется, не уничтожается, а переформатируется человеком под воздействием многочисленных факторов, которые разнонаправлены и не поддаются классификации в силу своего разнообразия и неоднозначности. Интенсивны содержательные и процессуальные изменения социального пространства; динамичны формы общественного и индивидуального бытия и во многих случаях неопределенен их результат.

Основу социального пространства составляют социальные отношения, которые динамичны и пространственно определены. Необозримые пространства России исторически способствовали становлению типа человека, наделенного способностями к покорению бесконечности, что стало чертой национального характера, несмотря на противоречивый характер воздействия российских пространств и завершающий этап их влияния на духовную организацию народа (Н.А. Бердяев). Обнаруженная тенденция утраты влияния пространства за прошедший век усилилась по причине изменений в восприятии пространства человеком. Тем не менее, правомерным остается вывод о пространственной разряженности и незначительной плотности социальных отношений в российском обществе, что определяет их дезъюнктивный характер.

В подчеркиваемой неопределенности социокультурного пространства обратим внимание на то, что в нем присутствуют устойчивые отношения, которые обозначаются повторяющимися отношениями субъектов социальных отношений и изменчивые позиции, обеспечивающиеся изменчивыми, либо случайными отношениями субъектов культурного пространства. В социальных отношениях преобладает устойчивость. В отношениях субъектов культуры доминирует изменчивость. Их соотношение обеспечивает неравновесное состояние социокультурных систем. Специфика социокультурных систем обнаруживается в их фрагментарности, порождаемой информационно – коммуникативной парадигмой эволюции и имеющей следствием мозаичность пространства.

Пространство необходимо культуре для того, чтобы продлиться во времени (течение времени в каждой культуре различно) и закрепить в

пространстве ее многомерный образ или фундаментальные черты такого образа, который определяет смыслы, цели и предназначение культуры. Пространство справедливо считается более постоянным атрибутом бытия культуры по сравнению со временем. Время культуры откладывается в ее пространстве, которое воспринимается преимущественно в ощущениях. Культуролобразующие процессы разворачиваются последовательно, либо одновременно, либо имеют нелинейную динамику. Неоднородная реальность культурного пространства проявляется в том, что объект и субъект в ней сосуществуют одновременно. Вариативность перспективы эволюции задает вектор поиска ее механизма. Творит пространство культуры ее субъект. Однако, каким образом человек расширяет личное бытие в процессе освоения культурного пространства и как приобщается в «большому времени» (М.М. Бахтин), в котором пребывает культура, остается неясным. Во многом не проясненным оказывается тезис о гибридности духовной и материальной культуры в ее пространстве и специфические способы их усвоения на уровне восприятия и освоения. Можно ли говорить о понимании культуры как пространство-понимании основываясь на культурологическом осмыслении пространства, исходящим из толкования культуры как деятельности по организации пространства?

Приватное пространство категоризируется на уровне аналитики [5]. Это связано с расширением его границ и усилением значимости для общества и человека. Приватное пространство инкорпорировано в публичное пространство, привносит новое качество отношений и обеспечивает динамически неравновесное состояние общественной организации. Мы исходим из предположения, что результаты многомерного исследования приватного пространства повлекут за собой изменение конфигурации публичного пространства и инициируют структурные сдвиги. Приватное, публичное и социальное есть пространства человеческого измерения. Антропоцентризм примиряется с социоцентризмом в пространстве приватности. Человек приватизирует пространство на основе потребности в самосохранении и возрастающей роли частной жизни. Им движет инстинкт обеспечения личной безопасности в период расширения масштабов контроля и избыточной опеки. Констатируется, что идеи приватной (частной) жизни и доминирования приватного пространства позитивно восприняты в российском обществе [6]. Это связано с осознаваемым нарушением баланса приватности и публичности и со стремлением к его восстановлению. Не менее важным является символический призыв, заключенный в факте существования приватного пространства, к сохранению свободы частной жизни от всепроникающей социализированности и культивирование собственной индивидуальности как феномена общественного разнообразия. В аналитике приватного пространства мы декларируем доминанту приватности над публичностью, преобладание индивидуальности над социальностью, а не о замещении одного другим. В этом контексте формулируется утверждение, что в приватном пространстве частной жизни во многом «снимаются» противоречия между социализацией и индивидуализацией.

Источники:

1. Сиземская И. Н. Русская философия истории в поисках целостности исторического бытия: первая половина XIX века//Философские науки. – 2012. – № 1. – С. 115 – 128.
2. Гринченко С. Н., Шапова Ю.Л. Историческое время и модели его ускорения//Вестник ЧГАКИ. – 2012. – № 3. – С. 40 – 45.
3. Биbihин В. В. Пора (время – бытие). – СПб.: Владимир Даль, 2015.
4. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско – антропологический дискурс. – Казань: КЮИ МВД России, 2017.
5. Сироткин Ю. Л. Антропоцентрический принцип категоризации частного пространства//Вестник КазГУКИ. – 2019. – № 4. – С. 6 – 14.
6. Волков Ю. Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности//СОЦИС. – 2017. – № 12. – С. 20 – 29.

Yu. L. Sirotkin (Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ANTHROPOLOGICAL TIME AND HUMAN-DIMENSIONAL SPACE AS AN EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVE

The models of anthropological time and human-dimensional space are considered as an epistemological perspective of philosophical anthropology. The anthropological potential of the space-time continuum is investigated. The perspective directions of the analysis of the anthropological nature of space-time are revealed.

Anthropological time, human-dimensional space, man, space-time continuum.

УДК 37.0.14

А. М. Складорова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В.И. Ульянова (Ленина), e-mail: tm.sklyarova@gmail.com)

НЕОФРЕЙДИЗМ, ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ О ДЕГУМАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Рассмотрены причины дегуманизации современного общества: усиление кризисных процессов во всех сферах жизни общества, усиление индивидуализма в связи с наступающей очень активно компьютеризацией, рост отчуждения и одиночества, числа депрессий, неврозов, агрессии и конфликтности. Опираясь на исследования Д.С. Соммер, К. Юнга, Э.Фромма и К.Хорни, автор показывает влияние социальных и культурных факторов в выборе наиболее продуктивных стратегий поведения. Проанализирован механизм связи экзистенциальных потребностей, фундаментальных ценностей и ориентаций человека. Выделены основные стили поведения человека, определяющие его целостность, продуктивность и стремление к самореализации.

Одиночество, отчуждение, непродуктивные и продуктивные стратегии и механизмы поведения, фундаментальные экзистенциальные ценности и ориентации, свобода, самоуважение, самореализация.

Дегуманизация общества и человека, возникающая в результате кризиса и стремительного развития цифровых технологий, приводит не только к глубокому разъединению людей, но и к разрушению самой личности: усилению неврозов, стрессов, депрессии, агрессии и как следствие конфликтности. Все это витает в виде «энергии» не созидания и конструктивного решения проблем, а их усугубления. Если учитель, преподаватель, родители, бабушки и дедушки будут психологически и морально не подготовлены, сможем ли мы воспитать здоровое поколение? Это риторический вопрос. Ответ очевиден. Осмысление этих проблем необходимо, чтобы найти подходы к исправлению создавшейся ситуации. Развитие цифровых технологий столь стремительно, что скоро наши двойники смогут вместо нас общаться в сетях. Но сможет ли вместо меня поцеловать внуков клон. Не станут ли люди лишними вообще? Все происходящее создает множество психологических и этических проблем. Станет ли человек счастливее в эпоху тотальной компьютеризации? Уже сейчас неудовлетворенность людей друг другом и социальными отношениями растет. Почему нет общественного обсуждения повального внедрения цифровых технологий? Воля отдельной личности игнорируется. Она превращается в объект тотального контроля и, по существу, становится рабом, а не свободным существом. В обществе нужна дискуссия философов, социологов, медиков,

психологов. У философов вызывает тревогу дегуманизация личности и изменение ее функций в обществе.

Опираясь на фундаментальные направления философии и психологии XX века и наших современников гуманистов, попытаемся найти некие ориентиры для сохранения психически и нравственно здоровой личности. Вот что пишет по этому поводу известный писатель, философ и гуманист Дарио Салас Соммэр в своей монографии «Мораль XXI века»: «У человека почти не осталось ничего своего, он захвачен, распылен, потерян и перегружен стимулами ложной цивилизации, которая управляется образованными варварами – невеждами в области сознания, но эрудитами в области информации; кибернетическими уродами, рожденными антигуманной системой образования, основанной на подражании и запоминании значения. Единственная цель такой системы образования массовое производство граждан-потребителей, «электронных людей», в которых крайне заинтересована главенствующая социальная система и группы, находящиеся у власти» [1, С. 71]. Для более полного понимания дегуманизации необходимо обратиться к понятию отчуждения. В работе «Теория любви» Эрих Фромм разъясняет, что для современного человека означает отчуждение: «Быть отчужденным – значит быть беспомощным, неспособным активно воздействовать на окружающий мир, на вещи и людей; это значит, что мир может посягнуть на мои права, а я не могу защититься» [2, С. 101]. Иначе говоря, значительная часть автономии и свободы выбора, которыми наслаждаются люди современной западной цивилизации, были достигнуты ценой утраты чувства полной безопасности и появления ощущения личной незначительности. Огромная свобода от социальных, политических, экономических, религиозных ограничений потребовала компенсации в виде чувства безопасности. Фромм полагал, что эта *пропасть между свободой и безопасностью* стала причиной беспримерных трудностей в человеческом существовании. Люди борются за свободу и автономию, но сама эта борьба вызывает чувство отчуждения от природы и социума. Каков же путь гармонизации свободы личности и зависимости ее? Деструктивная стратегия – это *авторитаризм* предполагает соединение себя с кем-то или с чем-то внешним, чтобы обрести силу, утраченную индивидуальным «Я». Авторитаризм проявляется как в мазохистских, так и садистских тенденциях. При мазохизме человек проявляет в отношениях с окружающими чрезмерную зависимость, подчиненность и беспомощность. Садистская форма, наоборот, выражается в эксплуатации других, доминировании и контроле над ними. Но у человека обычно присутствуют обе тенденции: например, в армии офицер может подчиняться высшему руководству и при этом унижать и проявлять жестокость к подчиненным. Вторым способом непродуктивной стратегии является – *деструкция*: чувство неполноценности преодолевается путем уничтожения или покорения других. Наконец, люди могут избавляться от одиночества и отчужденности через *конформизм* – подчинения своего мнения другим часто исходя из конъюнктурных соображений. В современном мире такой конформизм очень

распространен. Выливается это, как правило, в потерю индивидуальности, предательство и, в конечном счете, аморализм. *Продуктивная стратегия гармонизации личности* – избавления ее от одиночества, смягчение стрессовых ситуаций, выхода из депрессии – в *позитивной свободе*. В работе «Искусство любви» Фромм подчеркивал, что любовь и труд – главные факторы развития подлинно свободной личности. Благодаря труду и любви люди объединяются с другими, не теряя своей уникальности и целостности. Механизмом преодоления дихотомии стремления к свободе и стремления к безопасности является реализация экзистенциальных потребностей:

1. *Потребность в установлении связей*. Чтобы преодолеть чувство изоляции и отчужденности человеку необходимо о ком-то заботиться и нести ответственность за него. Лучший путь для этого – «продуктивная любовь», помогающая людям совместно трудиться, не теряя независимости. Если данная потребность не удовлетворена, человек впадает либо в нарциссизм и удовлетворяет только свои эгоистические интересы, он не способен довериться другим людям.

2. *Потребность в преодолении*. Любой человек нуждается в преодолении своей пассивной природы. Путь к этому созидательная деятельность. Если этого нет, развивается деструкция.

3. *Потребность в корнях*. Эта потребность возникает с момента рождения. В детстве человек чувствует себя безопасно благодаря родительской опеке. На протяжении всей жизни человек нуждается в чувстве принадлежности – это создает у него ощущение стабильности и безопасности. При этом надо помнить, что взрослый человек, не способный оторваться от семьи и проявить свою автономность, также теряет свою личностную целостность и свободу.

4. *Потребность в идентичности* означает умение отождествлять себя с собой и чувствовать свою индивидуальность и даже уникальность. Конформизм, как правило, мешает этому. У такого человека нет чувства подлинной идентичности.

5. *Потребность в системе взглядов и преданности*. Человеку нужна стабильная и постоянная опора для объяснения сложности мира. Сюда входят убеждения, без которых он бы оказался в тупике и не смог бы действовать целеустремленно. По Фромму, рациональный подход к анализу окружающего совершенно необходим для сохранения не только физического, но и психического здоровья. Люди также нуждаются в преданности чему-либо или кому-либо (идеалу или Богу) – это и составляет смысл их жизни.

Удовлетворение экзистенциальных потребностей формирует структуру личности, дает ей основные ценностные ориентации. И Фрейд, и Фромм считают их стабильными, лежащими в основе целостности личности. По Фромму, существует пять типов характеров, доминирующих в современном мире. Они есть не что иное, как взаимодействие экзистенциальных потребностей в конкретных условиях жизни людей. Сами типы характера делятся

непродуктивные (нездоровые) и продуктивные (здоровые). К первым относятся: рецептивный; эксплуатирующий; накапливающий и рыночный. Категорию продуктивного представляет тип идеального психического здоровья. Ни один из типов не существует в чистом виде, поскольку непродуктивные и продуктивные качества сочетаются у разных людей в разных пропорциях.

Рецептивные типы убеждены, что источник всего хорошего в жизни – вне их самих. Поэтому они зависимы и пассивны, не способны делать что-либо без посторонней помощи, они предпочитают быть любимыми, чем любить. Они пассивны, доверчивы, сентиментальны, оптимистичны и идеалистичны.

Эксплуатирующие типы берут все, что им нужно, о чем они мечтают силой или изобретательностью. Они не способны к творчеству и поэтому добиваются любви, обладания, идей, эмоций заимствуя это у других. Их отрицательными чертами является агрессивность, надменность и самонадеянность, эгоцентризм, склонность к соблазнению. К положительным качествам относится уверенность в себе, чувство собственного достоинства, импульсивность.

Накапливающие типы стремятся к максимальному материальному обогащению, власти и любви. Боятся потерять накопленное богатство, боятся всего нового. Холодны, подозрительны и упрямы. Их положительной стороной является предусмотрительность, лояльность и сдержанность.

Рыночный тип. Его кредо – все можно оценить как товар, который можно продать или обменять. Для таких типов важна приятная внешность. Знакомства с нужными людьми, умение подать себя с выгодной стороны, произвести нужное впечатление. Их отношения с окружающими, как правило, поверхностны. Для них характерен оппортунизм, бесцельность, бестактность, неразборчивость в средствах и опустошенность. Их положительные черты – открытость, любознательность и щедрость. По мнению Фромма, «рыночная» личность – прототип капиталистического общества (США и Западной Европы).

Продуктивный характер – это высшая цель в развитии человека. Он независим, честен, спокойный, любящий, творческий, совершающий социально полезную деятельность. Такая ориентация – это ответ на вызов современного общества с его противоречиями и катаклизмами. Она побуждает человека к продуктивному логическому мышлению, любви и труду. Люди этой ориентации – жизнелюбы. Им свойственна забота, ответственность, уважение и знание. Именно эти люди способны к самоуважению и самореализации. У них цельный характер. Конечно, – это идеал, к которому надо стремиться. Общество должно создавать условия, при которых продуктивная ориентация может стать доминирующей.

К. Хорни развивала идеи гуманистической психологии. Ее основная идея состоит в том, что в основе нарушения функции личности лежат уникальные стили межличностных отношений. Согласно Хорни, решающим фактором в развитии личности являются отношения между ребенком и родителями. Для детства основными потребностями являются: потребность в *удовлетворении* и *безопасности*. И главная из них – в безопасности. Проявление со стороны

родителей любви и тепла к ребенку приводит к формированию здоровой личности. Если потребность в безопасности не реализована, происходит патологическое развитие личности. Фактором фрустрации для формирования чувства безопасности для ребенка выступает неустойчивое, сумбурное поведение родителей: их насмешки, невыполнение обещаний, чрезмерная опека, предпочтение его братьям и сестрам. Если это происходит, то у ребенка формируется установка *базальной враждебности*. Он оказывается между двух огней: зависит от родителей и в то же время испытывает по отношению к ним чувство обиды и негодования. Этот конфликт приводит в движение механизм психологической защиты – вытеснение. Его поведение управляется чувствами беспомощности, страха, любви и вины, которые являются психологической защитой. Цель ее – подавление чувства негодования и враждебности. Ребенок проецирует это отношение и к другим людям. Это – *базальная тревога* «ощущение одиночества и беспомощности перед лицом потенциально опасного мира» [3, С. 257]. Базальная тревога – это интенсивное и всепроникающее ощущение отсутствия безопасности. Современная реальность в России пропитана им. Базальная тревога у ребенка, по мнению Хорни, ведет к формированию невроза у взрослого. Чтобы справиться с ним ребенок прибегает к защитным стратегиям. Их десять. Они получили название *невротических потребностей*: избыточная потребность в любви и одобрении (ненасытное стремление быть любимым и объектом восхищения со стороны других, повышенная чувствительность к критике и недружелюбию); в *руководящем партнере* (чрезмерная зависимость от других и боязнь получить отказ или остаться в одиночестве, убежденность, что любовь может решить все); в *четких ограничениях* (предпочтение жизненного стиля, где всего важнее установленный порядок, нетребовательность, довольствование малым и подчинение другим); в *власти* (доминирование над другими как самоцель, презрительное отношение к слабости); в *эксплуатировании других* (боязнь быть используемым другими или быть тупым в их глазах); в *общественном признании* (желание быть объектом восхищения, представления о себе формируются в зависимости от общественного статуса); в *восхищении собой* (стремление создать приукрашенный образ себя, потребность в комплиментах и лести); в *честолюбии* (стремление быть лучшим, страх неудач); в *самодостаточности и независимости* (избегание любых отношений, предполагающих взятие на себя каких-либо обязательств); в *безупречности и неопровержимости* (желание быть морально непогрешимым, поддержка впечатления совершенства и добродетели). Хорни считала, что эти потребности присутствуют у всех людей. Они помогают сопротивляться ощущению отверженности, враждебности и беспомощности. Невротик отличается тем, что использует их не гибко, прибегая лишь к одной из возможностей. Здоровый же человек легко может заменить одну другой, если этого требуют обстоятельства. Если возникает потребность в любви, власти здоровый человек пытается ее удовлетворить. Невротик в отличие от здорового человека выбирает одну из потребностей и использует ее во всех ситуациях,

удовлетворение потребности у него превращается в образ жизни. «Если он нуждается в любви, то должен получить ее и от друга, и от врага, от работодателя и чистильщика обуви» [3, С. 259].

В своей книге «Наши внутренние конфликты» К. Хорни делит список потребностей на 3 основные категории. Каждая из потребностей лежит в основе стратегии оптимизации межличностных отношений. Их цель – достижение безопасности в окружающем мире. Каждой из стратегий соответствует определенная ориентация в отношениях с людьми. Они следующие: *Ориентация на людей*: уступчивый тип предполагает такой стиль взаимодействия, для которого характерны зависимость, нерешительность и беспомощность. Это уступчивый тип, его кредо – «если я уступлю, меня не тронут». Потребности этого типа: в нем должны нуждаться, его должны любить и защищать, руководить им. Таким образом, уступчивый тип стремится избежать одиночества, беспомощности или ненужности. За любезностью такого типа может скрываться агрессивность. Хотя и кажется, что такой человек робок и стеснителен, держится в тени, за этим часто скрывается враждебность, злость и ярость. *Ориентация от людей*: обособленный тип – у людей этого типа защитная установка: «Мне все равно». Подтекст этого кредо: «со мной будет все в порядке, если я не буду вмешиваться». Для обособленного типа характерна установка – не дать себя увлечь (любовь это, работа или отдых). В итоге такой человек утрачивает истинную заинтересованность в людях, привыкает к поверхностным наслаждениям. Для него важна уединенность, независимость и самодостаточность.

Ориентация против людей: враждебный тип – это такой стиль поведения, для которого характерно доминирование, враждебность и эксплуатация. Их кредо: «У меня есть власть, никто меня не тронет». Исходная установка враждебного типа – люди агрессивны, жизнь – это борьба против всех. Любую ситуацию такой человек рассматривает с точки зрения: «Что я буду с этого иметь?» Данный тип, по Хорни, способен действовать тактично и дружелюбно, но цель его общения всегда направлена на получение контроля над другими. Он стремится повышать собственный престиж, удовлетворять личные амбиции. В такой стратегии выражается потребность эксплуатировать других, получать общественное признание и восхищение. Разумеется, все эти стратегии применяет каждый человек. Они конфликтуют между собой и у здорового человека, и у невротика. Отличие в том, что у последнего конфликт вызывает сильное эмоциональное напряжение. Здоровый же человек проявляет большую гибкость и способен менять стратегию сообразно обстоятельствам. Отсутствие гибкости приводит к меньшей эффективности при решении жизненных проблем. В работах К. Хорни чувствуется оптимистический взгляд на человека: он способен к личностному росту и любви. «Любовь есть проявление собственной энергии, способности любить, а любовь к другому – это актуализация и концентрация этой энергии по отношению к нему» [4, С. 90].

К. Юнг обогатил представления о содержании и структуре личности. Он особое внимание уделял проблеме самореализации посредством уравнивания и интегрирования различных элементов структуры личности. Для описания этого процесса он использует понятие «индивидуация». Процесс индивидуации позволяет самости стать центром личности. Самость представляет собой сердцевину личности, вокруг которой организованы и объединены все другие элементы. Когда достигнута интеграция души, человек ощущает единство, гармонию и целостность. К. Юнг показал, что религия является великой силой, содействующей стремлению человека к целостности и полноте. Истинной уравниженности личностных структур, по К. Юнгу, можно достичь только в среднем возрасте. Таким образом, достижение зрелого «Я» требует постоянства, настойчивости, интеллекта и большого жизненного опыта. Вот как он об этом пишет: «Ведь то, что понимается под «личностью» вообще, а именно *определенная способность к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность есть идеал взрослого, который предпочитают приписывать детству лишь в эпоху, когда человек еще не осознает проблему своей так называемой взрослости или когда – того хуже – сознательно от нее увиливает*» [4, С. 68]. Итогом осуществления индивидуации является *самореализация*. Она, по К. Юнгу, доступна только способным и высокоорганизованным людям, имеющим к тому же достаточный для этого досуг. Подавляющему большинству людей она не доступна. Личность, по К. Юнгу, есть результат взаимодействия устремленности в будущее, как врожденной предрасположенности, так и интеграции противоположных психических сил для поддержания психического здоровья. Стремление к самореализации осуществляется посредством уравнивания и интегрирования различных элементов личности. Это самый продуктивный путь борьбы с ее дегуманизацией.

Источники:

1. Дарио Салас Соммэр. Мораль XXI века. М.: ИД «Кодекс», 2017.
2. Фромм Э. Теория любви в кн.: Психология личности в трудах зарубежных психологов СПб., М., Харьков, Минск: «Питер», 2000.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности: 3-е изд. Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Воронеж – Ростов-на Дону – Екатеринбург – Самара – Новосибирск – Киев – Харьков – Минск: «Питер», 2014.
4. Хорни К. Культура и невроз // Психология личности в трудах зарубежных психологов. Санкт-Петербург – Москва – Харьков – Минск: Питер, 2000.

A. M. Sklyarova (Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI")

NEOPHREIDISM, HUMANIST PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY ABOUT PERSONAL DEGUMANIZATION

The reasons for the dehumanization of modern society are considered: the intensification of crisis processes in all spheres of society, the strengthening of individualism in connection with the oncoming very active computerization, the growth of alienation and loneliness, the number of depression, neuroses, aggression, and conflict. Based on the research of D.S. Sommer, K. Jung, E. Fromm, and K. Horney, the author shows the influence of social and cultural factors in the choice of the most productive strategies of behavior. The mechanism of connection between existential needs, fundamental values, and human orientations is analyzed. The main styles of human behavior that determine his integrity, productivity, and desire for self-realization are highlighted.

Loneliness, alienation, unproductive and productive strategies and mechanisms of behavior, fundamental existential values and orientations, freedom, self-respect, self-realization.

УДК 316.74:1+57.026

В. В. Тузов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tuzov1950@mail.ru)

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Рассматривается содержание понятий «цифровизация» и «образование». Показана невозможность сведения процесса образования, как процесса формирования новой личности к процессу передачи информации, который подразумевается при использовании термина «цифровизация» в сфере образования.

Цифровизация, аналоговый сигнал, цифровой сигнал, образование, обучение, личность.

В настоящее время термин «цифровизация» не сходит со страниц прессы и экрана телевизора. И те, кто пишет о цифровизации часто не задают себе вопроса о том, что за этим термином скрывается. Чаще всего используется интуитивное понимание его содержания исходя из контекстов или ситуаций, где используется это понятие. Такое не строгое, даже вольное использование данного термина вносит в умы людей некоторый дисбаланс.

Новый термин требует строгого определения своего содержания. Цифровизация в технике означает одно, а в других сферах и областях науки совсем другое.

«Цифровизация с точки зрения этимологии слова «цифра» (по-арабски «ничего», «ноль», «пустой») означает «уничтожение», «обнуление», «опустошение» [1]. Вероятно, говоря о цифровизации, авторы вряд ли имеют в виду данное содержание этого слова.

«Цифра» сленговое слово в среде специалистов, которые работают с соответствующими устройствами (цифровыми) и программами. До этого информация и информационные сигналы передавались в аналоговой форме.

Передача сигнала в цифровом формате требует преобразовать и закодировать аналоговый сигнал определенным образом.

Хомякова, С. С. в статье «Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне» проводит небольшой анализ определений понятия «цифровизация». В результате дает свое понимание этого термина. «Цифровизация – это процесс, направленный на изменение процессов, в ходе которого происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека (такие, как социальная, экономическая, медицинская и так далее), который меняет подход к использованию, хранению и передаче информации» [2]. Другими словами, цифровизация касается главным образом информационных потоков в обществе и их оптимизации. Кроме

того, цифровые устройства позволяют использовать элементы искусственного интеллекта в сфере управления некоторыми процессами. Заменять рутинный труд человека программой. Но это возможно там, где человек выполняет функцию по переработке и передаче информации.

Рассмотрев в общих чертах границы применения и смысл термина цифровизация перейдем к цифровизации образования. Для этого так же необходимо уточнить смысл данного понятия. Если проанализировать материал словарей, то увидим акценты понимания этого термина.

Образование – получение систематизированных знаний и навыков, обучение и просвещение; совокупность знаний, приобретенных в результате обучения [3, С. 131].

Можно заметить, что во многих словарях на первом месте в определении термина «образование» стоит процесс усвоения знаний, т.е. «обучение» [См.:4, С. 20; 5]. В ряде педагогических словарей скромно упоминается о нравственности, личности, но знания почти всегда на первом месте.

В философской энциклопедии образование рассматривается в соответствии с изначальным смыслом данного слова. «**ОБРАЗОВАНИЕ** духовный облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния, шлифовки, т.е. процесс формирования облика человека [6].

Очень редко, говоря о внедрении цифровых технологий в образование, имеют в виду подлинный смысл термина «образование». На первом плане оказывается прежде всего именно процесс передачи знаний. Но так рассуждать могут только специалисты в области цифровых технологий, которые не имеют представления о том, что такое человек и общество. В любом учебнике об образовании человеческого общества можно найти объяснение того, зачем люди объединились. Причинами объединения были совместная добыча средств существования, совместное обеспечение безопасности и психологический комфорт, осознание того, что ты не один. В эпоху родового строя господствовало в умах людей представление «Мы-Бытия». Этот факт объясняет почему человек, которого изгоняли из общины за проступок погибал. Он погибал не потому, что не мог себя прокормить, а потому что «терял себя». Он не отделял себя от родового коллектива. Поэтому даже процесс передачи знаний не может быть полностью заменен цифровыми устройствами. Дистанционное обучение в период изоляции показало и его недостатки, и границы применения. Не все можно перенести на бумагу или однозначно передать в лекции. Всегда требуется уточнение, исходя из понимания ученика. Недопонимание возникает из-за разных моделей мира в голове преподавателя и ученика. Отсюда говорящий и слушающий одно и тоже слово понимают его по-разному.

Возвратимся к термину образование. Образование отглагольное существительное, образованное от глагола «образовывать». Глагол обозначает процесс, процесс образования нового человека, личности, которая соответствует

модели представителя данного сообщества. Отсюда и ритуалы инициации в первобытных племенах. А в современном образовании экзамены. В одном случае проверяются личностные качества, а в другом, т.е. сегодня, проверяются знания.

Рассмотрим рассуждения сторонников цифровизации образования. Преимущества цифровизации образования с их точки зрения: 1. приучение учеников к самостоятельности с раннего возраста; 2. устранение бумажной волокиты: учащимся не придется постоянно носить с собой многочисленные тетради и учебники, а учителям – всевозможные пособия: один планшет заменит собой килограммы макулатуры; 3. экономия – снижение затрат на канцелярию, использование электронных версий учебников/тетрадей требует меньших затрат; 4. более высокая доступность знания для людей в отдаленных населенных пунктах.

Все эти пункты цифровизации образования имеют отрицательную сторону. Возникает вопрос: «Кто и каким образом будет приучать учеников к самостоятельности с раннего возраста»? «Бумажная волокита» дополняется более трудоемкой электронной волокитой. Дистанционное образование показало, что нагрузка на преподавателя возросла в разы. Если в аудитории можно задать вопрос или объяснить всем одновременно, то через интернет это приходится делать персонально и многократно. Причем голосом можно просто сказать, а на компьютере надо совершить целый ряд манипуляций с кнопками и программами. Правда есть экономия времени на дорогу до образовательного учреждения.

Сторонники цифровизации видят и некоторые возможные недостатки концепции: 1. снижение социализации учеников; 2. меньшее внимание физическому развитию; 3. уменьшение функции педагогов [7].

С этим можно согласиться, но это только видимые недостатки. Практика покажет массу других, которые связаны с отсутствием человеческого контакта. Воспитывать, как показал А.С. Макаренко, может только коллектив и его правильная организация. Учитель как воспитатель малоэффективен. Если бы это было иначе не возникли бы уничижительные и пренебрежительные определения учителей и преподавателей как «училка» и «препод». Кроме того, при изолированном обучении отсутствует соревновательный момент, не формируется воля к преодолению трудностей при обучении без внешнего воздействия, нет внешнего контроля, а внутренний не сформирован, и многое другое. Разработчики имеют в виду видимо себя, взрослых, дисциплинированных, целеустремленных и успешных. Но образование процесс формирования всего этого, формирование того, чего еще нет и возможно не будет. Педагогика и сегодня не всемогуща, иначе бы не было коррупции, преступлений против личности и др. Когда ее функции передадут машине, воспитательным средством может стать только гильотина.

Процесс образования, это процесс образования нового человека, личности и какой будет эта личность зависит от воспитания, а здесь никакие гаджеты

не заменят реального человека. Даже не каждый человек, преподаватель, может быть эффективным воспитателем. Сухомлинский мог воспитывать как личность, обладая харизмой, а другие не могли, копируя его методы. Макаренко мог организовать коллектив воспитанников и исправлял трудных подростков, превращая их в полноценных членов общества, а другие запретили вообще такой подход в педагогике потому, что даже понять не могли его эффективность и необходимость.

Поэтому эйфория от цифровизации образования должна рассеяться и прежде чем сокращать учителей и преподавателей (они и сами, особенно в некоторых школах, активно сокращаются, если верить средствам массовой информации из-за слишком «больших средних зарплат» или невыносимых условий труда), следует четко представлять, что такое процесс образования, какова его цель и какова роль преподавателя в этом процессе. Термин «учитель» и «преподаватель» делают акцент на передаче знаний, а это лишь малая часть их работы. Сенсей в восточной традиции это не просто сосуд знаний, это авторитет, влияющий на формирование личности учеников. В нашей европейской модели он стал «продавцом образовательных услуг», а с продавца какой спрос за личность покупателя. Возникает вопрос: «А кто будет формировать эту личность»? Ответ давно известен: «Улица». Об этом писал Дж. Локк, а в след за ним и некоторые марксисты, говоря о том, что бытие определяет сознание. Правда марксисты забыли, что Маркс был диалектик и знал, что есть и другая сторона процесса. Изменение бытия невозможно без изменения сознания, хотя бы части людей. А кто должен изменить сознание этой мыслящей части общества так, чтобы они стали действовать на созидание нового, а не на разрушение старого? Россия знает на собственном опыте, когда «образованные» устроили коллапс в 1917 году, потом в 1990 х годах и что из этого вышло. Чтобы разрушать, ума много не требуется, нужна сила, а созидать новое без ума просто не получится.

У нас есть афоризмы В.С. Черномырдина, который прекрасно выразил такой подход: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Источники:

1. Истоки и суть программ цифровизации экономики, образования и здравоохранения. URL: <http://historiosophy.ru/istoki-i-sut-programm-cifrovizacii-ekonomiki-obrazovaniya-i-zdravooxraneniya/> (дата обращения 15.02.2021)

2. Хомякова С. С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне / С. С. Хомякова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 9-12. – URL: <https://moluch.ru/archive/279/62867/> (дата обращения: 31.01.2021).

3. Мордовская, А. В. Основы профориентологии: учебное пособие для академического бакалавриата / А. В. Мордовская, С. В. Панина, Т. А. Макаренко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2014. –

237 с. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/381376> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Иванов И. П. Звено в бесконечной цепи. – Рязань, 1994.

5. Словарь по культурологии. URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 13.02.2021)

6. Философская энциклопедия – образование. URL: <http://www.terminy.info/philosophy/philosophical-encyclopedia/obrazovanie> (дата обращения: 13.02.2021).

7. Что такое цифровизация и какие сферы жизни она заденет. URL: https://center2m.ru/digitalization-technologies_ (дата обращения: 13.02.2021).

V. V. Tuzov (Saint Petersburg Elektrotechnical University «LETI»)

THE CONCEPT OF DIGITALIZATION AND EDUCATION

The content of the concepts of "digitalization" and "education" is considered. It is shown that it is impossible to reduce the process of education as a process of forming a new personality to the process of information transfer, which is implied when using the term "digitalization" in the field of education.

Digitalization, analog signal, digital signal, education, training, personality.

УДК 162.6

А. А. Хамидов (Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, e-mail: a.a.khamidov@yandex.ru).

АРГУМЕНТ К БЕСПОМОЩНОСТИ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-00485)

В настоящей работе предлагается разработанная автором аргументативная схема – аргумент к беспомощности, которую мы относим к области практической аргументации. Предлагается ряд критических вопросов для проверки обоснованности схемы. Также доказывается отличие данной схемы от уже существующих схем, таких как аргумент к последствиям и аргумент к человеку.

Аргументативные схемы, критические вопросы, презумптивная аргументация, аргумент к человеку

Предметом нашего интереса стал психологический феномен выученной беспомощности в контексте теории аргументации. Выученная беспомощность встречается и у людей, и у животных. Вызывает удивление, однако, тот факт, что люди оказываются готовы защищать свою позицию «беспомощности» от внешней критики, а не остаются пассивными в этом отношении.

Хотя для внешнего наблюдателя может быть очевидно, что человек находится в позиции выученной беспомощности и нет внешних причин для того, чтобы отказываться от принятия того или иного действия, для человека, который сам находится в этой позиции, принятие определенного действия не является допустимой опцией в силу эмпирической истории этого субъекта. Такие люди часто готовы самозабвенно отстаивать свою позицию, защищать выученную беспомощность.

Стоит отметить, что существует также и ситуации не «выученной», а действительной беспомощности, иными словами, в которых человек не в силах что-то сделать в силу объективных обстоятельств. Соответственно, должен существовать и аргумент к беспомощности, с помощью которого агент доказывает, что какое-либо действие не является возможным для него в силу существующих объективных обстоятельств.

Соответственно, если приводится аргумент к беспомощности, для не критического мышления оказывается невозможным различить, является ли аргумент к беспомощности обоснованным. То есть, в том случае, когда он апеллирует к «объективной беспомощности» или необоснованным, когда он апеллирует к выученной беспомощности.

Выученная беспомощность возникает, когда у агента исчезает убеждение в том, что между его действиями и желаемыми следствиями имеется стойкая

каузальная связь. Если агента убедить, что его действия ни на что ни влияют, как это показано в известном фильме «День сурка», или в том случае, если исходы возникают хаотично и не поддаются прогнозированию, агент отказывается от того, чтобы предпринимать какие-либо действия.

Схема аргумента к беспомощности:

Посылка: Действие агента *a* не приводит к желаемому результату *g*.

Заключение: Агенту не следует делать действие *a*, ради результата *g*.

Критические вопросы к схеме:

1. На чем основано утверждение о том, что если сделать *a*, то не наступят последствия *g*?
2. Было ли ранее осуществлено действие *a*, так что не было *g*?
3. Если действие *a* было осуществлено, а последствия *g* не наступили, были ли обстоятельства происходящего схожими с нынешними? (Что изменилось с прошлого раза?)
4. Необходимы ли особые компетенции агента, наличие которых, обеспечивало бы наступление *g* при действии *a*? Есть ли у агента эти компетенции?

Источники:

1. Walton D. N. New directions in the logic of dialogue // Synthese.1985. Vol. 63, №3. P.259-274. DOI: 10.1007/BF00485596.

2. Лисанюк Е. Н., Хамидов А. А. Аргумент к незнанию и аргумент от тишины. Дискурс. 2021;7(1):5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-5-16.

A. A. Khamidov (Saint Petersburg State University).

Argument from Helplessness

In this paper, a new argument scheme is proposed - the argument to helplessness - related to the field of practical argumentation. A number of critical questions are proposed to test the validity of the scheme. It also proves the difference of this scheme from already existing schemes, such as an argument to consequences and argument ad hominem.

Argumentation schemes, critical questions, presumptive argumentation, ad hominem

УДК 004.838

Л. А. Хусаенова (Бакирский государственный университет, e-mail: husaenova.linaria@yandex.ru)

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЛИ ДЕГУМАНИЗАЦИЯ?

В этой статье рассматривается концепция постчеловеческой философии и исследование возможностей преодоления человека постчеловеком. Проводится философский анализ трансгуманизма, искусственного интеллекта и концепций кибернетического бессмертия. С целью изучения открывающихся возможностей и тающихся опасностей перечисленных выше концепций, учитываются данные экзистенциального и гуманистического подходов.

Постчеловек, искусственный интеллект, трансгуманизм, дегуманизация, кибернетическое бессмертие.

Страх перед смертью, недовольство несовершенством и ограниченностью человеческого тела, желание стать чем-то большим, чем просто биосоциальное существо – всё это так или иначе повлияло на возрождение в современном дискурсе идеи сверхчеловека, которую мы можем найти ещё у философа Фридриха Ницше. «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [1, С. 10]. Ницше считал, что как обезьяна для нас лишь «предмет мучительного позора», предыдущая ступень эволюции, так и мы должны быть для сверхчеловека только одной из ступеней для становления, ещё одним шагом в эволюции. Интересно отметить, что русский современник Ницше, философ-космист Николай Фёдоров, развивал похожую идею, но с акцентом на воскрешение умерших. Фёдоров был убеждён, что отчуждённые друг от друга люди смогут объединиться в общем для всех деле, а именно – в деле преодоления «небратского» состояния людей [2, С. 82]. Фёдоров и другие космисты полагали, что превзойдя телесную несвободу, реализовав притязания на освоение космоса, создав новые ценности, которые предполагают гармонию человека и мироздания, люди смогут изменить это мироздание в лучшую сторону, реконструировать не только себя, но сам универсум. Конечно, русский космизм – направление прежде всего религиозное, однако оно выступает как вполне релевантный контекст для обсуждения современных трансгуманистических воззрений, по крайней мере, в качестве теоретического фундамента кибернетического или цифрового бессмертия. К тому же, сложно не заметить влияние христианской картины мира на в целом иррелигиозные трансгуманистические идеи: достижение вечной жизни, возможность воскрешения, надежда на лучший мир и проч.

Осознанно или нет, но отчасти продолжая идеи Ницше и Фёдорова, представители трансгуманистической философии хотят ускорить долгий эволюционный процесс и приблизиться к некоему подобию сверхчеловека с помощью современных технологий, научных достижений и прогресса. Трансгуманизм как философия заявляет про возможность преодоления несовершенного естественного тела и разума человека совершенными механизмами для тела и внедрением искусственного интеллекта. Также преодоление человеческого организма, а значит, ограниченного во времени, конечного, смертного, предполагает создание в будущем концепции кибернетического бессмертия – технологии, которая позволит передавать всю человеческую личность на долговечные носители информации, на основе которой получится точная копия личности. Трансгуманисты «играют ведущую роль в разработках технологий, связанных с радикальным продлением жизни, искусственным интеллектом и освоением космоса», надеясь совершить настоящую экспансию космического пространства и заселить другие планеты, сделав их пригодными для человеческой жизни [3, С. 107]. Хотя здесь речь может идти уже не про человека или не совсем про человека, а про его продолжение – постчеловека. Собственно, сами термины «постчеловеческий» и «постчеловек» стали популярны благодаря идеям трансгуманистов.

Современные представители трансгуманистического общества в России хотят с помощью технологий победить смерть и всё, что связано с несовершенным телом человека. Помимо трансгуманистов, смерть желают победить имморталисты, крионические общества, сторонники технологической сингулярности и др. Крионика – одна из концепций, благодаря которой человечество может сохранить жизнь человека с помощью глубокого охлаждения и последующего размораживания в будущем. На данный момент, согласно законам, люди подвергаются крионике только после юридически и медицински зафиксированной смерти головного мозга: замороженное тело пока невозможно подвергнуть оживлению даже после разморозки. По данным компании «Крио-Рус», на сегодня в России подверглись крионике 78 человек, в том числе 22 иностранных гражданина, а также 53 животных [4]. Данная технология предполагает следующий взгляд на смерть: конец человеческой жизни поэтапен, поскольку сначала тело останавливает свою работу, ещё не разрушая своих органов, но разрушая мозг – случается так называемая «клиническая смерть мозга». Следующий этап умирания связан с тем, что тело уже частично начинает разрушаться и происходит непосредственно биологическая смерть. Третий же этап характеризуется разложением плоти и лишь здесь происходит процесс, который невозможно обратить. Крионисты убеждены, что смерть как окончание жизни – это третий, последний этап, предыдущие же два этапа, если данное представление верно, позволят в будущем восстанавливать тела, их функции и воскрешать людей.

Если есть постчеловеческая философия, значит должна быть и система постгуманистических принципов. Следовательно, появляется почва для

критики классического гуманистического учения с его антропоцентрической направленностью и заикленностью на настоящем времени в ущерб будущему. Постгуманизм направлен в будущее, он смотрит на человека не как на исключительно природное и социальное существо, а как ещё и на порождение техносферы с её технологическими возможностями, обращённостью к таким научным направлениям, как медицина, информатика, инженерия, биотехнологии, генетика, нанотехнологии и т.д. В результате, с этой точки зрения, человек постепенно получит возможность трансформироваться в более совершенное во всех смыслах существо: с улучшенной памятью и когнитивно-интеллектуальными способностями, более прокачанными органами чувств или даже с новыми, ещё неизвестными современному человеку, органами чувств. Всё дело в том, что постгуманисты убеждены: человеческая эволюция вовсе не завершена, она может и даже должна продолжаться. Подобное мировоззрение также можно назвать постантропоцентризмом по изложенным выше причинам. Человек больше не может претендовать на собственную исключительность в системе мироздания.

Философ Жан-Мари Шеффер утверждает, что тезис антропоцентризма пора заменить на более актуальный – если не на тезис постантропоцентризма, то во всяком случае перестать считать человека так называемым «венцом творения». С точки зрения французского философа, субъект-объектная направленность в философии и науке, характерная для мысли после Рене Декарта, слишком долго представляла мир в качестве объекта познания, а человека – в качестве субъекта, в результате чего между ними появилась непроходимая пропасть, поскольку человек здесь – познающий субъект, единственный и исключительный в своём роде. Выходит, что философия Нового времени проложила путь для гносеологизации – ухода от бытия как такового к человеческому способу познания мира и это стало своеобразным философским мейнстримом на долгое время. «Декарт начал подпирать дуалистическую онтологию доказательством основополагающего характера *cogito*, то есть мысли, для того, чтобы утвердить радикальную особость человека» – здесь Шеффер указывает на картезианский переворот в сторону гносеоцентрического и дуалистического понимания человека [5, С. 96]. Такое понимание разделяет человека на две части: тело и душу, материальное и духовное начало. Тезис антропоцентризма – есть тезис об исключительности человека, Шеффер же утверждает, что пора перестать считать человека исключительным существом, отделяя его от других животных, возвышая его над ними и думать, что на человеке заканчивается вся история эволюции. Однако нельзя не отметить, что, критикуя философские концепции прошлых эпох от картезианства до экзистенциализма, Шеффер не предлагает чёткую и определённую концепцию нового натурализма, о которой постоянно говорит, философ сталкивается с ограничениями данного подхода и опасностями, которые его сопровождают: выпадение в очередной субъект-объектный дуализм, замыкающийся сам на себе.

Каким будет постчеловек? Можно ли утверждать, что он будет являться естественным продолжением человека или же речь идёт про некую нечеловеческую сущность, превосходящую человека, следовательно, про дегуманизацию? Как справедливо отмечает Маслов В.М., всю суть постчеловеческих идей в сжатой форме можно представить в виде проекта по освобождению человека от всех ограничений, связанных с его телесностью и биологией, обладающими своими границами: неспособностью выдерживать экстремально высокие или экстремально низкие температуры, физической болью и различными заболеваниями, включая ментальные расстройства, старением тела и другими страданиями, свойственными для человека в том виде, в котором он существует сейчас [6]. Не грозит ли это человеку существенным отрывом, различием и возможной дискриминацией со стороны постчеловека? Ведь как мы выяснили ранее, постчеловек будет «выше» человека по всем параметрам: интеллектуальным, телесным, физическим и т.д. Вполне разумно сделать предположение, что так называемое «улучшение» для человека будет проектом, а для постчеловека – «нормой», как и наоборот: «нормальное» для людей будет «отклонением» для постчеловека [7, С. 57].

Экзистирование в современном понимании этого термина для постчеловека будет уже невозможным: избавившись от боли, от страха смерти, не зная тревог и не испытывая тягостных и постоянных сомнений в себе и окружающем мире, постчеловек явно уже не может называться человеком в подлинном смысле этого слова. Такие экзистенциалы, как «заброшенность», «бездомность», «отчаяние», «ужас» и др. станут ему недоступными. Ужас по Хайдеггеру обнажает присутствие как возможность, то есть как освобождённость для выбора самого себя, а будет ли возможен такой выбор для постчеловека? «Люди сами имеют свои манеры быть» [8, С. 127]. Разве не переживание своего существования, осознание себя как несамостоятельного существа, оторванного от природы, одинокого во Вселенной и, в конце концов, смертного и понимающего свою смертность – разве не всё это делает человека человеком? «Найти и осмыслить своё место в меняющемся мире, сохранить свою индивидуальность» – встанут ли эти задачи перед постчеловеком, если он будет обладать практически неограниченными возможностями? [9, С. 382] Трансгуманизм, концепции искусственного интеллекта и кибернетического бессмертия, таким образом, могут поставить под вопрос те ценности, которые вырабатывались человечеством на протяжении веков, вылившиеся в гуманистические идеалы и представления о правах человека.

Источники:

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и на для кого / Пер. с нем. Ю. Антоновского. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2020. 352 с.
2. Федоров Н. Ф. Сочинения. М: Мысль, 1982. 711 с.

3. Хуберман Дж. Трансформация бессмертия: клонирование интеллекта, трансгуманизм и поиск цифровой вечной жизни / Пер. с англ. А. Котловой / Археология русской смерти, №6, 2018. С. 106-130.
4. Сайт криокомпании ООО «КриоРус» / URL: <https://kriorus.ru> (дата обращения: 1.02.2021).
5. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
6. Маслов В. М. Постчеловеческий фокус философии высоких технологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postchelovecheskiy-fokus-filosofii-vysokih-technologiy> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Попова А. В., Киселевская Л. Е. Концепция постчеловека – новый дискурс XXI в. // История и современность, № 3 (29), 2018. С. 51-65.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
9. Крюкова О. С. Человек в цифровом мире: проблема дегуманизации личности. // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество, № 2-1, 2019. С. 381-382.

L. A. Khusaenova (Bashkir State University)

POSTHUMAN STUDIES: SUPERHUMAN POSSIBILITIES OR DEHUMANIZATION?

This article examines the possibilities of overcoming the human condition by a posthuman actor – delving into the field of Posthuman Studies. In doing so, I carried out a philosophical analysis of the following notions: transhumanism, artificial intelligence, and cybernetic immortality. In the course of this work, the combination of the humanistic and existential lenses serves as a theoretical framework to evaluate the welcome opportunities and looming threats of the above-mentioned notions.

Posthuman, artificial intelligence, transhumanism, dehumanization, cybernetic immortality.

УДК 16.167:519.23

В. В. Яхеев (Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС РФ, e-mail: yakvaleri@yandex.ru);

Е. В. Логина (свободный исследователь, e-mail: katerinalogina@gmail.com)

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ МНОГОМЕРНЫЙ КРИТЕРИЙ СРАВНЕНИЯ ЯХЕЕВА, КАК МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНА ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО НА ПРИМЕРЕ УДАРООПАСНОСТИ ГОРНЫХ ПОРОД

На основании статьи сделан следующий вывод, что относительный многомерный критерий сравнения Яхеева, математически демонстрирует действие закона перехода количества в качество на примере удароопасности горных пород. Здесь количественные изменения параметров, которые характерны для определенного горного массива, приводят к различному качеству этого массива по удароопасности, что отвечает духу и сути закона перехода количества в качество и показывает его действие в горном деле. В результате расчетов этого критерия с использованием физико-механических свойств, установлено что удароопасность горной породы составляет 14,91, а руды 13,05 относительных единиц по сравнению с 1-й относительной единицей у закладочного массива. Из этого был сделан вывод что закладочный массив не является удароопасным, что было подтверждено статистикой горных ударов по руднику «Октябрьский».

Закон, Гегель, количество, качество, мера, скачок, многомерный критерий сравнения Яхеева, горный удар, удароопасность.

Закон перехода количества в качество один из законов диалектики, открытых Гегелем [1]. Этот закон можно назвать всеобъемлющим, он один из важнейших и наиболее общих законов развития природы, человеческого общества и мышления.

Содержание закона раскрывается с помощью следующих категорий: качество, свойство, количество, мера, скачок [2].

Однако до настоящего времени, этот закон не был отражен математически. Лишь только относительный многомерный критерий сравнения Яхеева [3, 4], носящий по традиции фамилию своего создателя, представленный формулами (1) и (2), позволяет это сделать, используя философские категории этого закона.

Рассмотрим этот критерий для изучения такого качества, как удароопасность горных пород. Горный удар – внезапное быстропротекающее разрушение предельно напряжённой части массива полезных ископаемых (породы), прилегающей к подземной горной выработке [5]. Горный удар

сопровождается выбросом полезных ископаемых (пород) в горную выработку, сильным звуковым эффектом, возникновением мощной воздушной волны.

Оценим этот критерий для исследования такого качества, как удароопасность горных пород и сопоставим понятия данного критерия с категориями закона перехода количества в качество, что представлено ниже:

$$\text{При условии: } Ya' = \frac{\sum_{i=1}^n p_i \frac{x_i^1}{x_i^0}}{n} = \begin{cases} > 1 \\ = 1 \\ < 1 \end{cases} \quad (1)$$

$$\exists x_i \in \uparrow, \Rightarrow \frac{x_i^1}{x_i^0}; \exists x_i \in \downarrow, \Rightarrow \frac{x_i^0}{x_i^1} \quad (2)$$

где: удароопасность (качество) сравниваемого горного массива составляет при $Ya' > 1$ – больше; $= 1$ – одинакова; < 1 – меньше, по сравнению с базовым горным массивом (месторождением), где число 1 является мерой, а скачок, это больше или меньше этой меры;

x_i^0 – параметры (являются свойствами) удароопасности базового горного массива, относительно которого происходит сравнение, в нашем случае это закладочный массив. Численное значение параметра является количеством;

x_i^1 – то же самое, соответственно и для рассматриваемых горных массивов, в нашем случае это горный массив из породы и руды;

p_i – весовой коэффициент, выражающий вес каждого параметра с учетом его значимости, может определяться экспертным или расчетным методом. Так как мы не проводим исследований по этому вопросу, то принимаем вес каждого параметра равным единице, то есть $p_i = 1$.

n – нижний индекс показывает число элементов, влияющих на удароопасность горного массива, должно быть одинаковым для сравниваемых горных массивов месторождений;

$\uparrow$ – прямо пропорциональная величина. В случае удароопасности, это те величины, увеличение значения которых, прямо пропорционально удароопасности, то есть увеличивает удароопасность. В нашем случае прямо пропорциональными величинами, являются такие параметры, как плотность, предел прочности на сжатие и модуль Юнга, тогда берется отношение физико-механических свойств $\frac{x_i^1}{x_i^0}$. То есть параметр сравниваемого массива (рудный и породный массив) сопоставляется с параметр базового закладочного массива (смотри формулу (2)).

$\downarrow$ – обратно пропорциональная величина. В случае удароопасности, это те величины, увеличение значения которых, обратно пропорционально удароопасности, то есть снижают удароопасность. В нашем примере, такой параметр – это модуль Пуассона, тогда берется обратное отношение физико-механического свойства $\frac{x_i^0}{x_i^1}$. То есть параметр базового закладочного массива сопоставляется с параметром сравниваемого массива (рудный и породный массив) $\frac{x_i^0}{x_i^1}$ (смотри формулу (2)).

⇒ – логическое следование (импликация).

Относительный многомерный критерий сравнения Яхеева, основывается на следующем физическом смысле, что чем прочнее и более упруга порода, слагающая массив, то тем более он удароопасен. Здесь наблюдается прямо пропорциональная зависимость, то есть увеличение значений прочностных и упругих физико-механических свойств, увеличивает удароопасность. И наоборот то физико-механическое свойство, которое уменьшает способность пласта полезных ископаемых (породы) к накоплению упругой энергии, уменьшает удароопасность.

Таблица 1

Прогнозирование и сопоставление удароопасности массивов руды и породы к закладке по их физико-механическим свойствам при помощи относительного многомерного критерия сравнения удароопасности Яхеева

Наименование массива	Физико-механические свойства/ Y_a' (Значение относительного многомерного критерия сравнения удароопасности Яхеева по свойству), ед.				Y_a' (Значение относительного многомерного критерия сравнения удароопасности Яхеева), ед.
	Плотность	Прочность	Упругие свойства		
			Плотность, t/m^3	Предел прочности и на сжатие, МПа	
Вмещающие породы	2,6/1,24	130/21,63	70000/35,64	0,26/1,12	14,91
Сульфидная (богатая) руда	4,1/1,95	80/13,31	70500/35,90	0,28/1,04	13,05
Закладочный массив	2,1/1	6,01/1	1964/1	0,29/1	1
Примечание: * – берется обратное отношение					

Так как мы сравниваем удароопасность закладочного массива, по сравнению с породным и рудным массивом, то закладочный массив берем за базовый массив, относительно которого происходит сравнение. Физико-механические свойства закладки берем за исходные, относительно которых происходит сравнение. Закладка дает относительную единицу удароопасности, так как свойства закладки делим сами на себя.

Таким образом получаем относительные оценки удароопасности рудного и породного массива по сравнению с закладочным массивом.

Эта оценка удароопасности с использованием относительного многомерного критерия сравнения удароопасности Яхеева приведена в таблице 1.

Данные таблицы 1 показывают, что удароопасность массивов из горных вмещающих пород и руды больше удароопасности закладочного массива в соответствии с относительным многомерным критерием сравнения Яхеева. Причем удароопасность горной породы в 14,91 раз больше, а руды в 13,05 раз больше, чем у закладочного массива которая равна 1, в соответствии с этим критерием. Из такой большой относительной разности, можно предположить, что закладочный массив не удароопасен. Как известно критерием истины является практика. Что подтверждают данные натуральных наблюдений Лаборатории автоматизированного слежения за количеством горных ударов по руднику «Октябрьский» за 2006-2010гг, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Распределение горных ударов по руде, породе и закладке по шахтному полю рудника «Октябрьский» за период с 2006 по 2010гг.

Год	Количество произошедших горных ударов			
	Порода	Руда	Закладка	Итого:
2006	56	78	0	134
2007	106	66	0	172
2008	14	26	0	40
2009	15	24	0	39
2010	17	0	0	17
Итого :	208	194	0	402

Таким образом, достоверность прогноза удароопасности по относительному многомерному критерию сравнения Яхеева подтверждается данными натуральных наблюдений за количеством горных ударов по руднику «Октябрьский» за 2006-2010гг, что математически демонстрирует действие закона перехода количества в качество. Здесь количественные изменения параметров, которые характерны для определенного горного массива, приводят к различному качеству этого массива по удароопасности, что отвечает духу и сути закона перехода количества в качество и показывает его действие в горном деле.

Источники:

1. Гегель Г. В. Классическое собрание сочинений Гегеля в 14 томах (1929–1958) / Переводы Б. Г. Столпнера, Г. Г. Шпета, А. М. Водена, П. С. Попова
2. Кикель, П. В., Сороко, Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. – 2-е изд. – Минск: БГПУ, 2008. – 266 с.

3. Яхеев В. В. Многомерный критерий сравнения выбросоопасности двух геологических зон месторождений полезных ископаемых // Горный журнал. Известия вузов. 1987. № 3.-С.73–76.

4. Яхеев В. В. Разработка многомерного критерия сравнения (критерия Яхеева) для выбора инновационной технологии // Актуальные проблемы экономики современной России: Сборник научных трудов (под ред. А. А. Овощенко). ГУАП. СПб. 2010. С.173-176.

5. Петухов И. М. Механика горных ударов и выбросов / И. М. Петухов, А. М. Линьков. М.: Недра, 1983. – 279 с.

V. V. Yakheev (Saint Petersburg State Fire Service University of the Russian Ministry of Emergency Situations), E. V. Logina (independent researcher)

THE RELATIVE MULTIDIMENSIONAL COMPARISON CRITERION OF YAKHEEV, AS A MATHEMATICAL REFLECTION OF THE LAW OF TRANSITION OF QUANTITY TO QUALITY ON THE EXAMPLE OF ROCKBURST HAZARD OF ROCKS

On the basis of article concluded that the relative multidimensional comparison criterion of Yakheev mathematically demonstrates the law of transition from quantity to quality on the example of rockburst hazardous of rocks. Here, quantitative changes in the parameters that are characteristic of a certain mountain range lead to a different quality of this array in terms of impact hazard, which corresponds to the spirit and essence of the law of the transition of quantity to quality and shows its effect in mining. As a result of calculations of this criterion using physical and mechanical properties, it was found that the impact hazard of the rock is 14.91, and the ore is 13.05 relative units compared to the 1st relative unit of the laying array. From this, it was concluded that the laying array is not shock-dangerous, which was confirmed by the statistics of mining strikes at the Oktyabrsky mine.

The law, Hegel, quantity, quality, measure, jump, multidimensional comparison criterion of Yakheev, rock burst, rockburst hazard.

СЕКЦИЯ №2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

УДК 321

С. М. Елисеев (Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сотрудничества, e-mail: Eliseevprof@gmail.com);

В. А. Глухих (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: Vladimirglu@mail.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению проблемам и перспективам цифровой трансформации современного государства. В ней содержится общее определение цифровой трансформации, ее конкретные задачи, цели, этапы. Философия цифровой трансформации государства и общества предполагает свободное и активное участие граждан в выработке принимаемых государством решений. Авторы, сопоставляя различные позиции, приходят к выводу, что главной проблемой трансформации системы государственного управления в РФ является низкая вовлеченность граждан в процессы государственного управления и их отчуждение от процессов реформирования существующей системы государственного управления

Государство, цифровая трансформация, умное государство

Введение

В настоящее время цифровая трансформация общества и государства стала насущной задачей во многих странах мира. Цифровые технологии идут на смену аналоговым. Объем информации в мире постоянно растет. В мире он возрастает ежегодно на 30 %.

Более 59 зеттабайт данных было создано, скопировано и использовано в мире в 2020 году, согласно обновлению отчета International Data Corporation (IDC). Отчасти это связано с пандемией, вызвавшей переход на удаленную работу и ощутимый всплеск потребления видео. Объем данных, созданных в течение следующих трех лет, будет больше, чем объем данных, созданных за последние 30 лет. А в течение следующих пяти лет мир будет создавать в три раза больше данных, чем в предыдущие пять

К 2025 году объем всех данных во всем мире составит 163 зеттабайт (ЗБ). Это в 10 раз больше, чем общий объем данных по состоянию на 2016 год. Многократно возрастающие информационные потоки требуют новых технологических решений хранения, обработки и передачи больших массивов данных (Big data). Цифровые технологии как раз позволяют решить эту задачу.

Сегодня мы становимся свидетелями того, как цифровые технологии на наших глазах видоизменяют все традиционные отношения. Цифровые технологии активно внедряются в бизнес, образование, медицину, политику и управление. Именно на перспективах и рисках внедрения цифровых технологий в систему государственного управления мы и хотим сосредоточить наше внимание. Потенциал цифровых платформ в сфере государственного управления требует дополнительного изучения и анализа, поскольку в отличие от бизнеса в государственном управлении цифровые платформы имеют свою специфику в реализации проектов и программ.

От электронного правительства к умному государству

В настоящий период перевод государственного управления в цифровую среду является важнейшей задачей реформы российского государства. Этой проблеме в научной литературе уделено много внимания [1, 2, 3].

Следует отметить, что в научной среде понятие «цифровая трансформация» не получило однозначного определения [4]. В широком смысле под цифровой трансформацией понимаются изменения всех аспектов общества, связанные с применением цифровых технологий [5]. Цифровая трансформация рассматривается как ключевой тренд, характерный для различных отраслей и секторов экономики и социальной сферы [6], позволяющий радикально повысить результативность или расширить объем операций организации [7]. Стратегии цифровой трансформации часто направлены на трансформацию (изменение) продукции, процессов, организации деятельности (управления) на основе применения инновационных технологий [8], создают новые возможности для взаимодействия с потребителями и удовлетворения их потребностей [9].

В основе цифровизации государства лежит идея трансформации его в цифровую платформу. По сути, это новое представление электронного правительства, в основе которого лежит общая инфраструктура цифровых систем, технологий и процессов, с помощью которых можно легко создавать государственные услуги, ориентированные на пользователя [10].

Концепция правительства как платформы предполагает, что граждане обладают необходимыми навыками для решения проблем на местном и региональном уровнях; платформа может предоставлять информацию гражданам, там и тогда, где и когда они в ней нуждаются; где граждане могут быть уполномочены инициировать инновации, которые улучшат государственное управление. В этой модели О'Рейли рассматривает правительство как «организатора и активиста, а не первую движущую силу гражданских действий». В основе идеи О'Рейли лежит то, что сами граждане могут быть вовлечены в деятельность цифрового правительства. В противоположность радикальному подходу Д. Кеттла, который описал правительство как торговый автомат, где налоги платятся в обмен на сервисы и единственный механизм участия граждан – это «коллективная жалоба», когда услуги не доставлены должным образом. Скорее, правительство должно развивать потенциал для инноваций в «экосистеме участия».

Создание цифровой платформ как особой цифровой и информационно-коммуникационной инфраструктуры для развития цифровой экономики и реализации государством управленческих функций является приоритетной задачей текущего периода реформы государственного управления в РФ. Но создание цифровой платформы это только один из этапов цифровой трансформации современного государства.

Эксперты Организация экономического сотрудничества и развития выделяют три основных этапа цифровой трансформации:

- оцифровка процессов, в рамках которой осуществляется внедрение традиционных цифровых технологий для повышения эффективности деятельности органов власти, управления данными;

- электронное правительство, предполагающее внедрение цифровых технологий, особенно основанных на использовании интернета, для совершенствования государственного управления;

- цифровое правительство, при котором цифровые технологии последнего поколения (такие как интернет вещей, искусственный интеллект, предиктивная аналитика) позволяют учитывать предпочтения пользователей при формировании состава предоставляемых услуг и процедур, связанных с их получением. Цифровые технологии становятся не просто инструментом реализации стратегии модернизации государственного управления, но и в значительной степени определяют направления изменений [11].

В научном сообществе нет единого понимания того, что следует понимать под умным правительством. С технологической точки зрения оно представляет собой набор определенных параметров, на которые ориентировано современное государство.

Это набор взаимно интегрированных учетных, справочных, аналитических блоков, объединенных некоей smart-надстройкой. У smart-надстройки есть определенные технологические признаки:

- используются новые способы сбора данных, или должен работать интернет вещей;

- внедрены новые методы фиксации фактов, здесь речь идет в основном о распределенном хранении – блокчейн-технологиях;

- объекты инфраструктуры управляются с помощью современных методов аналитики, то есть идет речь о технологиях больших данных, предиктивной и прогнозной аналитике;

- решения принимаются на базе этой аналитики, то есть задействованы когнитивные технологии.

Но чисто технологический подход слишком узок для описания умного правительства. С социологической точки зрения концепция умного правительства объединяет в единое целое такие темы как умная экономика, умная среда, умная мобильность и умные люди. Умность в этих областях заключается в контекстном анализе и сочетании большого количества структурированных и неструктурированных данных, что позволяет самообучающимся алгоритмам

делать все более точные утверждения об определенных фактах, группах или даже отдельных людях, позволяя автоматизировать или выполнять определенные задачи гораздо более эффективными и удобными для граждан способами.

Сегодня правительствам и администрациям во все мире не хватает полного понимания факторов успеха «умного правительства». Они сосредоточились на технической инфраструктуре, больших данных, алгоритмах и роли вовлечения граждан. На данном этапе незнание того, какие требования должны быть выполнены для того, чтобы правительства стали умными, вероятно, является самым серьезным препятствием для изучения потенциала новых технологий в умных городах и средах.

По нашему мнению, понятие «умное правительство» можно определить следующим образом: оно использует возможности, предоставляемые ИКТ, соединяя и интегрируя физическую, цифровую, общественную и частную среду, чтобы пассивно и активно взаимодействовать и сотрудничать с гражданами, чтобы лучше понять их потребности и творчески, эффективно и эффективно предоставлять услуги в любое время.

Но чтобы успешно реализовать цифровой переход от электронного правительства к умному правительству важно соблюдать определенные принципы, а именно: обеспечение равного участия для всех и укрепление солидарности, обеспечение безопасности, доверия и прозрачности, соблюдение и улучшение цифровых прав и возможностей граждан, обеспечения роста их благосостояния. Это может стать возможным, если общество в целом будет совместно заниматься цифровизацией. В противном случае общество и государство столкнутся с большими проблемами, диапазон которых может варьироваться от цифрового хаоса до тотального контроля.

Очевидно, что переход от электронного правительства к умному государству займет в РФ как минимум 15–20 лет. За этот период должны произойти не только институциональные, но и социокультурные трансформации, связанные с адаптацией граждан к новой цифровой реальности.

От гражданской пассивности к цифровому участию

Философия цифровой трансформации государства и общества предполагает свободное и активное участие граждан в выработке принимаемых государством решений. В противном случае, как мы писали выше, государство превращается в автомат по продаже услуг в обмен на налоги. Понятно, что это не имеет ничего общего с идеей умного государства. Однако, по мнению экспертного и научного сообщества, участие граждан в выработке и принятии государственных решений сильно отстает от требований цифровизации государства. С целью проверки этой гипотезы мы провели небольшое исследование, которое в целом подтвердило наше предположение.

Весной 2019 году мы проводили пилотажное эмпирическое исследование с целью выявления степени участия граждан в процессе внедрения концепции открытого правительства. В исследовании приняло участие 880 человек в возрасте от 18 до 50 лет. В качестве основного метода сбора эмпирической

информации использовался метод опроса. Опрос проводился с помощью анкетирования и структурированного интервью. Такой подход позволил получить качественно новую информацию по исследуемым вопросам.

Анкета разработана в соответствии с целью и задачами исследования на основе проведенной эмпирической интерпретации основных понятий и предварительного системного анализа.

В результате исследования было установлено, что большинство опрошенных (72%) не знали программе формирования открытого правительства в РФ. Только 26% отметили, что постоянно пользуются госуслугами в электронном виде. Остальные при обращении в органы государственной власти используют традиционные процедуры, предполагающие использование бумажного документооборота. Следует отметить, что среди тех, кто постоянно пользуются госуслугами в электронном виде выделяется группа в возрасте 26-35 лет. Среди этой социально-демографической группы 56% ответили, что постоянно пользуются госуслугами в электронном виде. Отметим, что этот показатель оказался существенно ниже в группе в возрасте от 18 до 25 лет. Только 26 % опрошенных указали, что постоянно пользуются госуслугами в электронном виде.

Результаты эмпирического исследования позволили сделать следующие выводы. Во-первых, главной проблемой трансформации системы государственного управления в РФ, по нашему мнению, является низкая вовлеченность граждан в процессы государственного управления и их фактическое отчуждение от процессов реформирования существующей системы государственного управления.

Во-вторых, институциональная среда и инфраструктура государства, по нашему мнению, не готовы к открытому диалогу с гражданами. Значительная часть граждан не имеет необходимых компетенций и не испытывают доверия к органам государственной власти и управлению.

Таким образом без серьезного роста вовлеченности граждан в процессы государственного управления переход к модели цифрового правительства с неизбежностью приведет к более трудозатратному эволюционному пути реформирования системы государственного управления и сделает экономику менее конкурентоспособной на глобальных рынках.

Мы считаем, что необходима уже сейчас разработать комплекс мер, направленных на повышение цифровой грамотности и компетентности граждан, снижения цифрового неравенства [12. С. 37].

Источники:

1. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект Пресс. 2018. – 384 с.
2. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №5. С.120–135

3. Михайленко Н. В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня// Государственная служба и кадры.2020. №2. С.171–175
4. Reis J., Amorim M., Melao N., Matos P. Digital Transformation: A Literature Review and Guidelines for Future Research. In: A. Rocha et al. (Eds.): WorldCIST'18 2018, AISC745, pp. 411-421, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-77703-0_41.
5. Stolterman E., Croon Fors A. Information Technology and the Good Life. In: Kaplan B., Truex D., Wastell D., Wood-Harperand A.T., De-Gross J. (eds) Information systems research: relevant theory and informed practice. Kluwer Academic Publishers, Boston, P. 2004.P. 687–692
6. Gray J., Rumpe B. Models for the digital transformation // Software & Systems Modeling. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 307–308
7. Westerman, G., Calme jane, C., Bonnet, D., Ferraris, P., McAfee, A. Digital Transformation: A Roadmap for Billion-Dollar Organizations. 2011. PP. 1–68. MIT Sloan Management, MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting
8. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital Transformation Strategies // Business and Information Systems Engineering. 2015. Vol. 57 No. 5. P. 339–343
9. Berman S. J. Digital transformation: Opportunities to create new business models // Strategy and Leadership.2012. Vol. 40. No. 2. P. 16–24.
10. O'Reilly T. Government as a Platform // Innovations: Technology, Governance, Globalization.2011. Vol. 6. No. 1. P.13–40.
11. OECD Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. 2014. http://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation_digital-government-strategies.pdf.
12. Глухих В. А., Елисеев С. М. Цифровая платформа как стратегия развития правительства в информационном обществе // Информация–Коммуникация–Общество. 2020. Т.1. С. 32–37

S .M. Eliseev (University under the Interparliamentary Assembly of the Eurasian economic cooperation)

V. A. Glukhikh (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PROSPECTS AND PROBLEMS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE MODERN STATE

The article is devoted to the problems and prospects of digital transformation of the modern state. It contains a general definition of digital transformation, its specific tasks, goals, and stages. The philosophy of digital transformation of the state and society presupposes the free and active participation of citizens in the development of decisions made by the state. The authors, comparing the different positions, we conclude that the main problem of transformation of the system of public

administration in Russia is the low involvement of citizens in the governance process and their exclusion from the processes of reforming the existing system of public administration

The state, digital transformation, smart government

УДК 316.77:659

В. Н. Гаркуша (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vngarkusha3@gmail.com)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается современное состояние разработок в области применения искусственного интеллекта в образовательной среде. Рассматриваются новейшие технологии, которые уже играют огромную роль, как для преподавателей, так и для обучающихся. Также, затрагивается тема будущего искусственного интеллекта в образовании, виртуальной и дополненной реальности, и актуальные аспекты возможностей построения обучения в данной среде. Перечислены существующие проблемы в данной области.

Информационные технологии, искусственный интеллект, цифровое образование, виртуальная реальность, технологии VR, дополненная реальность AR, платформы обучения, дистанционное обучение.

Повсеместная самоизоляция привела к тому, что множество людей по всему миру вынуждены были перейти на дистанционное обучение. И далеко не у всех этот процесс прошел гладко. В статье говорится о том, какие плюсы образовательным сервисам может дать искусственный интеллект, и как изменится сам образовательный процесс в будущем.

Искусственный интеллект (ИИ, artificial intelligence, AI) – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ [1]. ИИ не следует путать с искусственным сознанием (ИС). Нейрофизиологи отмечают принципиальную разницу между AI и ИС. По их мнению, именно сознание, а не интеллект является существенным отличием высших млекопитающих, включая человека разумного. Моделирование сознания является нерешенной научной задачей.

История искусственного интеллекта, как нового научного направления начинается в середине XX века. Основными подходами к пониманию проблемы являются: тест Тьюринга и интуитивный подход, символичный подход, логический подход, агентно-ориентированный подход, гибридный подход, символическое моделирование мыслительных процессов, работа с естественными языками, представление и использование знаний, машинное обучение и машинное творчество и др. Искусственный интеллект – основа современного онлайн-образования [2]. Можно назвать три основных причины, по которым он интенсивно внедряется в образовательный процесс:

ИИ помогает сделать процесс обучения более эффективным и удобным для студента и преподавателя. Крупные российские онлайн-школы уже создают и используют программы на основе ИИ. ИИ анализирует каждое занятие, прогресс ученика и работу преподавателя и меняет траекторию обучения, в зависимости от результатов.

ИИ повышает вовлечённость через геймификацию. Большинство онлайн-игр и обучающих тренажёров работают на искусственном интеллекте. Сервис для изучения иностранных языков Lingualeo организован таким образом, что всё обучение проходит в игровой форме.

ИИ позволяет максимально автоматизировать обучение. Сегодня некоторые образовательные ресурсы обходятся без участия человека: чат-боты отвечают на вопросы, роботы проводят уроки. И эта тенденция с каждым годом усиливается, благодаря развитию искусственного интеллекта и машинного обучения.

Инновации искусственного интеллекта (ИИ) влияют на сферы, далёкие от мира технологий. Даже консервативная образовательная отрасль в скором времени будет широко применять системы искусственного интеллекта. Основные возможности использования ИИ в преподавании:

– Адаптивное обучение. Это самая многообещающая возможность применения ИИ в образовании. Он поможет отслеживать индивидуальный прогресс каждого студента. Усвоил тему – пора писать контрольную работу, знания оставляют желать лучшего – система оповещает преподавателя о трудностях в понимании материала. ИИ также может использоваться в интеллектуальных системах обучения.

– Персонализированное обучение. Это широкий спектр образовательных программ, в которых методика и темп обучения зависят от потребностей каждого ученика, его особых интересов и предпочтений. ИИ адаптирует образовательный процесс к индивидуальной скорости обучения каждого студента и предлагает задания возрастающей сложности. Такой подход позволяет каждому выбрать комфортный режим: можно учиться как в быстром, так и медленном темпе.

– Автоматическое оценивание. Система автоматического оценивания на основе искусственного интеллекта использует компьютерные программы, имитирующие поведение учителей при проверке домашних заданий. Она может оценить знания студента, проанализировать ответы, предоставить индивидуальную обратную связь и создать обучающий план с учётом индивидуальных особенностей.

– Оценка преподавателя студентами. Учебные заведения обращают внимание на отношение студентов к преподавателям и проводят анкетирование. Несмотря на то, что бумажные опросники теперь заменили на цифровые, сам процесс обратной связи мало изменился. Однако его пора пересмотреть, потому что студенческие отзывы – важный источник информации.

Искусственный интеллект предлагает несколько интересных возможностей для оптимизации этого процесса:

– Чат-боты могут собирать информацию, используя диалоговый интерфейс, имитирующий настоящее интервью. Такой процесс не потребует от студента особых усилий.

– Беседы можно адаптировать под характер студента и видоизменять в зависимости от его ответов.

– Чат-боты могут фильтровать грубые комментарии и личные оскорбления, которые иногда встречаются в формах обратной связи.

– Контроль экзаменационного процесса. Дистанционное обучение – флагман современного образования. А дистанционные экзамены – его обязательная составляющая. Однако при администрировании такого экзамена возникает серьёзная проблема: как идентифицировать личность и избежать фальсификации. Контролирующие системы на основе искусственного интеллекта могут установить, сдаёт ли человек тест самостоятельно, и исключить обман.

– Интервальное обучение. Эта образовательная методика с использованием ИИ технологий позволяет эффективно закреплять пройденный материал. Уже созданы приложения, которые отслеживают, что именно и когда изучает студент. При помощи ИИ приложение определяет, когда студент может забыть новую информацию и рекомендует её повторить. Получить устойчивые знания можно через несколько подходов.

– Умные кампусы. Умный кампус отвечает на любые запросы студентов, которые связаны с учёбой и жизнью в студенческом городке: как найти лекционную аудиторию, зарегистрироваться на выбранный курс, получить задания, найти свободное место на парковке или связаться с профессором. Smart-кампус уже есть в западноавстралийском университете (UWA). Он работает на Watson, суперкомпьютерной системе, созданной в IBM.

Уже сейчас при помощи ИИ можно исследовать предпочтения посетителей, анализировать их поведение. Подключая к этому данные из разных источников, включая социальные сети и отраслевые СМИ, искусственный интеллект может своевременно рекомендовать дополнения учебных программ, помогать образовательным проектам выстраивать Road Map и развиваться в том направлении, которого ждут клиенты.

В цифровую эпоху система образования и ее отдельные элементы развиваются по траекториям децентрализации и гибкости (отказ от жестких стандартов, перечня профессий как основания определения направлений подготовки в высшем образовании, деление на уровни – бакалавриат, магистратура, аспирантура – в пользу модульных и краткосрочных программ, тренингов). По мере дальнейшего слияния онлайн- и офлайн-среды и развития технологий дополненной и виртуальной реальности физическое нахождение человека на территории какого-либо институционально оформленного элемента системы образования станет необязательным.

Цифровое образование начиналось с Learning Management System, как способа поддержки традиционных образовательных курсов, совместной сборки офлайн- и медиаформатов обучения. Открытые образовательные ресурсы призваны удовлетворить массовый спрос на образование в течение всей жизни, соответствуют стремлению людей обучаться по индивидуальным учебным планам и получить недорогое образование при постоянном росте цен на формальное образование.

VR-технологии, дополненные искусственным интеллектом, будут менять параметры виртуального пространства в зависимости от действий пользователей, что позволит отрабатывать навыки применения знаний. Инструменты обучения VR и AR применимы для обучения работе со слишком сложными, опасными и дорогими системами и процессами.

Развитие системы образования с применением искусственного интеллекта требует серьезного социально-гуманитарного экспертного сопровождения [3]. Образование, функционируя в условиях отсутствия общественно одобренного ориентира развития (с оговоркой, что в мире само существование такого ориентира проблематично), вынуждено создавать образ будущего внутри себя. Ценностные компоненты этого образа во многом определяют направления и оценки использования ИИ в образовании.

Искусственный интеллект может стать фактором улучшения функционирования системы образования через использование в управлении системой образования больших данных. Однако система образования, ориентированная на децентрализацию и гибкость, рискует утратить функцию социального лифта, если использование ИИ будет лишь подстраивать образование под стартовые условия (уровень интеллекта, особенности мотивации, социальные среды), вводя явные или скрытые ограничения для социальной мобильности.

Цифровая фиксация результатов образования – это одновременно величайшая возможность и источник серьезных социальных рисков и угроз. В соответствии с трендом персонификации процессов и результатов образования посредством ИИ осуществится переход от управления знаниями к формированию soft skills и далее – к управлению ресурсными психофизическими состояниями. Медикобиологические и нейрофизиологические знания о собственной телесности, нарастающие в связи с развитием 4П-медицины на базе искусственного интеллекта, породят социально-философские проблемы, часть из которых является общими для медицины и образования.

Образовательный процесс, измененный ИИ и нейротехнологиями, требует ценностного обоснования и определения формализованных границ психологического влияния на субъекты образования. Быстрого решения требует задача сохранения конфиденциальности данных и определение режимов доступа к ним, целей их использования, а также проблема ответственности за ошибки искусственного интеллекта. В образовании проблема сохранения ориентации на человеческое достоинство как высшую ценность связана с необходимостью избегать образовательной дискриминации, а искусственный

интеллект обучается различным формам поведения, включая сексизм, расизм, экстремизм и так далее. В образовании, как и в здравоохранении, применение ИИ обострит проблему справедливости доступа к общественным благам.

Источники:

1. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.
2. Бруссард Мередит Искусственный интеллект: Пределы возможного. – Альпина нон-фикшн, 2020. 362 с.
3. Душкин Р. В. Искусственный интеллект. ДМК Пресс, 2019. 280 с.

V. N. Garkusha (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

CURRENT ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION

The article examines the current state of developments in the application of artificial intelligence in the educational environment. The latest technologies are being considered, which already play a huge role, both for teachers and students. Also touches on the topic of the future of artificial intelligence in education, virtual and augmented reality and current aspects of the possibilities of building learning in this environment. Listed existing problems in this area.

Information technology, artificial intelligence, digital education, virtual reality, VR technology, augmented reality AR, learning platforms, distance learning.

УДК 174

Я. С. Государкин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: gosudarkin.yaroslav@gmail.com);

М. В. Такмаков (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mvtakmakov@stud.eltech.ru)

ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье описывается зарождающееся этическое регулирование сферы алгоритмов искусственного интеллекта и поднимается вопрос об этических ограничениях работников этой сферы, а также ответственности, которые они несут за жизненный цикл алгоритма. В данной связи представлены результаты контент-анализа касательно уже существующих корпоративных этических кодексов и практики их применения в организациях.

Мы раскрываем потенциальное влияние алгоритмов на жизнь человека из различных сфер жизни: образования, медицины и коммерческих предприятий в целом. Например, этические моменты систем слежения с автоматическим определением работоспособности служащего на складе одной из корпораций. Такие возможности дают работодателю власть, которая в будущем может негативно повлиять как на жизненное состояние подчиненных, так и обычных граждан. Стоит учитывать и возможности некорректной работы алгоритма, а также неправомерные условия труда.

Этика, искусственный интеллект, регулирование, AI-система, приватность, автономность, безопасность

В последние несколько лет технологии искусственного интеллекта быстро развиваются, становятся доступнее, поэтому важно рассмотреть побочные эффекты этого процесса.

Данная статья опирается на темы этики и ответственности, поэтому мы решили разделить исследование на две соответствующие им базовые задачи:

1. Определить главные требования и тезисы к AI-алгоритмам;
2. Определить, как распределяется ответственность инженера и компаний в жизненном цикле алгоритма, какие наработки и рекомендации существуют в этой области.

Также в ходе исследования мы будем касаться того, какое может быть потенциальное негативное влияние последствий работы ИИ-алгоритмов на различные сферы жизни человека, такие как образование, медицина и предприятия.

В статье рассмотрены основные направления работ, которые ведутся в отношении регулирования искусственного интеллекта, где авторами статей,

деклараций и других документов являются независимые эксперт-группы, частные компании, университеты, и госструктуры разных стран. Всего было рассмотрено 13 документов.

Выборка данных, на основе которой строится исследование, содержит документы разного происхождения и назначения. По авторству их можно разделить на 3 категории:

1. Документы экспертных групп, университетов и отдельных независимых авторов [1], [2], [5], [8], [11].

2. Документы государственных структур разных стран и наднациональных организаций [3], [4], [6], [7], [10], [11].

3. Документы компаний-поставщиков ПО использующего системы искусственного интеллекта [9], [12], [13].

Для того чтобы AI-системы приносили больше пользы, сократилось количество прецедентов с плохими последствиями их использования, а люди пользовались ими и доверяли им, необходимо определить основные тезисы-требования для таких систем. Один из результатов анализа перечисленных выше документов – перечень основных рекомендаций, которые встречаются чаще всего.

Интерпретируемость

Вариативность результатов, метрик, которые используются моделью также очень широк, поэтому конечному пользователю нужно уметь правильно понять и интерпретировать результат работы системы.

“Люди должны иметь возможность принимать осознанные и независимые решения без искусственного интеллекта, лишаящего их самоопределения” [3].

Приватность

В обществе есть высокий запрос на то, чтобы данные, используемые автоматическими AI-системами не попадали в третьи руки. Поэтому для систем, использующих искусственный интеллект особенно важно обеспечивать приватность данных. “При разработке крупномасштабных систем, которые учатся на данных, часто существует большое количество заинтересованных сторон, которые могут быть затронуты прямо или косвенно” [2].

Автономность

Вопрос об автономии ИИ – это, в сущности, вопрос о том, сколько собственной автономии и ответственности пользователь готов отдать. Например, в военном деле последствия “неправильной” работы ИИ могут быть особенно тяжелыми. “Риск состоит в том, что рост искусственной автономии может подорвать расцвет человеческой автономии” [5].

Безопасность

Как было сказано ранее, ИИ может решать задачи в широком спектре отраслей, в том числе и военной. Это одна из особенно чувствительных к ошибкам сфер деятельности, поэтому широкое использование ИИ в военных целях приведет к непредсказуемым прецедентам.

Предвзятость и справедливость

Пользователь должен быть уверен в том, что ИИ будет принимать справедливые решения, и минимально подвержен случайным факторам. “Люди воспринимают предвзятость через субъективную призму справедливости – социальную конструкцию с сильными местными нюансами и множеством различных и даже противоречивых определений” [1].

Польза обществу

Развитие систем искусственного интеллекта будет сопровождаться реакцией на его влияние на занятость. ИИ будет использоваться, чтобы помочь людям сохранить цель и развиваться умственно, эмоционально и экономически вместе с ИИ [7].

Влияние государств

Важную роль, как в экономическом, так и в социальном плане, в разработке играет государство, в частности его финансирование.

“Правительству следует разработать руководящие принципы для государственных органов по декларированию и раскрытию информации об их системах ИИ” [6].

Увеличение интерпретируемости и прозрачности

Стоит помнить, что человек прежде всего боится неизвестного. Если ему простыми словами объяснить цели и принципы работы алгоритма, это поможет избежать многих недопониманий. “Команда позволяет ИИ предоставлять гостям (через голосовой или графический интерфейс) параметры и возможность для системы собирать фрагменты информации с согласия” [13].

Фиксировать и делегировать

В команде разработчиков должно быть соблюдено разделение обязанностей. Так, это поможет коммуникации между отделом инженеров и топ-менеджментом организации. “Все существующие регулирующие органы должны учитывать и реагировать на нормативные требования и влияние растущего использования ИИ в областях, за которые они несут ответственность” [6].

Коммуникация – это залог успеха, который обеспечивает качественное производство алгоритма. “Соберите информацию, а затем выясните, что уже было сделано и как ценность может определять работу. В конце поделитесь информацией со всеми участниками. Затем внесите необходимые изменения” [4].

Вопросы интерпретируемости, приватности данных и безопасности AI-систем поднимаются примерно в половине источников. Первый вопрос хорошо описан на уровне проблемы, решается с помощью подробного описания используемых метрик оценки, формата результатов, которые выдает система пользователю.

Вопрос с автономностью ИИ-систем описан хуже всего. Мы считаем, что это связано с тем, что в разных отраслях разный уровень приемлемости рисков, отсюда разный потенциальный уровень автономности.

В исследуемых документах слабо акцентирована роль и ответственность разработчиков.

Следующим по упоминаемости идёт описание уполномоченного лица, который должен следить за разработкой алгоритма и брать на себя ответственность по этическим моментам. Примеры и возможности же этических нарушений должны быть представлены команде разработчиков, а для плодотворной коммуникации между разработчиками и руководством должны быть представлены определенные инструменты проверки алгоритма.

Упоминались также и следующие тезисы: метрики точности, интерпретируемость, модель разработки и обновления, оценка предвзятости, безопасные хранилища данных, контроль информации.

Регулирующие и рекомендательные документы в сфере искусственного интеллекта имеют больше прогнозируемый характер, нежели практический, так как эта область в современном своем облике имеет прогностический характер.

Источники:

1. PwC, “A practical guide to Responsible Artificial Intelligence (AI)”, <https://www.pwc.com/gx/en/issues/data-and-analytics/artificial-intelligence/what-is-responsible-ai/responsible-ai-practical-guide.pdf>, June 2019.

2. The Institute for Ethical AI & Machine Learning, “The Responsible Machine Learning Principles”, <https://ethical.institute/>, Retrieved November 15, 2020.

3. Ministry of Finance and Ministry of Industry, Business and Financial Affairs, “National Strategy for Artificial Intelligence”, https://eng.em.dk/media/13081/305755-gb-version_4k.pdf, March, 2019.

4. AI Finland, “Artificial Intelligence programme”, <https://www.tekoalyaika.fi/en/>, Retrieved November 21, 2020.

5. L. Floridi, J. Cowls, “A Unified Framework of Five Principles for AI in Society”, Harvard Data Science Review, July 02, 2019.

6. Committee on Standards in Public Life, “Artificial Intelligence and Public Standards”, A Review by the Committee, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868284/Web_Version_AI_and_Public_Standards.PDF, February, 2020.

7. Smart Dubai, “AI ethics principles & guidelines”, https://www.smartdubai.ae/docs/default-source/ai-principles-resources/ai-ethics.pdf?sfvrsn0=d4184f8d_6, December, 2018.

8. Prof. Dr. Virginia Dignum, “Responsible Artificial Intelligence”, https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/03_dignum_v.pdf, Retrieved November 25, 2020.

9. BSA, “The software alliance Comparing International Frameworks for the Development of Responsible AI”, <https://ai.bsa.org/global-ai-principles-framework-comparison/>, Retrieved November 25, 2020.

10. AI4Belgium coalition, “policy recommendation report”, https://www.ai4belgium.be/wp-content/uploads/2019/04/report_en.pdf, March, 2019.

11. Правительство РФ, “Распоряжение о концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники”, <https://xn--m1agf.xn--p1ai/upload/iblock/fb3/%D0%A0%D0%9F%D0%A0%D0%A4%202129-%D1%80%20%D0%BE%D1%82%2019.08.2020.pdf>, August 19, 2020.

12. Microsoft, Carnegie Mellon University, “Co-Designing Checklists to Understand Organizational Challenges and Opportunities around Fairness in AI”, <http://www.jennwv.com/papers/checklists.pdf>, April 25, 2020.

13. IBM, “Everyday Ethics for Artificial Intelligence”, <https://www.ibm.com/watson/assets/duo/pdf/everydayethics.pdf>, Retrieved November 27, 2020.

Y. S. Gosudarkin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

M. V. Takmakov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FORMING RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article describes the emerging ethical regulation of the field of artificial intelligence algorithms and raises the question of the ethical restrictions of workers in this field, as well as the responsibility they bear for the life cycle of the algorithm. In this regard, the results of content analysis are presented regarding the existing corporate codes of ethics and the practice of their application in organizations.

We reveal the potential impact of algorithms on human life from various spheres of life: education, medicine and commercial enterprises in general. For example, ethical aspects of tracking systems with automatic determination of the employee's health in a warehouse of one of the corporations. Such opportunities give the employer power, which in the future can negatively affect both the life condition of subordinates and ordinary citizens. It is worth considering the possibility of incorrect operation of the algorithm, as well as illegal working conditions.

Ethics, artificial intelligence, regulation, AI system, privacy, autonomy, security

---

УДК 17+323

Е. Г. Грибовод (*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, e-mail: gribovod_kate@mail.ru*)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСГУМАНИЗМА И ПОСТГУМАНИЗМА

Конвергентные технологии, особенно элементы искусственного интеллекта (алгоритмы машинного обучения), активно интегрируются во многие социальные сферы, значительно расширяют возможности человека, нивелируют различные ограничения и условности. В работе рассматривается искусственный интеллект как социально-философский феномен. Сквозь призму концепций постгуманизма и трансгуманизма определяются ключевые особенности интерпретации искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, трансгуманизм, постгуманизм, гуманизм, роботы, искусственная жизнь, биоэтика, гуманитарная экспертиза, постчеловек.

Локдауны, социальное дистанцирование и экономически нестабильная ситуация в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) выявили острую потребность общества, населения и государственных структур в цифровизации социально значимых процессов. В текущей ситуации приоритет в выборе способов и форм коммуникации, предоставления услуг, отводится в пользу онлайн-коммуникации и дистанционного формата взаимодействия с населением. Цифровизация изменила отношение населения к пониманию качества жизни, дигитализировав многие биологические процессы человека (сон, давление, количество шагов, кислород в крови). Например, практики селф-трекинга посредством смарт-устройств помогают контролировать биологические процессы в организме человека (подробнее см. Ним, 2018 [1]). В сфере образования широкое распространение получил феномен MOOC (массовые открытые онлайн-курсы), так как данные программы позволяют получить качественное образование и повысить уровень компетенций в лучших университетах мира с помощью дистанционных технологий. Дистанционный способ обучения для высших учебных заведений, с одной другой, расширяет возможности предоставления образовательных услуг в формате непрерывного обучения («lifelong learning»), с другой – увеличивает потребность в качественных технических образовательных платформах, грамотном персонале и нивелировании «цифрового разрыва».

Искусственный интеллект (ИИ) давно интегрировался в академическую науку не только как практическое воплощение цифровых технологий, а также как самостоятельный социально-философский феномен. Однако, в связи с возросшими опасениями утраты контроля за развитием информационных

технологий в результате коэволюции человека и искусственного интеллекта и наступления «сингулярности», в научном дискурсе появляются алармистские работы по тематике ИИ, фиксируется «технический откат (techlash)». Поэтому в академической среде назрела потребность в прогнозировании последствий применения ИИ и ревизии походов и теорий.

Целью работы является рассмотрение искусственного интеллекта как социально-философского феномена, а также определение особенностей ИИ сквозь призму концепций трансгуманизма и постгуманизма.

Научно-технический прогресс, в том числе стремительное развитие NBIC (нано-, био-, инфо- и когнитивные) технологий неразрывно связано с появлением комплекса теорий и концепций, изучающих изменение природы человека под воздействием современных технологий и вызовов. В данной работе для достижения поставленной цели остановимся на трансгуманизме и постгуманизме. Отметим, что оба направления накопили значительный теоретико-методологический каркас (подробнее см. Ковба, 2019 [2]; Грибовод, 2020 [3]). Несмотря на неоднородность, многогранность данных социально-философских феноменов, важный вклад в популяризацию и развитие идей трансгуманизма внесли работы N. Boström, R. Kurzweil, M. More, Б. Г. Юдина и др., а среди исследований по постгуманизму можно выделить работы R. Braidotti, F. Ferrando, K. Hayles, Д. Харарэй, И. В. Катерного, А. В. Павлова и др.

Стоит подчеркнуть, что одной из причин роста интереса к идеям транс- и постгуманистов стал кризис классического гуманизма (R. Ranisch, S. L. Sorgner [4], Ю. Н. Харари [5] и др.). В фокус исследователя наравне с человеком (в классическом либеральном понимании гуманизма) попадают разные живые и неживые субъекты (роботы, постчеловек, трансчеловек и др.) в том числе и искусственный интеллект. Искусственный интеллект исследуется с позиции разных теоретико-методологических подходов, однако обращение к теориям постгуманизма и трансгуманизма позволит выявить и очертить социальные и философско-этические особенности данного феномена. Применение методологического инструментария постгуманизма и трансгуманизма обусловлено рядом факторов:

Во-первых, в рамках концептосферы трансгуманизма и постгуманизма сформирован необходимый для целей исследования категориальный аппарат, а именно следующие концепты: «робот», «постчеловек», «трансчеловек», «киборг», «сингулярность», «постчеловеческое», «биоэтика» и др.

Во-вторых, постгуманизм позволяет с позиции постдуализма рассмотреть ИИ не только как технологический продукт (процесс), а как автономный субъект социальной эволюции, который необходимо исследовать и наделять правами и обязанностями, как и живые субъекты. Прогнозируется, что роботы расширят свой функционал и смогут стать социально значимым актором, духовной составляющей общества. Например, как отмечает Ф. Феррандо, японский ученый – робототехник М. Мори в своей работе 1974 года «Будда в работе» рассматривал роботов как духовные существа, в Японии в 2010 году

священник – робот провел свадьбу [6, С. 111–112], а в 2017 году человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии [7].

В-третьих, достижения в биоэтике, нейроэтике и гуманитарной экспертизе (Б. Г. Юдин, Р. Р. Белялетдинов и др.) могут быть применены при оценке рисков, угроз и последствий внедрения ИИ в разные социально значимые процессы общества. Гуманитарная экспертиза как инструмент правового и этического контроля, мониторинга разработки, внедрения ИИ способна аккумулировать общество, государственные структуры и научное сообщество для междисциплинарного диалога и поиска оптимальных решений [8].

В рамках трансгуманизма исследованиям искусственного интеллекта характерен технооптимизм, в отличие от постгуманизма, который более сдержанно оценивает развитие сферы ИИ. Трансгуманизм стремится изменить, улучшить природу человека, освободить от биологических ограничений (старение, болезни, смерть и др.), поэтому концепт «искусственный интеллект» изучается и рассматривается сквозь призму конвергентных технологий, а именно создание интерфейса «человек-машина», загрузка сознания (эмуляция мозга), развитие систем машинного обучения и др. Как подчеркивает S. L. Sorgner в трансгуманистической парадигме постчеловек может полностью отличаться в биологическом плане от человека (например, киборг как объект киберпространства) или быть человеком, который подвергается кардинальным изменениям (обладает как минимум одним новым качеством) [4, С. 30–31].

С позиции постгуманизма ИИ рассматривается в рамках риторики «искусственной и естественной жизни», поднимается ряд вопросов. Например: роботы, киборги и другие небιологические существа могут рассматриваться как живые субъекты? Можно ли рассматривать киберпространство как живую систему? Кроме того, обращение к риторике «естественной жизни и искусственной жизни (artificial life)» позволяют выявить важную особенность в исследовании ИИ с позиции философского постгуманизма, а именно отказ от парадигмы противопоставления данных категорий и иерархии между человеком и машиной. Так, Ф. Феррандо через призму постантропоцентризма, характерного для философского постгуманизма, рассматривает сосуществование и интеграцию искусственной и естественной областей [6, С. 117]. В качестве примера можно привести биологический искусственный интеллект, который интегрирует искусственное тело и биологические нейроны [9]. Культурный постгуманизм ориентирован на переосмысление человеческого воплощения посредством разных культурных форм, а именно фильмов, перформансов, художественной продукции, инсталляций и др. [6, С. 53]. Критический постгуманизм, как и культурный обращается к анализу и критике западной (либерально-гуманистической) концепции человека. Отмечается, что искусственный интеллект (в том числе роботы, машины, киборги и др.) – это «часть процесса эволюции, которая рассматривается не как вертикальный процесс, а как диверсификация» [6, С. 118].

В заключение отметим, что трансгуманизм стремится сделать акцент на исключительности постчеловека, подчеркнув искусственную, виртуальную или синтетическую его составляющую, а постгуманизм стремится избежать дуализма и иерархизации человек-машина с помощью «кардинальной деконструкции фиксированного понятия человек» [6, С. 187]. Кроме того, с позиции трансгуманизма и постгуманизма отмечается, что последствия применения ИИ разновекторны и трудно прогнозируемы. Однако гуманитарная экспертиза как элемент контроля и мониторинга внедрения искусственного интеллекта сможет стать инструментом для междисциплинарного диалога и сотрудничества общественности, ученых, СМИ и властных акторов (политических и экономических элит).

Источники:

1. Ним Е. Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172–192.
2. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3(36). С. 38–52. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10303>
3. Грибовод Е. Г. Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 133–150. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>
4. Ranisch R., & Sorgner S. L. Post-and Transhumanism: An Introduction. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.
5. Харари Ю. Н. Sapiens: Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
6. Ferrando F. Philosophical posthumanism. London: Bloomsbury Academic, 2019.
7. Миклашевская А. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу. Коммерсантъ. 2017, 29 октября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3454104> (дата обращения 17 февраля 2021).
8. Юдин Б. Г. Трансгуманизм – наше будущее? // Человек. 2013. № 4. С. 5–17.
9. Warwick K. Artificial Intelligence: The Basics. Routledge: Oxon, 2012.

E. G. Gribovod (*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE THROUGH THE PRISM OF TRANSHUMANISM AND POSTHUMANISM

Convergent technologies, especially elements of artificial intelligence (machine learning algorithms) are actively integrating into many social spheres, have significantly expanded human capabilities, have leveled many restrictions and conventions. The paper

---

---

considers artificial intelligence as a social and philosophical phenomenon. Key features of the interpretation of artificial intelligence are determined through the prism of the concepts of posthumanism and transhumanism.

Artificial intelligence, transhumanism, posthumanism, humanism, robots, artificial life, bioethics, humanitarian expertise, the posthuman

УДК 316.442

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ppd1@rambler.ru);

О. С. Баннова (Nyomo Limited, Boston, USA, e-mail: bannova-o@mail.ru)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИТ СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА (В РОССИИ, США, ЕВРОПЕ И КИТАЕ)

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье анализируются особенности социализации современное ИТ специалистов в России, Европе, США и Китае, и определяются их предпочтения в процессе формирования карьеры и ее развития. Анализ показывает, каким образом формируются эти предпочтения в зависимости от уровня и направленности развития ИТ индустрии в этих странах и как это влияет на профессиональную социализацию ИТ специалистов.

Социализация, ИТ специалисты, цифровая среда, образование, социальные аспекты

Профессиональная социализация является вторичной социализацией, которая наслаивается уже на предыдущий опыт при соблюдении целого ряда необходимых условий: физического и психического развития, наличия определенных специализированных знаний и навыков деятельности, мотивации деятельности. Профессиональная социализация делает человека действенным членом общества. Большое значение имеет профессиональная социализация, так как с её помощью осознание и понимание того, чем человек хочет заниматься и что ему приносит радость и доход.

Передовые компании сделали здесь первые шаги. И, как правило, они связаны с корпоративной системой обучения персонала и организации жизнедеятельности всего социума.

Специалисты из разных стран уже могут сотрудничать друг с другом практически без границ, используя различные инструменты. Современная социальная среда подвергается значительным изменениям, связанным с формированием новых типов социальных общностей, которые уже существуют, но недостаточно изучены.

В России в настоящее время рынок ИТ активно развивается. Цифровизация еще находится на том уровне, когда система выстраивается и роль человеческого фактора в ней достаточно весомая. Поэтому для рынка ИТ в России и его специалистов во главу угла ставится карьерный рост [1]. Карьера, с одной стороны, преследует интерес к быстрому созданию имени, и затем максимально быстрой отдаче в финансовом плане. Для ИТ-специалистов в России важны:

гибкий график, дружественная атмосфера и инновационная направленность проектов [2].

Сфера IT-технологий в КНР относительно молодая. Китайцы не переплачивают за ввозимые IT-услуги и получают качественный продукт, так в небольших фирмах есть талантливые специалисты, которые всегда в курсе местных особенностей. У молодых китайских компаний еще нет опыта, но они стремятся извлечь максимум пользы из минимума ресурсов, работая небольшими командами и внедряя облачные технологии. По этой причине основные ценности IT-специалистов в Китае ориентированы на самосовершенствование, профессиональный рост и повышение личной эффективности при работе в небольшой компании [3].

В США на 327 миллионов населения около 4 миллионов программистов. IT-индустрия является в США быстрорастущей, предлагая специалистам высокий уровень оплаты. Однако быстрота развития этой отрасли обуславливает частые изменения трендов, в том числе и кадровых – каждый год самые востребованные специальности на рынке IT меняются. Для людей, которые знают много языков, работают в сфере компьютерных технологий основная ориентация в США на государственные структуры, и такие международные торговые компании, как eBay [5].

В Европе IT-специалисты часто очень узкоспециализированы. По этой причине ценности европейского IT-специалиста тесно связаны с развитием компании, так как от этого зависит уровень оплаты труда. Для европейских IT-сотрудников приоритет карьерного роста стоит над всеми другими личными мотивами развития. Если в США специалисту с высокими компетенциями этот сектор мотивации компенсируется сразу необходимым уровнем оплаты труда, который, как считают работодатели, быстро окупится [4].

В Европе специалисты могут рассчитывать только на себя, что увязывает или личностный рост исключительно с трудовым стажем и эффективным опытом работы, так как только тогда их доход позволит им развиваться в иных направлениях.

В России и Китае ситуация вокруг профессиональных приоритетов IT-специалистов складывается вокруг развивающейся индустрии, поэтому в России специалисты стремятся как можно быстрее создать имя, получить от этого материальный бонус и уже потом думают об организации личного пространства [6]. В Китае специалисты ориентированы на получение опыта для эффективной самостоятельной работы. В США государство стремится обеспечить для специалиста решение личных вопросов, тем самым ориентируя его ценности на выполнение заказа. Это привлекает туда специалистов со всего мира [3, 5].

Источники:

1. Земнухова Л.В. IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. 2013. No 4. С. 77–90.

2. Касьяненко И. «Айтишники» как современная профессиональная группа / И. Касьяненко, А. Алабин // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. No 14. С. 98–104.
3. ИТ-рынок Китая Электронный ресурс/ Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_Китая
4. ИТ-рынок труда /Электронный ресурс/ Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_странах_мира_\(ИТ_и_телеком\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_странах_мира_(ИТ_и_телеком))
5. Топ-5 высокооплачиваемых ИТ-специальностей в США /Электронный ресурс/ Режим доступа: <https://www.forumdaily.com/top-5-vysokooplachivaemux-it-specialnostej-v-ssha/>
6. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Цзинь Ц., Шиляева А. С. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента. В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 267–271.

P. P. Deriugin (St. Petersburg state University, St. Petersburg state electrotechnical University "LETI")

O. S. Bannova (Nyomo Limited, Boston, USA)

PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF IT SPECIALISTS IN THE LABOR MARKET (IN RUSSIA, USA, EUROPE AND CHINA)

The article analyzes the features of socialization of modern IT specialists in Russia, Europe, the USA and China, and their preferences in the process of career formation and its development. The analysis shows how these preferences are formed depending on the level and direction of development of the IT industry in these countries and how this affects the professional socialization of IT specialists.

Socialization, IT specialists, digital environment, education, social aspects

УДК 316.442

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ppd1@rambler.ru)

О. С. Баннова (Nyoto Limited, Boston, USA, e-mail: ppd1@rambler.ru)

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kamushina.elena@gmail.com)

Р. Е. Попов (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ppd1@rambler.ru)

А. Н. Сидорова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ppd1@rambler.ru)

Чжэн Вэньсинь (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ppd1@rambler.ru)

Юй Ян (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ppd1@rambler.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ:

РОССИИ И КИТАЕ - СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07443)

Цифровая образовательная среда выступает решающим фактором развития интеллектуальных потенциалов России и Китая, которые в конечном итоге существенно влияют на человеческий капитал. С точки зрения технологической реализации, это сложный организационно-технический процесс, при этом процесс, который интенсифицирует появление и развитие множества граней социального взаимодействия в студенческой среде. Важными аспектами цифровизации образовательной среды выступают адаптация к новым профессиям; восприятие цифрового общества как естественного явления; включенность в это общество. Делаются выводы об особенностях этих процессов в условиях России и Китая.

Человеческий капитал, цифровая среда, образование, социальные аспекты

Цифровизация как фактор формирования человеческого капитала в России и Китае активно трансформирует социальную среду студенчества [1, С. 102]. Можно говорить, что объединяющим стимулом цифровизации в обеих странах становится переход в постиндустриальное общество, в котором массово возникают новые профессии, основанные на информационных технологиях. В России и Китае растет доступность образования благодаря возможностям интернета. В частности, электронное образование делает доступным

обучение людям пожилого возраста, людям с ограниченными возможностями, тем, кто стремится совмещать учебу и работу и другим категориям граждан. Следует отметить, что несмотря на некоторые ограничения к образовательным международным обучающим ресурсам в Китае, эти проблемы в значительной степени компенсируются теми мерами, которые предпринимаются правительством КНР.

Помимо общей тенденции доступности электронного образования, в России и Китае очевидна другая важная характерная черта – образование становится более открытым и теряет былой элитарный характер. Хотя в Китае по демографическим причинам доступ к высшему образованию более затруднен, электронное образование на базе китайских информационных платформ становится еще одним актуальным ресурсом получения такого образования.

Запрос на сравнительный анализ социальных проблем цифровизации в студенческой среде в России и Китае является актуальной проблемой, поскольку Китай выступает бесспорным глобальным лидером электронной экспансии [2], вкладывая 60 процентов мировых инвестиций в исследования и разработки в области искусственного интеллекта [3], [4]. В частности, Л. В. Томайчук отмечает, что в последние годы в Китае наблюдается стремительный рост цифровизации экономики, преимущественно в таких областях, как электронная торговля, финансовые технологии, сфера производства. Элементы цифровой экономики все более присутствуют в повседневной жизни граждан. Этому способствует деятельность административных структур как на высшем, так и на местном уровнях. Прежде всего это выражается в постоянном регулировании технологической сферы образования и его нормативно-правовой базы с учетом информационной составляющей обучения. К тому же электронное образование в Китае развивается под влиянием целого ряда политических, экономических и социальных факторов роста цифровизации. Особое внимание уделяется решению проблем, сдерживающих процесс цифровизации в Китае. Пекин ставит целью укрепление технологического потенциала и достижение уровня развитых стран. На данном пути важно обеспечивать «аналоговые дополнения», в частности, совершенствовать законодательство, обеспечивающее инновации и конкуренцию, приводить квалификацию работников в соответствие с требованиями новой экономики, обеспечивать социальные гарантии.

В исследованиях Чен Лина, Ван Вэя и др. [5, С. 173] показано, что в Китае происходит переход способа развития высшего образования с роста масштаба на повышение качества в целях строительства державы в области высшего образования по качественным показателям. Для повышения конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг основные задачи будущего развития высшего образования в Китае заключаются в таких направлениях, как всестороннее повышение качества высшего образования; ускорение темпа создания первоклассных университетов международного уровня; ускорение модернизации системы управления высшего образования, совершенствование

институциональной системы современного университета; содействие специфическому развитию высших учебных заведений, продвижение интернационализации высшего образования.

Некоторые социальные проблемы в условиях цифровизации выражаются в острых противоречиях, порожденных цифровым неравенством [6, С. 80–81].

В частности, все более выпукло проявляется проблема цифрового неравенства. Эта проблема не является чисто российской или китайской проблемой, она носит общемировой порядок. Актуальность поднятой проблемы несомненна. Ограничения доступа к информационным технологиям и электронному образованию затрагивает политические, экономические и социальные стороны жизни любого государства. Но прежде всего следует обсуждать цифровое неравенство как источник множества социальных проблем, как социальную проблему. Здесь можно выделить две актуальные исследовательские стратегии. Во-первых, как неравенство, дифференцирующее возможности доступа к интернету и ресурсам электронного образования. Во-вторых, как неравенство распределения информационных технологий и технической оснащенности образовательного процесса.

ЮНЕСКО предлагает четыре способа по сокращению цифрового неравенства:

- а) всеобщий доступ к информации;
- б) свобода выражения мнений;
- в) культурное и языковое разнообразие;
- г) образование для всех слоев общества.

Разрешение проблем растущего цифрового неравенства в России и Китае востребует дополнительных экономических, политических и социальных усилий, обеспечивающих жизнедеятельность образовательных систем в складывающихся новых условиях, совершенствование технической базы и проведение структурных изменений, включая обеспечение компьютерами, линиями связи, профессиональными знаниями и навыками обслуживающего персонала.

В любом случае хорошо понятно, что растущее цифровое неравенство становится атрибутом образования в постиндустриальном обществе.

Другие актуальные трансформации, влияющие на формирование человеческого капитала в условиях цифровизации образовательной среды:

- цифровизация предлагает новому поколению выбор образа жизни, где труд, в том числе интеллектуальная деятельность, поставлены под сомнение [7, С. 6], разрушается гармония воспитания и образования [8];
- цифровизация выступает детонатором возникновения ранее неизвестных социальных явлений [9], что влияет на массово возникающие новые социальные статусы и роли [10, С. 207–210], [11];
- формируются новые профессиональные сообщества [12], например, гиперкорпорации «Алибаба» предлагает 1,4 млн рабочих мест для ИТ специалистов [13];

– складывается широкая платформа социальной стратификации, обусловленная степенью участия-неучастия человека в цифровом пространстве [14, С. 68–72], на базе чего формируется специфика понимания и восприятия цифрового общества [15], [16];

- фиксируется формирование уникальной системы ценностей, отражающей специфику цифрового общества [17], [18];

- сделаны обобщающие выводы относительно отставания социальных практик от их научных разработок [19, . 43], [20], [21, С. 194], [22];

- цифровая среда становится значимым инструментом мобилизации к протестным действиям [23, С. 5], [24].

Значительная часть проблем цифровизации образовательного пространства осознается несколько упрощенно [25].

Общая тенденция направленности цифровизации в среде российских студентов более ориентирована на европейские и американские стандарты. Напротив, среди китайских студентов популярны отечественные (китайские) разработки. Важен анализ взаимосвязей новых технологических возможностей цифровизации и трансформации рыночных ценностей в молодежном предпринимательстве [26].

Рассмотрение формирования человеческого капитала под влиянием цифровизации показывает, что, как в России, так и в Китае, цифровизация ориентирует людей на получение нового знания, новых навыков и новых умений, без чего их участие в экономической жизни будет ограниченным. Появляющиеся новые типы трудовой деятельности, сопровождающие наступление цифровой эпохи, выступают решающими условиями обеспечения роста производительности труда, удовлетворения актуальных социальных и экономических потребностей населения.

Как отмечают Т. В. Никулина и Е. Б. Стариченко, информатизация образования создала базу для перехода на новый уровень, цифровизация направлена на подготовку специалистов, которые гарантированно востребованы на рынке труда, легко и свободно владеют мобильными и интернет-технологиями, а также ориентированы на непрерывное обучение (повышение квалификации) с помощью электронного обучения. Цифровые технологии в современном мире – это не только инструмент, но и среда существования, которая открывает новые возможности: обучение в любое удобное время, непрерывное образование, возможность проектировать индивидуальные образовательные маршруты, из потребителей электронных ресурсов стать создателями. Однако цифровая среда требует от педагогов другой ментальности, восприятия картины мира, совершенно иных подходов и форм работы с обучающимися. Педагог становится не только носителем знаний, которыми он делится с обучаемыми, но и проводником по цифровому миру. Он должен обладать цифровой грамотностью, способностью создавать и применять контент посредством цифровых технологий, включая навыки компьютерного программирования, поиска, обмена информацией, коммуникацию.

Результаты исследований предполагают дальнейшее изучение влияний цифрового образовательного пространства на формирование человеческого капитала студентов обучающихся в европейских университетах и проведение сравнительного анализа со студентами российских и китайских университетов. В частности, это важно относительно характеристики цифрового образовательного пространства как средства доступности онлайн-обучения, направленного на возможность организации смешанного обучения, выстраивания индивидуальных образовательных маршрутов обучения, самообразование, семейное и неформальное образование. В складывающихся обстоятельствах постиндустриального общества такой подход к образовательной деятельности, как в условиях России, так и в условиях Китая, будет наиболее способствовать росту человеческого капитала.

Источники:

1. Ларина Е. Д. Предпосылки и социальные последствия цифровизации системы образования в России и Китае // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. №1.
2. Коммерсант, 2019, №129, С. 10.
3. Огонёк, №24, 24.06.2019, С. 28.
4. Томайчук Л. В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №3 (29).
5. Чен Лин, Ван Вэй и др. Исследования по созданию общедоступного обучения цифровым учебным ресурсам в общественном строительстве // Китайское электрохимическое образование. 2012, № 1. С. 173
6. Лю Хуэйцинь. Три неизбежных проблемы в быстром развитии информатизации образования // Информационные технологии образования. Начальная и средняя школа. 2008. № 10. С.80–81 (кит).
7. Balatsky, E.V. (2019), “Global challenges of the Fourth Industrial Revolution”, *Terra Economicus*, no. 17 (2), pp. 6–22.
8. Ке Цинчао. Взгляд на цифровые ресурсы и стратегия развития информатизации образования 2.0 // Новости образования Китая. 1 сентября 2018 г. Издание 003 (кит.).
9. Го Лицзюнь Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации // Научный диалог. 2020. №10. С. 33.
10. Linne, J. (2014), Two generations of digital natives, *Intercom: Revista Brasileira de Ciências da Comunicação*, vol. 37, no. 2, pp. 203–220, available at: https://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1809-58442014000200203&script=sci_arttext&tlng=en (accessed 10.12.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/1809-584420149>.
11. Capogna, S., Figus, A. and Mustica, S. (2018), “The Challenges for Digital Society: Education and E-Leadership”, *International Journal of Innovation and Economic Development*, vol. 4, no. 3, pp. 12–19, available at:

<https://researchleap.com/challenges-digital-society-education-e-leadership/> (accessed 10.10.2020). DOI: 10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.43.2002

12. Combi, M. (2016), “Cultures and Technology: an Analysis of Some of the Changes in Progress – Digital, Global and Local Culture”, *Cultural Heritage in a Changing World*, in Borowiecki, K., Forbes, N. and Fresa, A. (ed.), Springer, Cham, Switzerland, pp. 3–15. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-29544-2_1.

13. China’s Digital Economy: Opportunities and Risks // International Monetary Fund Working Paper. 2019. [Электронный ресурс] //Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (дата обращения: 20.05.2019).

14. Shinyaeva, O. V., Poletaeva, O. V. and Slepova, O. M. (2019), “Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

15. Dufva, T. and Dufva, M. (2019), “Grasping the future of the digital society”, *Futures*, vol. 107, pp. 17–28, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328717302252#> (accessed 17.10.2020). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.11.001>.

16. The development of China’s digital economy // The State Council of the People’s Republic of China [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Совета КНР. URL: http://english.gov.cn/news/video/2018/05/29/content_281476164673878.htm (дата обращения: 30.05.2019).

17. Тихомиров Н. В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 193–196.

18. Петров А. А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия // Кронос. 2020. №8 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-tsifrovoy-profil-ili-skoringovaya-sistema-sotsialnogo-doveriya> (дата обращения: 17.02.2021).

19. Шмаков А. В. Кодекс ритуального поведения в контексте цифровой трансформации экономики // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 41–61. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-41-61.

20. Шэнцюань Ю. Научное развитие образовательной информатизации. Экологический взгляд и применение новых технологий в образовании // Справочник по базовому образованию. 2006. № 9. С. 4-8 (кит).

21. Тихомиров Н. В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 193–196.

22. Пэнфэй Лю, Красова Е. В. Современные тенденции развития китайской системы образования // Территория новых возможностей. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-kitayskoy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 17.02.2021).

23. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

24. Гордон А.В. 2014. 04. 019. Куан сяньвэнь, гёбель Х. Длительные коллективные выступления в урбанизирующемся Китае. Kuang xianwen, göbel Ch. Sustaining collective action in urbanizing China // China quart. L. , 2013. № 216. p. 850–871 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-019-kuan-syanven-gyobel-h-dlitelnye-kollektivnye-vystupleniya-v-urbaniziruyuschemsya-kitae-kuang-xianwen-g-bel-ch-sustaining> (дата обращения: 17.02.2021).

25. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2001

26. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Цзинь Ц., Шиляева А. С. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 267–271.

27. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. №8.

P. P. Deriugin (St. Petersburg state University, St. Petersburg state electrotechnical University «LETI»)

O. S. Bannova (Nyomo Limited, Boston, USA)

E. A. Kamyshina (St. Petersburg state University, St. Petersburg state electrotechnical University «LETI»)

R. E. Popov (St. Petersburg State University)

A. N. Sidorova (St. Petersburg State University)

Zheng Wenxin (St. Petersburg State University)

Yu Yang (St. Petersburg State University)

HUMAN CAPITAL FORMATION IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: RUSSIA AND CHINA – SOCIAL ASPECTS

(The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project № 19-29-07443)

The digital educational environment is a decisive factor in the development of the intellectual potential of Russia and China, which ultimately significantly affect human capital. From the point of view of technological implementation, this is a

complex organizational and technical process, while a process that intensifies the emergence and development of many facets of social interaction in the student environment. Adaptation to new professions is an important aspect of digitalization of the educational environment; perception of digital society as a natural phenomenon; inclusion in this society; awareness of the expansion of the free market based on digitalization; the emergence of new forms of social inequality, due to digitalization and a number of other. Conclusions are made about the features of these processes in the conditions of Russia and China.

Human capital, digital environment, education, social aspects

УДК 316.442

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» e-mail: deriuginprav@yandex.ru);

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

ВАЖНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОРПОРАЦИИ

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07443)

Рассматривается влияние наличия умения использовать цифровую грамотность у руководителей, как часть их человеческого капитала, реализуемого в корпорациях. Цифровая трансформация в современном российском обществе ставит необходимостью для лидеров организаций улучшить навыки владения информационно-коммуникационными технологиями.

Цифровая грамотность, ИКТ, руководители, человеческий капитал

Современное российское общество находится на этапе информационного, цифрового и технологического развития. Всё активнее в нашу жизнь включаются: предоставление товаров и услуг в цифровом формате, дистанционное обучение и обучение онлайн, найм сотрудников, удаленная работа с использованием цифровых платформ и пр. Еще в 2011 году информационно-технологические технологии были включены в перечень критических технологий России [2, С. 160] В условиях такой цифровизации практически всех сфер жизни общества, возрастает роль лидеров и руководителей организаций как акторов технологических изменений. Человеческий капитал руководителей рассматривается как основная сила инноваций и потенциалов, развития наукоемкого и цифрового производства. С другой стороны, еще повсеместно встречается, начиная с 90-х годов, ориентация человеческого капитала руководителей на представление о людях как о «дешевой рабочей силе», подходы к человеку, как к исключительно затратному элементу корпорации, как к вынужденным издержкам производства. Такой подход не может способствовать инновационному и технологическому развитию корпораций. И показательным в этом отношении стал период пандемии. С одной стороны, очевидной стала перспективность удаленной работы в условиях повторяющихся и новых кризисов, важность активизации и быстрого перехода на дистанционную работу в таких условиях, актуальность управления по – ценностям. Но, с другой стороны, проявлялись многие недостатки и традиции «ручного управления», неумение использовать достоинства новых технических средств управления, недоверие к сотрудникам,

работающим «на дистанции», неумение организовывать эффективный контроль и пр. Все это не могло не сказаться на падении общественного производства, резком сокращении персонала корпораций, увольнении многочисленных сотрудников предприятий, роста цен на продукты повседневного спроса и многое другое, в конечном итоге – на росте социальной напряженности и радикализации настроений в обществе, ограничения в общении и усилении конкуренции.

Для того, чтобы избежать подобных кризисов в управлении в будущем, руководителям следует быть подкованными в цифровом смысле и следить за последними тенденциями в мире информационных технологий. Как показал опрос EMC, одной из крупнейших в мире корпораций на рынке продуктов, услуг и решений для хранения и управления информацией, 57% российских руководителей отметили, что топ-менеджмент компаний все чаще рассматривает информационные технологии как важный фактор роста бизнеса. 55% ИТ-руководителей ожидают, что внедрение технологий следующего поколения (мобильность, социальные сети, облака и большие данные) позволит их компаниям опередить конкурентов [3, С. 161].

Цифровая грамотность вбирает в себя медиа грамотность, в том числе умения оперировать различными семиотическими системами, развитые интеллектуальные умения, то есть умение анализировать, синтезировать, обобщать, конкретизировать и абстрагировать информацию, умение использовать информацию, представленную во множестве разнообразных форматах и широкого круга источников с помощью компьютеров [1]. Современные руководители должны уметь применять навыки цифровой грамотности и развивать умения пользоваться информационными технологиями. Высоким уровнем цифровой грамотности обладают сегодня 45% россиян. При этом у четверти взрослого населения – 28 миллионов россиян – цифровая грамотность остается на низком уровне, и основные барьеры ее повышения – слабый интерес к технологическим инновациям и сравнительно низкий уровень владения цифровыми устройствами. Другие исследования НАФИ показали, что россияне понимают важность знаний и навыков в сфере технологий: половина уже сейчас активно применяет цифровые технологии на рабочем месте, а 1/3 убеждены, что потеряют работу, если не будут проходить регулярное обучение в этой сфере [4].

Таким образом, получается, что цифровая грамотность, знание информационных технологий и постоянное развитие в этой сфере должны быть неотъемлемой частью человеческого капитала руководителей. Как только лидер, руководитель, перестанет придавать важность цифровым трендам, то это может сказаться не только на его социальном авторитете среди более молодого поколения сотрудников, но и повлиять на положение корпорации на рынке.

Источники:

1. Закирова Н. Х. Роль интеллектуальных умений в цифровом обществе // Academy. 2019. №4 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-intellektualnyh-umenii-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 21.02.2021).
2. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации: указ президента России от 7 июля 2011 г. №899
3. Кривенкова И. В., Лавренова Е. В., Теплякова А. Ю. К вопросу о развитии информационно-технологической компетентности взрослого населения России // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razvitii-informatsionno-tehnologicheskoy-kompetentnosti-vzroslogo-naseleniya-rossii> (дата обращения: 21.02.2021).
4. Каждый второй россиянин хочет улучшить свои знания и навыки в сфере информационных технологий. Пресс-релиз НАФИ. 1 марта 2019 URL: <https://nafir.ru/analytics/kazhdyu-vtoroy-rossiyanin-khochet-uluchshit-svoi-znaniya-i-navyki-v-sfereinformatsionnykh-tehnolog> (дата обращения 21.02.2020 г.).

P. P. Deriugin (St. Petersburg state University, St. Petersburg state Electrotechnical University «LETI»);

E. A. Kamyshina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE IMPORTANCE OF DIGITAL LITERACY IN THE MANAGEMENT OF CORPORATION LEADERS

The impact of the ability to use digital literacy among managers as part of their human capital, implemented in corporations, is considered. Digital transformation in modern Russian society makes it necessary for leaders of organizations to improve their skills in information and communication technologies.

Digital literacy, information and communication technologies, managers, human capital

УДК 316.7

М. П. Замотин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: jethro79@mail.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ И ОБУЧЕНИИ

Рассматривается такое явление как «искусственный интеллект» (ИИ) в контексте цифрового обеспечения образовательной деятельности и обучения. Выявляются основные особенности ИИ, его возможности и формы реализации в образовании. Ставится вопрос о важности человеческого фактора и феномена «контекста» в самообучении ИИ и обучении людей.

Искусственный интеллект, цифровое общество, образование, обучение.

На сегодняшний день, когда мы слышим словосочетание «искусственный интеллект», воображение рисует нам образ либо суперкомпьютера, либо конкретных программ-алгоритмов. Эти программы могут конкурировать с человеческим мышлением в некоторых областях, например, игра в шахматы, сочинение музыкальных композиций. Безусловно, эти возможности входят в понятие «искусственный интеллект» (англ. artificial intelligence, AI), но не ограничиваются ими. Понятие «искусственный интеллект» (ИИ) определяется как целое направление в науке, которое изучает проблему машинного обучения и самообучения, направленную на решение вопроса автоматизации интеллектуальных систем с целью имитировать, моделировать и выполнять функции и свойства человеческого интеллекта. Возможности ИИ активно изучаются в пространстве информационных технологий, робототехники, биоинженерии (нейросети), математики и ряда смежных дисциплин, Реализация возможностей ИИ имеет междисциплинарный характер, и поэтому учеными, занимающимися проблемой ИИ в разных аспектах, активно используются знания, полученные в социо-гуманитарном пространстве науки.

Системы ИИ представлены в наше время в цифровом пространстве жизни людей самыми разными формами: начиная с обычного калькулятора или уже привычного компьютера, заканчивая сложными системами обработки большого количества информации (бизнес и финансовая сфера, контроль и отслеживание заданных элементов в пространстве городов), систем «умных вещей», решения аналитических задач в медицине. Все вышеперечисленное относится к феномену, определяемому как цифровизация.

Читая литературу и слушая выступления различных экспертов научного общества, создается некоторое общее понимание того, что маркетинг ИИ и научное изучение и использование ИИ в пространстве цифрового общества и науки имеют противоречия, которые не очевидны обыденному восприятию [1].

Во-первых, следует различать понимание ИИ как способность интеллектуальной системы воспроизводить некоторые аналитические свойства мышления и сознания человека посредством заданных математических алгоритмов и программ от абсолютного воспроизведения мышления и реакций человеческого мозга. Используя вычислительные алгоритмы, в основе которых заложены принципы машинного обучения, система ограничена той информацией, которую закладывает в нее сам человек. Это может быть проиллюстрировано известными примерами шахмат или систем языковых переводчиков. В любом случае, абсолютное воспроизводство мышления человеческого мозга, на данном этапе развития современных технологий, невозможно.

Следующее гениальное изобретение – искусственные нейронные сети, с помощью которых возможно решать сложные интеллектуальные задачи, такие как распознавание объектов. Обратившись к физиологии высшей нервной деятельности, ученые открыли так называемое «глубокое обучение», благодаря чему появились вычислительные конструкции, не уступающие вычислительной мощности мозга человека. Но при таких возможностях ученые еще не могут придумать, как научить такую систему разбираться в тонкостях науки, искусств, а главное – человеческой психике. Одной из важных особенностей человеческого мышления являются эмоции. И одной из главных проблем является сочетание вычислительной системы и нейробиологии, а именно, для самообучения необходимы такие элементы как переключение внимания, «эмоциональное отсвечивание», которое влияет на обучение и на последующее воспроизведение информации из памяти для принятия решений [2]. Поскольку данные свойства человеческой психики связаны с наличием эмоционального, в естественной нейросистеме присутствуют норадреналин, серотонин, допамин. Иными словами присутствуют такие биохимические элементы, которых нет в искусственной системе вычислений. Таким образом, эмоциональная составляющая мышления человека машине пока не доступна.

Цифровые технологии давно вошли в нашу повседневную жизнь, и оказывают влияние на многие ее аспекты. Систему ИИ, с точки зрения цифровизации, активно используют в настоящее время во многих сферах человеческой жизни, в том числе образовании и образовательных технологиях, что определяет структурные и содержательные изменения как в способах и формах обучения, так и в его целях. Поскольку в использовании ИИ и в обучении мы не можем обойтись без фактора человека, то только от него зависит адекватность внедрения и использования возможностей цифрового сопровождения учебного процесса на всех уровнях. Можно выделить несколько проблем и возможностей внедрения ИИ в систему преподавания и обучения:

1. ИИ прокладывает путь для персонализированного, адаптивного обучения.

Такие адаптивные системы обучения основаны на предыдущем обучении студента с целью формирования стратегий текущего обучения и обеспечения осознанного выбора будущих направлений обучения.

2. ИИ предоставляет консультационные возможности, которые улучшают опыт студентов.

В настоящее время ИИ дает возможность высшим учебным заведениям оказывать индивидуальную помощь студентам, чтобы способствовать пониманию устройства и сложностей обучения в конкретном ВУЗе и улучшить их взаимодействие со структурными подразделениями университета. Системы позволяют студентам задавать вопросы с использованием естественного языка и получать немедленный ответ по таким темам, как услуги университета, их оценки, расписание занятий и требования к курсу для выпуска. Более того, эти системы ИИ со временем учатся на задаваемых вопросах, так что их точность улучшается.

3. Используется ИИ для оценки учащихся.

Несмотря на опасения по поводу того, что машины не могут понять нюансы письменного текста или речи, ИИ используется с возрастающим успехом при оценке студенческой работы. Например, оценка эссе требует ввода только примеров сильных и слабых бумаг, оцененных человеком. Аналогичным образом, устный язык может быть оценен по многим языковым параметрам, включая беглость, использование лексики и произношение.

4. ИИ может улучшить опыт студентов с ограниченными возможностями.

Среди доступных или разрабатываемых систем – системы, которые могут описать содержание фотографий для слабовидящих, автоматически создавать подписи видео для глухих и слабослышащих, синтезировать более реалистичные голоса на нескольких языках для чтения текста к речи, и использовать экранную мышь и клавиатуру и текст в речь, используя только движения глаз для тех, кто не может использовать клавиатуру из-за физических нарушений:

5. ИИ позволит расширить возможности аналитики обучения.

Аналитика обучения включает измерение, сбор, анализ и представление данных об учениках и контекстах, в которых происходит обучение, с целью улучшения среды преподавания и обучения. ИИ позволяет аналитике обучения подробно описывать происходящее (описательное), почему это происходит (диагностическое), прогностическое (что произойдет) и предписывающее (что должно произойти).

6. Использование ИИ поднимает проблемы этики, морали и частной жизни.

Системы ИИ требуют доступа к большим объемам данных, включая конфиденциальную персональную информацию студентов и преподавателей, в зависимости от приложения. Поэтому его использование вызывает множество этических, моральных и личных проблем, которые необходимо решать. Среди них безопасность данных, согласие на использование персональных данных, кто может получать доступ к данным, возможная неправильная диагностика обучения студентов, потенциальная неправильная консультация студентов, скрытая предвзятость и стереотипирование в алгоритмах ИИ.

7. Трудности внедрения ИИ в высшее образование.

Сюда можно отнести следующие вопросы: кто возглавит и поддержит инициативу ИИ, кто будет отвечать за разработку и мониторинг политики и практики в области ИИ, какую роль будет играть факультет в проектировании и внедрении системы, понимание допущений, присущих разработке алгоритмов ИИ, отличных от системных разработчиков, каковы юридические последствия неправильной диагностики или консультирования учащихся, и каким образом будет набираться и стимулироваться необходимый персонал технической поддержки?

8. ИИ трансформирует иные аспекты академической жизни

Хотя преподавание, обучение и консультирование студентов являются ведущими вопросами при внедрении ИИ в высших учебных заведениях, технология проникает во многие другие аспекты академической жизни. Создание сопутствующих приложений влияют на трансформацию работы и способов предоставления услуг библиотек, связь со студентами, академические исследования, создание учебников и внешняя информационно-пропагандистская работа.

Хотя существует множество вопросов о роли ИИ и о том, как им управлять, мало кто сомневается, что технология неумолимо связана с будущим высшего образования. Уже сейчас в российской начальной школе вводится обучение основам искусственного интеллекта. Новую дисциплину предполагают реализовывать в рамках уроков информатики с 1 сентября 2021 г., а первые учебные материалы планируются подготовить к лету [3]. Будут по-прежнему разрабатываться и изучаться инновационные приложения, больше программ и курсов будут включать в себя ИИ и смежные темы, а существующие учебные программы будут адаптированы для предоставления студентам навыков, необходимых в мире, где многие рабочие места будут заняты машинами и появятся новые профессии. Неизбежность ИИ в высшем образовании очевидна и от представителей научного и образовательного профессиональных сообществ зависит, каким путем и насколько эффективно произойдет модернизация образования и обучения согласно вызовам времени. В то же самое время остается не решенным вопрос о роли контекста в функционировании ИИ. Может ли он стать идентичным человеческому и как этого добиться в границах вычислительных алгоритмов ИИ? Данная задача имеет амбивалентную природу, поскольку фактор человеческого вмешательства и контроля в процессах обучения до сих пор является ключевым.

Источники:

1. Дунин-Барковский В. Л. Код разума. Журнал «Экономические стратегии» Ресурсы жизни 2010 Номер 11. Ресурсы жизни [Электронный ресурс]: <http://www.inesnet.ru/magazine/es2010/es2010-11/> (дата обращения: 06.02.2021).
2. Marvin Minsky The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. Simon & Schuster, 2007.
3. Искусственный интеллект в образовании [Электронный ресурс] <https://www.tadviser.ru/a/436257> (дата обращения: 10.02.2021).

M. P. Zamotin (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

***IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGH
EDUCATION AND TRAINING***

This paper examines a phenomenon of artificial intellect (AI) within the context of high education including teaching, training, and learning. It also examines the key forms of its employment in educational system. The main question this paper addresses is the role and significance of human dimension and its 'context' in the process of obtaining knowledge by AI and people.

Artificial intelligence, digital society, education, training.

УДК 316.472.4

Т. В. Ивашковская (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: tv_ivashkovskaya@mail.ru);

В. А. Павлов (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: vladimir5949@rambler.ru)

МЕДИАКОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рассматривается роль средств массовой информации в формировании искусственной реальности, отличающейся от действительной картины мира. Особое внимание уделяется политическому и социальному структурированию под влиянием современных информационных технологий.

Информационные технологии, манипуляция, масс-медиа, медиа-реальность, сети, социальное конструирование

«Мы делаем новости» – выражение, давно уже ставшее расхожим в журналистской среде. Не «сообщаем», не информируем, а именно «делаем». Если передача новостей предполагает какую-то видимость объективности информационной деятельности и соответствие медийной картины мира ее реальному прообразу, то «делание» новостей прямо указывает на их искусственность, ангажированность и субъективизм. «Делание» новостей давно стало профессиональной нормой, и на эту норму исследователи масс-медиа обратили внимание еще в первой половине минувшего века. Уже тогда американский журналист и политический обозреватель У. Липпман в работе «Общественное мнение» (1922) отмечал огромное влияние СМИ на характер отражения действительности в массовом сознании и на тот разрыв, который благодаря масс-медиа возникает между реальностью объективной и искусственно создаваемой. Рассматривая различные примеры отражения происходящих событий в СМИ, он писал: «Во всех этих примерах мы должны обратить внимание на одну общую черту – между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду» [1, С. 38]. Возможность создания псевдосреды с заданными параметрами, таким образом, позволяет программировать человеческую реакцию и управлять человеческим поведением.

Приведенное высказывание У. Липпмана можно рассматривать как своего рода парафраз ряда важнейших положений возникшей в 20-х гг. XX столетия теоретической школы символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Г. Блумер) и впоследствии развитого на ее основе драматического подхода И. Гофмана, не случайно названного «теорией управления впечатлениями». И в том, и

в другом случае создатели теорий подчеркивали, что в ситуациях социального взаимодействия люди реагируют не на сами стимулы, а на их интерпретацию. Причем, драматический подход И. Гоффмана подчеркивает программируемость такой интерпретации и, следовательно, поведенческой реакции.

Названные теории возникли в рамках так называемого микросоциологического подхода и описывали/объясняли ситуации межличностного взаимодействия или межличностной коммуникации. Впоследствии целый ряд их принципиальных положений был использован и развит уже в рамках исследований массовой коммуникации.

Так, с конца 60-х гг. XX века в западных странах набирает популярность теория «повестки дня» (agenda-setting theory), предложенная М. Маккомбсом и Д. Шоу. Согласно этой теории средства массовой коммуникации не столько информируют людей о происходящих событиях, сколько формируют их отношение к этим событиям. Повестка дня носит искусственно сконструированный и заранее запрограммированный характер, поскольку и темы, и способ их освещения, прежде чем они будут представлены массовой аудитории, подвергаются цензуре и тщательному отбору так называемыми «привратниками» («gatekeepers» – К. Левин) и распределяются в соответствии с той степенью значимости в информационном пространстве, которая им предназначается самими СМИ. Так в сознании массовой аудитории формируется медиа-реальность, которая в большей или меньшей степени отличается от действительной картины мира. Следует заметить, что особенно успешно СМИ формируют повестку дня именно тогда, когда события и факты, нашедшие в них отражение, находятся вне пределов жизненного опыта и непосредственного восприятия потребителей информации. В этом случае картина мира, складывающаяся у людей с помощью масс-медиа, становится не столько результатом их знания об этом мире, сколько актом веры в объективность и добросовестность работников информационных ресурсов.

Высокую эффективность в конструировании медиа-реальности проявили средства массовой информации, которые сегодня принято считать традиционными. Это, в первую очередь, периодические печатные издания, радио и телевидение. Осмысление их деятельности и привело к созданию упомянутой теории. В настоящее время исследователи процессов массовой коммуникации часто наряду с традиционными выделяют еще и «новые медиа» (new media), вызванные компьютеризацией общества, цифровыми и сетевыми технологиями.

«Новые медиа», возникшие в конце XX века, поначалу воспринимались просто как естественное технико-технологическое продолжение старых, традиционных СМИ. Сегодня акцент делается на их качественное своеобразие, под которым понимают компьютерные технологии, создание и хранение информации в цифровой форме, а также коммуникационные сети, предполагающие интеракцию создателей и потребителей информации. В то же время, было бы ошибкой противопоставлять новые медиа старым поскольку традиционные

СМИ активно используют современные информационные технологии для продвижения своего информационного контента.

Сложившийся симбиоз старых и новых информационных ресурсов и технологий влияния на сознание аудитории, способен, на наш взгляд, полностью вытеснить из общественного сознания реальные, насущные проблемы, подменив их вымышленными.

Конструирование второй, параллельной. реальности вряд ли можно считать всего лишь новой стадией и естественным результатом развития информационных технологий. Это сознательное действие, за которым чаще всего кроются определенные цели – политические, экономические, социальные и иные. На это обращал внимание в своей «теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас, фактически уподобляя коммуникацию социальному действию. Уподобление одного другому отражало такое состояние социальных отношений, когда социальное действие могло привести к разрушительным последствиям, и его следовало заменить коммуникацией для того, чтобы снять напряжение и разрядить ситуацию (например, заменить «горячую» войну «холодной», «гибридной», «информационной»). Ю. Хабермас в своей теории стремился подчеркнуть, что только коммуникация обеспечивает «достижение взаимопонимания и согласия» [2, С. 12].

Возможна и обратная стратегия, когда искусственно стимулируется рост напряженности в ситуации, в которой объективных причин для этого не существует. Проводимые в 60-70-х гг. XX века исследования в области «рефлексивного управления» (В. Н. Бурков, В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий и др.) акцентировали внимание на том, что конструирование реальности чаще всего осуществляется в манипулятивных целях и может быть использовано в военных искусствах, быть инструментом информационной войны. Методология рефлексивного управления состоит во влиянии на объект управления путем предоставления ему такой информации, на которую он реагирует желаемым для манипулятора образом. Среди инструментов рефлексивного управления называют дезинформацию, отвлечение внимания, информационная перегрузка, умиротворение через снижение бдительности или, напротив, устрашение через создание иллюзии несокрушимости противника и т. д. Примечательно, что методы рефлексивного управления нашли широкое применение в самых разных областях: не только в военном искусстве, но и в политике и экономической сфере, в так называемых интегрированных маркетинговых коммуникациях, представляющих собой технологию влияния на потребителя на основе рекламы, кампаний по продвижению (товаров и услуг), связей с общественностью и пр. [3].

Сегодня вектор использования коммуникационных технологий все более смещается от маркетинговых стратегий в сторону социального конструирования, т.е. конструирования самих социальных структур. Когда в 90-х гг. XX столетия исследователи масс-медиа и журналисты (И. И. Засурский и др.) стали говорить о складывающейся в нашей стране «медиаполитической системе» [4], они фактически хотели подчеркнуть, что неразвитость политических

институтов – в первую очередь политических партий – была компенсирована крупными медиа-холдингами, структурирующими политическое сознание и играющими роль политических партий. Именно с их помощью разыгрывался политический спектакль и выстраивалась иерархия политических ролей.

В последние два десятилетия процесс пошел дальше – медиаполитическое структурирование дополняется медиасоциальным структурированием – под воздействием современных медиа возникает социальный конструкт кланового типа (сетевые сообщества), где кланы-секты сосуществуют каждая в своей искусственной реальности, которые, во-первых, не совпадают, а во-вторых, часто далеки от реального мира. Они используют свой язык, интересуются разными вещами, почти не пересекаются и нередко вообще не понимают друг друга. Самоидентификация членов таких групп осуществляется через противопоставление другим группам, которое все чаще принимает форму взаимоотрицания, не критического отношения к себе и полного неприятия всего, что связано с другими.

Примечательно, что такое размежевание наблюдается в ситуации с традиционными СМИ (например, аудитория «Эха Москвы» – аудитория «Вестей FM»), но то же самое, только в гипертрофированном виде, происходит и в интернете, где выясняют отношения между собой многочисленные группы по интересам. Степень погружения в виртуальный мир у некоторых категорий пользователей (программисты, геймеры, некоторые группы «ВКонтакте» и пр.) столь велика, что вся их жизнь оказалась сосредоточенной в информационном пространстве, без какой-либо связи с реальным миром, и что в этом мире происходит, их совершенно не волнует.

Эта тенденция групповой и индивидуальной самоизоляции, на наш взгляд, по мере развития информационных технологий будет только усиливаться (обратите внимание – для человека со смартфоном в руках окружающего мира как будто не существует). Само по себе такое социальное структурирование – явление объективное и давать ему однозначную оценку сложно: социальные связи все больше переходят в виртуальное пространство, одни социальные связи рвутся – другие налаживаются. Вместе с тем следует учитывать, что состав каждой из таких социальных ячеек, возникающих в виртуальном пространстве, является легко манипулируемой средой.

Поэтому здесь могут зародиться деструктивные сообщества (типа «групп смерти», экстремистских объединений и др.). Виртуальный мир в той же степени, что и реальный, нуждается в контроле и регулировании дисфункциональных элементов. Формы и методы такого контроля – предмет профессионального обсуждения, но и у него должны быть свои ограничения, прежде всего идеологического характера, с тем, чтобы предотвратить его превращение в инструмент, действующий в угоду частным интересам.

Источники:

1. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. М.: Наука, 2000. – 377 с.
3. Музыкант В.Л. Интегрированные маркетинговые коммуникации / В. Л. Музыкант. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2013. – 216 с.
4. Засурский И. И. Медиаполитическая система // Средства массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 72-114.

T. V. Ivashkovskaya (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA);

V. A. Pavlov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA)

MEDIA ENGINEERING OF THE SOCIAL REALITY

The paper examines the role of the media in shaping an artificial image of reality that differs from the actual state of the world, with a particular focus on political and social structuring as influenced by the latest information technology.

Information technology, manipulation, mass media, media reality, networks, social engineering.

УДК 316.7

Н. В. Казаринова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет» СПбГЭТУ «ЛЭТИ», e-mail: nvkazarinova@mail.ru)

ПОД ЗНАКОМ «CANCEL CULTURE»

Рассматриваются концептуальные возможности анализа феномена «культуры отмены» (cancel culture), с точки зрения аксиом социальной коммуникации, сформулированных представителями интеракционной традиции в изучении межличностной и межгрупповой коммуникации. Раскрывается прагматическая ценность коммуникативного анализа cancel culture.

Аксиомы межличностной коммуникации, «культура отмены», групповая поляризация, «огруппленное мышление»

В культурной истории человечества выработаны самые разнообразные – от простых до изощренных – формы отлучения или исключения людей из привычной или выбранной ими социальной среды. Но люди не успокаиваются и продолжают производить все новые способы удаления «неправильных других» с целью социальной интеграции и консолидации остающихся. Появление интернет-выражения «you're cancelled» («ты отменен») знаменовало не просто еще один вариант остракизма (онлайн- или «киберостракизм»), но, по мнению ряда исследователей, особый вид культуры – cancel culture с присущими ей представлениями о должном, правилах социального поведения и приемах коммуникативного воздействия. Массив появившихся за последние пару лет медиатекстов, комментариев, выступлений позволили Google Trends утверждать, что термин cancel culture в июне 2020 года был на пике популярности среди интернет-пользователей. Появляются публикации, проблематизирующие интересующий нас феномен cancel culture в научном контексте [См.: 1, 2]. Продолжая научную концептуализацию, в данных заметках я постараюсь продемонстрировать коммуникативные эффекты «культуры удаления» с использованием аксиом коммуникации, сформулированных П. Вацлавиком и его коллегами [3].

Напомню, что Вацлавик П. сформулировал следующие 5 аксиом.

Аксиома 1. Невозможность отсутствия коммуникации (One cannot not communicate): в ситуации, когда люди доступны для восприятия друг друга, любое поведение (даже отсутствие действия) обладает информационной ценностью, т. е. является коммуникацией.

Аксиома 2. Любая коммуникация имеет уровень содержания и уровень отношения (Every communication has a content and relationship aspect such that the latter classifies the former and is therefore a meta-communication): уровень содержания – это та информация, которая передается в сообщении (аспект описания). Уровень

отношений – то, как это сообщение должно быть воспринято (аспект отношения). Отношение выражено как речевыми приемами, так и невербально.

Аксиома 3. Пунктуация последовательности событий (The nature of a relationship is dependent on the punctuation of the partners' communication procedures): люди организуют свое взаимодействие, опираясь на собственное представление о важном и неважном, причинах и следствиях поступков, интерпретацию смысла происходящего. Эти смысловые доминанты организуют поведенческие события, оказывая существенное влияние на происходящее взаимодействие (подобно тому, как знаки пунктуации задают смысл предложению).

Аксиома 4. Взаимодействия между людьми реализуются с использованием вербальных и невербальных способов передачи информации (Human communication involves both digital and analogic modalities): человеку постоянно приходится сочетать эти два «языка». Поскольку каждый из них передает специфическую информацию, невозможен точный (адекватный) перевод с одного на другой.

Аксиома 5. Все коммуникационные взаимодействия являются либо симметричными, либо комплементарными, в зависимости от того, основываются они на равенстве или различиях коммуникативного статуса партнеров (Inter-human communication procedures are either symmetric or complementary, depending on whether the relationship of the partners is based on differences or parity): Симметричность и комплементарность сами по себе не являются характеристиками «хорошей» или «плохой», «нормальной» или «ненормальной» коммуникации. Оба вида взаимоотношений выполняют важные функции, оба включены в ткань коммуникации между людьми.

Концептуальные рамки каждого из сформулированных положений (аксиом) позволяют заметить и раскрыть коммуникативное содержание «культуры удаления».

Так, первая аксиома, прагматическая ценность которой – в выделении различных практик прекращения коммуникации, позволяет рассматривать удаление нежелательного блоггера или комментатора, с точки зрения сложно-организованного коммуникативного поведения, включающего не только прямое сообщение о нежелательности коммуникации, но и формулы «отмены», сопровождаемые хейтерством (то есть открытым выражением ненависти к изгнаннику), а также иными проявлениями речевой агрессии.

Аксиома пунктуации последовательности событий раскрывает такую фундаментальную особенность «культуры удаления», как фиксация и признание важности лишь одной системы ценностей и норм и «неважности» другой, тем самым закрывая возможность не только для диалога, но и прояснения и артикулирования данного несовпадения вследствие непринятия другой стороны. Этот эффект фиксируется и хорошо известным в социальной психологии феноменом «групповой поляризации», согласно которому если мнение относительно какого-либо предмета сложилось до начала дискуссии, то в ходе групповой дискуссии это первоначальное мнение, скорее, усилится. Иначе говоря, наличие предварительных социальных стереотипов, социальных установок и привычных коммуникативных практик актуализирует не столько

проблему доверия, сколько категоричность используемого языка, «сдвиг к крайней позиции», то есть псевдиалог.

Аксиома о симметричности и комплементарности взаимодействия напоминает о том, что члены группы с различными культурными установками могут устойчиво взаимодействовать лишь с использованием различных форм уступчивости, то есть асимметрично, симметричность чревата конфликтами и разрушением коммуникации. С пониманием этого коммуникативного принципа связаны разнообразные практики сохранения ценностного единства, зафиксированные в хорошо известной концепции «огруппленного мышления» (*groupthink*), сформулированной американским исследователем И. Джанисом (Irving L. Janis). Эффект определяется следующим образом: «Огруппление мышления – режим мышления, возникающий у людей в том случае, когда поиски консенсуса становятся настолько доминирующими для сплоченной группы, что она склонна отбрасывать реалистические оценки альтернативного способа действий. Факторами, провоцирующими огруппление мышления, становятся дружеская сплоченность группы, сравнительная изоляция группы от противоречащих мнений и директивный лидер, дающий понять, какое решение ему по душе [4, с. 384]. Эффект *groupthink*, помимо прочего, обращает внимание на неизбежность усиления механизмов межгрупповой психологической защиты при решении значимых для группы вопросов.

Таким образом, на наш взгляд, аксиомы коммуникации подтверждают свою фундаментальность для понимания *cancel culture* как коммуникативного процесса и паттерна. В чем может заключаться прагматический ресурс предлагаемого анализа? На наш взгляд, прагматика аксиом П. Вацлавика связана с умением извлекать (теоретические и практические) уроки при обсуждении коммуникативных проблем. Основной урок, на мой взгляд, состоит в том, что теоретизирование, будучи ориентировано на конкретность взгляда и внятность результата, предельно прагматично. Теоретизирование о социальной коммуникации приобретает смысл в артикулировании проблемных зон, или социальных проблем, оказывающихся предметом коммуникации как области знания. Способность развивать и методически оформлять такие процедуры социального мышления, как проблематизация, категоризация, интерпретация, наконец, репрезентация, это именно те задачи, которые и призваны решать социальные исследователи.

Источники:

1. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n3/109353_full.shtml (дата обращения 20.02.2021)
2. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n1/112946_full.shtml (дата обращения 20.02.2021)

3. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций / пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 300 с.

4. Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб.: Питер, 1997. 684 с.

N. V. Kazarinova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

UNDER THE SIGN OF «CANCEL CULTURE»

The article considers the conceptual possibilities of analysing the phenomenon of "cancel culture" from the point of view of the axioms of social communication, formulated by representatives of the interactive tradition in the study of interpersonal and intergroup communication. The pragmatic value of communicative analysis of cancel culture is revealed.

Axioms of interpersonal communication, cancel culture, group polarization, groupthink

УДК 338.48

Н. П. Кирсанова (Университет при МПА ЕвразЭС, e-mail: kirsanovan@mail.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТУРИЗМЕ

В статье рассматриваются различные цифровые технологии, активно применяемые в сфере туризма. Анализируется процесс цифровизации туристической отрасли, ведущий к повышению ее конкурентоспособности. Кроме того, в статье приводятся примеры применения технологий искусственного интеллекта в отельной сфере, дается прогноз развития туристической сферы в постковидный период.

Цифровые технологии, цифровизация туризма, персонализированный контент, тренды в туризме, искусственный интеллект в туризме, чатботы, туристические онлайн платформы, туристические сервисы

Растущий рынок туристических услуг заставляет его игроков стремительно меняться, чтобы сохранять превосходство на рынке.

Современные цифровые технологии в туристическом бизнесе уже давно и достаточно активно используются, позволяя зарабатывать в этой сфере. Недаром термин «digital туризм» (цифровой) уже никого не удивляет. Речь в данном случае идет об использовании цифровых технологий для создания туристского продукта. Это могут быть онлайн платформы по поиску жилья, бронированию авиа и железнодорожных билетов, мобильные приложения туристических путеводителей, онлайн заказ экскурсий и т.д. Т.е. концепция digital туризма включает в себя цифровые технологии, способствующие подготовке и планированию путешествия, помогающие непосредственно во время путешествия, а также после (например, различные фото сервисы, позволяющие делиться фотографиями с другими путешественниками).

Первыми цифровыми технологиями в туристической сфере по праву можно считать системы онлайн бронирования жилья, такие как Booking, Airbnb и агрегаторы для покупки билетов, например, Aviasales. Их появление относится к началу 2000-х годов. Сегодня уже сложно представить современное путешествие без использования подобных платформ.

Как показывает исследование, проведенное специалистами компании Google, «в среднем, при подготовке к путешествию пользователи совершают около 400 поисковых запросов. Это огромный пласт данных активно используется туристическими компаниями для того, чтобы повлиять на наше решение и склонить в пользу определенного маршрута, компании и отеля» [1, С. 39].

Исследование Google также показало, что «в целом мобильный Интернет намного чаще использовался для поиска информации, чем для бронирования авиабилетов, проживания или пакетных туров» [2]. В качестве возможных причин этого респонденты называли «неудобство большинства сайтов для просмотра с мобильных устройств, неуверенность многих пользователей в безопасности транзакций, а также низкое качество связи» [2].

Еще одним ведущим трендом цифровых технологий для туристской индустрии на сегодняшний день является персонализированный контент. Обычный статический контент не работает, компаниям нужны динамические веб-сайты, а также эффективные автоматизированные маркетинговые решения, которые могут предложить высоко персонализированный, но современный контент для путешествий. Это лучший способ взаимодействия как с потенциальными клиентами, так и с уже существующими.

Клиенты хотят персонализированный туристский контент. Практика показывает, что большинство клиентов с большей вероятностью совершат покупку у той компании, которая предоставит рекомендации, основанные на их прошлой истории покупок.

Следующим трендом в digital технологиях для туризма является использование видео и GIF. Люди любят визуальные эффекты. Интересный и захватывающий контент веб-сайта, как правило, визуальный. Это может быть приключенческий опыт, видео с советами о путешествии или просто забавная реклама. Способ ввести интересное видео в контент есть всегда. Использование видео или GIF делают коммуникацию со зрителем интерактивной, такие посты лучше комментируются, отмечаются как любимые и репостятся.

Клиентоориентированный персональный контент будет продолжать оказывать влияние и в 2021 году. Чтобы удовлетворить спрос, интернет-маркетологи делают значительные инвестиции в туристические СМИ, которые могут создавать уникальный и привлекательный туристический контент, публиковать и распространять его.

Уникальность контента – еще одна характеристика цифровых трендов в туристской индустрии. Использование оригинальных, нефiltroванных изображений поможет рассказать «живую» историю бренда. Люди привыкли видеть картинки из банков изображений, которые больше не вызывают большого интереса. Эффективный контент для путешествий можно создать только через уникальные несовершенные изображения.

Технологии искусственного интеллекта уже проникли в сферу путешествий и туризма: автоматизация обслуживания самолетов, различные административные задачи и задачи по обслуживанию клиентов, улучшенное управление доходностью для отелей и авиакомпаний, а также более эффективное управление трафиком для оживленных аэропортов [См.: 3].

Стремительно развиваются технологии использования чатботов для быстрого и точного ответа на многие вопросы клиентов.

Возможности технологий искусственного интеллекта в туристической сфере существенно превосходят возможности традиционных поисковых систем и реальных людей, именно поэтому эти технологии так активно развиваются и внедряются.

Ряд туристических сервисов уже начал успешно использовать элементы искусственного интеллекта, которые помогают анализировать большие объемы данных и учиться на собственном и чужом опыте выполнения заказов клиентов. По словам редактора туристического портала Skift Грега Оутса (Greg Oates), «главная цель для туристических брендов сейчас – это «освоить» персонализированный опыт клиента» [4]. Именно персонализированные услуги, как было сказано выше, сегодня являются сильным конкурентным преимуществом. А технологии искусственного интеллекта помогают подбирать такие услуги, поскольку позволяет обработать большой объем данных и создать персонализированный продукт намного быстрее, чем традиционные технологии поиска.

Говоря об использовании технологий искусственного интеллекта в отельном бизнесе, можно сказать, что именно здесь впервые стали применяться эти технологии. И сегодня уже многие сетевые отели активно используют преимущества технологий искусственного интеллекта.

Согласно мнению специалистов онлайн-платформы для отельеров, представителей сферы гостеприимства и туризма – Revfine.com, наиболее часто сегодня внедряются чатботы, онлайн-обслуживание клиентов и обработка и анализ данных [5].

На практике, технологии искусственного интеллекта используются при оказании поддержки клиентам в Интернете в социальных сетях, а также различных мессенджерах. Именно чатботы общаются с клиентами, отвечают на вопросы, предоставляют полезную информацию. Сегодняшний клиент не готов ждать, ему нужна информация мгновенно. И с этой задачей искусственный интеллект справляется гораздо быстрее и эффективнее, чем «живые» сотрудники.

Примером использования искусственного интеллекта для личного взаимодействия с клиентом является консьерж-бот «Конни», разработанный компанией Hilton. «Конни» (Connie), получивший имя в честь основателя системы отелей Hilton Конрада Хилтона (Conrad Hilton), является первым роботом на базе платформы IBM Watson, созданным IBM для гостиничной индустрии. Стоя на высоте двух футов и общаясь с гостями во время регистрации, Конни может предоставить краткую информацию о местных достопримечательностях и местах, которые стоит посетить. Управляемый искусственным интеллектом и способный к самообучению, он также может учиться, адаптироваться и реагировать на каждого гостя на индивидуальной основе.

Глобальные ограничения, введенные с марта 2020 года из-за Covid-19, резко остановили международные поездки. В течение 2020 года число

международных туристских перевозок сократилось на 80% по сравнению с предыдущим годом.

Несомненно, индустрия туризма не будет стоять на месте и продолжит развиваться, и именно технологии искусственного интеллекта сыграют в этом процессе важную роль. До пандемии технологии искусственного интеллекта только начинали проникать в туристический сектор. И самым большим их преимуществом является возможность персонализировать полученный опыт и оптимизировать услуги на основе полученных данных о клиентах.

Отраслевые эксперты считают, что наука о данных и технологии искусственного интеллекта станут ключевым инструментом в возрождении путешествий, поскольку электронные паспорта и удостоверения личности, посадочные талоны и роботы-уборщики будут широко использоваться для сохранения социальной дистанции и минимизации физического контакта между людьми.

Если искусственный интеллект будет использоваться в полную силу, индустрия туризма во многом изменится, поскольку «улучшатся технологии обслуживания клиентов, изменится процедура идентификации пассажиров во время путешествий, и будет персонализирован опыт путешественника с помощью тщательно подобранных рекомендаций» [6].

Еще одним заметным изменением в туристической индустрии станет переход к бесконтактному перемещению из аэропорта к стойке регистрации в отеле. Автоматизация всей туристической индустрии станет новой нормой. От визового центра, самолета до осмотра достопримечательностей – люди смогут быть уверены в том, что во время их путешествия соблюдаются все меры безопасности с точки зрения сохранения их здоровья и гигиены.

С постепенным отказом от использования сканеров для отпечатков пальцев появятся новые бесконтактные технологии, включая бесконтактный отпечаток пальца, а также радужную оболочку глаза и распознавание лиц.

Таким образом, трансформация индустрии путешествий и гостеприимства с помощью внедрения технологий искусственного интеллекта откроет новый уровень обслуживания клиентов и установит ориентир для других отраслей.

Источники:

1. Богомазова И.В., Аноприева Е. В., Климова Т. Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы// Сервис в России и за рубежом. Т. 13, No. 3 (85), 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-industrii-turizma-i-gostepriimstva-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 12.02.2021).
2. Google назвала тренды в планировании путешествий. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/google-nazvala-trendy-v-planirovanii-puteshestvii-podrobnee/> (дата обращения: 15.02.2021).

3. Черевичко Т.В., Темякова Т.В. Цифровизация туризма: формы проявления// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, 2019.Т.19, вып.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-turizma-formy-proyavleniya> (дата обращения 10.02.2021).

4. Искусственный интеллект – будущее сферы туризма. URL: <https://ffin.ru/market/review/82/56998/> (дата обращения 16.02.2021).

5. How Artificial Intelligence is Changing the Travel Industry. URL: <https://www.revfine.com/artificial-intelligence-travel-industry/> (дата обращения 16.02.2021).

6. Dashveenjit Kaur. Can AI-driven tech help bring back tourism travel? URL: <https://techwireasia.com/2020/10/can-ai-driven-tech-help-bring-back-tourism-travel/> (дата обращения 16.02.2021).

N. P. Kirsanova (University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN TOURISM

The article discusses various digital technologies that are actively used in the field of tourism. The process of digitalization of the tourism industry, leading to an increase in its competitiveness, is analyzed. In addition, the article provides examples of the use of artificial intelligence technologies in the hotel industry, gives a forecast for the development of the tourism sector in the post-covid period.

Digital technologies, digitalization of tourism, personalized content, trends in tourism, artificial intelligence in tourism, chatbots, online travel platforms, travel services.

УДК 172.2

А. К. Козлова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: akkozlova@stud.etu.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНЖЕНЕРА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ ИИ БУДУЩЕЕ

Неумолимое развитие прогресса помимо различных благ может повлечь за собой и негативные последствия. Подход к различным ситуациям с позиции ответственности может повлиять на различные области нашей жизни, и ее инженерная составляющая не является исключением. Современное общество все более заинтересовано в прикладном применении науки. Однако не стоит забывать, что при отсутствии продуманного комплекса действий и безответственном подходе к решению той или иной задачи, это может вылиться в крупные неприятности по отношению к природе и человечеству в целом. Это наталкивает на мысль, что классическое понятие слова “инженер” нуждается в рассмотрении в другом свете. Теперь понятия “научный работник” и “социальная ответственность” являются неразрывно связанными.

Инженер, социальная ответственность, искусственный интеллект, этика профессии, интеграция разработок, разработчик, вероятностная модель

Проблема социальной ответственности инженера не нова. Фактически, с момента появления изобретательства человечество задается вопросом: “Кто отвечает за последствия внедрения разработки в жизнь?”. Однако особую остроту этот вопрос приобретает в современном киберпространстве. Это связано с тем, что при повышении качества и уровня знания возрастает и вероятность того, что ситуация выйдет из-под контроля. Именно поэтому важно идти в ногу с прогрессом стараться минимизировать риски на всех стадиях интеграции проекта: от изобретения до конструирования и претворения разработки в жизнь.

Для того чтобы лучше разобраться в том, что подразумевается под фразой “Социальная ответственность инженера” будет уместно рассмотреть развитие этого понятия с течением времени. Говорить об истоках инженерного ремесла, начиная с какого-то четко определенного периода времени, представляется весьма проблематичным, так изобретательство появилось почти сразу же вместе с человеком, поэтому начало временного отрезка, обхватываемый этой статьей, будет приурочено к Античности.

Древнегреческие философы оставили после себя огромное культурное наследие. Например, Аристотель понятие ответственности определял так: “Человек может совершать как прекрасные, так и постыдные поступки, от него зависит, поступки какого характера он совершает, по своей воле человек правосуден или не правосуден, и в соответствии с совершенными поступками ему оказывают

почести или его наказывают по суду” [1, 117]. Анализируя в контексте инженерной мысли этот отрывок, можно прийти к выводу, что, по мнению философа, разработчик “правосуден”, если старается заложить в свое изобретение посыл пользы и добра. Если открытие используют не по назначению, превращая силу созидательную в силу разрушительную, то это целиком и полностью лежит на совести “злоумышленника”, а никак не человека, придумавшего нечто новое с хорошим умыслом.

С развитием науки многие понятия пришлось пересмотреть. Так, в Средневековье особую силу приобретают два противоположных мнения, часто называемых научными теориями. Их авторами являются Леонардо да Винчи и Галилео Галилей. Во временной отрезок с 5 по 15 век, особую силу приобретает позиция итальянского художника и инженера. Он считал, что гласность знания должна являться выборочным явлением, то есть известный изобретатель выступал против того, чтобы общественность (в широком понятии этого слова) держала руку на пульсе развития науки. Так он резко отвечал на обвинения по поводу сокрытия чертежей аппарата подводного плавания: “из-за злой природы человека, который мог бы использовать его для совершения убийств на дне морском путем потопления судов вместе со всем экипажем” [2]. Известный изобретатель аргументировал свою точку зрения перечислением различных ситуаций, в которых люди могли использовать разработку инженера не по назначению, а в своих собственных корыстных целях, способных принести вред кому-либо.

Галилео Галилей придерживался другой точки зрения в этом вопросе. Он считал, что долг ученого состоит в том, чтобы открывать новые горизонты, не обращая внимание на возможные риски. Философ полагал, что человек не способен сдержать распространение прогресса, и не стоит отвлекаться на негативные варианты развития событий, если есть возможность открыть что-то новое, неизведанное. Итогом такого подхода является по сути отсутствие ответственности инженера за возможные последствия эксперимента. Этот тип мышления особенно характерен для ученых Нового времени. В качестве примера, наглядно иллюстрирующего все вышесказанное можно привести череду Великих географических открытий и последующее освоение европейцами неизведанных для них территорий.

Далее наступил период времени, когда оба подхода показали свою несостоятельность. Этому предшествовала научно-техническая революция, произошедшая в 19 веке. Первым серьезным сигналом послужила Первая Мировая война. Как известно, эту войну часто называют “войной экономик”, а также нередко добавляют, что именно в этот временной промежуток были испробованы новые виды вооружения, получившие развитие впоследствии. Картина боев, а именно распыление ядовитых удушающих газов на по сути незащитных от этого оружия солдат, применение динамита, использование танков и парашютов-это лишь малая часть ужасов Первой Мировой войны. Пожалуй, именно в этот момент человечество коллективно осознало, какую разрушительную силу может нести прогресс, ведь особенно остро встал вопрос применения последних разработок

против человека. Казалось бы, человечество осознало, как опасно может быть отсутствие вероятностной модели, где расписаны все возможные исходы применения того или иного изобретения. Однако Вторая Мировая война снова поставила население планеты перед вопросом ответственности. На данном этапе актуальным является симбиоз двух описанных выше подходов. И последующая Холодная война и гонка вооружений заставило научное сообщество подойти к данному вопросу более фундаментально.

С конца 60-х годов прошлого века стало уместно говорить о формировании определенных кодексов, которые ставили рамки на поле деятельности научных работников различных областей. В первую очередь мы говорим о представителях атомной промышленности. По мере развития идей политики разоружения инженеры данной профессии позиционируются не столько как лица военной промышленности, сколько граждане, обеспечивающие жизнедеятельность государства в исключительно мирном бытовом аспекте, как работники АЭС, научные исследователи. Так появился, например, Кодекс поведения по обеспечению безопасности сохранности радиоактивных источников [3]. На примере этого документа можно отметить основные тенденции в отношении поставленного вопроса. Так, согласно сему кодексу, государства, являющиеся членами МАГАТЭ, признают потенциальную опасность, которую несет в себе использование радиоактивных источников, однако, и отмечают неоспоримую пользу, которую приносит эксплуатирование вышеупомянутых объектов. На данном этапе можно отметить позитивную динамику рассматриваемого вопроса.

Необходимо отметить, что наука не стоит на месте. Она неумолимо развивается. И каждый новый виток прогресса требует от научного сообщества движения на как минимум не меньшей скорости. Это важно, потому что только так остается возможность незамедлительного реагирования на вызовы современности.

Так, например, молодыми, активно развивающимися областями промышленности являются робототехника и искусственный интеллект. Однако, писатели-фантасты, такие как Станислав Лем и Айзек Айзимов, предупреждают человека о возможной опасности, которую влечет неконтролируемое развитие этих инженерных профессий. Как было отмечено выше, искусственный интеллект относительно молодая отрасль, в которой соединяются интересы научного сообщества и представителей промышленности. Согласно статье ТАСС [4] ближайшие десять лет будут протекать под флагом развития цифровых составляющих разных фундаментальных секторов общества: от бытового аспекта (электронные карточки пациентов в медицинских учреждениях), до вопросов национальной военной безопасности страны. Такое заявление позволяет заключить, что ближайшее время профессия инженера не только не утратит своей актуальности, но и приобретет новые перспективы дальнейшего развития. Однако этот оптимистичный прогноз имеет и негативные последствия.

Постараемся разобраться в тонкостях развития современного изобретательства на примере разбора области искусственного интеллекта. Эта отрасль является молодой, и перспективной, потому что она способна проявлять необходимые современной рыночной экономике гибкость и устойчивость (качества, которые во время пандемии Covid приобрели особую важность). Машинный интеллект способен подходить комплексно к решению различного круга проблем, что является несравненным плюсом. Современное общество вышло на новую ступень: теперь все задачи рассматриваются в формате системы, то есть новый подход позволяет построить модель поведения не только при определенной кризисной ситуации, но и спрогнозировать дальнейшее грамотное поведения для последующего динамичного развития. В таких ситуациях искусственный интеллект имеет некоторое превосходство перед человеческим мозгом, неспособном производить столь трудоемкий и долгий вычислительный процесс. Однако все различные наборы ситуаций и модели поведения при них были заложены машине при обучении ученым (человеком), который в свою очередь способен разглядеть и спроектировать только ограниченный круг проблем. При возникновении ситуации, не указанной в изначальном коде есть два пути дальнейшего развития событий: либо придется изменять код программы (что является выбором экстенсивного и нерационального пути), либо предполагается, что компьютер, на основании уже имеющихся у него баз данных смодулирует органичный путь решения проблемы. Однако поручиться, что при последнем варианте последовательность действий, предложенная искусственным интеллектом, будет приемлема для человека и человечества в целом сложно. Обрисованная ситуация наводит на мысль, что эта отрасль представляет собой широкое поле для открытий и исследований, но важно помнить об определенных регулирующих рычагах, одним из которых выступает социальная ответственность разработчика. Также важно отметить значимость наличия правовой базы данного направления. Как можно заметить, грамотно расставленные акценты в виде осознанности инженера и определенный свод правил, который развивается по мере расширения влияния отрасли, играют в данном вопросе ключевую роль.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что сейчас понятие “инженер” рассматривается в более широком ключе чем ранее. Научный работник, помимо определенных конструкторских способностей должен также обладать и навыками прогнозирования ситуации, поддержания ее наиболее устойчивой и приемлемой для общества и человечества модели. Реалистичный взгляд на различные способы интеграции изобретения и правильная оценка обстановки также приветствуется. Только при культивировании этих качеств инженер будет способен своевременно и объективно решать задачи, которые диктуются новыми вызовами современности. Также необходимо отметить, что введение понятия социальной ответственности необходимо проводить на всех уровнях организации инженерного труда.

Источники:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Лит., 1998. – 480 с.
2. Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
3. Кодекс поведения по обеспечению безопасности сохранности радиоактивных источников. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code-04.pdf (дата обращения: 16.02.2021).
4. Вектор развития страны на ближайшие 10 лет. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 16.02.2021).
5. Анохина С. Е. Прошлое и настоящее этики технологий: к истории определения понятия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-nastoyaschee-etiki-tehnologiy-k-istorii-opredeleniya-ponyatiya/viewer> (дата обращения: 16.02.2021).
6. Артюхович Ю.В., Соловьев А.А. Социальная ответственность инженера. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-inzhenera/viewer> (дата обращения: 16.02.2021).
7. Беданокоев Р. А. Роль этической и социальной ответственности в инженерии // cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-eticheskoy-i-sotsialnoy-otvetstvennosti-v-inzhenerii/viewer> (дата обращения: 16.02.2021).

A. K. Kozlova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ENGINEER'S SOCIAL RESPONSIBILITY: PAST, PRESENT AND FUTURE

The inexorable development of progress, in addition to various benefits, can also lead to negative consequences. The approach to different situations from a position of responsibility can affect different areas of our life, and its engineering component is no exception. Modern society is increasingly interested in the application of science. However, do not forget that in the absence of a well-thought-out set of actions and an irresponsible approach to solving a particular problem, this can lead to major troubles in relation to nature and humanity as a whole. This suggests that the classical concept of the word "engineer" needs to be considered in a different light. Now the concepts of "researcher" and "social responsibility" are inextricably linked.

Engineer, social responsibility, artificial intelligence, professional ethics, development integration, developer, probabilistic model

УДК 341.176.1

Колянов А. Ю. (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kolianov@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕДИА 2010-Х ГГ.: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

В статье рассматривается динамика отражения образа искусственного интеллекта в медиа 2010-х гг. На основании результатов исследования отечественного и зарубежного медиаконтента отмечается зависимость характера и интенсивности упоминаний понятия искусственный интеллект от политико-экономических явлений. В частности, наблюдается связь с ростом экономической активности инвесторов в передовые технологии, запуском крупными компаниями инновационных технологий в сфере потребления и политическими программами государств. В настоящий момент искусственный интеллект предстает как положительная технология, внедрение которой в социальные и профессиональные сферы необратимо. Негативные последствия развития данной технологии представляются как неочевидное гипотетическое будущее.

Искусственный интеллект, интеллектуальные системы, big data, гибридная медиасистема, медиа, медиадискурс, контент-анализ, ЮНЕСКО

Развитие искусственного интеллекта началось в середине XX века, и до недавнего времени социальная рефлексия по поводу творческих способностей интеллектуальных систем оставалась прерогативой ученых и художников – авторов научно-фантастических произведений. Первым заметным высказыванием на эту тему стала статья Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить», опубликованная в 1950-м г, где известный математик выражает надежду на то, что «машины в конце концов будут успешно соперничать с людьми во всех интеллектуальных областях» [1]. Последующие полвека представления о мыслящих машинах неоднократно и по-разному разрабатывались в науке, искусстве и массовой культуре. Однако все эти образы чаще всего являлись вымыслом и плодом воображения авторов, хотя и сформировали некоторые тенденции восприятия разумной машины. Возможно, именно благодаря художественному осмыслению рисков развития интеллектуальных систем сегодня они воспринимаются не только как помощники человека, но и как угроза интеллектуальному и физическому лидерству людей в мире.

Однако в конце прошлого века исследования в области искусственного интеллекта стали стремительно развиваться, чему способствовал ряд революционных технологических достижений (в частности, свёрточных нейронных сетей, с которыми связано понятие «глубинное обучение»), отражающее

способность машины учиться). Тем самым было положено начало знакомству широкой аудитории с реальными примерами интеллектуальной деятельности машин, поскольку они стали быстро входить в повседневную жизнь потребителей устройств связи, информационных технологий и т.д. Существенный рост интереса к искусственному интеллекту возникает уже в 2010-е годы, что связано с появлением технологий анализа и обработки крупных массивов информации (big data). Тематика искусственного интеллекта стала чаще затрагиваться не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых медиа. Особенности и масштабы информационного охвата технологического развития приводят к тому, что образ искусственного интеллекта в публичных источниках становится размытым. Поскольку с увеличением доступности информации в социуме растёт уровень неопределенности, прогнозировать эффекты воздействия субъектов медиа на общественное сознание становится сложнее. Современная гибридная медиасистема, ориентированная на коммерциализацию контента, пытается реагировать одновременно на идеологический и социальный заказы. Первый исходит от интересантов и бенефициаров внедрения технологии в потребление (правительств и корпораций), второй – от аудитории. В результате создаются интеллектуальные машины оказываются представлены в медиадискурсе весьма противоречиво.

Одним из примеров отражения этого сложного и неоднозначного образа интеллекта являются информационные материалы ЮНЕСКО, опубликованные для сопровождения разработки рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта. Так, в частности, в этих материалах говорится, что «искусственный интеллект может оказать поддержку миллионам учащихся в получении полного среднего образования, обеспечить дополнительные 3,3 миллиона рабочих мест» [2], а также помочь в борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Однако данная технология может быть одновременно опасной, поскольку «порождает также риски и вызовы, обусловленные злонамеренным использованием, а также углубляющимся неравенством между странами» [2].

Согласно данным ЮНЕСКО к 2022 добавленная стоимость от использования технологии искусственного интеллекта предположительно составит около 4 триллионов долларов США. К началу 2030-х гг. прогнозируется экономический рост в Китае и Северной Америке. Доля этих регионов и стран по глобальному воздействию интеллектуальных технологий составит 70%. Вместе с тем в настоящее время наблюдается динамика распределения преимуществ от использования искусственного интеллекта согласно принципу «winner takes all» («победитель получает все»). Данные процессы, по мнению специалистов ЮНЕСКО, требуют строгого регулирования. Иначе сосредоточение систем искусственного интеллекта в арсеналах всего нескольких стран с развитыми экономиками и высоким уровнем дохода населения может сильно отбросить развивающиеся страны назад в попытках догнать технологический прогресс. Как результат отстающие в этой гонке страны не смогут

воспользоваться возможностями передовых технологий или получают от них очень незначительную выгоду и, что более важно, не будут обладать правами собственности на такие технологии.

Помимо негативных экономических последствий развитие искусственного интеллекта уже провоцирует социальные последствия и способствует всё большему увеличению гендерных разрывов. Так, по данным ЮНЕСКО, только 22 % специалистов по искусственному интеллекту являются женщинами. Из-за недостаточной представленности женщин в данной отрасли технологии искусственного интеллекта репродуцируют существующие гендерные предрассудки и стереотипы. Одним из примеров этому является неслучайный факт: такие виртуальные помощники как Сири (Siri), Алекса (Alexa), Кортана (Cortana) или Алиса в конфигурации по умолчанию являются «женщинами». «Подчинение, а иногда и покорность, которую они выражают, является примером того, как искусственный интеллект может (продолжать) распространять гендерные предрассудки в наших обществах», – говорится в комментарии ЮНЕСКО [2].

Очевидно, что освещения такое противоречивого явления в медиа может сформировать сложный и неоднозначный образ в общественном сознании, что представляет научный интерес. Для изучения динамики репрезентации искусственного интеллекта в материалах СМИ было проведено практическое исследование с применением методов контент-анализа, дискурс-анализа и анализа документов. Эмпирическую базу составили материалы медиа, опубликованные в период с 2010-го по 2020 гг., содержащие упоминания смысловых единиц, относящихся к исследуемой тематике. Медиа были разделены по формальному и технологическому критериям на три группы: пресса, телевидение, интернет. В группах пресса и телевидение изучались как русскоязычные, так и зарубежные источники, в интернете анализировался только русскоязычный сегмент. В результате были отобраны единицы анализа или наиболее часто встречающиеся в материалах по теме слова и словосочетания. В список вошли 23 единицы: искусственный интеллект, технология ИИ, алгоритмы, самообучающиеся алгоритмы, оптимизация, нейросети, автоматизация, самообучающиеся системы, роботы-помощники, нейронные сети, естественный язык, робототехника, машинное обучение, синтезированная речь, массив данных, разработка программного обеспечения, разработчики, данные нейросети, цифровые технологии, развитие высоких технологий, система интеллектуального распознавания, IT-специалисты, цифровая экономика. Были также определены контекстуальные рамки исследования, согласно которым упоминание единиц анализа учитывалось как положительное, отрицательное или нейтральное представление.

За изученный период во всех группах наблюдается общая динамика роста числа упоминаний. Так в изученных интернет-медиа количество упоминаний единиц анализа в публикациях за десять лет выросло в сорок раз (с 319 в 2010 г. до 12813 в 2020 г.). В прессе пиковые периоды по количеству упоминаний

пришлись на 2014 и 2017 годы, также рост наблюдался ближе к 2020 году. Телевидение стало больше уделять внимания теме искусственного интеллекта с 2018 года.

В качественном отношении положительная репрезентация интеллектуальных технологий более свойственна зарубежным источникам. В целом соотношение положительного/отрицательного контекста изменилось с начала десятилетия с 63% к 37% до 52% к 48%. К наиболее часто встречающимся упоминаниям в положительном контексте относились: повышение производительности труда, обработка большого объема информации, быстрота, отсутствие эмоций, способность выполнять рутинную работу, обучаемость, повышение эффективности труда, точность результатов, решение сложных задач, повышение качества, минимизация ошибок, повышение безопасности. В негативном контексте искусственный интеллект упоминался в следующих рамках: безработица, повышение требований работодателей, угроза для мира, способность привести к катастрофе, разработка оружия, использование против других стран, вред для окружающей среды, интеллектуальное превосходство над людьми, выход из-под контроля, вред для людей, зависимость от машин, тотальный контроль, неэтичность.

На основании результатов анализа тем материалов в изученном временном периоде можно выделить несколько ключевых процессов, существенно повлиявших на характер и масштаб освещения технологии. К ним относятся:

- распространение big data и технологий аналитической обработки больших объемов информации;
- появление «умных» новостных лент в социальных сетях;
- масштабные инвестиции крупных мировых компаний для использования роботов и искусственного интеллекта в 2014–2015 гг.;
- признание к концу 2010-х гг. правительствами крупнейших мировых держав искусственного интеллекта одним из ключевых ресурсов, необходимых для достижения и удержания лидирующих позиций;
- утверждение программных и стратегических документов в области развития искусственного интеллекта крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств.

К началу третьего десятилетия XXI века медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению рамок развития данной технологии. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Российской Федерации с принятием Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. К концу 2020 года ЮНЕСКО был разработан черновой вариант рекомендаций по этике искусственного интеллекта. В феврале 2021 года о своем намерении разработать национальную стратегию в области интеллектуальных технологий заявило правительство США. По всей видимости, в медиадискурсе в ближайшие годы также будут определяться

нормативные и смысловые рамки освещения темы развития искусственного интеллекта.

Источники:

1. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: ГИФМЛ. 1960.
2. ЮНЕСКО: Разработка рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта. URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics#recommendation> (дата обращения: 21.02.2021)

A. Y. Kolianov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDIA OF THE 2010S: A CONTENT ANALYSIS

The article examines the dynamics of changes of the media image of artificial intelligence over the past ten years. Based on the results of the study of russian and foreign media, the dependence of the image and intensity of references coincides with the growth of economic activity of investors in modern technologies, the introduction of innovative technologies by large campaigns and political programs of governments. At the moment, artificial intelligence appears as a positive technology that definitely will be rooted into social and professional spheres. All the negative consequences of this technology are seen as an unobvious hypothetical future.

Artificial intelligence, intelligent systems, big data, hybrid media system, media, media discourse, content analysis, UNESCO

УДК 316.42

Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербургский государственный университет, email: llebedintseva879@gmail.com);

А. С. Фролова (Санкт-Петербургский государственный университет, email: st061172@student.spbu.ru)

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-29-07443)

Рассматривается два понимания социальных инноваций. Первое понимание исторически появилось раньше и является более широким, включающим в себя все результаты интеллектуальной деятельности, направленные на совершенствование процессов деятельности или его результатов в обществе. Второе понимание появляется в последние несколько лет и, как правило, связывается с деятельностью социальных предприятий и социальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в системе социального обеспечения.

Социальные инновации, человеческий капитал, цифровизация общества

Первоначально в понятии «социальная инновация» подчеркивался аспект духовного творчества, и инновация рассматривалась в контексте научной и умственной деятельности. Инновация – это и мотивация трудовой деятельности, и способы поведения или предметы, которые качественно отличаются от имевших место ранее. Социальная инновация – это применение непривычного типа мышления и стиля жизни [1, С. 92]. С. М. Бухова и Ю. А. Дорошенко при оценке экономической эффективности инноваций разных типов определяют социальную инновацию как процесс и результат улучшения социальной сферы общества или организации [2]. В структуре социальных инноваций они выделяют расширение нематериальной составляющей компенсационного пакета работников (полная или частичная оплата обучения, лечение, страхование жизни и здоровья и др.), совершенствование системы охраны труда (создание безопасных и максимально комфортных условий труда), проведение мероприятий, направленных на формирование корпоративной культуры. К социальным инновациям можно также отнести нововведения в области экологической безопасности местного сообщества и нововведения в области содействия развитию субъектов социально-культурной сферы. Обобщая данный подход в экономической науке, инновации можно охарактеризовать как использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной

деятельности, направленной на совершенствование процессов деятельности или его результатов. Инновации могут относиться к сферам производства, экономических, правовых, социальных отношений, области науки, культуры, образования и другим сферам деятельности общества. Этот термин может иметь различные значения в разных контекстах, и выбор их зависит от конкретных целей и направлений анализа. Системный подход позволяет глубже раскрыть категорию «инновация» с позиции целеполагания и развития. В журнале «Инновации» дано обобщающее его определение как процесса реализации новой идеи в любой сфере жизни и деятельности человека, способствующей удовлетворению существующей потребности на рынке и приносящей экономический эффект [1]. Как социально-экономическая категория инновация представляет собой прежде всего экономические отношения, возникающие между людьми, фирмами, социальными институтами по поводу создания и внедрения новых технологий и новой продукции в условиях меняющейся рыночной среды. Новизну инноваций обычно оценивают по технологическим параметрам, а также с рыночных позиций. Однако господство рынка во всех сферах жизнедеятельности приводит к тому, что инновация как результат научного и технического труда должна встраиваться в экономические отношения, которые в данный момент существуют. В результате возникают исключительные права на продукт интеллектуальной деятельности, новый объект частной собственности – интеллектуальная собственность. При этом принципы исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности входят в противоречие с социально трудовыми отношениями в науке. Например, Р. Мертон, описывая функционирование науки как социального института, рассматривает совокупность нормативных отношений, которые должны существовать в научном сообществе как научный этос, содержательную сторону которого он раскрывает через описание четырех императивов, регулирующих поведение ученых в науке [4, С. 769–781]. В частности, императив коммунизма (коллективизма) научного этоса несовместим с определением технологии как «частной собственности» в капиталистической экономике. Любые научные достижения являются продуктом социального сотрудничества ученых и должны принадлежать всему научному сообществу [4, С. 777]. Таким образом, использование рыночного критерия эффективности при экономической оценке достижений интеллектуальной деятельности (научно-технического прогресса) имеет негативные последствия для мировой экономики и способствует обострению глобальных проблем цивилизации. Неоклассическим принципам можно противопоставить теорию потребительной стоимости, предлагающую в качестве критерия общественную полезность блага, которым может выступать и инновационный фактор производства. Именно с позиций этой теории можно правильно оценить действительное социальное значение инновационной интеллектуальной деятельности, роль научных знаний, их место в обществе. С позиций этой теории объясняется как результаты производства, полученные посредством инноваций и имеющие характер потребительной стоимости, приходят в противоречие с

затратами, измеряемыми стоимостью, иначе говоря, многократно их превосходят [5]. Полезность предмета делает его потребительной стоимостью. Во избежание субъективизма, потребительностоимостная теория предлагает объективный критерий – высвобождение трудовых сил человека (или замещение средствами производства этих сил) с повышением производительности этого труда. Разница между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности. Получается, что общественная производительность труда измеряется величиной сэкономленного, не затраченного обществом труда в производстве. Этот подход позволяет оценивать социальное развитие в соответствии с новым критерием – постоянным превосхождением предшествующих результатов последующими, по способности человека посредством своей деятельности превзойти достижения других. Таким образом, результаты функционирования инновационной сферы связаны с инновационным продуктом. Проблемы социально-экономического содержания инновационного продукта исследованы мало. Например, содержание понятия собственности по отношению к инновационному продукту, специфика объектов интеллектуальной собственности, их товарных и нетоварных свойств.

Социальные и цивилизационные составляющие глобальных характеристик информатизации общества и, в частности, социальной сферы, в настоящее время выходят на первый план. В мире происходят огромные изменения в формах и стандартах качества оказания социальных услуг, обусловленные «цифровой трансформацией» государственного управления и основных отраслей социальной сферы. Предпосылки цифровизации социальной сферы заключаются в использовании информационных технологий для создания социальных инноваций и повышения качества жизни, улучшения условий расширенного воспроизводства человеческого капитала [6].

Развитие некоммерческого сектора, расширение практики социальной ответственности в среде российского бизнеса, его склонность быстро перенимать международный опыт – являются хорошими предпосылками для развития социального предпринимательства и создания социальных инноваций [7].

Благодаря использованию цифровых технологий, отрасли социальной сферы становятся всё более мобильными, восприимчивыми к переменам. Цифровые технологии несут обществу новые перспективы, возможности и решения, но также являются источником возникновения социальных рисков [8]. Таким образом, мы можем говорить, что цифровые технологии не являются социально нейтральными. При этом возможности и риски цифровизации социальной сферы двойственны, что отражается в нормативно-правовом регулировании использования больших данных в разных странах мира. Противоположные подходы в этом отношении демонстрируют в настоящее время Китай и государства Евросоюза.

Источники:

1. Лебединцева Л. А. Инновационная сущность интеллектуального труда и интеллектуальная собственность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 3. Ч.1. С. 92–103.

2. Бухова С. М., Дорошенко Ю. А. Оценка экономической эффективности инноваций разных типов // Экономический анализ: теория и практика. 2005. № 3. С. 14.

3. Бездудный Ф. Ф., Смирнова Г. А., Нечаева О. Д. Сущность понятия «инновация» и его классификация // Инновации. 1998. № 2–3.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

5. Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда. СПб., 2007.

6. Дерюгин П. П., Ярмач О. В., Шиляева А. С., Курапов С. В., Страшко Е.В., Лебединцева Л.А., Камышина Е.А., Ярмач В.Е. Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса. СПб.: Медиапепир, 2020.

7. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмач О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпораций: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. №4. С.10–25.

8. Lebedintseva L. A., Lebedintsev D. A., Deriugin P. P. Investigating Social Entrepreneurship: New Research Findings // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 96. P. 152–159.

L. A. Lebedintseva (Saint Petersburg State University)

A. S. Frolova (Saint Petersburg State University);

A NEW UNDERSTANDING OF SOCIAL INNOVATION AS A FORM OF HUMAN CAPITAL REALIZATION IN THE DIGITAL AGE

Two understandings of social innovation are considered. The first understanding historically appeared earlier and is broader, including all the results of intellectual activity aimed at improving the processes of activity or its results in society. The second understanding has emerged in the last few years and is usually associated with the activities of social enterprises and social entrepreneurs operating in the social security system.

Social innovations, human capital, digitalization of society

УДК 800.92:519.682

Н. В. Мешков (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nikolasmeshkov@gmail.com);

Е. А. Нам (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nam.lena.02@inbox.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена применению искусственного интеллекта в социальном знании и в образовательной среде. В материале, представленном ниже, будут рассмотрены новейшие технологии, которые уже широко используются в образовании и других не мало важных социальных сферах. Помимо этого, мы постарались приподнять завесу времени и предположить, в каком направлении современные технологии будут развиваться дальше.

Искусственный интеллект, нейроны, образование, информационные технологии, социальное знание

Для понимания данной темы следует дать определение искусственному интеллекту (ИИ). Искусственный интеллект – это способность управляемого компьютером робота или непосредственно компьютера выполнять задачи, обычно связанные со взаимодействиями с людьми. Данный термин нередко используется в проектах развития систем, в которые программисты вкладывают интеллектуальные процессы характерные для человека, например, способность рассуждать, учиться на ошибках и обобщать полученную информацию. Говоря простыми словами, ИИ – это своеобразное отображение нейронов головного мозга человека.

По мнению экспертов, в настоящее время искусственный интеллект неразрывно связан со всеми сферами жизни, обеспечивая человечество новыми уникальными способами обработки данных. В свою очередь использование искусственного интеллекта в социальной сфере можно проследить в образовании, здравоохранении и других направлениях.

Одной из важнейших сфер применения искусственного интеллекта является медицина, ИИ используется не только для медицинских организаций с целью анализа миллиардов медицинских снимков и миллиардов анонимных электронных карт, но и для пациентов, с целью определения диагноза на основе данных полученных непосредственно от больного. Например, в городе Казань, на территории РФ, можно обнаружить использование современных технологий в медицине, это проект Voice2Med, благодаря которому у врачей появилось больше времени на лечение пациентов, так как ИИ успешно заполнял и анализировал медицинские карты [1, Т. 1, С. 1].

На примере медицины, можно утверждать, что одной из важнейших функций использования ИИ в социальной сфере является обработка и анализ данных о человеке. Но способен ли искусственный интеллект на большее?

С уверенностью можно сказать, что да, потенциал искусственного интеллекта безграничен, как и потенциал человеческого интеллекта. Но различие заключается в том, что компьютер безэмоционален и расчётлив, а человек зачастую обременен чувствами. В перспективе искусственный интеллект способен собирать и анализировать информацию о действиях человека, что позволяет ему объективно оценивать его как личность. Это можно будет использовать в судебной системе для вынесения приговоров. В настоящее время уже есть роботы способные выполнять несложную работу, например, *Vaxter* и *Sawyer* обучаемые работниками суда, способные на самостоятельное принятие решений в пустяковых делах, что позволяет экономить время блюстителям закона. На этом примере можно убедиться, что искусственный интеллект обладает своего рода социальным знанием, то есть роботы понимают, что один человек сделал другому человеку плохо или преступил закон по собственной воле. Понятно, что на данный момент судебные роботы как их программный код, далеки от совершенства, но с течением времени и с технологическим прогрессом, искусственный интеллект будет только прогрессировать. Из этого можно сделать выводы о том, что роботы, в обозримом будущем, смогут понять тонкости социальной инженерии. Но из этого также следует философский вопрос: «На сколько этично доверять человеческую жизнь в руки бездушной машине?». Это объект многих споров, но сторонники каждого лагеря, будь они за или против, по-своему правы. С одной стороны, судья – это человек, которому не чужды людские слабости, такие как жадность, сочувствие и личная неприязнь, а с другой стороны бесчувственная машина, идеалы которой могут быть слишком завышены, что приведет скорее к негативному, чем к положительному результату. Но вершитель судеб может быть человеком самых честных правил и не позволять порокам брать над собой вверх, а робот с развитием получит достаточное количество опыта, чтобы принимать справедливые решения в любой ситуации. Можно пронаблюдать, что аргументы с одной и с другой стороны, звучат рационально, и окончательный ответ на поставленный вопрос, может дать только время.

Искусственный интеллект широко используется не только в здравоохранении и судебной системе, но и в важнейшем этапе в жизни каждого человека, через который проходят практически все, речь идет об образовании. Рассмотрим на конкретных примерах, где и как его применяют. Исходя из многочисленных исследований, можно определить главное преимущество ИИ: адаптация образовательной платформы, в соответствии с нуждами обучаемых. Эта система помогает не только тем, кто только начал познавать азы науки, но и тем, кто посвятил ей всю свою жизнь – ученым. В свою очередь, система разработки программного обеспечения ИИ позволяет людям науки работать над своими слабостями. В ходе учебного процесса программа обнаруживает, где у ученика возникают затруднения, и предоставляет отчет о пробелах в знаниях

и материалы чтобы их ликвидировать. Все это можно описать одним понятием – адаптивное обучение [2, Т. 1, С. 218].

А теперь, обладая общим представлением об адаптивном обучении, рассмотрим всем знакомую ситуацию, обычную лекцию в институте. Преподаватель доносит информацию до студентов, но из-за разных интеллектуальных способностей и скорости усваивания информации, не каждый может понять тему, обсуждаемую на лекции. В свою очередь ИИ способен донести информацию до каждого студента в соответствии с его способностями. Аналогичная проблема существует и в школах.

Совсем недавно в сети интернет появилась новость о том, что в 700 бельгийских школах образование юных умов будет проводиться с помощью технологий искусственного интеллекта, этому поспособствует компания стартап «Century Tech», а ее целью является переход от заезженной и несовременной модели обучения, где один человек без учета личных качеств учеников старается донести до них материал, до более современной, адаптированной и революционной системы, где каждый, гарантированно, получит необходимые знания.

Данная система позволяет выявить сильные и слабые стороны обучаемого, оценить его уровень знаний в различных областях, и позволяет ему комфортно чувствовать себя во время образовательного процесса. Также, на основе полученных данных об ученике, выявляется интерес к определенным предметам, что помогает понять, где он чувствует себя уверенно или наоборот, не в своей тарелке.

Например, если ученик не может понять, как построить сечение через объемные геометрические фигуры, ему не придется сидеть, не понимая происходящего на уроке и идти дальше по программе с одноклассниками, что может развить у него определенные комплексы. В свою очередь, искусственный интеллект, основываясь на персональных данных, даст дополнительную информацию по этой теме, представленную в формате микроуроков, которые помогут ему понять материал. Другими словами, ИИ составляет не общую программу, а индивидуальную, что положительно сказывается на конечном результате.

Но на каждый плюс найдется свой минус, и в нашем случае это неспособность учеников с низким уровнем концентрации эффективно усваивать предоставляемый ему материал. Все мы люди, и каждому из нас знакомо такое понятие как лень, и именно это является фактором, который мешает искусственному интеллекту эффективно выполнять свою задачу. На данный момент существуют различные методы, которые пытаются завлечь ученика в процесс образования, но их недостаточно. Со временем, эту проблему можно будет решить, при условии того, что нейросеть будет обладать достаточным количеством опыта работы с различными людьми [3, Т. 3, С. 55].

Еще одним несомненным плюсом можно выделить – образование в любое время и в дистанционном формате. Особенно актуальным это делает

сложившаяся в мире ситуация, пандемия. Но даже без учета этого фактора, плюс несомненно весомый.

В период эпидемии коронавируса необходимость сдачи как вступительных, так и аттестационных экзаменов из дома стала обыденностью. Это принесло массу проблем, а именно, мошенничество, заключающееся в списывании или в подмене сдающего экзамен на третье лицо. Однако, существуют различные системы контроля, необходимые для того, чтобы проследить, написал ученик экзамен самостоятельно или же воспользовался хитростями и уловками. Рассматривая адаптивное обучение, в сравнении с классическим, объективность экзамена крайне важна, чтобы оценить эффективность использование искусственного интеллекта в образовании. На помощь приходят системы защиты на базе ИИ. Proctoring или Proctoring Test, это механизм, который обеспечивает подлинность результатов тестируемого, предотвращая списывание с других источников.

В силах искусственного интеллекта замечать списывающих студентов в режиме реального времени, так как за всеми на экзамене уследить просто невозможно, это стало неплохим подспорьем для честной и объективной оценки студента. В дистанционной форме сдачи экзамена, допустим, у преподавателя 200 студентов, в среднем экзамен длится два часа, следовательно, это 400 часов видеоматериала, а за пять курсов – это две тысячи часов. Человеку физически невозможно отсмотреть столько материала на наличие различных махинаций. Данная система, разработанная студентами и выпускниками Назарбаев университета в течение полугода, получившая название AERO, отправляет преподавателю отчет о подозрительных моментах и зафиксированных нарушениях, что значительно облегчает и без того непростой труд педагога. Этот искусственный интеллект распознает лицо сдающего экзамен, его речь и любые посторонние шумы, помимо этого она способна распознать подмену другим человеком или помощь из вне. Также, отслеживается активность браузера и других сторонних приложений, если же студент решит воспользоваться другим браузером, система моментально производит снимок экрана.

Подытожив все вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что искусственный интеллект применяется во многих сферах. ИИ еще далек до совершенства, при всех его неотъемлемых плюсах находится также и весомые минусы. Мы можем быть спокойны, так как прогресс в области машинного обучения и искусственного интеллекта шокирует своими масштабами и темпами роста. Немногие способны отрицать, что существующие проекты получают достойное развитие, а те, что еще на этапе разработки, удивят своей оригинальностью и эффективностью в самых неожиданных сферах жизни человека. Если отпустить полет фантазии, то можно представить себе мир будущего, в котором люди и машины живут в мире взаимовыгодного сотрудничества. Уже сейчас видно тенденцию того, что искусственный интеллект постепенно становятся частью нашей жизни, и единственное, что остается, отринуть

страх и идти в ногу со временем, принимая неумолимые темпы роста влияния машин в нашей жизни.

Источники:

1. Тютрина А. Тестирование системы голосового заполнения Voice2Med. Казань, 2020. №1 (1). URL: <https://www.rbc.ru/tatarstan/freenews/599eb4359a79471c19825985>
2. Зарипова Р. С. Глобальные тренды современного образования // NovaUm.Ru. 2018.
3. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens: Научно-популярное / Баррат Д., Лисова Н. – М. Альпина нон-фикшн, 2016.

N. V. Meshkov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
E. A. Nam (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN VARIOUS SPHERES OF HUMAN LIFE

This article is devoted to the application of artificial intelligence in social knowledge and in the educational environment. In the material presented below, the latest technologies that are already widely used in education and other important social spheres will be considered. In addition, we tried to lift the curtain of time and suggest in which direction modern technologies will develop further.

Artificial intelligence, neurons, education, information technology, social knowledge

УДК 316.334.56

В. П. Милецкий (Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: falesm@mail.ru)

Е. А. Ковтун (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный технологический институт; e-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Рассматриваются проблемы в области социальной работы с мигрантами и адаптации мигрантов в принимающем сообществе в постсоветскую эпоху как закономерный результат и наследие совершенного тридцать лет назад демонтажа союзного государства. Выявлены проблемы и особенности социальной адаптации мигрантов в нашей стране и их интеграции в российское общество. Освещаются ключевые практики социальной работы с мигрантами, обеспечивающие социальную адаптацию мигрантов, используемые государственными и некоммерческими организациями.

Миграция, мигранты, практики социальной работы, особенности социальной адаптации.

Как известно, человечество неоднократно переживало масштабные миграции населения в разных частях света. Это, прежде всего, Великое переселение народов, происходившее в Европе в IV–VII веках, начавшееся с периферии Римской империи и обусловленное вторжением гуннов в эту метрополию с востока в середине IV века, и не менее великое переселение народов арабских стран в Европу в 2010-е годы в связи с «цветными революциями» в Ираке, Ливии, Йемене, Сирии и др. В ходе последнего миллионы беженцев переместились в Италию, Грецию, Германию, Францию, Скандинавские страны и другие регионы Европы.

Россия и другие бывшие союзные республики сразу после окончания горбачевской перестройки и демонтажа Союзного государства в декабре 1991 г. не только вступили в период весьма болезненной и турбулентной постсоветской модернизации, но и пережили собственное «Великое переселение народов». В нашей стране это было обусловлено не очередным вторжением внешних врагов, но действиями своих, выражаясь словами Дж. Байдена, «внутренних террористов», а именно Е. Гайдара, А. Чубайса и других младореформаторов, начавших в начале 1990-е годы известную постсоветскую модернизацию по программе «Гайдарошкотерапии». В результате этих деструктивных преобразований и открывшегося нового переходного периода изменилось

формационное состояние российского социума, была «выращена» провальная модель криминально-олигархического капитализма периферийного типа, предельно обострившая многочисленные социальные антагонизмы и конфликты транзитивного социума в России.

В итоге этих масштабных преобразований на постсоветском пространстве высвободилась мощная политическая энергия народов, населявших Советский Союз, разрушенного из-за сговора в «Беловежской пуще» 8 декабря 1991 г. Б. Ельциным, Л. Кравчуком и В. Шушкевичем. Всё это обусловило не только рост их национального самосознания и стремление принимать более активное участие в строительстве своего будущего, но и беспрецедентные миграционные перемещения. В сложившихся условиях не только русскоязычное население из-за роста бытового национализма в большинстве бывших Союзных республиках стало активно перебираться в Россию, но и многочисленные легальные и нелегальные мигранты из этих республик в массовом порядке стали приезжать в нашу страну. Особенно масштабный характер этот поток приобрел из Средней Азии, жители которой уезжали от бедности, безработицы и других социальных проблем искать в России лучшей жизни, работы и стабильных заработков. Не удивительно, что всё это обусловило нарастание многочисленных социальных проблем с интегрированностью и адаптированностью мигрантов в российском обществе. В результате современные исследования социальной работы с мигрантами и их семьями приобрели несомненную научную актуальность и практическую значимость.

Изучение практик социальной работы с мигрантами в официальных учреждениях социальной защиты и некоммерческих организациях даёт возможность составить представление об уровне такой работы с мигрантами в современной России и акцентировать внимание на эффективном решении проблем адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество. Поэтому в процессе изучения миграции разные авторы обращают основное внимание на уровень интегрированности и адаптированности мигрантов в странах пребывания. Причем, социологическое изучение названных аспектов миграции включает в себя определение интенсивности миграционной мобильности различных групп населения и динамики социальных установок мигрантов и общественного мнения граждан принимающих стран, а также выявление особенностей не только протекания миграционных процессов, но и адаптации мигрантов в различных регионах, включая прогнозирование воздействия миграционных процессов на страны исхода и настоящего пребывания. Успешная адаптация приезжающих в принимающем обществе является условием стабильности принимающих государства, обеспечения безопасности граждан страны пребывания мигрантов и сохранения её государственного суверенитета. При этом специалисты, работающие в сфере предоставления социальной помощи мигрантам, отмечают востребованность адаптации и интеграции у приезжающих на постоянное место жительства лиц.

В современных условиях определились четыре уровня социальной работы с мигрантами в России: локальный, муниципальный, региональный, федеральный. На локальном уровне оказывается адресная помощь, проводится работа с отдельными категориями мигрантов, а также с представителями организаций, помогающих адаптации мигрантов (культурных центров, диаспор и др.). На муниципальном уровне социальная работа практикуется посредством сотрудничества с местными образовательными и медицинскими учреждениями. На региональном уровне практикуется разработка и проведение мероприятий, программ по адаптации мигрантов и развитию межнациональных отношений, формированию толерантности, а также осуществляется социальная работа с учреждениями культуры. На федеральном уровне главным образом осуществляется разработка стратегии миграционной политики, снимающей барьеры в сфере пенсионного страхования путем заключения международных договоров со странами транзита. Вместе с центральными властями практикуется работа со СМИ по формированию толерантного восприятия мигрантов принимающим обществом, развиваются эффективные практики социальной работы, которые позволяют использовать преимущества международной миграции в интересах стран происхождения мигрантов и их семей и уменьшать негативные последствия от неё.

Проведенные учеными исследования показали, что на мигрантов в меньшей степени распространяются те возможности, которыми располагают россияне, хотя при этом процедуры получения мигрантами таких социальных гарантий, как, например, медицинского страхования и пенсионных льгот, постепенно становятся более доступными. Наиболее распространенными и эффективными практиками социальной работы с мигрантами в современной России являются юридические консультации, мобильные консультационные и медицинские пункты, адаптационные курсы, а также мобильные приложения, разработанные как государственными структурами, занимающимися работой с мигрантами, так и некоммерческими организациями.

В настоящий момент работы с мигрантами обеспечена надежными и функциональными коммуникационными и информационными ресурсами, помогающая их адаптации и интеграции в принимающем обществе. Эта деятельность является одним из важных направлений как для государственных и муниципальных институтов, так и для некоммерческих организаций, работающих с мигрантами. Так, экспертами неоднократно обсуждалась идея создания единого приложения, актуализирующего информацию о правовом статусе мигранта, сроках действия документов, возможности обращения в органы государственной и муниципальной власти в электронном виде. Кроме того, предлагались варианты цифровизации системы налогообложения, поиска работы и др.

Среди подобных инструментов цифровизации в сфере социальной работы с мигрантами существуют и действуют мобильные приложения для мигрантов, интегрированные с официальными организациями и негосударственными службами помощи мигрантам («Мигрант», «M-Help. Помощь мигрантам»). Важную

роль также играют горячие линии, группы диаспоральных сообществ в социальных сетях и группы организаций и фондов, оказывающих социальную поддержку мигрантам, в том числе из числа оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Среди таких организаций, например, благотворительная организация «Ночлежка», фонд «Мать и дитя», отделения «Российского Красного Креста», «Каритас» и др.

Среди возможных перспективных направлений дальнейшего совершенствования социальной работы с мигрантами в России эксперты также выделяют введение процедуры разграничения легальности пребывания на определенной территории страны пребывания с фактом происхождения мигрантов, влияющими на предоставления им определенных прав и социальных гарантий. В данном случае возможен учет длительности проживания мигрантов на территории одной страны, а также степень их ассимилированности и интегрированности в гражданское общество данного государства. Кроме того, в рамках дальнейшего совершенствования социальных практик работы с мигрантами стоит разрабатывать и вводить в действие практики упрощенных процедур обеспечения социальных гарантий в рамках соглашений между странами для пенсионного страхования, снятия ряда ограничений и барьеров для мигрантов в виде признания дипломов, учета трудового стажа, снижения налоговой ставки, внеплановой медицинской помощи и др. Также для снижения негативного восприятия мигрантов принимающим обществом важно неуклонно повышать уровень их информирования о мерах, реализуемых в рамках миграционной политики, и совершенствовать практики социальной работы с мигрантами различных категорий, в том числе и с нелегально пребывающими на территорию России.

Vladimir P. Miletskiy (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

Ekaterina A. Kovtun (Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg State Institute of Technology, postgraduate student of the Faculty of Sociology)

ON THE ISSUE OF SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN POST-SOVIET RUSSIA

This paper presents problems in the field of social work with migrants and the adaptation of migrants in the host community in the post-Soviet period as a result of the dismantling of the Soviet Union. The authors identified the main problems and features of social adaptation and integration of migrants into Russian society. The article highlights the key practices of social work with migrants on social adaptation, including the digital means of communication, which are used by state and non-profit organizations.

Migration, migrants, social work practices, features of social adaptation.

УДК 004.8:303.645.063

С. М. Морозов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: frostsergei01@gmail.com)

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРО-НЕЧЁТКИХ СИСТЕМ В ОБЛАСТИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Работа посвящена использованию нейро-нечётких систем в области обработки больших данных для извлечения социальных знаний. В статье проведён обзор конфигураций и особенностей построения и обучения нейро-нечётких систем для решения различных задач по получению социальных знаний. Предложены варианты задач, которые могут решаться с помощью нейро-нечётких систем.

Искусственный интеллект, нейронные сети, нечёткая логика, нейро-нечёткие системы, большие данные, анализ данных, извлечение знаний, виртуальные ассистенты

Искусственный интеллект занимает большое место в современном мире компьютерных технологий. Его применяют для упрощения технологических процессов, взаимодействия с клиентами и в других областях науки и техники. Системы искусственного интеллекта позволяют обрабатывать большие объёмы данных и модифицировать поведение объектов в некоторых случаях.

Чаще всего искусственный интеллект применяется для обработки, систематизации и анализа больших объёмов информации. Алгоритмы искусственного интеллекта позволяют разрабатывать системы для решения самого широкого круга задач: поиска, распознавания образов, кластеризации, моделирования, предсказания и многих других.

Одним из видов таких систем являются нейро-нечёткие системы, которые представляют собой объединение двух концепций, широко используемых для построения систем искусственного интеллекта: нейронных сетей и нечёткой логики.

В последнее время нейронные сети получили большую распространенность. Это связано с повышением мощности компьютеров, без которой невозможна эффективная работа, так как нейронные сети требуют много программно-аппаратных ресурсов.

Нейронная сеть – это математическая модель, построенная по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живых организмов. Такие искусственные нейронные сети являются основным средством по моделированию естественного интеллекта с помощью компьютерных алгоритмов. Нейронная сеть представляет собой совокупность связанных между собой простых вычислительных процессоров, называемых нейронами. Нейроны выполняют простые арифметические действия, которые описываются функциями

активации. Входным сигналом для функции активации является сумма произведений выходных значений нейронов на весовые коэффициенты этих связей. Весовые коэффициенты – передаточные коэффициенты, которые определяют влияние одного нейрона на другие [1].

Использование определенных функций активации позволяет выполнять обучение нейронной сети на основе реальных данных с помощью ряда алгоритмов. Эти алгоритмы осуществляют подбор весовых коэффициентов таким образом, чтобы совокупная разница между предполагаемыми выходными данными и реальными была минимальна для всех входных данных. Чтобы минимизировать вероятность ошибок в работе нейронной сети необходимо грамотно подобрать данные для обучения.

Используется три основных вида обучения: обучение с учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением. Обучение с учителем предполагает применение данных с входными и предполагаемыми выходными данными, что позволяет определить зависимость между ними. Обучение без учителя не предполагает наличия конкретных выходных данных, поскольку они не определены. Обучение с подкреплением предполагает наличие механизма оценки результатов работы нейронной сети. Такое обучение реализуется с помощью специальной категории алгоритмов, известных как генетические алгоритмы и используется в основном для моделирования некоторых процессов, например, прохождения видеоигр. Эти алгоритмы основаны на подборе и комбинировании параметров с помощью механизмов, аналогичных естественному отбору [2].

Для каждого вида обучения используются различные виды нейронных сетей. Большинство видов нейронных сетей предназначены для обучения с учителем или обучения с подкреплением: перцептрон, сеть глубокого доверия. Видов нейронных сетей для обучения без учителя меньше, самые известные из них – самоорганизующиеся карты Кохонена.

Нечёткая логика – это математический механизм, который широко применяется в системах искусственного интеллекта. В компьютерных системах этот механизм позволяет перейти от жёсткой логики к мягкой, которая свойственна человеку при оценке тех или иных явлений. Нечёткая логика оперирует степенями выраженности свойств у объектов. Классическая логика может определять чёткое наличие или отсутствие свойства у объекта, в то время как нечёткая логика способна оперировать степенью выраженности этого свойства и вводить для параметров промежуточные значения. Это позволяет оказывать на различные компоненты системы более точное воздействие [3].

Объединение механизмов нейронных сетей и нечёткой логики представляет собой нейро-нечёткие системы. Эти системы могут использоваться в качестве обучаемого механизма выбора, поскольку такие системы могут на основе данных для обучения создавать механизм выбора, реализуя набор правил ЕСЛИ – ТО [4].

Нейро-нечёткие системы обычно состоят из 4 компонентов: получение данных для обработки, преобразование данных к нечёткому виду, обработка

полученных нечётких значений нейронной сетью и преобразование полученных нечётких значений в чёткие.

Преобразование чётких данных в нечёткие происходит с помощью лингвистических переменных, которые определяют нечёткие переменные и соответствующие им функции принадлежности.

Перед работой необходимо обучить нейронную сеть для того, чтобы она смогла выполнять свои функции. Обучение является самым важным процессом для корректной работы. Нейронная сеть имеет известное число входных и выходных значений. Можно легко описать зависимость, которая используется для обучения сети. Число входных сигналов в наборе для обучения соответствует произведению количеств нечётких множеств всех нечётких переменных, что следует из законов комбинаторики. Число выходных сигналов определяется числом нечётких множеств лингвистической переменной, которая описывает результирующее значение. Каждой комбинации значений входных лингвистических переменных ставится в соответствие одно нечёткое значение выходной переменной.

Рекомендуется обозначить правила на отдельные случаи, которые могут привести к некорректной работе системы. Одним из таких случаев является обработка значений, которые в равной степени соответствуют двум или более нечётким множествам. Для этого рекомендуется либо определить правила округления, либо добавить обучение на таких данных с желаемым результатом.

Обработанные нейронной сетью нечёткие значения преобразовываются в чёткие.

Следует отметить, что некоторые задачи можно решать с помощью нейронных сетей без использования нечёткой логики, однако это сильно усложнит процесс обучения. Если без использования нечёткой логики число входных сигналов равно числу обрабатываемых системой значений, то с использованием нечёткой логики число сигналов возрастает, однако уменьшается их диапазон. При обработке нечётких значений нейронная сеть обучается для того, чтобы научиться определять оценку на базе комбинации нечётких множеств, количество которых не велико, в то время как обработка чётких значений может привести к более сложному набору данных для обучения, поскольку появляется гораздо больше комбинаций входных значений. Таким образом нечёткая логика позволяет упростить процесс обучения нейронной сети и повысить стабильность системы.

Нейро-нечёткие системы часто используются для анализа данных для получения информации и извлечения социальных знаний. Например, такая система может провести анализ ряда параметров, таких как рост и вес большой группы людей, затем на основе полученных результатов распределить людей в определенное число групп в соответствии с размером одежды и определить оптимальные параметры этой одежды. Другое применение – определение наиболее часто используемых услуг у банка или сотового оператора, что позволяет сделать самое выгодное предложение клиенту. Подобные задачи называются

задачами кластеризации. В рамках задачи кластеризации можно проводить визуализацию данных.

Также нейро-нечёткие системы способны решать задачи классификации на основе предложенных данных. Этот вид задач также известен как задачи предсказания. Для этого нейро-нечёткая система обучается на информации, для которой определен предсказываемый параметр. Правильно обученная система способна на основе полученных знаний предсказывать этот параметр для всех возможных входных данных. Например, можно определять вид физической активности человека в зависимости от объективных параметров, таких как пульс и температура тела. Другой пример такой задачи – предсказание итога беременности в зависимости от большого числа факторов.

Схожей задачей является задача уменьшения размерности. В рамках этой задачи определяется влияние ряда параметров объекта на некоторую целевую характеристику или оценку. В результате можно провести оптимизацию параметров, поскольку можно не учитывать те параметры, влияние которых на итоговое значение почти отсутствует. Например, можно определить приоритет и важность параметров, по которым критики выставляют оценки блюдам или напиткам: вкус, внешний вид, запах.

Одним из примеров применения нейро-нечётких систем является построение экспертных систем. Экспертные системы – системы, которые имеют знания в конкретной узкой области и способны предлагать и объяснять пользователю принимаемые решения. Нейронные сети в этих системах позволяют получать новые знания с помощью алгоритмов обучения, в то время как нечёткая логика объясняет пользователям принимаемые решения. Большинство остальных механизмов либо не позволяют системе в автоматическом режиме получать новые знания, либо не способны объяснить пользователю принимаемое решение. Экспертные системы способны, например, предложить пользователю видео в зависимости от просмотренных им видеороликов или посоветовать вино под определенную еду. На основе экспертных систем можно строить системы, известные как виртуальные ассистенты. Они способны автоматически решать задачи, используя данные о пользователях. Виртуальные ассистенты способны к анализу поведения конкретного пользователя и предлагают ему персонализированный набор функций.

С помощью виртуальных ассистентов становится возможным обработка больших объёмов информации, в том числе и в медицине. Обработка медицинской статистики позволяет отслеживать динамику распространения заболеваний и определять потенциальные угрозы здоровью. Например, ведётся разработка виртуального ассистента для помощи спортсменам. Этот ассистент собирает данные о параметрах здоровья и результатах тренировок спортсменов и способен проводить анализ собранной информации. Система может обучиться сопоставлять показатели состояния спортсмена с его потенциальными результатами. При этом ассистент способен учитывать индивидуальные особенности организма. Обработка большого количества информации, которая характеризует

спортсмена, позволяет выявлять влияние различных показателей его текущего состояния на результаты в том или ином виде спорта, давать оценку его физической формы, предлагать оптимальный режим тренировок и медицинские рекомендации, например, по соблюдению режима питания и отдыха.

Таким образом, нейро-нечёткие системы могут в автоматическом режиме выполнять ряд задач, связанных с обработкой большого количества информации, что позволяет получать новые социальные знания.

Источники:

1. Нейронные сети – математический аппарат. URL: <https://basegroup.ru/community/articles/math> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Машинное обучение. URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Fuzzy Logic: Четкие решения нечеткой логики. URL: http://www.bacnet.ru/knowledge-base/articles/index.php?ELEMENT_ID=653 (дата обращения: 15.02.2021).
4. С. Loganathan, K. V. Girija. Investigations on Hybrid Learning in ANFIS. Tamilnadu, India: C. Loganathan International Journal of Engineering Research and Applications, ISSN: 2248-9622, Vol. 4, Issue 10 (Part – 5), October 2014, pp.31–37.

S. M. Morozov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

NEURO-FUZZY SYSTEMS APPLICATION FOR SOCIAL KNOWLEDGE EXTRACTION

This work is dedicated to using neuro-fuzzy systems for social knowledge extraction in big data area. The review of the configurations and development and training features of neuro-fuzzy systems for solving different social knowledge extraction tasks is performed in the article. Variants of tasks, which can be solved by using neuro-fuzzy systems are suggested.

Artificial intelligence, neural networks, fuzzy logic, neuro-fuzzy systems, big data, data analysis, knowledge extraction, virtual assistants

УДК 316.77

Е. А. Пашковский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

ОБЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВЫНУЖДЕННОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Рассматриваются изменения в общении между близкими людьми в период самоизоляции на примере ситуации в начале пандемии коронавирусной инфекции весной 2020 г. Приводятся результаты анкетирования 217 респондентов. Анализируются особенности управления эмоциями, практики, направленные на решение сложных и конфликтных ситуаций.

Общение, самоизоляция, управление эмоцией, ненасильственная коммуникация

Изменениям в общении между людьми в деловой и личной среде в связи с пандемией коронавирусной инфекции сейчас посвящается много исследований социологов и психологов. Нас заинтересовало общение между близкими людьми, преимущественно проживающими вместе, в период вынужденной самоизоляции, объявленный федеральными и региональными органами власти весной 2020 года. Мы предположили, что данный период внес значительные изменения в коммуникацию и открыл многим новые практики эффективного общения с близкими, направленные на взаимопонимание, снижение количества трудных и конфликтных ситуаций, поиск лучших путей их решения.

С целью проверки обозначенных предположений мы провели анкетирование, в котором приняли участие 217 респондентов. Согласно положительному ответу на соответствующий вопрос 90 % респондентов, образ жизни большинства значительно изменился в период вынужденной самоизоляции весной 2020 г. 38 % опрошенных отметили, что изменился и характер их общения с «домашними». Оба этих показателя актуализируют наше исследование.

Несколько первых вопросов анкеты было направлено на попытку проанализировать опыт общения респондентов, смотрящих на него по прошествии времени «со стороны», а не с позиции собственного «Я». Такой способ позволяет более объективно оценить ситуацию, сосредотачиваясь на происходящем в целом, а не на поведении отдельных ее участников. Здесь мы заинтересовались следующими пятью параметрами коммуникации: объем общения, уровень открытости / откровенности собеседников, степень эмоциональной экспрессии и отдельно агрессии, а также уровень взаимопонимания, являющийся в определенной мере результирующим показателем.

Что касается объема, то 42 % респондентов отметили, что стали общаться больше, чем раньше, что, вероятно, было ожидаемо. Отметим, что по словам

почти половины (49 %) опрошенных, во время самоизоляции они общались примерно столько же, сколько и раньше. При этом 90% ранее отмечали, что стали больше оставаться дома. Таким образом, нахождение в одном физическом пространстве не привело к увеличению объема общения для значительного числа респондентов. Это могло быть вызвано занятостью на удаленной работе, а также наличием стереотипов поведения, всегда имеющих место в общении между людьми на любом уровне и определяющих как характер коммуникации, так и ее объем. Перестроение на другую модель может происходить, но постепенно, и два месяца самоизоляции могли для большинства людей быть не достаточным сроком для таких изменений. В этом плане показателен ответ одного из респондентов на вопрос о способах решения конфликтов: «Способы не изменились. Слишком маленький отрезок времени в сравнении с длительностью построения взаимоотношений».

Особую важность, на наш взгляд, представляет вопрос об уровне агрессии в коммуникации. Весной 2020 г. многие популярные специалисты в области человеческих взаимоотношений говорили о том, что итогом самоизоляции в различных семьях может быть либо усиление конфликтов, либо, наоборот сближение членов семьи. Наше исследование в целом подтверждает данный тезис.

В сумме 32% видят изменения в коммуникации по шкале «мягкость – агрессия». Но большая часть из них (18 % респондентов) отметили, что общение стало более мягким, спокойным и доброжелательным. Показательно, что отвечая на открытый вопрос о способах решения напряженных и конфликтных ситуаций, многие респонденты написали, что предпринимали попытку сделать коммуникацию более спокойной и мягкой, более снисходительно относиться к раздражающим и огорчающим ситуациям и действиям сожителей, чтобы «ужиться» друг с другом. Причем мотивация была разной: от понимания, что все находится в одинаково сложном положении до осознания, что уйти от конфликта, если он разгорится, некуда.

Также 20% респондентов отметили, что их общение с «домашними» стало более откровенным и лишь 6,5% сообщили об обратной тенденции, что хочется отметить, как положительное для межличностных отношений последствие самоизоляции. В стрессовых ситуациях и в критические социальные периоды, к которым, безусловно, относится принуждение к самоизоляции, люди не редко проявляют в общении больше психологических защит. Часто такой собеседник воспринимается как более закрытый, его партнеры по общению обычно ощущают, что он не искренен. С другой стороны, находясь под воздействием умелого партнера по коммуникации, или в силу других обстоятельств, таких как понимание, что обстановку в данный момент сменить не получится, и придется приспособливаться к тому, что есть, человек может становиться более откровенным. Определенная степень самораскрытия, особенно в коммуникации на личном уровне является необходимостью для построения здоровых межличностных отношений. В русле Анализа игр Э. Берна [1]

самораскрытие и откровенность являются свойствами общения, сводящими на нет игры.

24 % респондентов отметили, что общение с сожителями стало, по их впечатлению, более эмоциональным, что, наряду с ростом агрессивности, в напряженные для общества периоды актуализирует использование в повседневных практиках общения концепции Ненасильственной коммуникации М. Розенберга [2]. Тенденцию к более эмоциональному общению можно рассматривать и как положительное последствие самоизоляции: эмоции несут важнейшую и необходимую к донесению до представителей ближайшего окружения индивида для построения более комфортных взаимоотношений информацию о чувствах собеседника. Однако раскрытие сложных и негативных эмоций требует определенных навыков, позволяющих избежать при этом конфликтов.

И наконец, 30 % респондентов, отвечая на вопрос о степени взаимопонимания, отметили, что достигли, как им кажется, большего взаимопонимания со своими сожителями. Мы не интересовались у этих респондентов, сохранился ли более высокий уровень взаимопонимания на данный момент (февраль 2021 г.). Но обычно такие процессы свидетельствуют о развитии межличностных отношений и способствуют их переходу на качественно новый уровень.

Далее отметим некоторые коммуникативные трудности, с которыми столкнулись респонденты во время вынужденной самоизоляции. 38% участников анкетирования заметили, что общения было слишком много и приходилось от него уставать. По 24% опрошиваемых заключили, что «сложно было избегать конфликтов», «стало сложнее договариваться по «бытовым вопросам», а 25 % стали больше спорить. 15% выбрали вариант «сложно было выражать свои эмоции». По 11% респондентов отметили, что стали больше ощущать давление своих сожителей, и что в общении было сложно раскрываться и говорить о чем-то личном.

На вопрос о положительных изменениях в коммуникации больше всего (31%) респондентов отметили, вариант «мы достигли большего понимания друг друга», что соответствует данным, полученным в одном из предыдущих вопросов. Заметим также, что лишь от 5 до 6,5 % респондентов в рамках ответов на другие вопросы отмечали, что у них ухудшилось взаимопонимание, или они чаще, чем обычно, были непоняты во время самоизоляции. Также среди позитивных изменений: «стало проще договариваться по бытовым вопросам» – 26%, «общаться стало легче» – 21 %, «выражать эмоции стало проще» – 18%, «мы стали меньше спорить» – 14%, «стал(а) меньше ощущать давление на меня» – 10%. Относительно ответов на вопросы о трудностях и положительных изменениях в коммуникации отметим еще одну интересную закономерность. Респонденты-женщины значительно чаще, чем мужчины, не отмечали или почти не отмечали трудностей в коммуникации во время самоизоляции, и при этом отмечали сразу несколько положительных изменений, связанных с улучшением взаимопонимания, простотой выражения эмоций, снижением

количества споров. А респонденты-мужчины, наоборот, часто отмечали несколько трудностей и не находили положительных моментов в сложившейся ситуации. Вероятно, это связано с большей предрасположенностью женщин к коммуникации и выражению эмоций в силу воспитания.

Особый интерес вызывал вопрос об используемых респондентами практиках коммуникативной работы с конфликтами. Нами был задан открытый вопрос «Опишите, пожалуйста, в одной – двух фразах, как во время самоизоляции изменились Ваши способы решения напряженных и конфликтных ситуаций в общении с домашними?»

Большинство отметило, что эти стратегии никак не изменились. Среди других ответов наиболее частыми оказались два схожих варианта. Первый – поиск компромисса через разговор, разъяснение своей позиции и попытку понять позицию партнера, например: «Выслушивание и предложение вариантов», «Стали прислушиваться к мнению друг друга». Второй – уступка (при том, что противоречия часто на самом деле не разрешены), принятие всего «как есть», попытка относиться проще к ситуации, например: «соглашаться с тем, чего от меня хотят», «конфликт решается фразой «нет смысла спорить», «Терплю конфликтные ситуации, уступаю», «контролировать себя, не злиться на родных по мелочам».

Некоторыми респондентами стремление решить конфликт через обсуждение мнений сторон отмечается как вынужденное: «Стало сложнее общаться, так как идти некуда»; «Т. к. самоизоляция предполагает постоянное нахождение дома, то конфликтные ситуации стали быстрее решаться. Ведь мало кому хочется день-два находиться в напряженной обстановке. Каждый из членов семьи стал идти на уступки»; «Т.к. есть понимание того, что «уйти» от проблемы не получится, возникла необходимость продолжать разбирать конфликтные ситуации, чтобы наладить общение».

Ряд респондентов отмечает, что конфликты стали разрешаться лучше в связи с тем, что у них появилось время для их разрешения: «Появилось больше времени на разговоры, стало меньше повторяющихся конфликтов, потому что стали чаще приходиться к компромиссу»; «Появилось больше времени и способов решить бытовые вопросы, решение которых, ранее, могло вызвать затруднение».

Также некоторые респонденты акцентировали внимание на том, что получили новые коммуникативные навыки и стали более эффективными в решении напряженных ситуаций: «Научился видеть некоторые типы конфликтов заранее, что помогает обходить их теперь»; «Решение конфликтов стало менее эмоциональным. Сократилось время от начала конфликта до его решения и примирения». Более того, ряд респондентов рассматривают самоизоляцию как подчеркнута положительное явление не только в отношении коммуникации, но шире: «лучший год в моей жизни спасибо COVID <3»; «Мне понравилось. Готов оставить такой образ жизни на долгое время еще».

Последний заданный респондентам нами вопрос был открытым и заключался в просьбе описать любые изменения периода самоизоляции в коммуникации с друзьями, родными и другими близкими людьми, с которыми респондент не живет вместе. Среди ответов на этот вопрос можно выделить три группы, примерно равные по объему: изменений не произошло; произошло сближение, усиление интереса друг к другу, улучшение отношений; произошло отдаление друг от друга или ухудшение отношений. Что касается второго варианта, в качестве причин сближения или улучшения отношений респонденты отмечали: положительное влияние коммуникации онлайн («Коммуникация просто перешла в онлайн – видеозвонки, голосовые сообщения, просто постоянные созвоны. Сократилось количество времени физически проведенного вместе, но это не сказалось на качестве. Где-то даже напротив»); длительное ожидание встречи («с парнем улучшились отношения – больше ждала встречи»; «Появилось большее желание встречи и менее бытовые диалоги»); осознание ценности коммуникации с близкими, возможности которой были ограничены («Стала больше скучать, захотелось чаще созваниваться»; «Стали меньше общаться, однако это общение стало более искренним»).

Итак, в ходе исследования подтвердилось наше предположение о том, что в общении между проживающими вместе и другими близкими людьми в период вынужденной самоизоляции весной 2020 г. произошли существенные изменения.

Напряженных и конфликтных ситуаций в общении в исследуемый период стало больше, что актуализировало поиск новых стратегий и техник коммуникации для сохранения психологической стабильности межличностных отношений. Среди них респонденты чаще называли более детальное обсуждение причин противоречий и конфликтных ситуаций, поиск компромисса, попытку лучше прислушиваться к мнению своих собеседников, стремление не обращать внимание на мелкие проблемы, уступку мнению партнера. Данный вывод актуализирует использование в практике межличностных отношений, а также изучение в рамках гуманитарных дисциплин в ВУЗах теорий, способствующих более эффективному использованию отмеченных респондентами практик, в частности Трансакционного анализа Э. Берна, Ненасильственной коммуникации М. Розенберга.

Многие респонденты отметили положительное влияние на их отношения с проживающими с ними людьми периода самоизоляции, в частности: рост взаимопонимания, получение новых коммуникативных навыков, понимание ценности общения и отношений с близкими людьми.

Среди коммуникативных трудностей периода самоизоляции наиболее распространенными оказались усталость от общения, сложность в выражении своих эмоций, самораскрытии, а также рост количества конфликтов.

Сложности и изменения в коммуникации периода самоизоляции многими респондентами были оценены как интересный жизненный опыт, дающий новые возможности для саморазвития и развития межличностных отношений.

Источники:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / пер. с англ. А. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2012.
2. Розенберг М. Язык жизни: Ненасильственное общение. СПб: София, 2020.

E. A. Pashkovsky (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**COMMUNICATION DURING FORCED SELF-ISOLATION:
CHARACTERISTICS OF CHANGES**

Changes in communication between loved ones during the period of self-isolation are considered using the example of the situation at the beginning of the coronavirus infection pandemic in the spring of 2020. The results of a survey of 217 respondents are given. The features of emotion management, practices aimed at solving complex and conflict situations are analyzed.

Communication, self-isolation, emotion management, nonviolent communication

УДК 004

А. Н. Субботин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: alesu1543@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБРАБОТКЕ ВИДЕОИНФОРМАЦИИ

Рассматривается применение искусственного интеллекта в общественной жизни относительно обработки видеoinформации. Исследуется интеллектуальное видеонаблюдение на основе машинного обучения. С применением данных интеллектуальных систем обнаружено снижение затрачиваемых ресурсов и затронуты философские аспекты искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, машинное обучение, интеллектуальное видеонаблюдение, обработка видеoinформации

На современном этапе развития вычислительной техники, облачных систем и технологий, а также туманных сред перед нами уже другие возможности. Это в первую очередь алгоритмы для компьютеров, основанные на искусственном интеллекте, машинном обучении, компьютерном зрении и нейронных сетях.

Вкратце хотелось бы рассказать читателю моей статьи о нейронных сетях. Это такое направление, которое предполагает реализацию мышления человека или другого организма именно в алгоритме машинного обучения. Любой развивающийся, а значит живой организм, учится, познает новое и строит свой интеллект, алгоритм взаимодействия в том мире, где он находится. Машинное обучение строится по принципу нейронных сетей и предполагает создание маленького мира (модели) для всего одной задачи.

Простейшими задачами машинного обучения может быть распознавание образов на видеопотоке. Представим себе старушку, ночного сторожа на заводе Адмиралтейские верфи, где работал автор статьи. Как бы человек не старался и пытался не уснуть, но не всегда получается. Так было украдено несколько катушек высокотехнологичного кабеля с территории завода. Алгоритм в этом случае простой: оператор (старушка) сидит у монитора и смотрит на восемь изображений с разных камер наблюдения. В случае непонятной ситуации или появления неопознанного объекта сообщает в охрану и дальше в полицию района.

А теперь давайте перенесем этот алгоритм в машинное обучение. Каждый кадр изображения сравнивается с моделью и при повышении вероятности нахождения объектов на изображении, подает сигнал оператору. Именно в этом и есть эволюция анализа и обработки видеoinформации. Видеоизображение редактируется и появляется всплывающее предупреждение о том, что на видео был обнаружен подозрительный объект.

Теперь появилось огромное количество фирм, которые предоставляют готовые решения с алгоритмами моделей машинного обучения. Вам уже не нужно анализировать видео и придумывать алгоритм, а потом реализовывать на практике. За Вас уже все придумали. В Интернете есть огромное количество фирм, которые готовы сделать всю работу под ключ и повесить Вам видеокамеры и распознавать сотрудников по лицу вместо пропуска на работу.

Мой студент (бакалавр) занимается разработкой программы, которая определяет трещины в ядерном реакторе. В случае совпадения изображения с моделью машинного обучения, подается сигнал оператору, который принимает незамедлительные меры по ликвидации последствий. Сейчас компьютерное зрение, основанное на машинном обучении, играет первостепенную роль. На данном этапе эволюции истории анализа и обработки видеоизображений, такая работа может предотвратить как локальные, региональные, так и мировые последствия, как у Чернобыля.

В данный момент истории очень необходимо фильтровать видео контент на сайте в соответствии с законодательством. Мой другой студент (магистр) занимается разработкой алгоритма и программ на Java для фильтрации негативного и деструктивного контента на web-сайте. Стоит представить какие последствия для человека, как для личности может принести несвоевременная фильтрация загруженного контента на сайт, а также того, кто держит сайт в Интернете (видеохостера).

Сейчас обработка видеоинформации очень популярна в системах интеллектуального видеонаблюдения. В статье Фрада Махмута [1] подробно написано, как можно с помощью машинного обучения сделать систему наблюдения с предупреждениями. Тема моего исследования для кандидатской диссертации касается облачных технологий и туманных вычислительных сред для Петербургского метрополитена, где я работаю инженером-программистом. У нас на одной станции примерно 140 камер и вся информация успешно и быстро обрабатывается и повышена скорость в 4 раза, а точность на 12,74% в распознавании образов. Также мне большую помощь оказала статья Салема Дурая [2] про интеллектуальное видеонаблюдение применительно к облачным системам.

Эволюция в обработке видеоинформации можно представить в виде следующих пунктов:

- 1) Применение облаков для хранения архива для видео аналитики [3];
- 2) Применение технологий машинного обучения [4];
- 3) Применение глубокого обучения [5] для комплексных систем распознавании образов на видеоизображении;
- 4) Применение компьютерного зрения для распознавания людей [6];
- 5) Применение аналитики к видеопотоку кадрированных изображений [7];
- 6) Применение комплексного анализа всей видеопоследовательности [8];
- 7) Применение машинного обучения и компьютерного зрения для предугадывания действий людей [9];

- 8) Машинное обучение для взаимодействия с людьми посредством анализа видеоинформации [10];
- 9) Применение распознавания образов вместо электронного ключа и допуска [11];
- 10) Применение технологий агентов и предупреждений в системе компьютерного зрения [12];
- 11) Применение систем обучения, основанных на предупреждениях и сигналах, как человеческий мозг (нейронная сеть) [12, 13].

Хотелось бы отметить, что принципы машинного обучения аналогичны и для текстовых и векторных моделей [14, 15]. В данных источниках авторы подробно рассказывают, как можно применить текстовые модели обучения в обработке видеоинформации. Простой пример – это подборка искусственным интеллектом описания под видео, которое было проанализировано.

Одним из примеров эволюции видеоинформации может быть определение лесных пожаров и для этого написан не только алгоритм (моим однофамильцем, профессором Субботиным А.С. из Томского государственного университета), но и целое программное средство именно для определения со спутника.

Ещё одним замечательным примером эволюции алгоритма обработки видеоизображений может послужить определение воров в магазине. Автор статьи работал в магазине Народный, который известен своими курочками, но и ворами. По решению администрации магазина был проведен эксперимент на экономии электронных меток на продуктах, а вместо этого было решено применить искусственный интеллект. Мной из Интернета была скачена библиотека OpenCV и Visual Studio C#, в которой была реализована простая программа для определения воришек, которую мне подсказали коллеги-программисты. Суть её очень проста: когда тележка проезжает непустая, то моя программа анализирует градиентное изображение и сравнивает с моделью пустой тележки. Если процент совпадения очень низкий, то можно сделать выводы о том, что это посетитель хотел что-то украсть. Автоматически поступает сигнал дежурному охраннику, который досматривает подозреваемого и в случае необходимости вызывает полицию.

Теперь я работаю в Петербургском метрополитене и здесь тоже очень много примеров для истории современной эволюции в обработке видеоинформации. Например, недавно мы запустили проект для доступа через турникет в управление метрополитена по лицу, но при этом ещё измеряется температура и автоматически передаётся диспетчеру. Так мы бережем своих сотрудников от эпидемии COVID-19 в нашей замечательной организации.

Недавно я читал статью аспиранта ИТМО при подготовке своей статьи на тему обработки видеоизображений. Мне понравилась идея создания приложения для смартфона для диагностики боррелёза (клещевого энцефалита) и я даже скачал данное приложение и опробовал на себе, но так ничего не удалось найти, что конечно радует. Значит, что программа работает.

Эпидемии COVID-19 тоже удалось попасть в историю эволюции обработки видеоинформации. Было создано не только приложение для измерения температуры тела человека на турникете в управлении метрополитена, но и нашими заграничными партнерами определение воспаления легких по рентгеновским снимкам, которые помогают врачам определить есть ли у человека COVID-19 или это просто ОРВИ или ОРЗ.

Очень понравился пример эволюции в обработке изображений применительно к Калининградскому консервному заводу. Многие банки с рыбой уходят в брак, но это ещё нужно отследить. Труд даже пусть одного человека стоит дорого, поэтому специалисты по компьютерному зрению придумали программу, которая бы анализировала каждую банку и выдавала сигнал о том, что банка с дефектом. Рыбо-перерабатывающему заводу удалось сэкономить немало денег на данной системе обработки видеоизображений, заменив частично человеческий труд.

Одной из более интересных сфер применения искусственного интеллекта (AI) является сфера технологий Интернета Вещей. Многие технологические компьютеры, такие как Миладр, Расбери Пай и др. не могут полноценно обрабатывать видеоинформацию, потому что их технические характеристики не позволяют делать сложные вычисления быстрее, чем на обычном компьютере. В этом случае заказчику может помочь применение облачных технологий и туманных сред. Мобильные устройства (смартфоны, планшеты), квадрокоптеры и пр. новые устройства из стека Интернета Вещей не отличаются высокой производительностью и не оснащены высокопроизводительным процессором, памятью и т.д., например, изображение с квадрокоптера не может быть быстро проанализировано, тогда нам могут помочь туманные среды. Пример эволюции в истории обработки видеоизображений – анализ и обработка изображений с квадрокоптера для принятия дальнейших решений. Видеоизображение может поступать и с мобильного телефона, тогда обработка происходит тоже в облаке, а результат передается пользователю смартфона.

Недавно я читал статью, где рассказывалось об обработке изображений с видеокамер танка, боевого истребителя, вертолета, миниатюрной подводной лодки. Военные сейчас активно применяют технологии компьютерного изображения и обработки изображений. Так, например, в Сирии применялось распознавание образов для идентификации сил противника и нанесения именно точечных ударов по боевикам и террорам. Тем же могут похвастаться наши израильские коллеги, которые ведут параллельные разработки в области компьютерного зрения. Теперь уже ведутся разговоры о новом типе войны: с применением квадрокоптеров и искусственного интеллекта. Так, недавно был дан приказ Верховного Главнокомандующего России использовать только компьютерное зрение в глубоководных морских аппаратах, а не людей, чтобы избежать повторения трагедий на большой глубине.

Роботы способны входить в закрытые помещения, сами анализировать обстановку. ЦНИИ РТК (Центральный научно-исследовательский институт

робототехники и технической кибернетики) ведет активные разработки в области роботов с искусственным интеллектом. Предпосылки были даны ещё за долго систем искусственного интеллекта, когда роботы ЦНИИ РТК работали на ликвидации радиоактивной катастрофы в Чернобыле.

Теперь роботы способны организовывать сами себя в стаи. Недавно я присутствовал на предзащите кандидатской диссертации, где подробно автор диссертации рассказывал механизм взаимодействия стаи мобильных роботов. Роботы теперь поздравляют наших Ветеранов Великой Отечественной войны с Победой над фашизмом в 1945 году. Роботы способны переносить корреспонденцию для Почты России и уже были опробованы такие варианты.

В будущем нас ждет более точное распознавание объектов на видеоизображении. Роботы и системы искусственного интеллекта будут обучаться теперь через Интернет, а там модели машинного обучения (МО) имеют значительно большую разностороннюю точность определения объектов на видеоизображении.

Есть глобальные сети распознавания объектов, такие как AlexNet и GoogleNet. Естественно, точно распознавания у таких моделей значительно выше, ведь они применяют экспертные системы сотен тысяч пользователей, которые могут гарантированно давать более точный результат, чем маленькая модель AI на встроенном компьютере Разбери Пай.

Новым и очень интересным примером современной эволюции обработки видеоизображений может являться распознавание актеров в фильмах, которую технологию применяет Netflix – гигант стриммингового видео. Специально для них был разработан сокращенный вариант алгоритма распознавания образов из модели МО, который может размещаться на DVD-диске с фильмом, но и на самом Web-сайте компании. Автор статьи с удовольствием смотрел на Новый год все комедии и сериалы и мне подсказывали на паузе имена актеров на моем экране, что очень приятно. Это и есть пример современной эволюции обработки видеоинформации.

Очень интересным показалось приложение для врачей с искусственным интеллектом, которое может прямо в операционной давать советы по модели МО, которая была получена через экспертную систему других врачей, кардиохирургов. Так, с помощью приложения и обработки видеоинформации с мобильного устройства в туманной среде можно сократить количество осложнений после сердечно-сосудистых операций.

Очень интересной разработкой мне показалась система управления самолетом с помощью обработки видеоинформации. Современное состояние авиатраспорти таково, что производители самолетов хотят убрать лобовое стекло и заменить на видеокамеры. А также предполагается убрать вообще иллюминаторы, чтобы максимально сократить стоимость полета и билета для отдельно взятого пассажира. Тут помогает искусственный интеллект по обработке видеоинформации. Изображение поступает с переда самолета на бортовой компьютер и анализируется с применением машинного обучения и заранее

заготовленных моделей. Далее делаются выводы о возможности посадки самолета или если такой возможности нет, то информация сообщается диспетчеру, пилоту и команде по спецсвязи.

Автор статьи работал в информационно-вычислительном центре по управлению полетами Пулково. Там тоже применяются технологии обработки видеoinформации в туманных средах с мобильных устройств. Например, теперь во многих аэропортах нашей родины России есть у работника аэропорта свой смартфон, где он получает информацию с камер наблюдения аэропорта и может доложить ситуацию и обстановку своему начальству, если это потребуется. Камеры наблюдения установлены у взлетных полос самого аэродрома для наблюдения за несанкционированным и незаконным доступом на территорию аэропорта. Такая программа с применением мобильного телефона есть во многих аэропортах: Латвии, Украины, Эстонии и все нашего производства из России.

Ещё одним примером эволюции обработки видеoinформации могут послужить готовые проекты по автоматизации целого производства. Недавно я смотрел проект полной автоматизации горно-обогатительного комбината, где большие бел-азы автоматически приезжали на карьер и также автоматически ковш нагрुжал в них руду. Бел-азы отвозили руду в рудо приёмки, еде руда автоматически сортировалась и поступала в дальнейшее обогащение. А потом получался уже готовый металл на выплавке. И вся технология автоматизации была построена только на компьютерном зрении с моделями машинного обучения.

Самым ярким примером эволюции алгоритмов обработки видеoinформации может послужить готовое производство кафельной плитки на заводе в Италии. Там работает всего несколько человек вместе с генеральным директором. Завод представляет из себя черную коробку. На входе подается неочищенная глина (из машины ковшем выгружается в приемник). Глина попадает на ленту конвейера, где она очищается от первичных примесей и далее попадает в цех формовки. Роботы сами формируют из глины плитку, опускают на конвейер, далее заготовка попадает в печь для обжига прямо с конвейера. Потом оттуда попадает в художественный отдел, где машины из паллетов рисуют узор на плитке автоматически, без помощи человека. Потом плитка лакируется, упаковывается. Отбраковывается, если нужно. Пачки плитки заворачиваются, устанавливаются на паллеты для транспортировки, грузятся в фургоны для доставки и поступают в продажу в магазины тоже полностью автоматически. А за всем этим технологическим процессом следит компьютерное зрение, искусственный интеллект и машинное обучение. Иногда оператор отвлекается по сигналам системы автоматизации, но это бывает крайне редко. Будущее именно за роботами и системами обработки видеoinформации.

Очень интересным примером обработки видеoinформации является новые магазины самообслуживания. Примером такой системы может послужить новая Пятёрочка. Покупатель сам входит в магазин без кассира, выбирает товар,

оплачивает и уходит. А всё остальное (воровство, хулиганство и пр.) контролируют системы видео аналитики.

Однако, есть и более примитивные варианты обработки видеoinформации. Так, например, на YouTube введена система предварительной автоматической модерации контента. Партнер YouTube (пользователь с правами размещения видео контента) закачивает свое новое видео на сервер и практически сразу (с интервалом 2-5 минут) получает предупреждение о том, что он закачал нелегальный контент на сайт видеохостера. Примитивный алгоритм анализа видеоизображений, но очень полезный, особенно сейчас с новым законодательством России, как никогда раньше.

Можно вспомнить хороший пример эволюции видеообработки в Швеции. Например, жители Стокгольма могут прийти в прачечную, отдать свою одежду и самостоятельно забрать её без участия оператора прачечной. Работу такой же системы можно опробовать и в магазинах Швеции, откуда Пятерочка и позаимствовала технологии.

После всего перечисленного можно подвести итог, что в будущем человек будет очень одинок и во многом его заменят компьютеры.

Источники:

1. Mahmud, Redowan and Rajkumar Buyya. "Fog Computing: A Taxonomy, Survey and Future Directions." ArXiv abs/1611.05539 (2018): n. pag. Fahad Fazal Elahi Guraya, Faouzi Alaya Cheikh. Neural networks based visual attention model for surveillance videos / Fahad Fazal Elahi Guraya, Faouzi Alaya Cheikh // Neurocomputing – 2015. – Vol. 149 – pp. 1348–1359.
2. G. Sreenu and M. A. Saleem Durai. Intelligent video surveillance: a review through deep learning techniques for crowd analysis / G. Sreenu and M. A. Saleem Durai // Journal of Big Data – 2019. – Vol. 6(48) – pp. 3–27.
3. Ali H. Sayed. Adaptation, Learning, and Optimization over Networks / Ali H. Sayed // Foundations and Trends® in Machine Learning – 2014. – Vol. 7(4) – pp. 74-91.
4. Ljubisa Stankovic, Danilo P. Mandic, Milos Dakovic. Data Analytics on Graphs Part III: Machine Learning on Graphs, from Graph Topology to Applications / Ljubisa Stankovic // Foundations and Trends® in Machine Learning – 2020. – Vol. 13(4) – pp. 182-201.
5. Vincent Francois, Peter Henderson, Riashat Islam. An Introduction to Deep Reinforcement Learning / Vincent Francois // Foundations and Trends® in Machine Learning – 2018. – Vol. 11(3-4) – pp. 219-354.
6. Ryoo. M. S., Aggarwal J. K. Semantic Representation and Recognition of Continued and Recursive Human Activities / M. S. Ryoo, J. K. Aggarwal // International Journal of Computer Vision (Int J Comput Vis) – 2009. – Vol. 82(1) – pp. 1-24.
7. Luca Marchesotti, Naila Murray, Florent Perronnin. Discovering Beautiful Attributes for Aesthetic Image Analysis / Luca Marchesotti // International Journal of Computer Vision (Int J Comput Vis) – 2014. – Vol. 113(3) – pp. 23–54.

8. Chao Zhang, Chunhua Shen. Unsupervised Feature Learning for Dense Correspondences Across Scenes / Chao Zhang // International Journal of Computer Vision (Int J Comput Vis) – 2015. – Vol. 116(1) – pp. 43–62.

9. Lidia Ogiela, Marek R. Ogiela. Data Mining and Semantic Inference in Cognitive Systems / Lidia Ogiela, Marek R. Ogiela // Advances in Computer Vision and Pattern Recognition – 2015. – Vol. 34(6) – pp. 32–47.

10. Marek R. Ogiela, Tomasz Hachaj. Brain and Neck Visualization Techniques / Marek R. Ogiela, Tomasz Hachaj // Advances in Computer Vision and Pattern Recognition – 2015. – Vol. 23(4) – pp. 16–35.

11. Lidia Ogiela, Marek R. Ogiela. Visual Image Biometric Identification in Secure Urban Computing / Lidia Ogiela, Marek R. Ogiela // Advances in Computer Vision and Pattern Recognition – 2012. – Vol. 353. – pp. 374–380.

12. Waldo J. Mobile code, distributed computing, and agents / J. Waldo // IEEE Intelligent Systems – 2001. – Vol. 16(2). – pp. 10–12.

13. Ning Zhong, Shinichi Motomura. Agent-Enriched Data Mining: A Case Study in Brain Informatics / Ning Zhong // IEEE Intelligent Systems – 2009. – Vol. 24(3). – pp. 38–45.

14. Chen X.R., Yuille A.L. Detecting and Reading Text in Natural Scenes / X.R. Chen, A.L. Yuille // Proceedings of IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition – Los Angeles – USA – 2016.

15. Cristianini N., Shawe-Taylor J. An Introduction to Support Vector Machines (and Other Kernel-Based Learning Methods) / N. Cristianini, J. Shawe-Taylor // Cambridge University Press – University of London – United Kingdom (UK) – 2017.

A. N. Subbotin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC LIFE APPLIED TO VIDEO INFORMATION PROCESSING

The article considers the use of artificial intelligence in public life in relation to the processing of video information. Intelligent video surveillance based on machine learning is investigated. With the use of these intelligent systems, a decrease in the resources expended was found and the philosophical aspects of artificial intelligence were touched upon.

Artificial intelligence, machine learning, intelligent video surveillance, video processing

УДК 004.8

И. М. Теплыгина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: irina@wn-travel.com)

СОЦИАЛЬНЫЕ И НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕАТРЕ.

В рамках работы рассматриваются социальные аспекты использования искусственного интеллекта в некоторых областях. Приводятся примеры из сферы театрального искусства, соревнований по различным видам карточных игр. Определяется взаимосвязь между театром и научно-образовательной сферой. Подчеркивается важность и многостороннее применение возможностей искусственного интеллекта для осуществления коммуникации в различных сценариях и ситуациях.

Нейросеть, искусственный интеллект, театр, наука, искусство, робот

As the world becomes ever more dominated by technology, people ask themselves a question: What do you think about machines that think and how can they affect our life? Despite the fact that science fiction has ingrained the thought of the deliberate evil intention of artificial intelligence (AI) in our minds, today humanity is observing many positive aspects of AI in different areas of life.

Artificial intelligence is already pretty sophisticated. Computers are getting better at acting like humans. As a result, AI is progressing at an unprecedented rate, and in the areas you often might not even imagine. AI systems are now capable of diagnosing diseases from a set of symptoms, play complex board games against human competitors, and translate speech from one language to another in real time. AI learns much in the way that humans do – adjusting to each context and improving the understanding of future situations [6, С.168].

The translators based on such platforms as Skype, Google, Yandex are a good example of AI system today. We have witnessed the evolution of computer translators over the past few years: from a program that could translate only single words to a complex system that can translate entire text in almost full compliance with the meaning of the original text. Skype translator enables people that speak two different languages to have a conversation in real time. This technology might encourage communication in business, scientific, educational, cultural spheres.

Superhuman performance by AI has been demonstrated in two-player, zero-sum, perfect-information games such as chess, checkers, Hex and Go. Research using AI has broadened to include games with challenging attributes such as randomness, multiple players, or imperfect information. Randomness is a characteristic of dice games, and card games include the additional complexity that each player sees some cards that are hidden from others. These aspects more closely resemble real-

world situations, and this research may thus lead to algorithms with wider applicability. The researchers Noam Brown and Tuomas Sandholm developed a program, called *Pluribus*, that learned how to play six-player no-limit Texas hold'em. *Pluribus* represents one of the major breakthroughs in modern artificial intelligence systems. Although *Pluribus* was originally implemented for the game of poker, the general methods can be applied to many other multi-agent systems that require both AI and human skills [3, C. 864].

Technological advances have also affected the sphere of art and culture. Theater belongs to multi-agent system where the roles are normally played by a group of actors. On one hand, theater is a traditionally synthetic art that often appeals to the cutting-edge technology. On the other hand, the structure of the performance has remained unalterable for many centuries. Despite all the diversity of forms of theater art and regardless of their origin, the nature of the theater has always been the synthesis of three entities: actor, role and spectator [1, C. 41–42].

One of the most significant parts of the performance is the form of shared experience. How will AI affect theater art, its key elements and the relationship between them? Will it destroy the magic of the theater or, on the contrary, enhance it, allowing the audience to experience new impressions? How will its social and educational functions alter with the introduction of AI? The modern system of education aims to broaden the educational space. Therefore the collaboration with other public institutions such as theater is being observed these days. Positive experience TUSCH project in Germany and C:NTACT in Denmark promotes such collaboration in other countries. The synthesis of theater art and academic activity was the revolution in the 1960s, but today the association of scientists and artists seems to be something ubiquitous. Apparently, we are already on the verge of the new era of creativity, when the AI and the artist become co-authors, complementing each other in those areas and skills where they are most powerful [2].

The word “robot” was introduced into the English language by the Czech playwright Karel Capek in his 1923 play *R.U.R.* (*Rossum's Universal Robots*). Currently, performances are staged with the participation of androids and humanoid robots. For example, chatbot A.L.Ex. participates in comedy performances in the genre of improvisation within the international project *Improbatics*, which brings together roboticists, science communicators, theater directors and professional actors. One of the latest productions is a comedy show in which actors improvise on stage, but one of them repeats the lines generated by artificial intelligence, which he hears through headphones. The audience has to guess the actor that is controlled by the machine. This show combines entertainment with academic research. For test purposes, there is another actor on the stage that repeats the lines of the “live” actor, that he hears through headphones. All other actors on stage also wear headphones. In each performance the artificial intelligence either passes or fails the Turing test (originally called the imitation game by Alan Turing in 1950, is a test of a machine's ability to exhibit intelligent behavior equivalent to, or indistinguishable from, that of a human). According to its creators A.L.Ex. is still a fairly primitive form of artificial

intelligence. It can recognize speech, engage in the improvised dialogue, and synthesize up to 60 different voices and accents. Besides its advantages, A.L.Ex. also has a number of disadvantages, that are critical for impromptu: its mental process is much slower than that of a “live” actor, A.L.Ex. is less sensitive in terms of sentiment recognition. Originally it was a humanoid robot that performed on the stage as A.L.Ex.. But later the authors had to give up this idea and engage a “live” actor, receiving the lines from AI over the headset. Currently, the performance of AI is weaker than of the “live” actors [7].

However, the ability to synthesize different voices, to perform works of any complexity flawlessly, together with the ability to make the machine look more human in the form of humanoid robot with the traits of fictional or real character, might lead to the creation of entirely different art with new actors. Accordingly, it raises a significant issue: how android actors are perceived by the audience? In one-man show “Uncanny valley” by stage-director Stefan Kaegi the role of the writer and author of the play Thomas Melle is performed by his robot-twin [4, C.689-707]. Thus very important social aspect of using humanoid robots was raised. At first glance it should have facilitated the perception of the machine by the audience. But in reality the reaction was pretty different. The android makes people feel uncomfortable, wary, even scared. This is the so called “uncanny valley” effect, that was described by Masahiro Mori in 1970. This effect had become so well-known due to the advances in robotics and AI. Stefan Kaegi raises an issue of audience’s reaction to the humanoid robot, whether it is positive or negative. Robophobia is also supported by the negative image of AI created in the cinema and literature [8, C. 98–100].

Today AI is widely employed in screenwriting and advertising. Neural net is capable of writing scripts analyzing thousands of existing works and highlighting the most exciting and interesting plots that get emotional response from the viewer. Currently, scripts written by AI are mostly hilarious and irrational plots, but this fact does not prevent directors from shooting short films based on them. It is quite possible that in the future AI will be able to create captivating, non-trivial and memorable theatrical scenarios.

The capacity of neural network to interpret theatrical performance and the speech of actors on stage in real time will allow the viewers worldwide to attend any theater via their computer. The introduction of AI in drama theaters might broaden their audience significantly by enabling non-native speakers attend the performances. Thus the advances in technology will also attract younger generation and probably create absolutely different context for acting.

The introduction of digital technologies into modern theatrical performances opens up new possibilities, both for the artistic decisions of the performance and for its perception. On the other hand, the artificial intelligence can significantly affect the actor-role-viewer link, that has remained defining and unchangeable for centuries. One of the main challenges of introducing AI technology in modern theater is that it is difficult for the viewer to empathize with digital actors and androids.

Perhaps, as artificial intelligence improves and becomes an integral part of our life, these qualms will be overcome.

In the next forty-five years artificial intelligence will surpass humans in all respects and will be integrated into all spheres of human life and society [5, С.729-754]. The development of intelligent machines that are capable of making decisions and predictions based on a huge amount of processed data, the ones that are endowed with consciousness and the ability to learn, will eliminate a number of professions and radically transform the life of mankind. Is there room for a man in the digital automated society of the future?

Источники:

1. Барбой Ю. М. Структура действия и современный спектакль. Л., 1988.
2. Искусственный интеллект в современном искусстве, 8 июня 2020. URL: <https://sk.ru/news/iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennom-iskusstve/>
3. Blair A., Saffidine A. AI surpasses human in six-player poker // Science – 2019
4. Floridi L. et al. AI4People—An ethical framework for a good AI society: opportunities, risks, principles, and recommendations //Minds and Machines. – 2018. – Т. 28. – №. 4.
5. Grace K. et al. When will AI exceed human performance? Evidence from AI experts //Journal of Artificial Intelligence Research. – 2018. – Т. 62.
6. How super cool tech works. NY: DK Publishing, 2016
7. Mathewson K. W., Mirowski P. Improbatics: Exploring the Imitation Game using Machine Intelligence in Improvised Theatre //arXiv preprint arXiv:1809.01807. – 2018.
8. Mori M., MacDorman K. F., Kageki N. The uncanny valley [from the field] //IEEE Robotics & Automation Magazine. – 2012. – Т. 19. – №. 2.

I. M. Teplygina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE THEATER-WISE. SOCIAL AND EDUCATIONAL ASPECTS.

The work examines the social aspects of using artificial intelligence in different areas. The affect of artificial intelligence is viewed in such areas as theater art, as well as card and board game competitions. The relationship between theater and academic spheres is identified. The capacity of AI to facilitate communication in different scenarios and situations is emphasized.

Neural network, artificial intelligence, theater, science, art, robot

УДК 8:51-77:519.1

Д. А. Шустов (Финансовый университет при Правительстве России, Санкт-Петербургский филиал», e-mail: dim_shu@mail.ru),

Н. В. Островская (Финансовый университет при Правительстве России, Санкт-Петербургский филиал», e-mail: nvostrovskaya@fa.ru)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

Рассматриваются подходы к применению систем искусственного интеллекта в управлении профессиональным образованием на этапе создания цифровой экономики. Сформулированы проблемы и вопросы.

Комбинаторика, искусственный интеллект, моделирование

На сегодняшний день одной из актуальных проблем образования является определение потребности экономике в кадровом обеспечении и, как следствие, определение объема и принципов финансирования образовательной деятельности.

Цифровизация практически всех сфер человеческой деятельности, несомненно, касается и процесса образования.

В статье проводится анализ обсуждаемых в последние годы проблем использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовании.

В основном обсуждается ряд целей, достижение которых, по мнению авторов [1,2] позволит повысить эффективность проведения учебного процесса в разных его аспектах. Но, в самом общем случае, идет речь о целевом подходе к оценке эффективности (аналог физического понятия коэффициента полезного действия), как с точки зрения общественных, так и индивидуальных затрат на получение знаний и формирование компетенций.

Так, например, Мэттью Линч, доктор психологических наук, консультант по вопросам образования, собственник Lynch Consulting Group, LLC. [1] выделяет 7 вариантов применения ИИ:

1. Адаптивное обучение
2. Персонализированное обучение
3. Автоматическое оценивание
4. Интервальное обучение
5. Оценка преподавателя студентами
6. Умные кампусы
7. Контроль экзаменационного процесса

Им отмечается, что эти варианты позволят уменьшить трудозатраты и обучаемых, и обучающих в процессе обучения.

На сайте Акселератор онлайн-школ (ACCEL) [3] приводятся три основных причины, по которым ИИ нужно интенсивно внедрять в образовательный процесс:

1. **ИИ помогает сделать процесс обучения более эффективным и удобным для студента и преподавателя.** Крупные российские онлайн-школы уже создают и используют программы на основе ИИ. В школе английского языка SkyEng искусственный интеллект – полноценный участник образовательного процесса, который обеспечивает адаптивное и персонализированное обучение и проверку заданий в режиме реального времени. ИИ анализирует каждое занятие, прогресс ученика и работу учителя и меняет траекторию обучения, в зависимости от результатов.

2. **ИИ повышает вовлечённость через геймификацию.** Большинство онлайн-игр и обучающих тренажёров работают на искусственном интеллекте. Сервис для изучения иностранных языков Lingualeo организован таким образом, что всё обучение проходит в игровой форме вы путешествуете с львёнком по джунглям и учите язык.

3. **ИИ позволяет максимально автоматизировать бизнес.** Сегодня некоторые образовательные ресурсы обходятся без участия человека: чат-боты отвечают на вопросы, роботы проводят уроки. И эта тенденция с каждым годом усиливается, благодаря развитию искусственного интеллекта и машинного обучения.

Развитие искусственного интеллекта в образовательном сегменте разделило экспертов на 2 лагеря: если одни утверждают, что машины способны улучшить жизнь преподавателей, то другие считают, что они представляют значительно большую угрозу, чем потеря рабочих мест. Что же все-таки произойдет, если роботы плотно заполнят систему преподавания? [2]

Все эти обсуждения не касаются главного вопроса: – как ИИ повлияет на развитие интеллекта формирующегося человека?

Поэтому предлагается следующая точка зрения.

Определение ИИ в современной литературе [4, 5], в основном сводится к гипотетическому определению, связанному с возможностью программными средствами имитировать процесс мышления человека в задачах выбора (принятия решений).

Однако такой подход требует формализации процесса мышления. Однако этот путь формализации знаний и механизма выбора, в свое время поддержанный появлением языков манипулирования знаниями (Prolog, LISP) [6], не получили широкого распространения.

Рассматриваемые подходы к созданию систем искусственного интеллекта базировались на различных походах к моделированию знаний.

Но нас интересует несколько иной аспект искусственного интеллекта, а именно – можно ли считать те достижения, которые мы называем искусственным интеллектом сегодня, в самом далее интеллектом?

Предлагается следующий взгляд на понятие «интеллект», который близок к общепринятому [1, 2]: интеллект – это способность обеспечивать самосохранение за счет мыслительной деятельности. Именно самосохранение, как отличительная черта объектов живой природы от неживых объектов.

Мы находимся на вершине пирамиды видов именно потому, что задумываемся о том, что будет с нашей планетой через несколько миллиардов лет, когда солнце превратится в красного карлика.

По нашим представлениям существа менее интеллектуально развитые, об этом не задумываются.

Поэтому без этого главного свойства ИИ не может полноценно решать проблемы вместо человека.

Теперь обратимся к формированию интеллекта у человека. Этот процесс происходит благодаря все возрастающему количеству связей с объектами окружающего мира и познанию этих объектов.

Т.е. человек в процессе развития и приобретения новых знаний развивает свой интеллект. Какую помощь человеку на этапе приобретения знаний может оказать искусственный интеллект? – ограничивать тренинг на решение задач собственными силами? Переключать решение задач, способствующих развитию мозга, на искусственный интеллект?

Ведь даже создание формальной системы оценки знаний (ЕГЭ) привела к ощутимой потере мыслительных способностей (не привожу результаты измерений, но по личному опыту преподавания более 40 лет, сегодняшние студенты в значительной степени утратили навыки познания, самоорганизации и логического мышления).

Очевидным примером является «географический кретинизм» многих людей, пользующихся интеллектуальными помощниками в пространственном ориентировании – навигаторами.

Образовательный процесс, будучи многогранным, преследует основную цель: формирование знаний и компетенций, обеспечивающих развитие индивидуума и общества в целом.

Несомненно, что сформировавшийся интеллектуально человек может и должен использовать средства, повышающие эффективность принятия решений в управлении.

Но на этапе приобретения знаний применение средств искусственного интеллекта необходимо ограничивать тренажерами – имитаторам объектов окружающего мира, знакомство с которыми непосредственно является невозможным по тем или иным причинам.

Использование же средств ИИ для управления учебным процессом является, скорее всего, оправданным. Но только в тех задачах, которые не влияют на свободу выбора обучающихся.

Для средне статистически здоровых людей использование средств ИИ для формирования индивидуальных образовательных траекторий, а тем более, для искусственного ограничения возможностей выбора в будущем, является

недопустимым. Ведь, например, гипотетически после рекомендации системы ИИ не сдавать экзамен по математике, практически лишает возможности ученика поменять свою траектория, даже если он в будущем ощутит математический талант.

Использование ИИ в образовании для определения и формирования образовательных траекторий, по сути, лишает общественную систему разнообразия, что, в конечном итоге, приведет к вырождению и самоуничтожению общества.

Ведь не учим же мы ходить наших детей, надевая на них эндопротезы?

Ведь не заменяем обучение письменности набору текстов на клавиатуре, или выбору слов из выпадающих списков, а еще лучше – диктованию в микрофон с интеллектуальной системой распознавания речи и голоса?

Человечество осознало угрозы деинтеллектуализации населения от психотропных и сильнодействующих препаратов и ограничивает их применение.

Так же необходимо вводить ограничения на применение систем искусственного интеллекта в задачах обучения, для формирования собственных навыков познания, поиска информации, принятия решений для достижения цели.

Выводы:

Процесс образования человека как процесс приобретения знаний и навыков путем передачи их носителями знаний (людьми) будет неполноценным при использовании для этих целей средств ИИ

Применение средств ИИ оправдано в формировании наглядных пособий и моделей для изучения живых объектов окружающего мира, когда непосредственный контакт с этими объектами невозможен.

Так же средства ИИ целесообразно использовать в задаче поиска информации в глобальных сетях.

Нежелательно использовать средства ИИ для коммуникационного процесса в среде обучающихся.

Возможно использование средств ИИ в управлении образовательным процессом, как средством подготовки кадров для будущего человеческого общества: прогнозирование потребности в тех или иных специальностях, распределение материальных и финансовых ресурсов в образовательном процессе, автоматизация оценки усвоения знаний (скажем, не все обучаемые хорошо справляются с эмоциями на экзаменах).

Крайне интересным направлением использования ИИ в образовании является управление целевой подготовкой студентов [8].

Источники:

1. Matthew Lynch, Seven ways educators can use artificial intelligence. January 11, 2019 URL <https://www.thetechadvocate.org/seven-ways-educators-can-use-artificial-intelligence/>

2. Цевма Е. Восстание машин: сможет ли искусственный интеллект заменить преподавателя? – URL: <https://etutorium.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-obrazovanie>

3. сайт ACCEL. URL: <https://the-accel.ru/iskusstvennyiy-intellekt-v-obrazovanii-sem-variantov-primeneniya/>

4. Советов Б. Я. Представление знаний в информационных системах: учебник- 2е изд., стер – М.: Издательский центр «Академия», 2012
5. Ручкин В. Н. Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. – СПб.: БХВ-Петербург, 2009.
6. Адаменко А. Д., Кучуков А .М. Логическое программирование и VisualProlog. – СПб.: БХВ-Петербург, 2003
7. Грэм, Пол. ANSI Common Lisp. – Пер. с англ. СПб.: Символ-Плюс, 2012
8. Шустов Д. А., Волокобинский М. Ю., Пекарская О. А. Целевая подготовка специалистов – смыслы и проблемы. Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. [Электронный ресурс]: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 14 – 15 ноября 2018 г. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

D. A. Shustov (Financial University under the Government of Russia, St. Petersburg Branch);

N. V. Ostrovskaya (Financial University under the Government of Russia, St. Petersburg Branch)

THE PROBLEM OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION

Approaches to the use of artificial intelligence systems in the management of vocational education at the stage of creating a digital economy are considered. Problems and questions are formulated.

Combinatorics, artificial intelligence, modeling

УДК 316.1

А. В. Щербина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ashcherbina@list.ru)

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГИИ

Искусственный интеллект рассматривается в трех аспектах: как инструмент деятельности и предмет конкуренции, как направление междисциплинарных исследований и как «социальное представление». Выделяются два уровня, на которых использование технологий ИИ имеет общечеловеческие последствия: автономная личность и глобальный уровень. Анализируются стратегии обеспечения автономии личности перед вызовами, которые несет ИИ и связанные с ним технологии: экспериментирование с человеческой природой и биоконсерватизм. Обосновывается вывод, что синергия человеческих усилий и ИИ возможна только при условии сохранения и защиты духовных перспектив жизни людей, передаваемых в традиции.

Искусственный интеллект, автономия личности, глобализация, ценности, нормы, традиция, биоконсерватизм

ИИ уже вошел в нашу жизнь, а в ближайшей перспективе его роль в опосредовании социальных взаимодействий, в процессах социального воспроизводства будет только возрастать. ИИ в социологическом анализе (в отличие, скажем, от инженерного подхода) предстает сразу в трех ипостасях: как созданный человеком материальный вещественный инструмент его деятельности, как направление междисциплинарных исследований, наконец, – «ИИ», запечатленный в социальных представлениях. Эти формы взаимосвязаны: отношения науки, технологий, религии, политики в современном обществе драматичны и запутаны.

Воплощенные в машинах особого рода технологии ИИ принадлежат корпорациям и государствам (лидеры – США и КНР). Монополия на технологии обеспечивает преимущества в глобальном управлении, в неэквивалентном экономическом обмене (формирует «цифровую периферию, – в логике мир-системного анализа), позволяет создавать новые виды вооружений, планировать и реализовывать новые методы ведения боевых действий (в т.ч. гибридных войн). ИИ – предмет острейшей межгосударственной, межкорпоративной конкуренции, и самое активное использование ИИ в настоящее время наблюдается в военных целях, «в сфере алгоритмических войн, а конкретно кибер-, финансово-экономических и поведенческих конфликтов и противоборств, а также в сфере управления и прогнозирования конфликтов на пяти полях боя: на земле, в воздухе, в космосе, под водой и в киберсреде» [1].

Возможности человеческого совершенствования за счет использования искусственного интеллекта, генной инженерии и нанотехнологий вызывают все больший интерес в академических и коммерческих кругах. Успехи в разработке ИИ (создание новой высокопроизводительной элементной базы, новых программных решений, базирующихся на сложной комбинаторике и машинном обучении, периферийных устройств) дали толчок междисциплинарным исследованиям ИИ вкуче с NBIC – нано-био-инфо-когнитивными исследованиями и разработками (в США для них созданы институциональные условия, организованы площадки и финансирование). Действительные и только ожидаемые результаты «суммы технологий» породили дискуссии представителей трансгуманизма и постгуманизма. Мы видим, что в исследованиях механизмов личностного развития внимание все больше смещается от традиционных методов и практик к техническим усовершенствованиям. Одновременно обсуждается возможность превращения ИИ в субъекта, ставящего задачи, принимающего (и исполняющего) управленческие решения. Метафора «машина-человек» (как в свое время предложенная Декартом – «человек-машина») оказалась плодотворной. Обсуждение барьеров для признания этих не биологических, но когнитивных существ личностями, – нормативный барьер, эмоциональный, «проблема Qualia» [2], – потребовало возврата к основаниям, к осмыслению человеческой природы (и сущности?). Имеет ли человеческая природа нормативное значение? Как взаимосвязаны в человеческой деятельности способность устанавливать причинно-следственные связи и действовать сообразно целям с морально-нравственными ориентирами поклонения, побуждений и запретов?

Социальные представления искусственного интеллекта (окрашенные как технофобиями, так и технофилией) демонстрирует, как тесны и динамичны связи науки, технологий, религии, политики, медиа в современном сознании, насколько распространены технократические предрассудки, как декларируемое освобождение человека от трансцендентного соседствует с псевдорелигиями человекобожества, питает светскую сотериологию и эсхатологию.

Что же такое ИИ для автономной личности, – смыслового ядра эпохи, которую мы называем современностью? Подчеркнем, ИИ всегда является предметом общественно-корпоративного воспроизводства (проектирования, создания, обслуживания, ремонта), даже если соответствующее устройство доступно для индивидуального использования в виде носимого или вживленного. Рассмотренный в эволюционно-исторической перспективе, ИИ всегда предшествует индивиду, и овладение этим инструментом осуществляется посредством социализации и обучения сообразно месту в системе разделения труда, характеру труда, виду общественной деятельности.

Использование технологий ИИ (в комплексе с облачными технологиями, биотехнологиями, социальным инжинирингом) на двух уровнях имеет общечеловеческие последствия.

Уровень автономной личности. ИИ, встроенный в механизмы социального управления, обеспечивает воздействие на эмоционально-волевые и когнитивные стороны личности, что вызывает как поведенческие, так и нейрофизиологические последствия. Слияние ИИ и интернета позволяет широко применять аддиктивные технологии (преодолевать барьер «спонтанности», в терминологии Хабермаса), осуществлять «взлом» человека (барьер «недоступности»). Какими должны быть границы вторжения в человеческую природу (и сущность)? Кем они должны устанавливаться? Каков статус «биологической природы» человека в способах его самоопределения? От ответов на эти вопросы зависит осмысление перспектив терапии, восстановления, компенсации, ультрабилизации (киборгизации, гибридизации), наконец, улучшения и выхода за ограничения, налагаемые нашим биологическим наследием.

Глобальный уровень. Возможности ИИ для прогнозирования и предупреждения глобальных общечеловеческих рисков (климатических, экологических, биологических, техногенных) впечатляют. Вместе с тем в условиях усиливающейся экономической конкуренции и политического соперничества, ослабления и размывания норм международного права, возрастания угрозы одностороннего применения силы ИИ сам становится источником рисков. Он может диктовать управленческие решения, содержащие «скрытую оптимизацию». Решения нормативно правильные, но ценностно не приемлемые. Нормы не дедуцируются из ценностей. Из того, что нечто должно быть сделано, непосредственно не следует, что оно должно быть сделано к.-л. специфическим образом. Отвечая требованию целесообразности, нормы не являются самолегитимизирующимися. Нормы задают правила, диктуют процедуры. Но, как отметил Кант, не существует правила, регулирующего применение правила. Легитимация норм всегда зависит от «отношения к высшей реальности» (Т. Парсонс), которое невозможно операционализировать и алгоритмизировать. Норм придерживаются, ими руководствуются, ценности разделяют и воплощают. К счастью, человечеству известен универсальный механизм, позволяющий сопрягать нормы и ценности, воспроизводить ценностно-нормативный порядок. Это традиция.

Каковы же перспективы обеспечения автономии личности перед вызовами, которые несет ИИ и связанные с ним технологии? Мы наблюдаем здесь две широко обсуждаемые стратегии:

Проактивное овладение новыми технологиями идеологически обосновывается принятием ценностей «исследовательской культуры», требует отношения к риску как возможности, а не угрозе, и оправдывает эксперименты и инновации на индивидуальном и групповом уровне «нормативным императивом возможного». Человек должен принять ответственность за сознательную эволюцию, превзойти переданные традицией узкие образцы человечности. Человек должен творить себя (и свое тело, а в случае надобности и отбросить его как нечто устаревшее) своими собственными силами! Эта ценностная ориентация выражается в следующих практиках: апгрейд тела, биопанк,

киборгизация, «загрузка сознания», радикальное улучшение качества жизни и ее существенное продление.

Биоконсерваторы предостерегают от повреждения человеческой природы, требуют сохранения биологического организма в неприкосновенности, последовательно выступают против генетического редактирования и дизайна, против гибридизации человека и ИИ, которая ведет к привитой неспособности, против любых экспериментов с телом, полом, возрастами жизни, связывая автономию личности с ее оригинальностью, спонтанностью и недоступностью. Знакомство с дискурсом биоэтики показывает несостоятельность ее притязаний: этика не может иметь прочного основания, если рассматривает человека только как биологическое (даже – биосоциальное) существо. При всей уязвимости скрытого в отсылке к человеческой природе – к «естественному человеку» – эссенциализма и запутанности понятий индивидуальной, социальной и профессиональной ответственности, биоконсерваторы справедливо настаивают на том, что традиционный человек в следующих поколениях не должен быть принесен в жертву.

Ни биоэтические, ни технократические решения не могут удовлетворить фундаментальные человеческие стремления. Автономия личности, синергия человеческих усилий и ИИ возможны только при сохранении духовных перспектив жизни людей, передаваемых в традиции. Глобальному цивилизационному проекту можно и нужно противостоять, опираясь на национально-государственный суверенитет, защищающий и поддерживающий свои культурообразующие ценностные ориентиры.

Источники:

1. Овчинский В. С. Искусственный интеллект на службе Пентагона и разведки США // Совет по оборонной и внешней политике. 10.06.2018. URL: https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJzLKCK-psNLXLY7LL9ArKtXPTczM0zcyszQ102dgMDQzNLa0MDExMWfgPD4x7sLN5m-yrmtWP-9PqgMA6tQTcw&src=1f03992&via_page=1&user_type=2&oqid=0c884f714a17a40b (Дата обращения:21.02.21).

2. Archer, Margaret S., Morgan, Jamie. Contributions to realist social theory: an interview with Margaret S. Archer // Journal of Critical Realism. March 2020. DOI: 10.1080/14767430.2020.1732760.

URL: <https://www.researchgate.net/publication/339713726> (Дата обращения:21.02.21)

A. V. Shcherbina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***PERSONAL AUTONOMY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
POSSIBILITIES OF SYNERGY***

In this article, Artificial Intelligence (AI) is studied from three facets: as a subject of competition and general activity, as a direction of interdisciplinary research, and as a 'social representation'. There are two levels at which the use of AI technologies has universal consequences for humans: the level of autonomous personality and the global level. Strategies for ensuring personal autonomy in the face of the challenges posed by AI and related technologies are analyzed: namely bioconservatism and experiments on human nature. The conclusion is substantiated that the synergy of human efforts and AI is possible only under the condition of preserving and protecting the spiritual prospects of human life, transmitted in tradition.

Artificial intelligence, personal autonomy, globalization, values, norms, tradition, bioconservatism

СЕКЦИЯ №3. ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

УДК 659

И. А. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: inka4@yandex.ru)

СОФИЗМ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Софизм как метод доказательства в настоящее время ставится актуальным массово-коммуникационным инструментом, особенно в условиях цифровизации и перехода к новой конвергентной реальности. Диффузия жанров медиакоммуникации позволяет конструировать сообщение с учетом целей передающей стороны и специфики аудитории. При этом базовой концепцией и неотъемлемой составляющей коммуникации, повышающей аттрактивность информации, а также помогающей ее принятию и усвоению становится фасцинация.

Софизмы, постправда, массово-коммуникационная деятельность, манипуляция, медиатексты.

Реализация речевой деятельности в виде дискурса представляет собой процесс активного, целенаправленного, опосредованного языком и обусловливаемого ситуацией общения взаимодействия людей между собой. Речевая деятельность обычно включается как составная часть в деятельность более высокого порядка и реализуется в виде мотивированного живого процесса взаимодействия участников коммуникации целенаправленного речевого действия, совершаемого в соответствии с принципами и правилами поведения, принятыми в данном обществе, ситуации, в рамках которой осуществляется это взаимодействие коммуникантов и ограниченного во времени и пространстве социально значимого события.

Речевое событие непосредственно погружено в дискурс, формируется в нем и формирует его одновременно. В рамках теории коммуникации существует множество моделей речевой коммуникации. В условиях современной конвергентной реальности с опорой на цифровые технологии в современном дискурсе следует выделять трех участника коммуникации:

- субъект действия 1 – адресант, говорящий, кто направляет речь к коммуниканту;
- субъект действия 2 – прямой адресат, слушающий, коммуникант-участник, воспринимающий информацию или непосредственный участник дискурса;

• субъект действия 3 – адресат-наблюдатель, «зритель», внимания которого добиваются субъекты коммуникации, на чьи интересы ссылаются, чье мнение, как им кажется, представляют.

Частным случаем дискурсивной практики являются софизмы – способы и приемы коммуникационной деятельности, названные Платоном родом подражания (истинным рассуждениям), фокусничеством и основанные на мнимых опровержениях и умозаключениях, направленных на победу в споре любой ценой [1]. Объективация софизмов реализована Аристотелем через термины «умозаклучение» (силлогизм) и «опровержение» (умозаклучение с выводом, противоречащим заключению) [2]. Софизм создает благоприятные условия для получения адресатом сообщения.

Софизм создает благоприятные условия для принятия объектом коммуникации сообщения. Намеренно созданный и определенным образом организованный, он уменьшает потерю семантически важной информации за счет облегчения процесса восприятия сообщения. Видимая логическая легкость и стройность возбуждают в сознании адресата коммуникации другой психический процесс – внимание. Таким образом, использование софизма вызывает эффект фасцинации.

Важно заметить, что коммуникации как социальное явление не сводится к простому движению информации, а направлена на выработку «общего смысла, единой точки зрения и согласия по поводу различных аспектов ситуации сообщения».

Основные функции фасцинации как коммуникативного процесса:

1. Эмотивно-мотивационная функция (воздействие на эмоциональное восприятие сообщения адресатом);
2. Апеллятивная функция (направленность на интенсификацию восприятия информации, фасцинация выступает воздействующим средством, позволяющим сделать информацию лично значимой для адресата);
3. Фатическая функция (установление эффективного коммуникативного контакта с адресатом, активизация его роли и творческого потенциала в ходе восприятия информации);
4. Метакоммуникативная функция (фасцинация направлена на преодоление барьеров коммуникации, способствует прохождению через «фильтры»);
5. Информационно-активизирующая функция (интенсификация процесса включения адресата в восприятие информации);
6. Аттрактивная функция (фасцинация обеспечивает аттрактивность форм подачи информации, реализуясь в специальных средствах и приемах).

Средства и приемы фасцинации помогают восприятию информации слушателем и ослабляют «фильтры недоверия» в коммуникации. «Совокупность этих средств представляет собой фасцинативную коммуникативную стратегию, которая, в свою очередь, является прагматическим, сознательным процессом».

Фасцинация как нейрофизиологическое явление – это неотъемлемая составляющая коммуникации, повышающая аттрактивность информации, а также

помогающая ее принятию и усвоению. Таким образом, существование этого феномена обуславливает успешное функционирование коммуникативных стратегий и тактик.

В настоящее время эффект фасцинации работает в усиленном режиме при поддержке тотальной цифровизации жизненного пространства. Речь идет о феномене постправды («post-truth»). Данный неологизм впервые употребил С. Тесич в 1992 году в материале о конфликте в Персидском заливе. Суть постправды заключается в негативном влиянии конвергенции на специфику коммуникационной деятельности.

Во-первых, это затрагивает вопросы профессиональной этики работников медиа. В такой ситуации личное мнение подается как факт, а передаваемый контент выполняет иные задачи – не столько доведение объективных сведений, сколько манипуляция информацией ради увеличения популярности, трафика и продаж. Целевая аудитория такого контента – это поколение, с одной стороны обладающее высокой степенью скепсиса к получаемой информации, а с другой, активно воспринимающее симуляцию реальности симулякров [3,4].

Во-вторых, источниками постправды становятся медиаресурсы, использующие конвергентные жанры, но на новом уровне. К примеру, сатира превращается в мем, который воспринимается и тиражируется как правда. Или, когда часть правды подается под определенным углом зрения, эмоционально окрашивается, помещается в контент, искажающий или дополняющий основной текст либо создается сознательный фейк.

Источники:

1. Александров, Д. Н. Риторика, или Русское красноречие: учебное пособие / Д. Н. Александров. Москва, 2012. 351 с.
2. Аристотель Сочинения в четырех томах. Том 2 - М, 1978. 687 с
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Пер. с франц. Качалов А.С. М., 2017
4. Иншакова Н. Г. Рекламный и пиар-текст: основы редактирования – Москва: Аспект Пресс, 2014. 256 с.

I. A. Ilyina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SOPHISM: INTELLECTUAL FRAUD OR COMMUNICATION STRATEGY IN A POST-TRUTH ERA.

Sophism as a method of proof is now becoming a relevant mass-communication tool, especially in the context of digitalisation and the transition to a new convergent reality. The diffusion of media communication genres makes it possible to construct a message taking into account the goals of the transmitting party and the specifics of the

audience. Fascination becomes a basic concept and an integral component of communication, enhancing the attractiveness of information, as well as helping its acceptance and assimilation.

Sophisms, post-truth, mass communication, manipulation, media texts

УДК 800.92:519.682

Д. Д. Акинчиков (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: danya8808@gmail.ru)

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПОДРОСТКОВ

В данной работе рассматривается влияние социальных сетей на психологическое состояние подростков. Актуальность темы обусловлена постоянно растущей вовлеченностью подростков в социальные сети, что влияет на их поведение и психологическое самочувствие.

Подростковый возраст, психология, социальные сети

Не будет преувеличением сказать, что социальные сети являются значимой частью жизни подростков в современном мире. Помимо положительных моментов, таких как возможность постоянно быть на связи и быстро реагировать, в независимости от места нахождения собеседников, у социальных сетей есть ряд негативных аспектов, которые приводят к искаженному восприятию окружающей действительности и сказываются на психологическом самочувствии молодого пользователя. Работа посвящена изучению и структурированию информации о том, как социальные сети влияют на психологическое состояние подростков.

Цель работы: систематизация знаний о негативном влиянии социальных сетей на психологическое состояние подростков и предложение решения проблемы.

Задачи работы:

1. Рассмотреть различные точки зрения касательно влияния социальных сетей на психическое самочувствие подростка
2. Выделить аспекты влияния
3. Сформировать собственную позицию на основе изученных материалов

За основу данной работы была взята статья «#StatusOfMind Social media and young people's mental health and wellbeing» [1]. В ней рассказывается о негативных и позитивных аспектах влияния продолжительного пользования социальными сетями на психологическое здоровье подростков. Статья отличается емкостью содержащейся в ней информации и структурированностью. Помимо описания результатов исследований она содержит в себе призывы к действию, что важно в рамках данной работы. Также во многих публикациях на русском языке ее используют как источник, из чего можно сделать вывод о том, что она пользуется авторитетом у авторов.

Существует немало исследований, подтверждающих связь возникновения тревожности, депрессии и других проявлений ухудшения

психологического самочувствия с регулярным использованием социальными сетями. Ниже будут рассмотрены возможные негативные последствия.

Тревожность может возникать по разным причинам. Она может быть вызвана тем, что человек начинает нервничать, из-за того, что не успевает выполнить свои планы на день, будь то учеба, подработка, домашние обязанности или другие дела. Происходит это потому, что на социальные сети уделяется много времени. Во-первых, трудно нормировать время, которое посвящается им, во-вторых, часто такой мысли даже не возникает, пока проблема не обострится и не станет очевидной. Усложняет задачу постоянный доступ к интернету и социальным сетям посредством смартфонов. А теперь к тому, почему пользователи так увлекаются ими. Проблема здесь не в желании постоянно быть на связи с друзьями или семьей. Алгоритмы социальных сетей ориентированы на то, чтобы получить как можно больше внимания людей. Так как сам доступ к этим площадкам бесплатный, способ их монетизации – показы рекламы. То есть задача команды, разрабатывающей социальную сеть, максимально удержать пользователя, показав ему как можно больше рекламы. Механизмы удержания работают и постоянно совершенствуются: интерактивные элементы, дизайн, «быстрый» контент, рекомендации и многое другое. Таким образом, человек неосознанно проводит много времени в социальных сетях, откладывая свои дела. От этого у него возникает чувство вины за то, что он не успевает сделать, что запланировал. Вина приводит к тревоге и стрессу. Это еще связывают с недостатком сна [1]. Вместо того, чтобы лечь спать, многие продолжают общаться и смотреть ленту новостей, недостаток сна снижает продуктивность в течение дня, человек не получает от себя ожидаемых результатов и начинает себя винить. К тому же, этот цикл может работать без первого пункта, потому что стресс снижает качество сна и может привести к бессоннице.

Вторым по счету, но не менее значимым по своему влиянию, является сравнение себя с другими [1][2]. Это то, с чем сталкивается почти каждый подросток. Оформляя аккаунт, обычно стремятся создать образ того, каким хотят казаться в глазах других, выкладывая яркие события из своей жизни, достижения, фотографии с отдыха и так далее. Проблема здесь в том, что у человека возникает иллюзия, что он живет менее интересно, чем другие. Его жизнь не так насыщена, он не достигает таких же высоких результатов. Постоянный поток публикаций людей, наслаждающихся своей жизнью, наводят подростка на мысли о том, что он недостаточно хорош, отстает от других и снижают его самооценку. Это искажает картину окружающего мира, потому что в действительности все обстоит иначе. О феномене социального сравнения пишет и Падун М. в своей статье "Человек и социальные сети» [3]. Сравнение себя с другими относится и к нашей повседневной жизни, но сравнение с тем, что мы видим в социальных сетях лишено смысла, потому что это представляет собой соотнесение реальности с симулякрами. Ухудшающаяся на этом фоне самооценка и тревожность могут привести к депрессии.

В разных источниках можно встретить информацию о кибербуллинге, как составляющей негативного влияния социальных сетей на подростков [1] [2]. Травля в интернете может сильно сказаться на самооценке молодых пользователей, так как в подростковом возрасте мнение окружающих становится значимым и играет большую роль в самоопределении человека.

Также известно, что социальные сети негативно сказываются на реальном общении [4]. Подростки привыкают к моделям взаимодействия друг с другом в интернете, но, когда они переносят их в жизнь, возникают трудности, снижающие качество общения. Это приводит к затруднению взаимодействия с людьми, возникает фрустрация. Так подросток еще больше погружается в виртуальное общение, стараясь удовлетворить возрастающую потребность в общении.

В статье «The impact of teenager dependency to social media and the anticipate effort», написанной Dewi Kurniawati, описаны другие примеры негативного влияния социальных сетей на подростка. Автор говорит о снижении концентрации и развитии лени [5]. И, хотя напрямую к психологическому самоощущению эти тенденции не относятся, они все же имеют на него опосредованное влияние. Как уже говорилось, многие подростки склонны сравнивать себя со сверстниками, а лень и плохая концентрация снижают результативность любой деятельности, что, в свою очередь, снижает мотивацию. На этом фоне у человека может начать развиваться чувство собственной неполноценности и снижаться самооценка.

Исходя из описанного выше, можно структурировать основные негативные последствия использования подростками социальных сетей, освещенные в использованной литературе. Ключевыми негативными последствиями является развитие тревоги, апатии и депрессии, снижение самооценки. Причиной этому следует:

1. Недостаток времени, недосыпание
2. Сравнение себя с другими
3. Кибербуллинг
4. Снижение качества живого общения

Решение:

Несмотря на возможные негативные последствия длительного пользования социальных сетей, нельзя сказать, что они однозначно вредны. Они представляют собой инструмент, который точно так же может принести много пользы при правильном обращении с ним. Описанные выше проблемы не являются новыми и аналоги им мы можем найти в более далеком прошлом. Но, если проанализировать их возникновение, мы увидим, что все упирается в следующие качества подростков:

1. Незрелое критическое мышление
2. Низкая степень осознанности, слабая концентрация, высокая переключаемость

Решение проблемы негативного влияния социальных сетей на психологическое самочувствие приходит со временем, тогда, когда человек начинает видеть в этом проблему. Те, кто ее осознал и намерился исправить ситуацию, должны прийти к тому, чтобы начать организовывать свое время, фильтровать поток входящей информации и оценивать качество этой информации.

То, о чем мы думаем, неизбежно влияет на нас, более того, формирует нас. Отсюда возникает необходимость следить за тем, куда направлено наше внимание, а вместе с этим и развивать навык концентрации. Концентрация необходима для удержания нашего внимания на одном объекте. Это не означает, что человек сможет нивелировать все негативные последствия использования социальных сетей, но это сильно упростит задачу.

Активность в социальных сетях часто обусловлена привычкой, в крайней стадии – зависимостью. Часто люди заходят в социальные сети машинально без особой нужды каждый раз, когда возникает возможность. Развивая осознанность в своей жизни, человеку становится проще проследить настоящие мотивы своих действий и отказаться от деструктивных привычек. Также стоит отметить важность умения отслеживать свои мысли и эмоциональные состояния. Психологическое самочувствие не является чем-то, существующим отдельно от мыслей человека. Наоборот, мысли и самочувствие взаимозависимы. Поэтому влиять на свое самочувствие можно посредством влияния на свои мысли, которыми можно и нужно управлять, а не быть в их власти.

Несмотря на то, что подростки сами контролируют то, какой контент им потреблять, есть и другая сторона этого процесса, а именно – создание контента. Специалистам, занимающимся рекламой и связями с общественностью, выбирающими в качестве канала коммуникаций социальные сети, необходимо учитывать ряд нюансов в своей работе, касающейся этической стороны создания контента. Помимо первостепенных функций рекламных сообщений, таких как повышение осведомленности, формирование имиджа и стимулирование сбыта, стоит помнить о том, как они могут повлиять на психологическое состояние реципиентов. Разумным решением в данной ситуации будет отказаться от провокационных материалов, ориентированных на подростковую аудиторию, а также такого контента, который может даже неявно, косвенно дискредитировать какие-либо группы общественности. Речь идет о том, что касается внешности, статуса, ценностей, рода занятий и так далее.

Источники:

1. Shirley Cramer «#StatusOfMind Social media and young people's mental health and wellbeing» / Shirley Cramer, Dr Becky Inkster // Royal Society for Public Health, URL: <https://www.rsph.org.uk/static/uploaded/d125b27c-0b62-41c5-a2c0155a8887cd01.pdf> 1-32 p. (Дата обращения: 21.10.2020)

2. Keith Hampton «Social media and the cost of caring: Psychological Stress and Social Media Use» / Keith Hampton, Lee Rainie, Weixu Lu, Inyoung Shin And Kristen Purcell // Pew Research Center – URL:

<https://www.pewresearch.org/internet/2015/01/15/psychological-stress-and-social-media-use-2/> (Дата обращения 21.10.2020)

3. Падун М. Человек в социальных сетях URL: <https://postnauka.ru/faq/80984> (Дата обращения 21.10.2020)

4. Воронин В. Н., Ионцева М. В., Керре М. С. Исследование акцентированных потребностей молодежи, удовлетворяемых в среде виртуальных социальных сетей // Вестник ГУУ. 2017. №11. С. 180-188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-aktsentirovannyh-potrebnostey-molodezhi-udovletvoryaemyh-v-srede-virtualnyh-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 21.10.2020).

5. Kurniawati D. The impact of teenager dependency to social media and the anticipate effort // International Journal of Scientific and Technology Research. 2018. № 7(6). P. 28–30. URL: <https://www.ijstr.org/final-print/june2018/The-Impact-Of-Teenager-Dependency-To-Social-Media-And-The-Anticipate-Effort.pdf>

D. D. Akinchikov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE NEGATIVE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON THE MENTAL STATE OF TEENAGERS

This paper explores the impact of social networks on the mental state of teenagers. The actuality of the topic is due to the constantly growing involvement of teenagers in social networks, which affects their behavior and psychological well-being.

Adolescence, psychology, social networks

УДК 353.9

К. Е. Виноградова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vinogradovamail@gmail.com);

А. А. Кащук (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «СПбГЭУ», e-mail: akashuk@yandex.ru)

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

В статье рассматриваются коммуникационный потенциал социально-культурные проектов, как одного из направлений способствующих развитию культуры, формированию благоприятной атмосферы в обществе.

Социальный проект, культура, общество, творческий подход, коммуникации

Одним из современных направлений в решении стратегических задач развития культуры Российской Федерации можно назвать социальное проектирование. Эти проекты позволяют сформировать у общества интерес к истории государства, этническому и национальному своеобразию искусств, развивать критическое и творческое мышление. Ключевая особенность таких проектов заключается в конечной цели, задачах и тактике их реализации. Так, например, если основная задача бизнес-проекта – это извлечение прибыли, то социальные проекты направлены на получение нематериальных благ, достижению креативных, творческих результатов.

Особенность творческого подхода выражается, прежде всего, в том, что здесь в равной степени важны как художественный поиск, так и установление новых форматов диалога между различными группами общественности культуры. Приобщение к сфере культуры и искусства – это основная цель участников социальных проектов. Вместе с этим, социальные программы и проекты сосредотачиваются вокруг стратегических целей культурной сферы. Эти цели, в свою очередь, представляют собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение культуры и введение усовершенствованных элементов продвижения.

Один из показательных примеров – это социокультурные проекты по популяризации традиционных ремесел, которые интегрируют культурную традицию, научно-технические достижения, а также передают культурные нормы. Эти проекты обладают коммуникационным потенциалом, в том числе за счет разнообразия форм и форматов. Ремесленничеству посвящаются различные виды специальных мероприятий: общественно-деловых ивентов (семинаров, встреч), экспозиционных мероприятий (выставок, ярмарок), образовательных (семинаров, вебинаров, лекториев), развлекательных (шоу, конкурс), корпоративных (мастер-класс для сотрудников) и т. д. Отметим, что

изменения информационной среды, связанные с ограничениями из-за пандемии 2020-2021 года повлияли на коммуникационные проекты, появились новые дистанционные форматы. Например, городское клубное пространство «Мой социальный центр» цикла онлайн мастер-классов «Ремесленный хлеб – возрождение традиций», Второй Слет ремесленников Ленинградской области проходил в гибридном формате – очное участие было совмещено с онлайн-трансляцией.

Россия – это та страна, которая обладает огромными творческим потенциалом, хорошими практическими наработками в реализации социальных проектов. Так, например, в Санкт-Петербурге был реализован проект «Школа живых ремесел», в Вологде фестиваль народных промыслов – «Голос ремесел», выставка народных промыслов «Ладья», международный ремесленный конгресс. С особым трепетом к ремесленным традициям относятся и в европейских странах. Здесь социальные проекты поддерживаются не только обществом, но и государством. Тем самым, такие проекты формируют хорошую базу для туризма, продвижению национальных брендов, обучения и воспитания молодежи. Так, например, в Германии до сих пор работают предприятия, где сохранились ремесленные традиции использования ручного труда, у них есть свои привилегии, государственная поддержка. Все эти факторы позволяют компаниям не только развиваться, но занять свое место в современном мире, стать конкурентоспособным на рынке труда.

Аналогичная картина сформировалась и во Франции. В этой стране французские ремёсла признаны национальным достоянием, основой развития как внутреннего, так и внешнего туризма. Так, до сегодняшнего дня в стране существует традиции присваивать определенным категориям ремесел почетной звание «Живое культурное наследие Франции». Также как и в Германии, у этого сектора экономики страны, есть особые льготные условия. Более того, обучение учащихся, которые выбрали ремесленные профессии, финансируются государством, каждому выпускнику гарантируется рабочее место, и высокая заработная плата.

Современное состояние культуры и общемировые тенденции сегодня требуют создание таких условий, которые позволят передать знания не только традиционным способом, но и через современные интерактивные форматы. Как показывают исследования, задачи популяризации знаний в сфере культурного просвещения и образования сегодня стоят особенно остро. Так, например, исследователь Горушкина С.Н. отмечает: «В настоящее время благодаря новым системам коммуникации происходит проникновение разных культурных образцов и моделей, культурных практик и стилей в повседневный жизненный обиход. Молодежь является наиболее активной социальной группой, потребляющей услуги в сфере досуга, она также более восприимчива к новым культурным форматам» [1, С. 71].

Среди основных задач, которые могут решать подобные проекты стоит выделить: привлечение общественного внимания к редким и традиционным

видам народных промыслов; привлечение в сферу ремесленничества представителей молодого поколения; налаживание коммуникаций между ремесленниками, инвесторами и населением; получение государственной поддержки; повышение уровня осведомленности населения и так далее.

Технологии социокультурного проектирования ориентированы на формирование четко выверенной позиции, в том числе гражданской, неравнодушного отношения к теме проекта. Это утверждение будет справедливо и по отношению к коммуникационным проектам. Так, например, С. Н. Михневич акцентирует внимание на том, что «социокультурное проектирование как специфическая технология, представляет собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта, разработке путей и средств достижения поставленных целей» [2, С. 25]. Успешность реализации коммуникационных проектов в XXI веке зависит от четкости всех указанных составляющих; необходимо гармоничное сочетание традиционных идей, исторически сформировавшихся норм и правил организации событий, современных информационных технологий, эстетики и привычных форм коммуникаций целевых аудиторий.

При организации коммуникационных социокультурных проектов учитывается, что качестве объекта социокультурного проектирования может выступать одна из двух подсистем: социум и культура. Под понятием «социум» понимается большая устойчивая общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей в каких-то существенных отношениях и вследствие этого общностью культуры. Понятие «культура» в данном случае понимается как система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях, которые передаются последующим поколениям. Стоит отметить, что приоритетные области проектирования – это наиболее значимые в социальном и личностном плане сферы социально-культурной жизни, характеризующиеся максимальной концентрацией проблем и обладающие возможностями и ресурсами оптимизации человеческой жизнедеятельности [3]. Сложность реализации подобных проектов заключается в их комплексности: трудностях менеджмента и привлечения ресурсов как финансовых, так и кадровых, необходимости объединения усилий специалистов из самых разных областей.

Для выявления наиболее значимых направлений социального проектирования фиксируются социальные, социально-демографические и социокультурные проблемы общества. Сам метод социокультурного проектирования предполагает ряд последовательных действий. Этапы являются типичными для всех проектов, при этом сами проекты должны быть уникальными.

Так, изначально анализируется ситуация, определяются проблемы, их источники и характер. Затем ведется поиск и разработка вариантов решений проблемы с учетом имеющихся ресурсов и оценка возможных последствий

реализации каждого из вариантов. Следующим этапом идет выбор наиболее оптимального решения, которое позволяет выработать четкие и понятные рекомендации, разрабатываются планы внедрения проекта, этапы его реализации. В завершении формулируются параметры, по которым будет оценена результативность проекта.

Успешность проекта будет зависеть, прежде всего, от его чёткого структурирования и грамотного содержательного наполнения. Важное составляющее звено творческого проекта – это команда единомышленников, с высоким творческим потенциалом. Под творческим потенциалом подразумевается креативность, достаточная профессиональная компетентность, высокий уровень образования и мотивации.

Вероятными источниками финансирования социально-культурных проектов могут выступить государственные организации, международные корпорации, индивидуальные предприниматели, спонсоры, коммерческие компании и т.д. Именно на эти целевые группы необходимо сориентировать коммуникационные программы. В тоже время, специалисту по PR необходимо сформировать имидж социокультурного проекта, в дальнейшем – бренд проекта, что достигается посредством решения целого ряда задач.

Кампании по коммуникациям в некоммерческих проектах могут преследовать различные цели, но чаще всего эти задачи сопрягаются с задачами проекта, с формированием лояльности населения. Кроме этого, коммуникации в социокультурном проекте решают три основные задачи: когнитивную – понимание сути проекта; формирование эмоционального восприятия проекта; налаживание сотрудничества между участниками проекта.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить: социально-культурные проекты способствуют формированию благоприятной атмосферы в обществе, открывают новые возможности для межрегионального и международного сотрудничества. Развитие народных промыслов в современной России – это не только сохранение богатой нематериальной культуры страны и населяющих её народов, но и действенный инструмент формирования новых экономично важных рынков развития регионов.

Молодому поколению должны быть переданы знания о неповторимости каждого вида творчества, его исторической роли в развитии страны; уникальный подход к каждому виду искусства; ценность опыта и непрерывность традиций. Все это основывается на использовании современных коммуникационных технологий, инструментов интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Источники:

1. Горюшкина С. Н. Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики / С. Н. Горюшкина – Москва, 2011. – 205 с.

2. Проектирование как вид деятельности и составляющая социально культурных технологий [Электронный ресурс] – Электрон. Дан. – Москва, 2015. – Режим доступа: <http://lektsii.com/2-34453.html/> (дата обращения: 03.01.2021).

3. Приказ об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015-2019 гг. и на период до 2019 года. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71091740/> (дата обращения: 04.01.2012).

4. Снайдер Г. В поиске идей. Иллюстрированное исследование креативности. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 144 с.

5. Франкель Н., Румянцев Д. Event-маркетинг. Все об организации и продвижении событий. Юпитер, СПб, 2018. – 320 с.

К. Е. Vinogradova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

A. A. Kaschuyk (St. Petersburg State University of Economics «UNECON»

COMMUNICATION POTENTIAL OF SOCIO-CULTURAL PROJECTS

The article is called to discuss communication potential of socio-cultural projects as one of the trends contributing to cultural development and formation of favorable climate in the society.

Social project, culture, society, creative approach, communication.

УДК 81'42

А. А. Горячев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aga@list.ru)

НАТИВНАЯ РЕКЛАМА В СРАВНЕНИИ С ТРАДИЦИОННОЙ И СКРЫТОЙ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются ключевые коммуникативные характеристики нативной рекламы, описываются её качественные отличия от традиционной и скрытой рекламы. Делается вывод о необходимости детального сравнения коммуникативно-психологических особенностей воздействия нативной и скрытой рекламы на адресата.

Нативная реклама, скрытая реклама, брендинг, цифровой маркетинг, продвижение, новые медиа, социальные сети

Согласно отчёту АКАР [1], все сегменты рекламного рынка в России в течение первых трёх кварталов 2020 года имели отрицательную динамику, и лишь интернет-реклама в период, большая часть которого пришлась на «коронавирусные ограничения», сохранила прежний уровень востребованности.

Очевидно, что тенденция перераспределения бюджетов в пользу сетевой рекламы, проявляющаяся не первый год, сохранится и далее. Логично ожидать, что вместе с этим конкуренция за внимание аудитории в «цифровом» сегменте рекламного рынка также продолжит расти, усилится и эффект «баннерной слепоты», заключающийся в формировании у интернет-пользователей привычки игнорировать любые объекты, хотя бы отдалённо похожие на рекламу.

В случае с традиционным рекламным дискурсом, который большинство исследователей характеризует как манипулятивный [2], воздействие на адресата предполагает использование хорошо описанного в литературе [3] набора приёмов, направленных на привлечение непроизвольного внимания адресата, преодоление «критического барьера», фокусировку на объекте рекламирования. Несмотря на технологические отличия, психологическая сторона воздействия баннерной рекламы или, например, рекламы, демонстрируемой перед роликами на видеохостингах, остаётся вполне традиционной.

Однако одновременно с этим в цифровой среде набирают популярность рекламные форматы, воздействие которых имеет принципиально иную природу. На наш взгляд, ярчайшей тенденцией последнего десятилетия можно считать расцвет нативной рекламы – и одним из самых неисследованных её аспектов можно считать этическую сторону.

Как в научной, так и в практической литературе наблюдается некоторая путаница: у исследователей пока нет единого мнения относительно того, какие именно способы продвижения считать нативными, а какие нет; кроме того, ряд

учёных и практиков считает нативной в том числе скрытую рекламу. На наш взгляд, такой подход не учитывает существенной разницы в механизмах воздействия, в связи с чем представляется целесообразным выявить и детально описать различия между нативной и скрытой рекламой.

Как мы уже писали, отсутствие теоретической базы не мешает тем, кто занимается производством нативной рекламы или регулирует её размещение, давать собственные определения данному феномену – и эти дефиниции во многом точнее, чем иные расплывчатые формулировки, которые можно найти в научных работах [4].

Так, сотрудники онлайн-издания «Медуза» в памятке для рекламодателей определяют нативную рекламу как «использование редакционных форматов в рекламных целях», и наоборот – превращение рекламных форматов в редакционные [5]. Согласно такому определению, нативными («естественными») считаются рекламные материалы, которые не только «расположены в тех местах, где пользователь обычно ищет интересующую его информацию, просматривает статьи, новости и т. д.» [6, С.243], но также тематически и жанрово приближены к нерекламному контенту того медиа, в котором размещаются.

Может ли при этом сам факт рекламирования быть незаметным, что характерно для скрытой рекламы? У той же «Медузы» спонсорский характер материала не всегда обозначается самым явным образом, но никогда не камуфлируется: в начале «нативного» текста всегда присутствует маркировка «*Партнёрский материал*», «*Спонсируемый материал*», «*Текст подготовлен совместно с ...*», «*Спецпроект*» или просто «*Реклама*». Таким образом, в текст вводится рекламодатель, что скрытой рекламе совершенно не свойственно.

Заметим, что подводка к материалу часто содержит ряд вопросов или тезисов, детализирующих предмет речи, а затем указывает на некое совместное действие редакции и рекламодателя, направленное на удовлетворение потребностей адресата в информации, развлечении и т. д. Например: «*“Медуза” вместе с онлайн-сервисом для изучения английского Puzzle English собрали несколько простых советов, которые помогут лучше понимать иностранную речь на слух*» или «*“Медуза” вместе с ювелирным супермаркетом Brilliant24.ru составила краткий гид по бриллиантам для начинающих*». Разумеется, подобными формулировками фокус внимания переносится с интересов рекламодателя на интересы адресата – и здесь можно увидеть манипулятивный приём переакцентуации, присущий традиционной рекламе [7], однако в нативных материалах обозначается не сколько выгода от приобретения объекта рекламирования, сколько психологическое преимущество, которое должно возникнуть в результате потребления контента. Важнейшее отличие в том, что первое отдалено во времени и возможно лишь после покупки, второе же – даётся рекламополучателю прямо здесь и сейчас.

Как следствие – у адресата нет изначально негативной установки (предубеждения) в отношении такой рекламы. Читатель видит, где редакционный материал, а где нативный, но это его не отпугивает, эффект «баннерной

слепоты» не работает, ведь в первое мгновение адресат не может идентифицировать публикацию как рекламную (с точки зрения оформления нативный материал не отличается от редакционных), а затем ему предлагается сделка: внимание в обмен на конкретную выгоду от прочтения. Рекламополучатель благодарен рекламодателю за возможность бесплатно потреблять качественный контент, в обмен на что он с готовностью соглашается воспринять и рекламную информацию [8, С. 56].

В случае со скрытой рекламой также используются журналистские форматы, но модель воздействия иная: факт продвижения камуфлируется, рекламный характер публикации никак не обозначается, объект рекламирования не выделяется среди других аналогичных объектов, упоминаемых в тексте (как правило, они вводятся для создания иллюзии объективности, но фигурируют в менее привлекательном контексте). Таким образом, различие в этической плоскости является существенным.

Впрочем, многое зависит от площадки, на которой размещается материал. Если у сетевых медиа, размещающих нативные материалы, есть возможность внедрить корпоративный стандарт для данного типа контента (и даже, как это сделала «Медуза», сформировать специальное подразделение из сотрудников, занимающихся только такими материалами), то социальные сети могут лишь отделить нативную рекламу от традиционной и обозначить различия в условиях размещения. Так, крупнейшая русскоязычная социальная сеть «ВКонтакте» в Условиях использования сайта делит все рекламные материалы на «стороннюю рекламу» и «нативные интеграции». Сторонней рекламой считается вся реклама, кроме нативных интеграций, а нативная интеграция понимается как «такая органическая имплементация объекта продвижения третьего лица (товара/услуги/работы, средства индивидуализации юридического лица и (или) товара/услуги/работы, изготовителя или продавца товара/услуги/работы, результатов интеллектуальной деятельности либо мероприятия третьего лица (в том числе спортивного соревнования, концерта, конкурса, фестиваля)) без очевидного акцента на него в информационный материал Сообщества, при которой информационный материал Сообщества соответствует общей тематике и стилю Сообщества и обладает самостоятельной смысловой ценностью» [9].

Там же отмечается, что «информационный материал Сообщества с нативной интеграцией должен в полной мере соответствовать тематике Сообщества, обладать самостоятельной смысловой ценностью, гармонично вписываясь в стиль Сообщества» [9]. Количество «сторонней рекламы» в сообществах социальная сеть жёстко регламентирует, при этом ограничений количества нативных интеграций не предусмотрено. Нет и требований, связанных с маркировкой нативных публикаций.

В связи с этим идентификация нативной либо скрытой рекламы, а также отделение этих двух разнородных явлений друг от друга оказываются затруднены, что порождает этическую проблему: ведь, как уже было сказано выше,

скрытый характер воздействия считается важнейшим признаком манипуляции. Более того, в попытках ограничить возможность злоупотребления скрытой рекламой правительства разных стран обращают внимание на этот аспект: так, Федеральная торговая комиссия США (ФТС), принимая меры против так называемого «обманного рекламного контента», не позволяет рекламодателям использовать вводящие в заблуждение заголовки (“door openers”) для маскировки рекламного характера материалов [10].

Вероятно, по мере появления подобных нормативов в других странах мира, нативная реклама окажется в более выигрышном положении по сравнению со скрытой, так как залогом успеха последней является именно незаметный – то есть манипулятивный – характер воздействия. В случае же с нативным контентом (если понимать его в узком смысле, как партнёрские материалы) психологическая сторона коммуникации существенно отличается: здесь имеет место не манипуляция, а скорее кооперация, что, безусловно, с этической точки зрения представляется предпочтительным.

Сказанное выше, как нам кажется, позволяет сделать вывод о необходимости дифференциации понятий «нативная реклама» и «скрытая реклама» на основе детального сравнения коммуникативно-психологических особенностей воздействия нативной и скрытой рекламы на адресата.

Источники:

1. Объем рекламы в средствах ее распространения в январе-сентябре 2020 года. URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id9399 (дата обращения: 21.02.2021).
2. Горячев А. А. К вопросу о манипулятивности рекламной коммуникации // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ»: Научный журнал. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. №3/2012. С. 95–101.
3. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб, Питер, 2008.
4. Goryachev A. A. Retaining customer’s attention and creating brand loyalty through native advertising. In: *Politique de la marque comme technologie de communication du XXI-ème siècle. Recueil des articles de la V-ème conférence internationale*. Paris: L’Harmattan; Saint Pétersbourg, Ed. Université d’Etat Economique de Saint Pétersbourg, 2019. Pp. 53–57.
5. Коллективный блог авторов интернет-издания «Медуза». 2015. URL: <https://medium.com/meduza-how-it-works/нативная-реклама-почему-это-круто-и-почему-ее-никто-не-умеет-делать-4ae7e060f549#.dtud6jky0> (дата обращения: 21.02.2021).
6. Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 242–245. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24295257> (дата обращения: 21.02.2021).
7. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. 2002. №24. С. 276–288.

8. Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции 18–21 марта 2019 года / под ред. А. Д. Кривоносова. – Paris: L’Harmattan; СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019.

9. Правила пользования Сайтом ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 21.02.2021).

10. Native Advertising: A Guide for Businesses. 2015. URL: <https://www.ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/native-advertising-guide-businesses> (дата обращения: 21.02.2021).

A. A. Goryachev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

NATIVE ADVERTISING IN COMPARISON WITH TRADITIONAL AND HIDDEN ADVERTISING: AN ETHICAL ASPECT

The key communicative characteristics of native advertising are considered, and its qualitative differences from traditional and hidden advertising are described. It is concluded that there is a need for a detailed comparison of the communicative and psychological features of the impact of native and hidden advertising on the addressee.

Native advertising, hidden advertising, advertising, branding, digital marketing, promotion, new media, social media.

УДК 316.77

Е. Е. Корнилова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «СПбГЭУ», e-mail: qq50@mail.ru)

РОЛЬ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Представлен анализ процессов популяризации национальных культурных ценностей посредством digital-технологий на современном этапе их развития, выявлена роль коммуникационных технологий в распространении массовой культуры, поставлены приоритетные задачи по поиску актуальных решений и внедрению новых ресурсных баз.

Коммуникационные технологии, интернет-ресурсы, культурные ценности, глобальные медиа, массовые коммуникации.

Коммуникационная трансформация общества обусловлена стремительным развитием новейших технологий. Развитие цифровых платформ в интернете, возросшая роль мировых IT-гигантов в экономике и геополитике, самоизоляция и ограничения, связанные с пандемией коронавируса, полностью изменили культуру медиапотребления, оказали влияние на всю публичную сферу.

Коммуникационные технологии в XXI вв. стали играть значительную роль в процессе популяризации национальных культурных ценностей в межнациональном пространстве, активно влиять на формирование информационных потоков. В начале нового тысячелетия коммуникационные процессы все более проявляют общемировой, глобальный характер. Кроме того, «объективными условиями этого процесса являются интеграция западной и восточной цивилизаций, становление государств более открытого типа, создание политических и экономических союзов, новейших информационных технологий, позволяющих мгновенно доставлять информацию в любую часть земного шара» [1, С. 256].

Современный человек, постоянно находящийся в информационном поле вне зависимости от своего желания и потребностей, взаимодействует с различными источниками информации. По данным компании Mediascope, в 2020 году «интернетом пользовались 78,1% (95,6 млн чел.) населения России старше 12 лет хотя бы раз в месяц. При этом проникновение интернета среди самых молодых россиян – 12–24 года – приблизилось к 100%. Среди россиян до 44 лет проникновение превысило 90%, а в группе населения 45–54 года интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 84,2% жителей и 49,7% – старше 55 лет» [2]. Наибольшую популярность сегодня приобретают социальные

сети, их аудитория за последний год выросла на 13 %, ими пользуются 4,2 млрд человек в мире.

Интернет-ресурсы, доступные широкой аудитории, выполняют огромное количество функций: удовлетворяют потребность в информации, освещают события, обучают, просвещают, развлекают, транслируют ценности массовой культуры, способствуют осуществлению личных коммуникаций. Настоящий феномен представляет собой новую культурную норму или ценность, активно принимаемую широкой аудиторией и несущую определенные культурные коды. Очевидно, что эта норма не выдерживает конкуренцию с более высокой культурой современного общества, но, несомненно, является частью как национальной культуры, так и социума.

Ценности, транслируемые глобальными СМИ, соцсетями, социальными медиа, другими источниками и площадками посредством digital-технологий, усваиваются людьми и становятся неотъемлемой частью их жизни, так как имеют непосредственное отношение к жизнедеятельности социума: ресурсы сети ежечасно, ежедневно доносят до аудитории огромное количество разного рода информации. Они, охватывая все сферы жизни общества, без границ, без учета национальной специфики, несут поток единых символов. Так, коммуникационные технологии позволяют в глобальном масштабе формировать общую точку зрения на события, происходящие в стране и мире, IT-монополисты, курирующие поисковики, агрегаторы новостей и соцсети, ловко манипулируют контентом.

В сложившейся ситуации важно понимать, что вышеописанные ресурсы, решая определенные задачи в системе общества, в его бытовой, социальной, экономической, культурной жизни, имеют и собственные задачи, которые часто расходятся с потребностями аудитории. Однако их основными функциями остаются информирование, просвещение и развлечение. Глобальные медиа посредством определенных действий внедряют взгляды и ценности, определяемые коммуникатором. Популяризация национальных культурных ценностей является одной из приоритетных задач государственной политики, так как, кроме просветительской, образовательной и воспитательной, имеет идеологическую направленность. Так, патриотизм, например, является одной из базовых национальных ценностей современной России.

Очевидно, что развитие коммуникационных технологий открывает новые пути и, в связи с чем, приобретает особое значение в деле пополнения информационных ресурсов, посвященных Великой Отечественной войне, направленных на образование и просвещение, а в организации патриотического воспитания населения активное участие принимают государственная власть, социальные институты, образовательные учреждения и т.д. Министерства обороны, иностранных дел, культуры, просвещения, науки и высшего образования РФ, вузы, СМИ, издательские дома, информационные агентства, общественные организации разрабатывают и предоставляют широкой аудитории в свободном доступе возможность посещения виртуальных экскурсий,

электронных выставок, знакомства с архивами, документами, фотографиями, просмотра кинохроники, программ, документальных и художественных фильмов,

Благодаря современным digital-технологиям аудитория получила свободный доступ к многочисленным информационным и справочным сервисам, официальным ресурсам музеев с возможностью виртуального посещения. Их качество и разнообразие не вызывает сомнений: в год празднования 75-ой годовщины Великой Победы военно-исторический контент получил особенное значение. Надо отметить, что он является панацеей от искажения истории и значения Второй Мировой войны, роли СССР в освобождении Европы от фашистских захватчиков. Стремление россиян к познанию и осознанию истории, своего прошлого и настоящего способствуют созданию уникальных онлайн-ресурсов патриотического направления.

Несколько масштабных проектов предлагает Музей Победы (Москва) (Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»), «один из ведущих военно-исторических музеев мира, общероссийский научно-исторический и организационно-методический центр по тематике Второй мировой и Великой Отечественной войн» [3]. Проекты адресованы различным категориям посетителей и, соответственно, имеют разные цели. Интерактивная онлайн-программа для школьников – это серия «экскурсий-викторин»: «Обзоры военной техники», «Быт солдат во время войны», «Маленькие герои войны и их подвиги» и др. Видеоролики появляются каждую неделю на сайте и на Ютуб-канале музея и предлагают гостям ответить на вопросы и получить подарки. Обзорная онлайн-экскурсия по музею, начинающаяся из Зала Исторической Правды, охватывает 47 объектов. Приняв в ней участие, интернет-пользователь узнает об основных вехах ВОВ, может посетить залы и увидеть экспозиции музея, которые подробно рассказывают о событиях военного времени. Виртуальный 3D тур по музею благодаря современным коммуникационным технологиям предоставляет возможность визуально «прогуляться» по залам, не выходя из дома.

«Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина представляет масштабный проект – виртуальный тур по музею «Кобона: Дорога жизни». Интерактивная экскурсия, подготовленная совместно с Музейным агентством Ленинградской области, «даёт возможность из любого уголка мира осмотреть музейные залы, где хранятся фотографии, карты, схемы, чертежи, дневники, подлинные предметы военного времени, большинство из которых сопровождается исчерпывающей и тщательно отобранной сотрудниками музея информация об экспонате, его истории, контексте и т.д.» [4].

Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» в рамках проекта «Виртуальный музей» предлагает посетителям виртуальные туры по «Мамаев кургану» музею-панораме «Сталинградская битва», Мемориально-историческому музею, выставки «Маршалы

Победы. Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский», «Матч в руинах Сталинграда», «Сталинград глазами художника», «Плакаты периода ВОВ», «Любовь на войне. Письма с фронта», музейные коллекции документов, фотографий, изданий, свидетельств, писем, – всего 1454 экспоната.

Таким образом, коммуникационные технологии в процессе популяризации национальных культурных ценностей играют важнейшую роль, так как расширяют границы института культуры, способствуют распространению национальной идеи. «Сегодня, в эпоху электронной коммуникации создание, тиражирование и восприятие культуры стало доступным для любого пользователя интернета... В последнее время мы являемся свидетелями информационной революции, пришедшей на смену научно-технической, и создания нового информационного общества» [5].

Коммуникационные технологии способны размывать границы реального и виртуального, и этот процесс имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Очевидно одно – современные медиатехнологии формирует новую коммуникативную культуру. Вместе с тем, в рамках этой новой культуры функционируют различные потоки информации, выполняющие функции не только сообщения, но и воздействия, что зачастую дает почву для манипулирования общественным сознанием, формирования мифологической картины мира.

Облик современного мира меняется до неузнаваемости под воздействием стремительно развивающихся информационных технологий. Заботясь о духовном развитии личности, именно глобальные СМИ способны противостоять разрушительному воздействию массовой культуры, суррогатам искусства. Современный уровень развития коммуникационных технологий предоставляет возможность свободно выражать своё мнение каждому человеку, а массовым коммуникациям формировать новую «электронную» культуру, укреплять ценностные ориентиры, проводить компании по духовно-нравственному развитию граждан, обеспечивать целостность идеологических основ государства.

Недобросовестные коммуникаторы угрожают интересам общества в целом, наносят ущерб его целостности, национальной безопасности, культурным ценностям. В основе решения данной проблемы должны лежать высокий культурный уровень, самосознание и самоидентификация граждан. На современном этапе развития социума успешное решение политических, экономических и социальных задач всё больше зависят от уровня культуры общества, его социальной активности, гражданской позиции каждой личности. Масс медиа должны проводить компании по духовно-нравственному развитию граждан. Аудитория нуждается в объективной информации, а не в пропаганде, политической, конфессиональной, национальной, религиозной. Тотальное распространение интернета, телекоммуникационных и информационных технологий дает возможность испытания и внедрения новых ресурсных базы, поиска актуальных решений и применения принципиально иных подходов к процессу популяризации национальных культурных ценностей, тогда новейшие

технологии станут служить основой взаимного обогащения национальных культур, способствовать консолидации общества.

Источники:

1. Корнилов Е. А., Корнилова Е. Е. Массовые коммуникации на рубеже тысячелетий: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
2. Mediascope подсчитал аудиторию Рунета за 2020 год // Медиаскоп. 2021. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-auditoriya-interneta-2020-46850.html> (дата обращения: 01.02.2001).
3. История музея. // Музей Победы URL: <https://victorymuseum.ru/> (дата обращения: 10.02.2021).
4. К 75-летию Великой Победы. Виртуальный тур по музею «Кобона: дорога жизни» // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина URL: <https://www.prlib.ru/news/1293794> (дата обращения: 06.02.2021).
5. Селиванова Д. И. Современная массовая культура и ее влияние на человека // Вопросы науки и образования. № 1 (85). 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-massovaya-kultura-i-eyo-vliyanie-na-cheloveka/viewer> (дата обращения: 07.02.2021).

E. E. Kornilova (Saint Petersburg State University of Economics «SPbGEU»)

THE ROLE OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF POPULARIZATION OF NATIONAL CULTURAL VALUES

The analysis of the processes of popularization of national cultural values through digital technologies at the present stage of their development is presented, the role of communication technologies in the dissemination of mass culture is revealed, priority tasks are set to find relevant solutions and introduce new resource bases.

Communication technologies, Internet resources, cultural values, global media, mass communications.

УДК 659; 005.8; 316.776.3

А. Г. Трубникова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: 9954370@mail.ru);

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru)

СВЯЗИ С ИНВЕСТОРАМИ (IR) В ПРОДВИЖЕНИИ ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье авторы анализируют специфику связей с инвесторами в продвижении проектов в области информационных технологий. Для привлечения внешнего финансирования в ИТ-проекты необходимо выстраивать с инвесторами систему эффективных коммуникаций, формировать у них образ успешной проектной команды и перспективности разработок.

Эмпирическую базу исследования составили результаты проведения интервью успешных менеджеров ИТ-проектов, анализа официальных сайтов инвесторов, исследования вакансий IR-менеджеров, а также личный опыт консультанта стартап-проектов.

Связи с инвесторами, информационные технологии, ИТ-проекты

Связи с инвесторами (Investor Relations) – технология коммуникационного менеджмента, «которая нацелена на построение коммуникации между организацией и инвестиционным сообществом, имеющимися и потенциальными, институциональными и неинституциональными (частными) инвесторами для повышения финансовой эффективности, рыночной стоимости компании» [1, 97], установление и развитие двусторонних связей команды проекта с инвесторами.

Под проектами в области информационных технологий (Information technology, ИТ-проекты) в данной статье мы будем подразумевать те, в результате реализации которых на рынок выводится новый ИТ-продукт или технология, в том числе и стартапы.

Для разработки эффективной структуры управления и определения объемов работ в области IR необходимо определить, какие цели ставят перед собой организаторы ИТ-проекта. И если стратегической целью является привлечение инвестиций в проект для его развития, то в качестве **коммуникационных целей** могут быть следующие:

- Информирование потенциальных инвесторов о проекте, его эффективности.
- Позиционирование инициаторов проекта, как профессиональной команды, эффективных менеджеров.
- Повышение лояльности к проекту групп общественности, влияющих на мнение инвестора.

1. Анализ потенциальных инвесторов проекта – определение целевой аудитории

Организаторы ИТ-проекта должны хорошо понимать, не только какого инвестора они хотят привлечь, но и чего хочет от проекта сам инвестор. Инвесторов можно разделить на две основные группы по их основным подходам: стратегический или институциональный инвестор. Стратегический инвестор (strategic investor) — прямой инвестор, ставящий своей целью обеспечение управления компанией/проектом в соответствии с собственной концепцией ее стратегического развития [2]. Институциональный инвестор (institutional investor) – размещает средства в компанию с целью извлечения прибыли.

Инвесторами ИТ проектов могут быть юридические или физические лица, даже государство.

В зависимости от типа инвесторов выбираются различные каналы коммуникации с ними и коммуникационные стратегии.

На первом этапе разработки коммуникационных стратегий с инвесторами необходимо провести анализ и выбрать потенциальных инвесторов, которые могут инвестировать средства в конкретный ИТ проект. Этот отбор инвесторов проводится по нескольким факторам: приоритетные направления инвестиций, географические и законодательные ограничения [4].

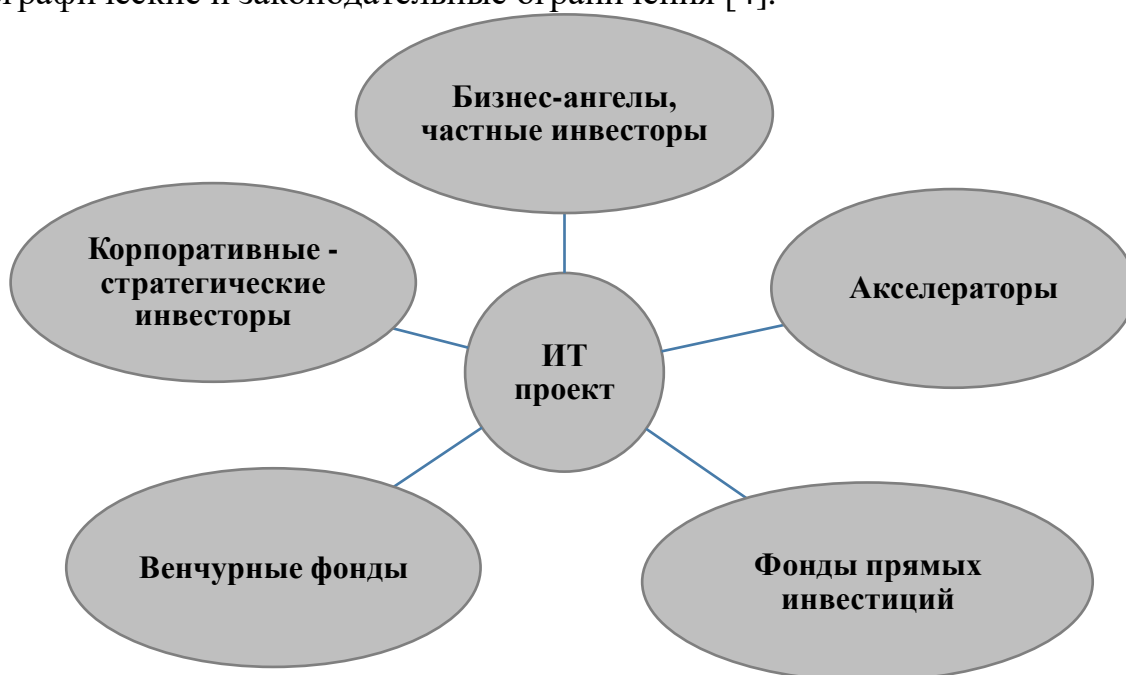

Рис. 1. Типы инвесторов ИТ проектов

Бизнес-ангелы, частные инвесторы – это частные неинституциональные инвесторы, которые финансируют стартапы в обмен на долю в компании. Это физические лица или группы лиц, самостоятельно оценивающие и выбирающие проекты. Обычно они инвестируют в перспективные проекты на их начальной

стадии, чтобы при успешном развитии проекта выгодно продать свою долю крупным венчурным фондам или прямым инвесторам.

В роли бизнес-ангелов часто выступают профессиональные менеджеры, которые имеют опыт и связи в интересующих их проектах. Они выступают в качестве менторов, помогая организаторам проекта оценивать риски, эффективно организовывать процессы, формировать стратегии. В Санкт-Петербурге основной площадкой для общения организаторов стартапов и бизнес-ангелов является Союз организаций бизнес ангелов [5].

Акселераторы – часто специализируются на определённых отраслях. Акселераторы организованы и финансируются крупными корпорациями, государственными институтами развития или венчурными фондами. Отбирают проекты, обучают менеджеров проекта, оказывают менторскую поддержку и инвестируют. Стартап-акселераторы обычно предоставляют инвестиции в обмен на долю в компании. Например, ПАО «Сбербанк» запустил общероссийский акселератор для студентов, аспирантов, научных сотрудников институтов и университетов [6]. Цель – помочь реализовать работающий продукт стартапа и монетизировать его.

Венчурные фонды – управляют средствами, привлечёнными от различных институциональных инвесторов: корпораций, пенсионных фондов, инвестиционных банков, а также частных лиц. Предпочитают избегать рисков, характерных для ранних стадий, и инвестируют на втором или третьем этапе развития проекта. Венчурные фонды, как правило, ориентируются на быстрорастущие компании с перспективой скорого выхода из проекта. У венчурных фондов есть приоритетные направления вложений средств.

Фонды прямых инвестиций (Private Equity) – компании по управлению инвестициями. Привлекают средства от институциональных инвесторов, таких как пенсионные фонды, корпорации, инвестиционные банки, страховые компании и т. д. В отличие от венчурных фондов, снижают риски инвестиций, инвестируют в компании на более поздних стадиях. В компании, у которых уже налажен процесс производства, есть стабильный доход, но они хотят масштабировать свой бизнес, и ищут дополнительное финансирование. Их цель — повысить доходность собственных инвестиций за счёт роста компаний из своего портфеля проектов. Обычно они приобретают мажоритарную/контрольную долю в компании – операторе проекта.

Корпоративные/стратегические инвесторы – крупные корпорации, инвестирующие внешние стартапы в обмен на долю участия в компании. Основная стратегическая цель прямых инвесторов состоит в том, чтобы получить доступ к новым технологиям, дополнительным ресурсам, новым рынкам, а не просто получить инвестиционный доход, как это делают венчурные инвесторы. Корпоративные инвесторы могут войти в проект на разных этапах его развития. Прямые инвесторы могут предоставить проекту не только инвестиции, но другую поддержку, включающую аналитику отрасли, управленческие компетенции.

2. Коммуникационные стратегии на разных этапах развития проекта

Организаторы проекта должны понимать, каких инвесторов они могут привлекать на разных этапах развития проекта:

1 Этап. Pre-Seed Stage (предпосевная стадия) – самые ранние стадии развития проекта, когда уже исчерпаны такие возможности привлечения средств, как краудфандинг и помощь близких (Friends & Family), обращаться нужно к бизнес-ангелам, акселераторам или частным инвесторам. На этом этапе у проекта должен быть разработан и апробирован ИТ продукт, разработаны технологии его производства, должна быть команда проекта. Для стартапа подтвержденный маркетинговыми данными рынок сбыта.

2 Этап. Seed Stage (посевная стадия) – на этой стадии у проекта уже есть не только команда и продукт, но и каналы продаж, обеспечивающие монетизацию проекта. Инициаторы проекта заинтересованы в его масштабировании, ускоренном росте. Инвестиционные средства нужны для увеличения объемов производства, стимулирования продаж. В ИТ проектах в большей степени инвестиционные средства направляются на увеличение команды, разработки и маркетинг.

3 Этап. Grow and Expansion Stages (стадии роста и экспансии) – есть диверсифицированная команда, структура управления с разделением функций (разработчики, топ-менеджеры, менеджеры по продажам, продвижению). Стабильный растущий спрос на продукт. Цели на этой стадии — опередить возможных конкурентов по захвату рынков, в том числе и международных, масштабироваться. Если компания не хочет делиться бизнесом с прямыми инвесторами, можно привлекать венчурные фонды. Также можно выйти на биржу и привлечь инвестиции через IPO.

Коммуникационные стратегии:

Основная коммуникационная проблема в том, что разработчики ИТ-проектов и инвесторы говорят на разных профессиональных языках и имеют разные интересы. Необходимо готовить руководителей проектов к общению с инвесторами. Презентовать проект понятным для инвестора языком, предоставлять ту информацию, которая влияет на принятия решения инвесторами [7]. Кроме того, компания должна соблюдать и свои интересы – защищать свои разработки от конкурентов, не раскрывать коммерческой тайны, регистрировать ноу-хау (know how). Поэтому при поиске инвесторов не все компании хотят использовать публичные каналы коммуникаций.

На начальной стадии развития ИТ проекта при ограниченных финансовых и кадровых ресурсах, часто функции IR берет на себя руководитель проекта (project manager) или член команды, отвечающий за финансовую часть [8]. При развитии и монетизации проекта, компании уже могут привлекать менеджеров по коммуникациям с инвесторами. В крупных компаниях существуют профильные IR структуры, в которых функционал может быть разделен между несколькими сотрудниками.

На pre-seed этапе, для привлечения частных инвесторов, бизнес-ангелов используются короткая презентация «Pitch deck» (pitch, англ. яз. – подача), выступление, целью которого является продажа идеи проекта инвестору [9]. Презентации проекта могут проходить как при частной встрече, так и на различных мероприятиях: выставках, конференциях, коллективных презентациях, конкурсах и т. д. Структуры презентации проектов меняются в зависимости от требований инвесторов к информации о проекте, от этапов отношений с инвесторами. На первом этапе важно убедить инвестора в коммерческой эффективности проекта, в том, что команда проекта может успешно его реализовать. При этом инициаторы проекта не обязаны полностью раскрывать все свои технологии, пока юридически не оформят отношения с инвестором.

На предпосевной стадии у большинства инициаторов проектов IR функции ограничены, т.к. недостаточно кадровых и финансовых ресурсов. Для сбора аналитической информации по используемым каналам коммуникации с инвесторами на ранних стадиях реализации проекта проводились опросы руководителей IT стартапов в 2019-2020 годах.

Рис.2. IR функции на предпосевной стадии развития проекта

На этапах Grow and Expansion возникает потребность системной работы по продвижению проекта: подготовке и распространению информации о проекте, успехах в его реализации. У большинства компаний уже есть инвесторы, которые хотят получать информацию и отчеты о ходе реализации проекта. На этом этапе готовые к публичности компании используют различные каналы коммуникаций, в том числе и СМИ.

Общие IR-функции менеджеров действующих компаний были выявлены на основании анализа вакансий, размещенных на ведущем электронном ресурсе по поиску работы и сотрудников HeadHunter, (2019-2020 годы, 69 вакансий в

России IR-менеджеров). По ограниченному количеству размещенных узкоспециализированных IR-вакансий можно сделать вывод, что зачастую инвесторов объединяют с другими группами общественности, с которыми работают PR-менеджеры.

Рис.3. IR функции на посевной стадии, стадии роста и экспансии проекта

Ключевые навыки, предъявляемые к IR-менеджерам, соответствуют их профессиональным обязанностям. Это навыки по деловому общению и переписке, публичным выступлениям, подготовке презентаций и организации мероприятий. Также они должны знать систему управления проектами и уметь работать с большими массивами данных. Знание английского языка также является обязательным требованием у многих компаний.

Проведенный анализ показывает, что эффективный менеджер по связям с инвесторами ИТ-проектов должен хорошо разбираться не только в специфике самого проекта, но и понимать систему финансирования проектов инвесторами, для того чтобы выбрать наиболее эффективные каналы коммуникаций с ними и разрабатывать коммуникационные стратегии, которые должны способствовать достижению основной цели – привлечению финансирования для развития ИТ-проекта. IR-менеджер должен обладать знаниями в области финансов, коммуникаций, маркетинга, юриспруденции, а также хорошо разбираться в специфике своего ИТ-проекта.

Источники:

1. Шилина М. Г. Investor Relations, связи с инвесторами в структуре российских PR: теоретические рамки исследования // Российская школа связей с общественностью. – 2017. – № 9. С. 96-103.

2. Стратегический инвестор // Финансовый анализ. Всё о финансовом анализе URL: <https://1-fin.ru/?id=281&t=602> (дата обращения: 12.01.21).
3. Институциональный инвестор // Финансовый анализ. Всё о финансовом анализе URL: <https://1-fin.ru/?id=281&t=455> (дата обращения: 12.01.21).
4. Эбралидзе Л. Что надо знать о типах инвесторов и как найти «своего» // Rusbase. 19.08.2020, URL: <https://rb.ru/opinion/types-of-investors/> (дата обращения: 12.01.21).
5. СОБА // URL: <https://soba.spb.ru/> (дата обращения: 12.01.21).
6. Сбер запустил первый акселератор для студентов // SBER PRESS. – 25.01.2021, URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-zapustil-obshcherossiiskii-studencheskii-akselerator-sberstudent-s-programmoi-ot-stanford-online> (дата обращения: 27.01.21).
7. Петрова Е. Как стартапу привлечь внимание корпоративного акселератора // РБК, URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5fdcea29a79472ab6baca69> (дата обращения: 27.01.21).
8. Ситников Д. Как IT-стартапу и инвестору найти друг друга: о чем нужно знать основателям проектов // Rusbase. – 18.02.2019, URL: <https://rb.ru/opinion/it-startapu-i-investor/> (дата обращения: 27.01.21).
9. Бигаи К. Правила хорошего питча: как надо и не надо разговаривать с потенциальным инвестором // Медиа Нетологии, URL: <https://netology.ru/blog/good-pitch> (дата обращения: 27.01.21).

A. G. Trubnikova (Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»); L. V. Sharakhina (Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

INVESTOR RELATIONS (IR) IN THE PROMOTION OF INFORMATION TECHNOLOGY PROJECTS

The analysis of the specifics of relations with investors in the promotion of projects in the field of information technology in the article. In order to attract external funding for IT projects, it is necessary to build an effective communication system with investors, to form an image of a successful project team and the prospects of development. The empirical basis of the research was interviews with successful IT project managers, analysis of official investor websites, research of IR managers vacancies, and personal experience of a startup project consultant.

Investor relations, information technology, IT projects

УДК 177

Г. Л. Тульчинский (*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: gtul@mail.ru*)

ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЗАПРОС НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

(Исследование проведено в рамках исследования
«Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках»
при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00442 в БФУ им. И.Канта.)

Для осмысления современных публичных коммуникаций важен ряд принципиальных обстоятельств. (1) общецивилизационный фон тревожности, страха перед будущим и даже настоящим. (2) колоссальный объем и скорость изменения информации, поступающей реципиентам. (3) широкая доступность публичной коммуникации, которая обеспечила смещение акцента с трансляции социальной нормативности на презентацию эмоциональной оценочности. Эти условия вызывают запрос на личностную ответственность не только за сказанное или также показанное, но и за само «взятие слова».

Безопасность, доверие, коммуникация, медиа, недоверие, ответственность, парресия, хорроризация

Цифровые технологии, основанные на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости, радикально изменили весь современный жизненный уклад. И так же, как ранее форматами интеграции социальной жизни выступали коммуникативные практики с использованием исторически сложившихся технологий медиа, так теперь таким форматом предстает цифровая медиализация, интенсивное развитие и применение которой существенным образом изменило публичную социальную коммуникацию.

Цифровые технологии коммуникации резко увеличили объемы и скорость передачи и обработки информации, которые все менее доступны человеческому мозгу. А такие форматы, как Twitter, Snapchat, просто не оставляют времени на рефлекссию. Нарративы вытесняются перформативами. Это новая семиотика (если не онтология!), когда предъявляемые означающие без означаемых предстают самой реальностью. Возникает и новая антропология: понимание предполагает не рассуждение, а быструю правильную реакцию активации опций, реализующих алгоритмы. Человек сам становится опцией с ограниченным функционалом «лайкать, банить, покупать». Это ситуация «новой животности» [1], открывающей дополнительные возможности для манипуляции.

Если ранее социальная коммуникация преимущественно была связана с выделением и трансляцией социальных значений, транслирующих ценностную культуральную нормативность, то в нынешней ситуации широкой доступности медиа речь идет все больше о презентации и трансляции непосредственно личностных переживаний. Instagram, отчасти Facebook, YouTube являются поток презентаций личностных эмоционально-оценочных смыслов «от первого лица».

Это столпотворение самопрезентаций и мнений иногда трактуется как ситуация пост-правды, фейковой информации. Между тем, как представляется, речь идет о изначальной особенности коммуникации, которая, благодаря современным технологиям, вышла на первый план. Речь идет о широчайших возможностях позиционирования самосознания (идентичности) «от первого лица», погружения его в контекст публичной социальной коммуникации, где оно уже в формате «от третьего лица» (как идентификация) получает обратную связь в виде позитивных и негативных оценок.

В этом плане любой контент социальной коммуникации в каком-то смысле фейкоподобен, а современные коммуникативные практики способствуют не столько консолидации социума, сколько его дивергенции и ширящемуся на этой основе недоверия.

Между тем, именно доверие, с самого начала истории *homo sapiens* было платформой, расширение которой способствовало выживанию и экспансии этого вида. Вехами развития такого преимущества были речь, письменность, другие знаковые системы и коммуникации, способствовавшие созданию смысловых картин мира, объединяющих большие массы людей: религии, идеологии, экономики. Однако современные сетевые технологии коммуникации порождают обилие неоднозначной, вызывающей сомнение в добросовестности информации. Впервые в истории мы сталкиваемся с технологически обеспечиваемым разветвленным недоверием, иногда перерастающем в агрессию, выходящую офлайн.

К этому добавляется непродуманная гипертрофированная пропаганда прав человека без учета роли и значения ответственности, что дополнительно стимулирует рессентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию. Права человека – великое достижение современной цивилизации – предполагают баланс взаимной ответственности, нарушения которого деструктивны, оборачиваясь «институциональным склерозом» [2]. Возникает противоречие между институтом прав человека, прав личности на свободу слова и мнения – с одной стороны, и необходимостью противодействия разрастанию фейков, практикам травли и буллинга, защитой тайны личной жизни, репутации, здоровья, собственности, а то и жизни.

А этому обществу и каждому его члену есть что терять. В таких комфортабельных условиях человечество еще никогда не жило. Цифровизация, Big Data, и строящийся на них маркетинг *nudge* позволяют реализовать и стимулировать любые потребности. Поэтому это общество боится будущего. А поскольку

любые достижения современной цивилизации могут быть использованы для ее же разрушения, то это общество боится и своего настоящего. Тревожность (аларм) – состояние современной цивилизации. Если на первых стадиях социогенеза страх носит «естественный» характер перед неопределенностью и природными стихиями, то в постиндустриальном обществе массового потребления возникает хоррор «второго порядка». [3, С.74–80]

Все отмеченные выше тенденции современной публичной коммуникации были кратно усилены коронавирусной пандемией, добавившей важный штрих, если не поставившей точку, в этом сюжете [4]. В кризисной ситуации параллельно с масштабной манипуляцией, хорроризацией, погоней за хайпом, в ответ на них отчетливо проявилась альтернатива – запрос на взвешенное ответственное слово или даже молчание, запрос на проявление в публичном дискурсе личностной свободы как ответственности [5].

Речь идет не только об очевидных формах «технологического обеспечения доверия» и безопасности вроде блокчейна или других форм электронного цифрового контроля: мониторинга, блокировок и т.п. Не менее, если не более важно взятие ответственного слова. В этом плане полезным является использование полузабытого концепта парресии как свободного и ответственного высказывания и фигуры парресора.

За термином «парресия» (*παρρησία*, *parrhēsia*), происходящим от греческих корней *πᾶν* (все) и *ῥῆσις* (речь, высказывание), в античных и христианских дискурсивных практиках закрепилось применение к ситуации высказывания искреннего, откровенного и ответственного. Анализ этого концепта, проведенный М. Фуко [6], показал, что герменевтика парресии позволяет вывести качества коммуникативного контента за рамки логических и трансцендентальных критериев истинности к прагматическим и этическим контекстам дискурсии. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, с учетом возможной негативной реакции – как отдельных адресатов, так и целых сообществ, гнев и возможные санкции.

В Античности парресия была связана с «изегорией» (равенством речи) и «изономией» (равным участием свободных граждан полиса в осуществлении власти). Благодаря этому парресор «брал слово» во всем контексте (политическом, экономическом, моральном, религиозном) жизни социума [7]. И для некоторых парресоров, как известно из случая с Сократом, это заканчивалось печально.

В наши дни приходит понимание, что вменяемость, свободная ответственность – лучшая гарантия безопасности применительно к современным дискурсивным практикам публичных коммуникаций, в которых владельцы сетевых аккаунтов получают исключительные возможности «брать слово» по самым различным вопросам: от фактов личной жизни до дискуссий на научные, политические и религиозные темы.

Осмысление возвращения парресии вполне соотносится с философией поступка как вменяемого (рационального и ответственного) действия, включая публичную речь, предложенную М. М. Бахтиным [8]. В новейшей философии также диагностируется миропонимание, сменяющее постмодернистский деконструктивизм – метамодернизм с его переходом от тотального ostracism смыслов к их новой целостности, а главное – искренности [9; 10]. Речь идет не о наивности и романтизме, а о том, что современный художник, политик, ученый, любой человек, претендующий на высказывание своей точки зрения, выступает, фактически, как античный парресор, ответственно говорящий (возможно – горькую) правду «городу и миру». И, если он «берет слово», то сам этот факт, как и публично произнесенное (написанное) слово выступает как поступок вменяемого актора, понимающего меру и глубину своего «не алиби в бытии».

В условиях пандемии безответственные заявления, столпотворение смыслов приводят к неадекватным решениям и действиям. Так перед лицом экзистенциальной угрозы возникает «изегория» и «изономия» и остро востребованным становится парресор. При этом стрессовые ситуации, подобные глобальной пандемии, усиливают вызревание тренда на позитивную паррессию, не только корректирующую паррессию негативную, но и репрезентирующую конструктивные позитивные образцы, что делает эти нарративы нравственными перформативами, что в противостоянии экзистенциальным опасностям оказывается важнее популизма «харизматичных» лидеров [11].

Парресоры могут подвергнуться преследованиям (врачи из Ухани, первыми забившие тревогу, демограф А.Ракша, другие эксперты, обратившие внимание на нестыковки в официальной пандемической статистике), доносимые ими факты не сразу признаются. В условиях тотальной цифровой медиализации их ответственность обретает измерения, являющиеся вызовами традиционным представлениям о морали и праве. Но это не означает, что взятое ими слово не является социально значимым.

В современном цифровизованном информационном обществе позитивная паррессия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово». Можно сказать, что античная паррессия возвращается в новом формате.

Источники:

1. Агамбен Д. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012.
2. Olson M. The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation, and social rigidities. New Haven (CT): Yale University Press, 1982.
3. Террор и культура. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2016.
4. Blockmans St. What doesn't kill the EU will make it stronger? <https://carnegie.ru/commentary/81401> (дата обращения: 03.01.2021).

5. Тульчинский Г.Л. Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: возвращение парресии // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 2. С. 14–29.

6. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010.

7. Walzer A.E. Parrēsia, Foucault, and the classical rhetorical tradition // Rhetoric Society Quarterly. 2013. Vol. 43(1). P. 1–21

8. Бахтин М.М. К философии поступка. Философия и социология техники. Ежегодник. 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

9. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies). Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield, 2017.

10. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.

11. Sparks M. Promoting health in a post-truth world // Health Promotion International. 2017. Vol. 32. Issue 4. P. 599–602.

G. L. Tulchinskii (National Research University “Higher School of Economics”; Saint Petersburg State University)

PUBLIC COMMUNICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: REQUEST FOR RESPONSIBILITY

The principle circumstances are important for comprehending modern public communications. (1) The general civilizational background of anxiety, fear of the future and even the present; (2) The colossal volume and rate of change of information received by recipients; (3) The wide availability of public communication, which provided a shift in emphasis from broadcasting social normativity to the presentation of emotional evaluativeness. These conditions give rise to a request for personal responsibility not only for what is said or also shown, but also for the very “take the floor”.

*Security, trust, communication, media, distrust, responsibility, parrhesia, hor-
rorization*

УДК 316

Ю. А. Филясова (Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, e-mail: phill.yield@gmail.com)

ПРИЗНАКИ НЕГАТИВНОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается перфекционизм как аксиологически неоднозначный феномен в современном цифровом обществе. С одной стороны, перфекционизм как конструкт личности направлен на повышение производительности труда; с другой стороны, создает предпосылки для деструктивного мышления, восприятия «Я-концепта» через призму собственных достижений и сравнении с результатами других. В поведении перфекционистов наблюдается склонность к иммерсивному трудоголизму и эмоциональному выгоранию. Коммуникация в цифровой среде осложняется прокрастинацией, критичностью, повышенными требованиями к себе и окружающим.

Перфекционизм, требовательность, трудоголизм, критичность, прокрастинация, эмоциональный интеллект, эмоциональное выгорание, цифровая среда

Современное общество ориентировано на постоянное повышение производительности труда, достижение результатов, превосходящих достижения конкурентов, более быстрое, качественное производство товаров, предоставление услуг и увеличение прибыли. Каждый индивидуум вовлечен в процесс повышения своей личной конкурентоспособности и укрепления бренда той организации, с которой он аффилирован. Индивидуальные достижения имеют высокую значимость в социально-трудовом коллективе. Человек стремится занять наиболее устойчивое положение в обществе с целью обеспечить себе «благоприятную позицию в распределении материальных благ» [1, С. 20].

Соотнесение собственного «Я-концепта» с достижениями постепенно формирует перфекционистский конструкт личности, который создает прямые связи между результатами деятельности и индивидуальной самооценкой. К сожалению, профессионализм ассоциируется с нарушением баланса между личной жизнью и работой с пользу последней. Работа сверхурочно, решение максимального количества задач в единицу времени создают впечатление успешности. Самоидентификация собственной личности с результатами деятельности, особенно если подобная связь подкрепляется повышенным объемом вознаграждения со стороны работодателя, заставляет индивида повышать свою активность в профессиональной деятельности.

Информационные компьютерные технологии позволяют легко интегрировать рабочие обязанности в личную жизнь человека. Совершение покупок, назначение деловых встреч, оплата налогов и счетов, работа с документацией,

консультации со специалистами (врачами, юристами, тренерами) – возможны из дома при помощи домашних компьютеров и других мобильных устройств.

Цифровая среда характеризуется следующими свойствами:

- изобилие информации по различным направлениям и отраслям знаний;
- легкость осуществления поиска и доступность информации;
- дублирование информации в различных источниках;
- множество каналов связи;
- доступность установления контактов;
- возможность самостоятельно управлять коммуникацией.

Открытость информации дает возможность сравнения собственных результатов с результатами других и зачастую не в свою пользу. Высока вероятность того, что перфекционисты, стремящиеся к достижению высоких целей, оказываются подверженными стрессу под влиянием чрезмерно завышенной самомотивации, которая мешает человеку адекватно рассчитывать свои силы и управлять собственным временем. На поведенческом уровне, эта неспособность проявляется в том, что индивид перестает справляться с объемом рабочей нагрузки и проводит слишком много времени в цифровом пространстве, чтобы успеть выполнить необходимые задачи.

Одновременно, перфекционизм может означать предъявление завышенных требований к другим участникам коммуникации – коллегам, клиентам, подчиненным. Максимально сжатые сроки выполнения задач, высокая интенсивность работы, придирчивость, эмоциональная нетерпимость к ошибкам и невыполнению требований, отрицательная вербальная оценка коммуникантов создают напряжение в социально-трудовой среде, которая далеко не всегда способствует повышению производительности труда.

Перфекционизм – это стремление индивида к достижению идеального результата. Как известно, идеал – это субъективный образ объективной реальности. Соответственно, тот образ, который формируют перфекционисты в своем сознании, не имеет экспонента в действительности, поэтому любой результат деятельности есть лишь приближенное выражение собственного представления человека. Выполнение большого объема задач в единицу времени с затратой минимальных усилий – это идеализированное представление перфекционистов о себе как идеальном работнике. При этом они забывают о творческой составляющей деятельности, которая может иметь принципиальное значение для получения желаемого результата. Творчество, в свою очередь, не поддается рациональному измерению и учету с точки зрения времени и объема приложенных усилий. Под влиянием творческого вдохновения работа может быть выполнена в минимально короткий срок без особых усилий, а запланированная деятельность, напротив, так и не принести желаемых результатов. Следовательно, идеальный результат может и не означать скрупулезного изучения проблемы в течение длительного периода времени, накопление ненужной информации на компьютере, трату личного времени на решение задачи. Поиск оптимального

распределения времени между рабочими и домашними делами обеспечивает как физическое, так и психическое здоровье индивида.

Со стремлением достичь идеального результата также связано непринятие похвалы со стороны окружающих. Если одобрение поведения, действий и результатов работника оценивается коллегами и руководителем высоко, а личностное отношение негативно, это означает непонимание цели и невозможность достижения какого-либо результата в будущем.

Перфекционисты склонны придавать большое значение деталям из-за страха совершить малейшую ошибку. Так, подготовка писем и различных отчетных документов может занять длительное время по причине того, что перфекционист считает недопустимым отправлять их с пунктуационными неточностями. Перфекционисты проводят прямую связь между орфографическим оформлением и оценкой их личности другими коммуникантами. Однако уважение и признание складываются не столько на основе технических аспектов письменной речи, сколько благодаря человеческим качествам, которые во многом определяются социальным благополучием личности.

Негативный тип перфекционизма является одной из основных причин прокрастинации. Желание выполнить задачу как можно лучше заставляет индивида откладывать начало работы, чтобы ознакомиться с различными подходами, методами и приемами работы, подробно изучать связанные с ней проблемы и области, проверять и перепроверять данные и т.д. В результате, задача решается в последний момент и обречена на неудовлетворительный результат. Очень часто перфекционистам требуется дополнительное время, чтобы завершить или переделать работу. С точки зрения профессиональной коммуникации, сроки принятия решений откладываются, темп работы организации снижается, взаимодействие теряет свою эффективность.

Перфекционисты испытывают страх делиться своими проблемами с окружающими; они считают, что обсуждение возникших проблем обнаружит их непрофессионализм и некомпетентность. Однако практика общения в деловой среде показывает, что одинаковые трудности возникают одновременно у многих участников коммуникации. Открытое обсуждение помогает вовремя снять барьеры на пути решения задачи. Кроме того, замыкаясь на собственных проблемах, перфекционисты теряют возможность получения помощи, которая может иметь долгосрочный положительный эффект.

Суммируя, поведение перфекционистов в цифровой среде отличают следующие признаки:

1. накопление большого количества ненужной информации на рабочем компьютере;
2. скрупулезное изучение проблемного вопроса в различных источниках, особенно с использованием гипертекстовых ссылок;
3. трата большого количества времени на проверку и перепроверку данных в различных источниках;

4. постоянная проверка почты;
5. накопление длинного списка писем, оставленных без ответа;
6. невыполнение рабочих заданий в срок;
7. продолжение работы после завершения основного времени, согласно рабочему расписанию и трудовому законодательству – по будням после 22 часов, в ночное время, в выходные дни, во время отпуска;
8. увеличение количества формальных показателей как самоцель;
9. избегание контактов с коллегами, друзьями из-за страха показаться несовершенным;
10. предъявление повышенных требований к коллегам, клиентам, подчиненным при оценке результатов их работы;
11. распределение чрезмерного объема работы среди сотрудников;
12. принятие на себя слишком большого количества обязанностей;
13. отрицательное отношение к общественному признанию личных достижений.

Негативный перфекционизм на поведенческом уровне выражается в трудоголизме, который не имеет положительных результатов, и сопряжен с психологической проблемой эмоционального выгорания как понимание отсутствия значимых результатов деятельности [3].

Признаки негативного перфекционизма на практике проявляются в отсутствии самостоятельного целеполагания, невозможности индивидуального выбора средств достижения цели, непонимании или неприятии целей профессиональной коммуникации. Способом преодоления негативного перфекционизма является развитие эмоционального интеллекта как способности индивида идентифицировать чувства и контролировать собственное поведение, понимать личные потребности и определять способы их удовлетворения, ставить лично ориентированные цели и достигать намеченные результаты, соотносить свою деятельность с социальной, экономической и организационно-правовой ответственностью [2, С. 21].

Источники:

1. Горшков М. К. Российская молодежь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 4. С. 16–25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>.
2. Потемкин В. К. Развитие личности как основание для достижения поставленных целей в профессиональной деятельности // Социология и право. 2017. №4 (38). С. 20–27.
3. Круглова М. А., Водопьянова Н.Е., Столярчук Е. А. Мясникова С. В., Родионова Е. А., Васюнина Л. М. Перфекционизм и трудоголизм как предикторы

возникновения синдрома выгорания // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие. Мат. V Междунар. науч. конф. Кострома: Изд-во: Костромск. гос. ун-т. 2019. С. 206–210.

Yu. A. Filyasova (Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics)

TRACES OF NEGATIVE PERFECTIONISM IN DIGITAL COMMUNICATION

Perfectionism is viewed as an axiologically dubious phenomenon in the modern digital society. On the one hand, perfectionism as a personal construct is oriented towards enhancing labour productivity; on the other hand, it predetermines a destructive manner of thought, self-concept perception through the prism of personal achievements and comparing them with other people's results. Perfectionistic behavior demonstrates proclivity to immersive workaholism and burnout. Communication in a digital environment is complicated with procrastination, criticism, high standards to oneself and others.

Perfectionism, high standards, workaholism, critical attitude, procrastination, emotional intelligence, emotional burnout, digital environment

УДК 174.4; 316.4; 316.77

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru);

А. К. Комаров (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: merreble@gmail.com)

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОДВИЖЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Рассматривается соотношение места и роли человека и технологий искусственного интеллекта (ИИ) в продвижении медицинских услуг. Выделены 2 основных подхода к использованию искусственного интеллекта в системе коммуникационного продвижения: как инструмент повышения эффективности деятельности технологического субъекта связей с общественностью и как элемент ключевого сообщения базисного субъекта коммуникации.

Коммуникационное продвижение, связи с общественностью, медицинские услуги, искусственный интеллект

В настоящее время информация, наравне с другими ресурсами, играет большую роль в жизни постиндустриального общества. При исследовании влияния информации на социальные трансформации принято выделять так называемые информационные революции, то есть инновации, которые принципиально поменяли систему фиксации, обработки и передачи информации. Существуют различные точки зрения по поводу того, считать ли появление устной речи информационной революцией, но появление письменности, которая позволила человеку передавать информацию не только «из уст в уста», но и оформлять её в письменный текст, несомненно, признаётся в качестве таковой. Нередко эти инновации рассматриваются в качестве различных этапов информационной революции, а не «самостоятельными» революциями [1]. Второй этап – появление книгопечатания (XVI–XVII вв.), которое кардинальным образом поменяло на систему образования. В частности, знания и профессиональные навыки могли быть приобретены не только от человека, у которого есть опыт, но и через тексты. Благодаря книгопечатанию стало проще обучать и учителей, то есть тех, кто профессионально передавал знания и способы обращения с ними. Таким образом, снизились риски потерять “знание” с уходом человека, поскольку они могли быть уже отчуждены от его носителя и оформлены в письменном, печатном виде и передаваться, тиражироваться далее. Следует отметить, что, поскольку печать книг была в то время довольно дорогой, доступ к печатным и письменным текстам имело относительно небольшое количество человек. Это означало, что способ передачи какого-либо навыка (например,

врачевания) «из уст в уста», также оставался для многих актуальным. Спустя три века (конец XIX – начало XX вв.) человечество перешло на новый, третий этап, который развивается и по настоящий момент. Этот этап связан с появлениями таких изобретений, как радио, телеграф и телефон, которые позволили оперативно передавать информацию, а значит, увеличивать аудиторию восприятия. Массовизация информации связана с появлением телевидения и сети Интернет, которые позволили не только получать её «здесь и сейчас», но и даже овладевать профессиональными навыками (преимущественно благодаря сети Интернет).

Большую популярность в последнее время имеют курсы в сети Интернет, которые помогают овладевать как навыками с несложной эвристикой (например, кулинария), так и более сложными, требующими зачастую нестандартного мышления (например, web-дизайн).

Развитие информационных технологий сделало возможным уже не только отчуждение информации от её носителя, но и позволило структурировать процесс несложных когнитивных операций и передать их искусственным интеллектуальным системам. В связи с этим некоторые профессии (например, библиотекарь, продавец и др.) находятся на грани исчезновения, поскольку большую часть функций может выполнять искусственный интеллект, который «зародился» в середине XX века. Однако профессия врача остаётся востребованной в настоящее время, несмотря на попытки делегировать отдельные задачи машинному интеллекту.

По сей день пор ведутся дискуссии о том, что именно следует относить к искусственному интеллекту, и в настоящий момент мы можем об отсутствии общепринятой точки зрения по данному вопросу. В настоящей статье мы будем придерживаться точки зрения Томаса Малона, профессора менеджмента в Массачусетском технологическом институте (MIT Sloan School of Management) и директор-учредитель Центра коллективного разума МИТ, что искусственный интеллект – это машины, которые ведут себя, подобно разумным [2]

Сегодня в сфере здравоохранения также активно используются технологии искусственного интеллекта для оптимизации некоторых процессов. Так, машинный интеллект может эффективно предсказывать падение артериального давления [3] или распознавание рака кожи [4]. В этом случае большие данные служат базой для врача и снижают риск «врачебной ошибки» при постановке диагноза. Стоит отметить, что диагноз, поставленный на основе данных, перепроверяется специалистом, таким образом, анамнез частично собирается искусственным интеллектом, но постановка диагноза – это ответственность врача. Однако менее серьёзные и более распространённые заболевания, например, простуда, повышение или понижение артериального давления, чаще всего, выявляются специалистом или самим пациентом.

Второй случай относится к категории «самолечение», когда больной не доходит до пункта медицинской помощи, а самостоятельно ставит себе диагноз и выбирает тактику лечения. Нередко такой путь оказывается губительным,

поскольку пациент полагается на собственный опыт, который, к сожалению, может стать неактуальным для новой ситуации. Когда болеющий сомневается при осуществлении самолечения, он может обратиться к врачам через социальные медиа, почитать их консультации в интернет-источниках и проч. То есть очное общение со специалистом не предусматривается.

Социальные сети, к которым, в частности, относится популярный в настоящий момент фото и видеохостинг Instagram, созданы для обмена фотографиями и видео на различную тематику. Тематика может быть развлекательной, вовлекающей, образовательной, и др. В данном случае, автора статьи интересуют аккаунты с образовательным контентом, тематикой которых является медицина. Очевидно, что аккаунты, подобно рекламе лекарственных препаратов, являются актуальными не только в ситуации болезни, но и служат знанием на будущее. Если человек заболевает, то он может в критический момент вспомнить, что уже взаимодействовал с аккаунтом в социальной сети, где был контент, который мог бы удовлетворить его потребности здесь и сейчас.

Анализ российской практики использования технологий искусственного интеллекта в структуре коммуникационного продвижения медицинских услуг (основной послужили.).

В результате проведения пилотного исследования автором были выделены 2 ключевых подхода, определяющих соотношение «человеческого» и «искусственного» интеллектов в структуре продвижения медицинских услуг. Первый заключается в том, что клиники и отдельные специалисты самостоятельно занимаются коммуникационной деятельностью: рассказывают о своих услугах в цифровой среде и делятся полезными советами с читателями (например, аккаунты врачей-блогеров, которые размещают у себя рекламный, образовательный, и др. контент).

На основании проведённого анализа были выделены три наиболее популярных в Instagram блогера-врача, которые производят контент на медицинскую тему. Одним из наиболее просматриваемых аккаунтов является doctor_komarovskiy (9 194 542 подписчика и 43 393 отметок «мне нравится» верифицированными пользователями (по состоянию на 21.02.2021)).

Автор канала – Евгений Комаровский – врач-педиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, автор книг в области педиатрии. Аккаунт врача изобилует образовательным контентом для родителей: от лечения насморка до диагностики рака у детей. Большинство комментариев под публикациями – положительные: в них пользователи благодарят врача за информацию или задают дополнительные уточняющие вопросы. Важно отметить, что блогер не отвечает на комментарии, при этом предусмотрена возможность создания чата под публикациями, что является коммуникационной площадкой для пользователей. Комаровский не рекламирует свои услуги и не предлагает частные визиты – в этом смысле продвижение аккаунта не ведётся. Справедливо заметить, что доктор Комаровский не только популярный врач, но и телеведущий, поэтому, возможно, в продвижении своих услуг он не нуждается.

Другим не менее популярным (4 064 805 подписчика и 64 250 отметок «мне нравится» верифицированными пользователями (по состоянию на 21.02.2021)) является аккаунт doctor_zubareva. Наталья Зубарева позиционирует себя как «Первый интегративный доктор в инстаграме». Интегративная (комплементарная) медицина – направление, которое рассматривает организм как единое целое [5], и, как следствие, применяется комплексный подход [6], при котором каждый врач добавляет «деталь пазла» для получения наиболее полной картины.

Аккаунт включают в себя образовательный контент (например, эффективное лечение горла), лайфстайл контент (рецепт рождественского пирога или семейная жизнь блогера) и имиджевые публикации. В отличие от Комаровского, Зубарева отвечает на комментарии: либо письменно (благодарит за внимание, даёт пояснения или обращает читателя к платным услугам), либо отметкой «мне нравится». Помимо бесплатных и открытых публикаций, доступных всем подписчикам, существует монетизированный закрытый контент. К такому относятся: онлайн-академия, онлайн-марафоны, видео-лекции, онлайн-консультации, запись на очную консультацию, рецепты здоровой пищи, и др. Такая вариативность позволяет сделать вывод о том, что Зубарева работает не одна, а со своей командой, которая ведёт свою деятельность под этим брендом.

Третьим аккаунтом является doctor_belokon или Ольга Белоконь – врач акушер-гинеколог. Канал является популярным (2 812 660 подписчика и 109 453 отметок «мне нравится» верифицированными пользователями (по состоянию на 21.02.2021)) и отличается своей визуальной составляющей – каждая публикация иллюстрирована студийными фотографиями блогера. Контент данного блога разнообразен: анализ практических кейсов, образование, советы и реклама (чаще всего стимулирование продаж онлайн-вебинаров). Особенностью аккаунта является то, что при определённом количестве комментариев автор ограничивает доступ к оставлению новых. Белоконь реагирует на комментарии, отвечая на вопросы или благодаря за оставленный отзыв, при этом прямого приглашения на платный приём не наблюдаем. Как и в случае с Натальей Зубаревой, аккаунт снабжён лендинговой страницей, на которой пользователь может ознакомиться с платными услугами врача-блогера (от вебинаров до покупки книги врача). Таким образом, деятельность блогера монетизируется за счёт платных услуг, а открытые публикации позволяют сделать выводы о компетентности специалиста, стимулируя продажи её товаров и услуг.

В таких случаях технологии искусственного интеллекта позволяют обрабатывать массивы больших данных для выстраивания портрета целевой аудитории, создания актуального контента и предложения персональных услуг, то есть формировать стратегию коммуникации в цифровом пространстве. Это является опорой для врача или организации в коммуникационном продвижении его услуг и выступает инструментом повышения эффективности деятельности технологического субъекта коммуникационного продвижения.

Во втором подходе технологии искусственного интеллекта являются содержательным элементом ключевого сообщения при позиционировании базисного субъекта коммуникации: аудитории рассказывают об использовании искусственного интеллекта для сбора анамнеза и определения диагноза [7, 8, 9, 10].

Сегодня искусственный интеллект применяется не только в больших исследовательских институтах, но и находит место в частных российских клиниках. Так, организация «СМ-клиника» использует систему Care Mentor AI [11], механизм которой связан с проведением КТ органов грудной клетки в условиях новой коронавирусной инфекции. Система рассчитывает объём поражения по долям лёгкого, добавляет в исследование серию с визуализацией находок и предоставляет врачу-диагносту протокол анализа КТ исследования. Дирекция клиники отмечает, что перепроверка и последующая постановка диагноза осуществляется только врачом (в данном случае, клиницистом).

Другим примером применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения может служить система «Дос+» [12] на базе сети клиник «Доктор рядом». Технология системы следующая: машинный интеллект обрабатывает 100% медицинских карт пациентов, сверяя диагноз, поставленный врачом, с назначенным на основании этого заключения лечением. Система проверяет, соответствует ли лечение поставленному диагнозу по 15 критериям, и, если какой-либо критерий не выполнен, выдаётся ошибка и такая карточка передаётся врачу-эксперту. Ранее такая экспертиза проводилась вручную и была трудоёмкой, но благодаря введению этой системы процедура проверки проводится быстро и, что не менее важно, беспристрастно.

Компания «Медси» в конце 2020 года ввела систему, при которой происходит дистанционный контроль за состоянием пациентов [13]. Искусственный интеллект отслеживает частоту посещений медицинского персонала пациентов, положение тела больных и обеспечивает видеосвязь «пациент-врач». Такие нововведения, по мнению создателей, позволяют усилить контроль над медицинским персоналом и повысить качество предоставляемых услуг.

Таким образом, анализ кейсов коммуникационного продвижения медицинских услуг в российском сегменте позволил выделить 2 ключевых подхода в соотношении интеллектов на человеческом (естественный интеллект) и машинном (искусственный интеллект) носителях:

1. Технологии искусственного интеллекта используются в качестве инструментов повышения эффективности деятельности технологического субъекта коммуникационного продвижения. В этом случае базисный субъект несёт ответственность за качество предоставления медицинских услуг, но актуализируется роль профессионального коммуникатора, непосредственно взаимодействующего с целевыми аудиториями от имени базисного субъекта. Складывающаяся ситуация требует осмысления и определения её стандартов, регулирования с учётом формирования рынка телемедицинских услуг, который оказывает влияние на трансформацию современного института медицины.

2. Технологии искусственного интеллекта являются содержательным элементом ключевого сообщения при позиционировании базисного субъекта коммуникации, то есть целевым аудиториям транслируют информацию о его использовании в деятельности медицинской организации, при этом делается акцент на том, что решение о лечении (базовом процессе) принимает человек. Такие сообщения способствуют формированию доверия к медицинским учреждениям, так как технологии искусственного интеллекта являются инструментом автоматизации рутинных операций и не влияют на трансформацию института медицины в целом. Технологический субъект коммуникации в данном случае несёт ответственность в рамках принятых им профессиональных обязанностей коммуникатора.

Источники:

1. Информационная революция / В. В. Кулямин // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004 – 2017.
2. Malone Thomas. Machines acting in ways that seem intelligent // Collective Intelligence. A Conversation with Thomas W. Malone URL: https://www.edge.org/conversation/thomas_w__malone-collective-intelligence (дата обращения: 11.12.2020).
3. Bernd Saugel, M. D., Philip C. Reese, M.D., et al. Automated Ambulatory Blood Pressure Measurements and Intraoperative Hypotension in Patients Having Noncardiac Surgery with General Anesthesia. A Prospective Observational Study // Anesthesiology. 2019. № 131, С. 74-83 DOI: 10.1097/ALN.0000000000002703 (дата обращения: 11.21.12).
4. Hernando B., Dietzen M., Parra G., et al. The effect of age on the acquisition and selection of cancer driver mutations in sun-exposed normal skin // Annals of Oncology. 2021. № 32 (3), С. 412-421 <https://doi.org/10.1016/j.annonc.2020.11.023> (дата обращения: 11.12.2020).
5. Интегративная медицина// Главное здоровье URL: <https://glavnoezdorov.ru/integrativnaya-meditsina/> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Нечаенко Е. Чем примечательна интегративная медицина // ЛекОбоз (lekoboz.ru) URL: <https://lekoboz.ru/meditsina/v-chem-osobennost-integrativnoj-meditsiny> (дата обращения: 20.02.2021).
7. Калиева О. М. и Самуленкова Е. Ю. Продвижение услуг в сфере медицинского бизнеса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013, № 6, С. 117-122.
8. Роль имиджевой коммуникации в формировании образа медицинского учреждения / И. Л. Полянская, А. Б. Цветкова // Практический маркетинг. – 2012. – № 11. – С. 40–46.
9. Ямщиков А. С., Маева Е. И. Теоретические и методологические основы маркетинга медицинских учреждений // Менеджер здравоохранения. – 2011. – № 10. – С. 28–35.

10. Кобяцкая Е. Е., Татарина Т. А. Использование маркетинговых технологий в государственных учреждениях здравоохранения как способ реализации пациент-ориентированной модели оказания медицинской помощи // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2019. № 5. – С. 15-21. DOI: 10.26347/1607-2502201911-12015-021.

11. Представитель медицинского департамента «СМ-Клиника» рассказал, как искусственный интеллект помогает в борьбе с коронавирусом (smclinic.ru) // <https://www.smclinic.ru/press-centr/news/predstavitel-rasskazal-kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet/> (дата обращения: 19.02.2021).

12. Шмырова В. В России внедрен искусственный интеллект, следящий, чтобы врачи назначали правильное лечение // CNews. – 24.10.2018. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-10-23_v_rossii_postavili_iskusstvennyj_intellekt_sledit/ (дата обращения: 19.02.2021).

13. Искусственный интеллект помогает медикам в уходе за пациентами с COVID-19 // Медси. – 21.04.2020 – URL: <https://medsi.ru/about/press-centr/news/iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-medikam-v-ukhode-za-patsientami-s-covid-19/> (дата обращения: 19.02.2021).

L. V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

A. K. Komarov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HUMAN BEING AN ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICAL TREATMENT PROMOTION

Human being an artificial intelligence (AI) technologies interrelations in medical treatment promotion are analyzed. 2 common approaches to AI utilizing in the framework of communication system are outlined: AI as an instrument of PR technological subject efficiency improvement and AI the element of PR basic subject key message.

Communication, promotion, Public Relations, medical treatment, artificial intelligence

УДК: 304.2

Н. В. Шашкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nv.shashkova@gmail.com)

ОТ РЕПУТАЦИИ К СЕТЕВОМУ ОБЛИКУ ЧЕЛОВЕКА (РЕПУТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА)

Рассматривается своеобразие трансформации репутационной культуры личности в цифровую эпоху с учетом влияния коммуникационного фактора на изменение репутационного потенциала

Репутационная культура личности, цифровая эпоха, коммуникации, культура общества

Культура личности традиционно соотносится с культурой общества, соизмерима с ней. Одним из важнейших механизмов взаимодействия общества и личности, культуры и человека можно рассматривать репутацию. Подобное взаимодействие, осуществляемое в социальной практике, позволило нам обнаружить определенную рефлексивность в виде понятия о репутационной культуре личности. Под репутационной культурой личности мы понимаем совокупность знаний, форм и методов репутационной деятельности, которую человек обретает и совершенствует в процессе своего развития.

Отметим, что в своем генезисе репутация обнаруживает, несомненно, антропологические корни. В этом смысле репутация завязана на осмыслении и осознании человеком себя в качестве субъекта репутационной деятельности. Поскольку именно самосознание рассматривается как мотивация и основание для поступков, и их оценки, а соответственно и репутации. Вместе с тем, культурно-историческая традиция на каждом этапе своего развития существенно определяла характер репутационных представлений человека и, вместе с тем, обуславливала репутацию как форму своеобразного общественного контроля. Все это в значительной степени оказывало воздействие на репутационную культуру. В традиционном обществе репутация часто определяла всю жизнь человека. Но понятие репутации здесь связано не с индивидуальным выбором человека, а с неукоснительным подчинением традиции. Традиция предписывает, как поступать в том или ином случае (например, ключевые решения принимали старшие в семье, или позже сословные жизненные сценарии, или социальные группы, власть и т.п.). В модернизированном обществе, утратившем сословные рамки, феномен репутации индивидуализируется, оказывается существенным инструментом реализации личностной позиции в обществе. В основе репутации здесь лежит феномен авторитета. Его признание является

результатом сложного процесса социализации личности, лежащей в плоскости оценочных показателей.

Для репутационной культуры личности чрезвычайно существенны и внутренние, и внешние показатели. К внутренним характеристикам мы относим уважение и доверие, а к внешним – общественное мнение (оценка) и общественные стандарты (нормы, ценности, правила и т. п.)

Изучение и понимание вопроса о внутренних и внешних показателях репутации неразрывно связано с актуальной проблемой трансформации культуры и общества в цифровую эпоху. Репутация является результатом реального (естественного, подчас трудного жизненного самоопределения и самосовершенствования человека в соответствии с общекультурными идеалами, нормами и ценностями, индивидуальными ошибками, трудностями и их преодолениями) процесса, или она становится результатом искусственного конструирования, итогом планомерного управления? А принимая во внимание бурное развитие коммуникативных технологий, данная проблема приобретает особое звучание в аспекте своего культурформирующего и культурсберегающего потенциала.

Репутационная культура личности базируется на потребности в уважении и признании. Как известно, эта потребность появляется тогда, когда удовлетворены т.н. «простые» (физиологические и проблемы безопасности), и появился следующий уровень потребностей - в непосредственной социализации.

Таким образом, развитие репутации связано с важнейшими врожденными потребностями человека, оно естественно. Человек естественным образом стремится реализовать свои способности, таланты, раскрыть свой творческий потенциал. Более того, человек, реализуя эту потребность, в значительной степени ориентируется на себя, на собственные усилия. Для человека несомненно приоритетным здесь оказывается не обратить на себя внимание других, а чтобы другие сами обратили внимание и оценили его. Важно стать таким, чтобы не признать заслуги личности было бы невозможно.

Для того, чтобы нас кто-то заметил, мы должны кем-то стать, чего-либо достигнуть с помощью собственных усилий. Мы стремимся заслужить это признание, благодаря возможности реализации своего творческого потенциала. (Отметим здесь, что в самой идее служения заложен огромный гуманистический и культурформирующий потенциал. Идея служения – идея, имманентная русскому национальному сознанию в целом: служение Богу, стране, своему народу, семье, идеалам, профессии. Например, до сих пор в русских театрах служат, а не работают). Здесь важно заслужить подобное признание личными качествами и поступками, профессиональными успехами и деловыми достижениями. Как результат заслуг личности, а также признания неоспоримых достоинств и появляется уважение. Уважение – это и есть определение нашей ценности другими людьми.

Репутационная культура личности определяется доверительным отношением к ее носителю. Доверие также требуется заслужить. Оно является

производным от уверенности окружающих в наших поступках, определенном поведении, следовании тем нормам и правилам, которого от нас ожидают. Эта уверенность является результатом самоутверждения человека, т. е. его желания показать собственную ценность и значимость. Он совершается, прежде всего, благодаря преодолению собственной ограниченности: интеллектуальной, духовной, физической, душевной, этической, эстетической и т. д. Это путь сложный, часто тяжелый, связанный с большими испытаниями. Но в этом и его ценность: чем больше испытаний преодолел человек, тем выше мы его оцениваем, тем серьезнее степень доверия и уважения, которую он вызывает у нас.

Рассматривая эту проблему в коммуникативном контексте, отметим, что, согласно Н. Луману, социальные системы определяются системами смысловой коммуникации, а общество, таким образом, представляет систему, которая описывает саму себя [1]. В этом аспекте можно сказать, что репутационная культура представляется системой, которая занимается «воспроизведением человека», его смыслов, значений, ценностей, базирующихся на признании и самоутверждении человека. Подобное восприятие репутационной культуры личности в целом было характерно для «до-цифровой» эпохи.

В эпоху же цифровой трансформации общества возможности коммуникаций значительно ускоряют фундаментальные изменения в современном мире. Конец социального, о котором предупреждал Ж. Бодрийяр [2], когда «означающее» и «означаемое» перестают каким-либо образом дифференцироваться, порождает симулякры. Это не могло не отразиться на таком феномене социальной культуры и жизни общества, как репутация.

В сетевую эпоху, когда цифра создает особое пространство коммуникаций в виде виртуального мира, меняется и представление о подходах к самой репутации. Репутация превращается в сознательно конструируемый процесс, осуществляемый с целью повышения своей узнаваемости в контексте сетевой реальности и продвижения [3].

В этом случае, как отмечают исследователи, коммуникационные технологии могут сыграть как положительную роль, так и негативную в репутационном статусе человека. Здесь три возможных варианта развития событий. Первый – позитивный – сценарий популяризирует уже известного и авторитетного человека. Второй – негативный – сценарий связан с технологиями разрушения репутации, стремлением нанести существенный урон. Третий вариант соотносится с нивелированием репутации в классическом ее понимании, рассмотренным нами выше, и постепенной заменой ее симулякром.

Однако даже популяризация авторитетной личности, имеющей высокий репутационный статус, также обнаруживает значительные трансформации. Ее специфика связана с утратой репутационной процессуальности, характерной для традиционного отношения к этому феномену. Как отмечает Н. Е. Покровский, жизнь современного человека уже не та линия, в которой медленно разворачивается репутация [4]. Напротив, жизнь строится из коротких периодов,

так называемых «проектов». Все общество живет по «проектам», индивидуальным или коллективным. В этом смысле можно отметить, что репутации требуется строиться здесь и теперь, разворачиваться мгновенно. Социальные группы по-разному конструируют социальную реальность. На смену прежним авторитетам приходят виртуальные символы, созданные с помощью современных средств массовых коммуникаций (особенно, электронных). При этом традиционный культурформирующий потенциал репутации нивелируется.

На смену репутации, строившейся медленно и постепенно, приходит репутация сетевая, то есть репутация, которая основывается на сетевом потенциале субъекта, иначе говоря, на степени его контроля над максимальным количеством узлов общения. Таким образом, в основе репутации находится не принцип авторитета, а принцип известности: звездах в любой области - в экономической, политической или в области гибридной культуры - пишут очень много плохого. Тем не менее, привлекательность звезд остается крайне высокой. Причины подобного феномена кроются в плоскости теории коммуникаций. Его, в частности, рассматривает Н. Луман [5]. С помощью массмедиа (а сегодня, особенно, цифровых платформ) информация в сообщении распространяется настолько быстро и широко, что она становится известна всем. Появляются социально-избыточные коммуникации, а, следовательно, возрастает и потребность в новой информации. Поэтому у общества появляются вопросы, связанные с этой информацией. Так возникает необходимость в их удовлетворении.

И здесь сосредоточена одна из важных проблем и опасностей современного общества в цифровую эпоху. В сетевом социуме мы встречаемся не столько с репутациями человека, сколько с репутацией «медиаличности». Подобная смена репутационной фигуры имеет ключевое значение. Это искусственно созданный конструкт, воспроизводящий не реального человека, а коммуникации (сообщения, посты, блоги, псевдособытия). Вместо репутационной культуры личности часто встречается понятие «сетевого облика» человека. В этом смысле показательно, что одно из толкований сетевой репутации связано именно с тем, как видят и воспринимают вас пользователи Интернета. Как сформировать желаемую репутацию, какие шаги нужны для управления репутацией, на что обратить внимание при формировании репутации (тон, язык, частота присутствия в сети, уникальность визуального материала и т. д.), - на этом базируется сетевая технология репутации. Известность, таким образом, становится симулякрот ценности репутации в сетевой культуре.

Подводя итоги, отметим, что эпоха цифровых технологий подвергла существенным изменениям различные стороны культуры общества. В том числе и ее репутационную составляющую. Путь подобных изменений лежит через определенную коммуникационную трансформацию классической репутационной культуры человека, опирающейся на уважение и доверие как ее реальные социокультурные показатели, к сетевому облику медиаличности, обусловленному цифровыми ресурсами сетевых структур.

Источники:

1. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 232 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/125#1.9> (дата обращения: 19.02.2021)
3. Шашкова Н. В. Репутационный капитал в контексте управления репутационными. Труды НГТУ им.Р.Е.Алексеева. Нижний Новгород, 2017. №1 (116) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsionnyu-potentsial-v-kontekste-upravleniya-sotsialnymi-sistemami/viewer> (дата обращения: 17.02.2021)
4. Покровский Н. Е. Мир потребления и ценностей в контексте глобализации. Индекс. Москва. 2006. № 24 // URL: <https://www.index.org.ru/journal/24/pokr24>. (дата обращения: 17.02.2021)
5. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

N. V. Shashkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FROM REPUTATION TO THE NETWORK PERSONALITY (REPUTATION CULTURE OF PERSONALITY IN THE EPOCH OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY)

The peculiarity of the transformation of a person's reputation culture in the digital era is considered. The influence of the communication factor on the change in the reputation potential is taken into account

Personal reputation culture, digital age, communications, culture of society

СЕКЦИЯ №4. РОЛЬ ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

УДК 81'272

Л. А. Ульяницкая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В докладе раскрываются типы языковой политики, её отличительные черты в одноязычных и многоязычных странах, влияние на сохранение культур малых народов, а также проводятся параллели между политическим режимом в стране и осуществляемой в ней языковой политикой. Проведен краткий анализ языковой ситуации в мире касаясь языков из «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», с конкретными примерами языков с разной степенью уязвимости в РФ. Описываются некоторые способы ревитализации исчезающих языков.

Языковая политика, социолингвистика, языки малых народов, ревитализация языков.

Среди прочего язык реализует две категорически важные человеческие потребности: потребность в самовыражении и самоидентификации, и потребность в коммуникации. Эта довольно простая и очевидная на первый взгляд «многозадачность» является, на самом деле, одной из основных проблем при условии нарушения баланса этих составляющих, при сдвиге роли языка в сторону первой или второй потребности. Особенно наглядно это видно в государствах, объединяющих на своих территориях представителей/льниц разных языковых сообществ и пытающихся обеспечить их гармоничное сосуществование. Вопросами регулирования языковой ситуации в стране занимается языковая политика, включающая в себя широкий ряд задач, для решения которых требуется комплексный подход, долгосрочные стратегии, совместная работа законодателей, лингвистов, филологов, антропологов, культурологов, этнологов. На сегодняшний день языковая политика является одним из самых острых инструментов управления, а мероприятия, правовые акты, законы, касающиеся вопросов языка, вызывают широкий общественный резонанс.

Языковая политика реализуется посредством различных мероприятий, осуществляемых комитетами, департаментами министерств, руководствами масс-медиа, научными учреждениями, сообществами языковых активистов, при этом принципы и цели языковой политики этих разных субъектов могут

разительно отличаться [1, С. 201–203], а иногда даже и быть противоположными, и даже взаимоисключающими.

В первую очередь реализовать языковую политику возможно при помощи языковых реформ или языкового планирования. Языковая реформа представляет собой некое точечное изменение в языке, принятие конкретной реформы. Языковое планирование или языковое строительство – это, скорее, ряд мер (не обязательно на уровне законодательства), некая стратегия реализации общего вектора языковой политики.

Как правило, языковые реформы действуют в двух направлениях: либо в сторону упрощения языка, либо в сторону языкового пуризма (языкового протекционизма).

Что касается языкового планирования, то его принято разделять на три типа:

- статусное планирование – занимается установлением, распределением или перераспределением статуса языка/языков/диалекта/диалектов между функциональными областями внутри общества [2];

- корпусное планирование – относится к предписывающему вмешательству в норму языка. Существует три традиционно признанных типа планирования корпуса: графизация, стандартизация и модернизация [3];

- планирование освоения языка – связано с составлением и выпуском учебников, учебных пособий словарей, разработкой принципов многоязычного обучения в школах, разработки двуязычных программ обучения [4].

Языковую политику подразделяют также на перспективную (к ней относятся вопросы языкового планирования) и ретроспективную (к ней относятся вопросы культуры речи, кодификация литературного языка).

Безусловно языковая политика в одноязычных странах играет важную роль, в первую очередь при нормировании и кодификации литературного языка, определении его отношений с другими подсистемами национального языка, и даже при реализации языковых геополитических амбиций и продумывании стратегий по распространению языка в других государствах, как это делает на протяжении уже многих лет Международная организации франкофонии. Однако гораздо большее значение имеет проведение языковой политики в многоязычных государствах. В соответствии с двумя векторами в стратегиях национальной политики (унитаризм и сепаратизм) существуют две основные линии в национальных идеологиях по вопросам языковой политики: 1) унитаристские (интегрирующие, объединительные, ассимилирующие) концепции и 2) идеология разделения (федерализация, автономизация, сепаратизм) [1, С. 213].

Вполне очевидно, что унитаристская языковая политика или политика языковой унификации направлена на объединение всего населения страны, вне зависимости от национальных или культурных черт её жителей, под эгидой одного национального языка (отметим, в русскоязычном правовом дискурсе не существует определённых и закреплённых понятий официальный язык, государственный язык, национальный язык; подобная правовая

неопределённость даёт широкие возможности для различных спекуляций при проведении языковой политики на местах, в многоязычных республиках и регионах). В таких государствах пропагандируется и обеспечивается значимость одного языка, что объясняется необходимостью в постоянной коммуникации между жителями страны, в упрощенном документообороте на всей ее территории без траты времени (и финансовых ресурсов) на переводное дублирование всех документов на несколько языков, а также идеологически подкрепленным устремлением объединить всех жителей под лозунгом «одна страна, одна нация, один язык». Всеобщая взаимная ассимиляция, которая как показывает история, сводится к поглощению более многочисленной по количеству представителей культурой более малых, приводит к подавлению культур малочисленных народов и зачастую к их полному исчезновению. Идеология разделения или сепаратизма видит проведение языковой политики в национальном размежевании и разделении, в ограничении соприкосновения расово-этнических групп населения, иногда даже с раздельными местами обучения и отдыха. Безусловно такая политика также зачастую сводится к насильственным мерам и направлена на умаление прав национальных меньшинств, замыкая их в собственном «микросоциуме». Одним из самых ярких примеров можно назвать Южноафриканский вариант апартеида, который предписывал народам банту проживать в специальных резервациях, и который был признан преступлением против человечества.

Интересно отметить, что государство, ставшее символом объединения совершенно разных культур и наций под одним флагом – США – прошло путь от идеологии *melting pot* (плавильного котла) до идеи *salad bowl* (миски с салатом), где в первом случае предлагалась политика культурной ассимиляции в попытке создать некую новую нацию, а во втором провозглашалось совместное сосуществование культур, но в таком единении, где каждая культура сохраняет свои особенности, а не растворяется в общей массе.

Очевидно, что оптимальный вариант проведения языковой политики в многоязычных странах должен являть собой выборочное и продуманное под каждую конкретную страну применение инструментов этих двух стратегий, но такое, чтобы в погоне за реализацией коммуникативной функцией языка не была утрачена функция самоидентификации, самовыражения посредством своего родного языка, который довольно часто может не совпадать с языком, закрепленным в конституции страны в качестве государственного.

Сегодня во всём мире насчитывается примерно 7000 языков [5]. Но из этих 7000 только 40 языков «гигантов» находятся в положении, не вызывающем опасения. Это такие языки как китайский, арабский, хинди, урду, испанский, французский, русский. Одним из проектов ЮНЕСКО является создание и ведение «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» [6], в последней версии которого (от 2010 года) зафиксировано примерно 2500 языков, из которых 230 языков исчезли за последние 70 лет. Атлас показывает степень сохранности языка, основываясь на системе факторов, выработанных

лингвистами, и основывающихся в основном на передаче языка между поколениями. В зависимости от этих факторов языку присваиваются различные статусы: безопасный (*safe*) (такие языки не занесены в атлас); уязвимый (*vulnerable*) (язык употребляется только дома); под угрозой (*definitely endangered*) (дети дома уже не учат язык как родной); серьёзно уязвимый (*severely endangered*) (на языке говорит старшее поколение; поколение родителей может его понимать, но не говорит на нём с детьми или между собой); критически уязвимый (*critically endangered*) (самыми молодыми носителями являются старые люди, которые говорят на языке только частично и редко); вымерший (*extinct*): носителей уже не существует. В интерактивной версии Атласа можно выбрать любую страну и увидеть, сколько языков с тем или иным статусом остается на ее территории. Так, по данным Атласа во Франции отмечено 26 языков (бретонский, нормандский, провансальский, франкопровансальский, пикардский и др.), в Бельгии – 8 (валлонский, западнофламандский, лорэнский и др.), в Австралии – 108, в США – 191, в Папуа Новой Гвинее – 98, в Индии – 197.

В России отмечен 131 язык. Мы приведём несколько примеров языков малочисленных народов, проживающих на территории РФ, из каждой подгруппы, к которой ЮНЕСКО относит языки, находящиеся в опасности, а также зафиксированное количество носителей этого языка согласно переписи населения, в 2002 [7] и 2010 [8] годах:

- Уязвимый: башкирский (1 379 727 – 1 152 404), якутский (456 288 – 450 140), кумыкский (458 121 – 426 212), адыгейский (129 419 – 117 489);
- Под угрозой: хакасский (52 217 – 42 518), карельский (52 880 – 25 605);
- Серьёзно уязвимый: вепсский (5 753 – 3 613), селькупский (1 641 – 1 023), нганасанский (505 – 125), ижорский (362 – 123);
- Критически уязвимый: мансийский (2 746 00 – 938), мансийский (2 746 – 938), ульчский (732 – 154), юкагирский (604 – 370), водский (774 – 68);
- Вымерший: камасинский (последнего носителя не стало в 1989 году), язык сиреникских эскимосов (последнего носителя не стало в 1997 году), керекский (последнего носителя не стало в 2005 году).

В 2021 году ожидается очередная перепись населения РФ и, глядя на вышеприведенные цифры, можно предположить ещё более стремительное сокращение количества носителей языков малых народов. При таких обстоятельствах логично было бы ожидать от государства языковой политики, направленной на ревитализацию исчезающих языков, пропаганду двуязычия или даже многоязычия, создание среды на родном языке, обеспечивающей естественное желание и необходимость говорить в России не только на русском, но и на автохтонном языке своей республики/региона/края/округа. Молодёжь отдаёт предпочтение русскому языку и этот факт вполне объясним, но отсутствие активной деятельности, направленной на сохранение языков малых народов, допускать не следует, это совершенно неприемлемо. Мы всецело разделяем мнение Ольги Анатольевны Казакевич, под руководством которой

институт языкознания РАН с 1 марта 2020 года по поручению президента В.В. Путина занимается разработкой концепции языковой политики в рамках программы по сохранению языков, о том, что «...Языки – это богатство земли... Наша страна должна гордиться своим многоязычием. Утрата элементов этого многоязычия – это обеднение всей нашей страны... Это разбазаривание – так пускать на самотёк исчезновение языков, не поддерживать исчезающие языки, не пытаться их ревитализировать...» [9].

Множество лингвистов и языковых активистов посвящают свои труды сохранению и возрождению исчезающих языков. Так, Екатерина Юрьевна Груздева, доцент кафедры общего языкознания Хельсинкского университета, занимающаяся возрождением нивхского языка, на заседании Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики Института языкознания РАН предлагает следующие мероприятия для достижения этих целей: активизация языкового сообщества, создание и поддержка языкового окружения, программа мастер-ученик (семейные пары, рабочие пары, друзья\знакомые), семейные гнёзда, языковые гнёзда (детсадовские группы с языковым погружением), школьное образование (внеурочная деятельность, линейка учебников, методические пособия для учителей, языковая практика для студентов), социальные сети на целевом языке, создание этнических деревень. А для привлечения граждан к процессу возрождения языка и сохранения у них интереса необходимо проводить регулярные занятия в любой форме, мотивировать компетентных носителей языка к преподавательской деятельности, привлекать лингвистов для создания языковых материалов, задействовать языковых активистов, поддерживать постоянный контакт с сообществом и генерировать новые идеи. При этом исключительно важным является понимание того, что возрождение языка – это очень долгий процесс, а также того, что второго шанса не будет [10].

Судьба языков малочисленных народов на территории страны, пропагандирующей и закрепляющей одноязычие поддержкой лишь одного государственного языка, незавидна. По отношению к малым языкам – это полная безответственность, оказывающая губительное воздействие на уникальное наследие прошлого, сохраняющееся и передающееся из поколения в поколение благодаря, в немалой степени, и тому факту, что оно закреплено и отражено в языке. Довольно часто представитель той или иной культуры, перечисляя характерные для этой культуры черты, упоминает, в первую очередь, язык и когда мы слышим, что умер последний носитель языка, мы часто говорим, что умерла и культура народа, представителем которого этот носитель являлся.

Источники:

1. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей – 2-е изд. // Н. Б. Мечковская – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.

2. Edwards J. Language, Prestige, and Stigma // Contact Linguistics. 1996. Volume 1. P. 703–709.
3. Ferguson G. Language Planning and Education. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
4. Liddicoat J. Anthony., Baldauf B Richard. Language Planning in Local Contexts: Agents, Contexts and Interactions // Language Planning and Policy: Language Planning in Local Contexts. December 2008. P. 3–17.
5. Ethnologue. Languages of the World. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения 5.02.21)
6. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (дата обращения 5.02.21)
7. Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 5.02.21)
8. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm# (дата обращения 5.02.21)
9. Ольга Казакевич. Почему важно сохранять языки? URL: https://www.youtube.com/watch?v=M1Xw7H8pdXU&ab_channel=%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0PRO (дата обращения 5.02.21)
10. Груздева Ю. Г. Опыт проекта по возрождению нивхского языка в контексте ревитализации языков России. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/210122_daclp_video (дата обращения 5.02.21)

L. A. Ulianitckaia (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

LANGUAGE POLICY AND PRESERVATION OF NATIONAL CULTURES

The report reveals the types of language policy, its distinctive features in monolingual and multilingual countries, its impact on the preservation of the cultures of indigenous peoples, and also draws parallels between the political regime in the country and its language policy. A brief analysis of the linguistic situation in the world with regard to the languages from the "Atlas of the World's Languages in Danger" is carried out, with specific examples of languages with varying degrees of vulnerability in the Russian Federation. Some ways of revitalizing endangered languages are described.

Language policy, sociolinguistics, languages of indigenous peoples, revitalization of languages.

УДК 800

Я. А. Бабич (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: letovts@yandex.ru);

М. А. Чалая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: marina.chalaya@gmail.com)

РОЛЬ ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ КОРЕННЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Об утрате культурной и языковой идентичности в результате процесса глобализации, проблемах преподавания национальных языков и необходимости сблечь родной язык как память и историю своего народа так как язык и культура неразделимы.

Родной язык, национальная культура, сохранение идентичности, глобализация, обучение

Сегодня глобализация уже проложила путь в каждое общество и это необратимо. Это непосредственно обеспечивает как положительное, так и отрицательное влияние на культурное разнообразие и язык, что приведет к далеко идущим последствиям. Любой язык является неотъемлемой частью культуры и эволюции. Чтобы выразить культуру, сохранить и увековечить это выражение между поколениями, язык и литература играют жизненно важную роль. Продолжение упадка языка приводит к культурным потерям, постепенно переходя к вымиранию. «По некоторым подсчетам, только 600 из 6000 языков в мире являются "безопасными" от угрозы исчезновения. По некоторым подсчетам, к концу XXI века в мире будет доминировать небольшое число основных языков. Смерть языка обеспечивает стимулирующий и доступный отчет об этом кризисе, наполненный полезными и наводящими на размышления фактами и цифрами о явлении, которое, подобно крупномасштабному разрушению окружающей среды, является одновременно особенно современным и все более глобальным» [1].

В племенных общинах коренного населения современной Северной Америки серьезно озабочены сохранением родного языка и культуры. На протяжении многих поколений племена полагались на традиционную систему образования внутри семьи, чтобы обеспечить свое будущее. Однако, благодаря современному образовательному процессу роль семьи в передаче племенных знаний была серьезно ослаблена, поскольку официальные государственные учебные заведения не передают племенные знания, язык и элементы культуры.

Поскольку государственные школы не поддерживают культурные и языковые потребности племени, ответственность за предоставление

альтернативных возможностей целостного обучения племени, именно племенным путём, лежит на программах общины.

Особенно остро эта проблема стоит в резервациях. Рассмотрим это явление на конкретном примере. Резервация Blackfeet является самой большой по численности населения из семи резерваций Монтаны и является одной из самых традиционных в практике культурных верований и традиций. Однако, как и в большинстве племенных общин в Соединенных Штатах, сообщество резервации обнаружило, что его язык находится под угрозой исчезновения. Утрата целостной уникальности культуры всегда сопровождается утратой языка.

Сегодня в резервациях индейцев западное официальное образование высоко ценится, но редко достигается. И в то же время роль семьи в передаче племенных знаний сильно ослабляется. Учебные заведения не передают юным жителям резервации знания языка, истории и культурных элементов в рамках своего учебного процесса. Люди племени ценят язык своего племени, традиции и обычаи. Государственные школы не поддерживают культурные и языковые потребности племени. Ответственность за разработку таких программ развития и предоставления альтернативных возможностей целостного обучения в племени именно племенными путями лежит целиком на общинах.

Общинный колледж является одним из немногих учебных заведений, где была предпринята серьезная попытка инкорпорировать общинные и племенные идеалы. Старейшины племени были включены в этот процесс по передаче знаний племени. Время от времени группа старейшин проводила занятия, чтобы поделиться своим образовательным опытом и взглядами, как они размышляют о своей жизни. Знания племени состоят из философии племени, религиозных концепций, традиций, обычаев и языка.

Язык и культура неразделимы, поэтому язык должен быть средством обучения и приобретения знаний племени. Точка зрения старейшин – это связь с этим знанием.

Были проведены опросы старейшин, отвечающих за выживание племени в современных условиях двадцать первого века и сделаны соответствующие выводы:

– Государственное образование не включило в свою методологию обучения язык и учения племени. Старейшины говорили о своих заботах об образовании и своем опыте, когда они посещали школу.

– Государственное образование создавало трудности для обучения детей. Их язык никогда не был принят в стенах школы и не был принят на территории проживания. Тем не менее, старшие школьники все еще старались быть на хорошем счету и успешно заканчивать учебный год. Если кто-то говорил на языке племени, детей подвергали суровому наказанию. Психическая связь говорения на родном языке и наказания вскоре была осознана.

– Процесс государственного образования, которому подвергались все индейские дети и родители, оказал большое влияние на жизнь племенных семей. Не было никакого способа обойти это. Переход к формальному

школьному обучению был совершенно новым и отличным от того, как индейские дети привыкли к тому, что их учат дома.

– Исторически сложилось так, что федеральное правительство оказывало большое влияние на индейцев. Непосредственно, это было сделано с помощью проводимой политики. Косвенно, это было сделано путем наделения властью таких образований, как церкви и школы, для проведения федеральной политики. Двумя главными целями этой политики были «просвещение» и «христианизация». Общепринятым для этого является термин «ассимиляция».

Есть много факторов, которые влияют на то, как человек учится. На эти факторы влияют семья, окружение и окружающая среда (мировоззрение). Люди племени имели обширное мировоззрение, начиная с сотворения мира. Наряду со всеми традициями, ритуалами и церемониями в качестве носителя был выведен родной язык. Именно через язык в жизни племени присутствуют истинные реальности. Когда люди становятся бесправными, они теряют право определять свой мир. Если определение "я" исходит из внешней культуры, истинная идентичность, исходящая из культуры, теряется. Язык - это ключ, если люди племени хотят использовать формальные и неформальные методы обучения. Их вера в государственную школьную систему ослабевает, и многие старейшины рекомендуют общинные программы обучения знаниям племени. Некоторые старейшины выступали за то, чтобы начать писать книги о ценностях племени, чтобы их можно было использовать в школах. В настоящее время в школах нет книг, учебных программ или ресурсов, непосредственно связанных с племенем.

Знание индейцев должно исходить из языка и через него, как принятая методология. Старейшины ясно заявили, что язык является средством передачи культуры. Когда старшие вспоминают прошлое, они сожалеют, что их родители не позаботились о том, чтобы этот язык преподавался во всех классах школы. Многие старейшины признают, что не все их дети учились языку дома. Эта дилемма вызвала серьезную озабоченность по поводу того, кто будет преподавать язык.

Здоровье языка зависит от количества говорящих в концентрированном обществе и, самое главное, с каким количеством детей выступают ораторы. Это самый важный показатель в оценке будущего языка. Тогда возникает вопрос о том, выживет ли язык и в какой форме он находится, потому что могут потребоваться шаги, чтобы обеспечить его выживание. Живые языки не только используются большинством населения, но и используются в большинстве или во всех ситуациях, требующих общения. Поэтому языки должны быть самодостаточными или способными выражать все, что люди хотят сообщить.

Образование может передавать знания племени только в том случае, если язык ценят и уважают. Старейшины, безусловно, подчеркивали настоятельную необходимость более частого использования родного языка, они знают о тех инструментах и стратегиях, которые могут помочь в передаче знаний. Старейшины считают, что воспитатели в школах могут сделать почти все.

Они выражали потребность в книгах, учебном плане и текстах, которые будут написаны людьми племени и использованы в образовании.

Языки американских индейцев удивительно хорошо приспособлены к индейскому образу жизни и индейским системам ценностей. Английский язык не может быть использован для описания этих понятий и мыслей. Английский язык не способен выразить эти значения, потому что коннотации не будут одинаковыми.

Дети возвращались домой из школы, говорят только по-английски. Английский также стал основным языком детей в семье. Переход на английский язык ослабил роль семьи в передаче знаний. Важнейшей областью языка является родство. Семьи говорили на родном языке на протяжении многих поколений. Близкие говорили с детьми на этом языке и учили их этому языку. По мере того, как они изучали язык, они изучали всю мораль и учения, которые идут с ним. Семейные группы и община говорили на этом языке, поэтому он имел высокую ценность и статус.

Концепция Школы погружения – это отличный подход к изучению языка. Старейшины высоко оценили погружной метод обучения языку племени, который внедряется в резервации. Были свидетельства способностей детей в овладении языком.

Однако, роль старейшин в отношении передачи знаний по средствам изучения языка племени была воспринята благосклонно общинными учреждениями племени, но она не была принята или адекватно использована официальными образовательными учреждениями. Результаты исследования, проведенного независимыми общественными организациями, свидетельствуют о том, что вовлеченность пожилых людей в образовательный процесс практически отсутствует. Эксперты утверждают, что настало время, чтобы ключевые люди в каждой резервации, такие как старейшины, рассматривались как средство начать процесс возрождения племенных знаний.

Все старейшины хотят, чтобы их дети получили образование, и признают, что образование на родном языке имеет решающее значение. Это часть нашей сегодняшней жизни. Старейшины сравнивали образование детей племени с выживанием всего племени. Образование всех членов племени предполагает умение говорить на родном языке. Истинные знания людей племени покоятся в родной речи.

Родной язык один из самых важных для понимания и сохранения культуры. Когда умирает язык вместе с ним уходят культура, знания и память.

Источники:

1. Crystal D. Language death. Oxford University Press. 2002.
2. Campbell M. Acquiring languages without subject or object. Polyglot conference. Fukuoka 2019.

3. Fishman, J. What do you lose when you lose your language? In G. Cantoni (Ed.), *Stabilizing indigenous languages*. Flagstaff, AZ: Northern Arizona University. 2013.
4. Freire, P. *Pedagogy of the oppressed*. New York: Continuum. 2007.
5. Rowland, F. *Tribal education: A case study of Northern Cheyenne elders*. Unpublished doctoral dissertation, Montana State University, Bozeman, 2015.

I. A. Babich (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

M. A. Chalaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF LANGUAGE IN CULTURE PRESERVATION ON THE EXAMPLE OF THE NORTH AMERICAN INDIGENOUS TRIBES

The loss of cultural and linguistic identity as a result of the globalization process, teaching and learning national languages and the need to preserve their native language as a memory and history of their people, since language and culture are inseparable.

Mother tongue, national culture, preservation of identity, globalization, learning

УДК 792.5

О. М. Журавлева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: zhuralena@gmail.com)

СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В АМЕРИКАНСКИХ МЮЗИКЛАХ

Статья посвящена такому важному элементу национальной культуры США как мюзикл. Знакомство с театральными постановками на языке оригинала существенно повышает уровень владения иностранным языком, однако роль мюзиклов в формировании страноведческой компетенции увеличивается, если в центре сюжета постановки оказываются культурные особенности страны. Отображение в мюзиклах характерных для американской культуры особенностей, типичных черт, таких как американская мечта, социальных и психологических проблем, таких как сегрегация и равноправие, позволяет использовать их в качестве важного источника информации по американской культуре, незаменимого для лингвистов и специалистов по межкультурной коммуникации.

Американская культура, изучение иностранного языка, культурное наследие, межкультурная коммуникация, мюзикл, США

Любая национальная культура проявляется при помощи вербальной и невербальной коммуникации, которая используется ее представителями при взаимодействии. На протяжении всего XX в. исследователи изучали взаимодействие языка и культуры, выявляя особенности как проявления культуры посредством языка, так и обратные процессы языкового влияния на культуру. Процессы взаимовлияния равнозначны настолько, что сложно определить, что воздействует с большей силой. Согласно утверждению, что «человек видит мир так, как он говорит» [2, С. 130], любой национальный язык отображает культурные явления, характерные для мировоззрения данной культуры. В центре взаимодействия языка и культуры находится человек, который является одновременно носителем данного языка и культуры, его мыслительный процесс. Таким образом, культура отображается посредством языка, но наравне с этим испытывает и его влияние.

По словам профессора М. Gene Aldridge «без вербальной коммуникации невозможно представить существование культуры» [3], в животном мире нередко замечают использование символов, жестов, однако именно речь позволяет зародиться культуре.

Не только знание иностранного языка важно в процессе межкультурной коммуникации, но и понимание культурного контекста, национального менталитета, а также невербальная коммуникация. Восприятие всех элементов

культуры одновременно позволит верно интерпретировать информацию. Любой национальный язык является способом транслировать культурную информацию, но только в определенном контексте можно интерпретировать единицы языка. Как справедливо подчеркивает М. Н. Ващенко, «не язык, а текст отображает духовный мир человека», именно в нем хранится содержание культуры [1, С. 175], вследствие чего любой художественный текст – это система, которая не только отображает особенности национальной культуры, но и влияет на сознание носителей языка.

Одним из способов изучения иностранного языка в аутентичном культурном контексте является использование видеороликов, документальных и художественных фильмов, профессиональных и любительских видеозаписей. Они занимают важное место в образовательном процессе. По убеждению А. Сlage видеоматериалы помогают глубже погрузиться в культуру, поскольку формируют «культурный и социолингвистический контекст языка», а также затрагивают эмоциональный и когнитивный уровни, что чрезвычайно важно для процесса обучения [5, С. 35-36]. Видеоматериалы позволяют получить опыт восприятия как самого иностранного языка в определенном контексте, так и элементов национальной культуры, передавая информация при помощи вербальной и невербальной коммуникации.

Рассмотрим возможности популярного жанра мюзикла с точки зрения наличия в них культурологического контекста, ценностей и приоритетов, значимых для культуры США. Содержание мюзиклов (аутентичный художественный текст) неотделимо связан с художественной интерпретацией сюжета, игрой актеров, невербальной коммуникацией – использованием жестов, мимики, культурных артефактов, правильная интерпретация которых требует значительных фоновых знаний.

В центре сюжета американских литературных произведений, кинофильмов и театральных пьес часто оказываются типичные американцы. Американскому зрителю всегда импонировала национальная тематика, в разные исторические периоды популярностью пользовались узнаваемые типы, характерные для определенной среды и во многом похожие на самих зрителей, такие как персонажи Гарольда Ллойда: идея изобразить «реалистичного героя, человека из толпы» оказалась столь удачной, что стала его визитной карточкой [6]. Именно таких героев, узнаваемых и понятных, в историческом контексте можно увидеть на сцене в мюзиклах.

Театральный жанр мюзикла заслуженно приобрел преданных поклонников с момента своего возникновения. Располагая меньшими техническими возможностями в изображении культурной среды, чем кинофильм, мюзикл не менее ярко и полноценно характеризует культуру. Речь персонажей, тексты музыкальных номеров, специально подобранные характерные образы героев, декорации – все это призвано продемонстрировать хорошо узнаваемые черты исторических событий.

Авторы американских мюзиклов традиционно обращали внимание на типичные проблемы общества, постановки содержали характерные элементы культуры, артисты стилизовали речь, костюмеры воссоздавали соответствующую эпохе одежду. С середины XIX в. в США пользовались популярностью Менестрель-шоу, изображавшие культуру афро-американского населения так, как ее представляло «белое» население англо-саксонского происхождения. Эти комедийные шоу не только содержали элементы национальной культуры, но и поднимали важные социальные вопросы [4, С. 11]. В них демонстрировались национальные проблемы, интересы, поднимались непростые социальные и культурные вопросы.

Первые классические мюзиклы были созданы великолепным дуэтом – О. Хаммерстайном и Р. Роджерсом. Их творчество ознаменовало собой целую эпоху, заложив основу жанра. Популярность мюзиклов возросла, и они стали еще более значимым явлением культуры. Важным аспектом содержания многих спектаклей являлось отображение особенностей жизни в стране, рассказ о простых американцах, их проблемах и мечтах.

Самые яркие мюзиклы, написанные О. Хаммерстайном и Р. Роджерсом и посвященные американской культуре – это «Оклахома!» (1943) и «Карусель» (1945) [4, С. 20–21]. Обе постановки раскрывают глубокие социальные проблемы, хорошо понятные современникам. Мюзикл «Карусель», поставленный по мотивам пьесы венгерского автора Ф. Молнара, именно на Бродвее стал популярным, сюжет перенесен на американскую почву, концовка изменена на более жизнерадостную и обнадеживающую, что полностью соответствовало духу американской культуры. В мюзикле «Оклахома!» ярко продемонстрированы непростые отношения между ковбоями и фермерами начала XX в., вечные темы дружбы, взаимопомощи, любви раскрываются на фоне социального неравенства, соперничества и стремления добиться успеха.

Не менее успешна оказалась судьба мюзикла «Юг Тихого океана» (1949), написанного тем же коллективом авторов по мотивам романа 1948 г. Д. Микенера «Тихоокеанская история», повествующего о Тихоокеанской кампании периода Второй мировой войны. Расовые и социальные проблемы, дополняющие романтическую историю, нашли понимание у зрителей, а концовка помогает понять, как сильно предрассудки мешают жить и реализовывать мечту.

Список мюзиклов, повествующих об американцах разных исторических периодов, их проблемах и чаяниях, буднях и праздниках, взаимоотношениях между собой и с представителями разных культур можно продолжить. В центре сюжета «Вестсайдской истории» (1957) Л. Бернстайна и С. Сондхайма противостояние уличных банд Нью-Йорка и романтическая история в духе «Ромео и Джульетты» на фоне жестоких нравов большого города. Мюзикл «Музыкант» (1957) М. Уилсона не только рассказывает историю американцев 1930-х гг., но и содержит аутентичную музыку, позволяя воссоздать атмосферу джазовой культуры.

В более поздние периоды мюзиклы продолжали отражать культурные изменения, происходившие в стране. Наиболее успешными постановками 1960-1970-х гг. стали «Волосы» (1967), «Кабаре» (1966) и «Чикаго» (1975). В это время в сценических произведениях по-прежнему находилось место для демонстрации социальных проблем и расовой дискриминации, примером может послужить рок-мюзикл «Никому неизвестный я» о детях, живущих в трущобах Нью-Йорка. Истории, которые рассказываются со сцены, могут описывать современные события, а могут уводить в далекое прошлое страны (как, например, в мюзикле 1984 г. «Quilters» (возможный вариант перевода – «Швей»), затрагивающего важнейшие вопросы жизни и смерти, на фоне рассказа о женщинах периода освоения новых территорий США).

По наблюдениям G. Asimenu мюзиклы 80-90-х гг. XX в. «позволяли зрителям сделать собственные умозаключения, подключив воображение, а режиссеры стремились понять аудиторию, пытаясь передать чувства, эмоции и опасения эпохи посредством постановок» [4, С. 38].

Тенденции не ослабевают и в настоящее время. По-прежнему ставятся мюзиклы, близкие американской публике своим эмоциональным психологизмом и узнаваемыми персонажами. Примером может послужить шоу «Лак для волос» (2002). События мюзикла происходят в 1960-е гг., звучит джаз, поднимаются проблемы сегрегации, а в основе – тема американской мечты, которая всегда была и остается близкой как зрителям, так и американскому обществу в целом.

Знакомство с историей и характерными чертами такого важного культурного явления, как американские мюзиклы, не менее значимо для понимания культуры и мировоззрения населения страны, чем знание кинематографа или литературы. Однако не только развитие жанра, но и сюжеты постановок повышают страноведческую компетенцию, необходимую для успешной межкультурной коммуникации. Мюзиклы, посвященные национальным сюжетам, отражают культурные явления, характерные для сообщества, социально-экономические особенности разных периодов истории, передавая чаяния, условия жизни, быт и ценности простых американцев.

Благодаря своему содержанию мюзиклы являются уникальным источником для изучения культуры и языка страны, национально-детерминированных характеристик, исторического контекста, на фоне которого изучение английского языка становится не только интересными и захватывающим процессом, но и более осознанным и глубоким.

Источники:

1. Ващенко М. Н. В взаимодействия языка и культуры в пространстве художественного текста // Язык и культура. 2013. № 4. С. 172–175.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А. П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, 352 с.

3. Aldridge M. Gene. What is the Basis of American Culture? What is it that intercultural communication students cannot afford to miss about the American Culture? // Режим доступа: <https://immi.se/intercultural/nr5/aldrige.htm> (дата обращения: 05.02.2021)

4. Asimenou G. The Evolution of American Musical Theatre: A Sociological Perspective. Prague, 2015. // Режим доступа: https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/78896/BPPR_2014_2_11410_0_392872_0_166230.pdf?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 10.02.2021)

5. Clare A. The power of video // The Image in English Language Teaching / Ed. by K. Donaghy, D. Xerri. ELT Council. Malta. 2017. Pp. 33-42. (дата обращения: 05.02.2021)

6. Harold Lloyd: Biography // Режим доступа: <https://haroldlloyd.com/harold-clayton-lloyd/> (дата обращения: 05.02.2021)

O. M. Zhuravleva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

KEEPING AND TRANSFORMING NATIONAL CULTURAL HERITAGE THROUGH AMERICAN MUSICALS

The article deals with musical as a part of national culture of the USA. Acquaintance with theatre plays in original considerably improves the knowledge of English, however, the role of musicals in cementing the intercultural communication competence increases if cultural peculiarities of the USA are in the centre of the plot. Musicals reflect typical features of American culture (for example, American dream) and social and psychological issues (such as segregation and equality), which makes them a useful resource on American culture for linguists and specialists in the field of intercultural communication.

American culture, cultural heritage, intercultural communication, language learning, musical, USA

УДК 81'272

В. А. Иванова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: andvikaivanova@mail.ru)

КРАТКИЙ ОБЗОР ГОДОНИМИЧЕСКОГО ОБЛИКА ГОРОДА СОРТАВАЛА КАК ОТРАЖЕНИЯ СТЕПЕНИ СОХРАННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Диахронически рассматривается лингвистический облик исторического города Сортавала с точки зрения переименования оригинальных топонимов в периоды принадлежности города к Российской Империи, Великому княжеству Финляндскому, независимой Финляндии, СССР и России. Показывается степень сохранности исторического облика города с точки зрения языка.

Топоним, шведский язык, финский язык, языковая политика, Сортавала, Великое княжество Финляндское, Финляндия, СССР, Россия

Будучи основанным в регионе пересечения интересов трех государств, карельский город Сортавала является интересным для рассмотрения эффектов, производимых языковой политикой государства на исторический облик города с точки зрения топонимики, и в частности, топонимии – совокупности обозначений названий улиц.

Исторически на территории города проживали представители племени корела, вытеснившие саамов и имевшие союзнические отношения со славянским населением Великого Новгорода, в состав которого и вошла Корельская земля впоследствии. Древнейшим письменным памятником на карельском языке является новгородская берестяная грамота №292, показывающая использование кириллицы – графической основы письменности славян – для записи карельских слов прибалтийско-финского происхождения [1].

Кроме тесных связей со славянами, корела также соседствовала с прибалтийско-финскими племенами сумь и емь, находившимися в разной степени зависимости от Новгорода, и подвергавшимися набегам со стороны шведов. От попыток экспансии северных народов нередко страдал и Сортавала, территория которого вошла в состав Швеции в начале 17 века. Основан город был также шведами в 1632 году на месте карельской деревни Келломаниеми. Так, на существующую систему топонимов шведы наложили слой шведских названий улиц в районе «Старого города», на месте деревни Келломаниеми.

С 1710 года территория города вновь вошла в состав России, а веком позже – в состав Великого княжества Финляндского. С 1917 по 1940 и с 1941 по 1944 года Сортавала принадлежал независимой Финляндии, затем – Советскому Союзу и Российской Федерации.

Таким образом, три разных государства формировали и оказывали влияние на лингвистический облик города. Сортавала – яркий пример пересечения русской и прибалтийско-финской топонимических систем. Языковая политика любого государства показательна в вопросах переименования топонимов, являющимися точками, задающими направление в системе координат истории и культуры народов и стран.

В 1990 году Сортавала был присвоен статус исторического города, однако лингвистический облик города на историчность не претендует: на учет и охрану как памятники исторического наследия берутся здания, а не слова.

Для отслеживания судьбы 23 оригинальных шведских наименований улиц после прихода финнов было рассмотрены данные 1828 и 1897 (1902) годы [2, С. 224 – 225]. Известно, что за век принадлежности города к Российской Империи шведские улицы не переименовывались на русский язык. Более того, в 1838 году две вновь проложенные улицы получили название по шведскому образцу: *Ny gatan* («Новая улица») и *Aleksanders gatan* («Александровская улица») [2, С. 212].

По данным 1897 года, девять улиц было переведено на финский язык с сохранением оригинального значения. Так, например, *Stranda gatan* стала *Rantakatu* («Береговая улица»), *Kyrko gatan* – *Kirkkokatu* («Церковная улица»), *Johannes gatan* – *Johanneksenkatu* («Ивановская улица»). Среди точно переведенных названий финны сохранили отсылки к истории города времен его основания, оставив в годонимах имена шведского генерал-губернатора Финляндии Пера Браге, считающегося основателем Сортавала, шведской королевы Кристины, в годы правления которой город был основан, и ойконим Або (Турку) – административный центр герцогства Финляндского в период шведского владычества.

Еще 14 улиц утратили свое первоначальное значение при переводе на финский. Так, например, *Pitri Pauli torg* («Петропавловская площадь») получила название *Rantori* («Береговая площадь»), *Elias gatan* («Ильинская улица») – *Syrjakatu* («Глухая улица»), *Prästegårdens gatan* («Улица имени настоятеля церкви») – *Ratakatu* («Путейская улица»). Улицы *Nikolai gatan* («Николаевская»), *Aleksanders gatan* («Александровская»), *Konstantins gatan* («Константиновская»), отражающие историю российского государства, к 1902 году были заменены на *Kagjalankatu* («Карельская»), *Koulukatu* («Школьная») и *Jänneksenkatu* («Квартальная») соответственно.

Некоторые улицы изменяли название с изменением функции улицы, некоторые стали отсылать к другим элементам наследия города. Так, *Ny gatan* («Новая улица») стала *Raatihuoneenkatu* («Ратушная»), когда определяющим ее объектом стала городская ратуша. *Torg gatan* («Торговая улица») была переименована в *Hermanninkatu* («Улица Германа») в честь Германа Валаамского, которого финская православная церковь считала карелом (в отличие от грека св. Сергия).

Для дальнейшего анализа изменения годонимического облика Сортавала были сопоставлены названия улиц 1902 (1939) года, и периода после 1940 года [2, С. 225 – 229]. Значение при переводе на русский сохранили 6 улиц из 42 рассмотренных: *Kagjalankatu* – улица Карельская, *Itäinen Rautatienkatu* – Восточная Железнодорожная улица, *Laatokankatu* – Ладожская улица, *Tehtankatu* – Заводская улица, *Viipurintie* («Выборгская дорога») – Выборгское шоссе, *Satamatori* («Портовая площадь») – Пристанская улица.

Еще 4 улицы (*Набережная, Школьная, Семинарская и Ивановская*) изначально были переведены с сохранением значения, но получили новое название в 1950-1960-х. Так, 36 улиц утратили свое финское название, их которых 24 (66%) стали вписываться в парадигму советской реальности: появились улицы *Ленина, Кирова, Комсомольская, Пионерская, Чкалова, Октябрьская, Гагарина, Куйбышева, 40 лет ВЛКСМ* и другие. Из них напрямую с историей региона были связаны *Набережная Ладожской флотилии* (названная в честь Краснознаменной Ладожской военной флотилии войскового формирования в составе Военно-Морского флота СССР), *улица Антикайнена* (названная в честь Тойво Антикайнена, одного из организаторов и руководителей Коммунистической партии Финляндии, участника Гражданской войны в России), *улица Бондарева* (названная в честь Героя Советского Союза Андрея Леонтьевича Бондарева, командира 168 дивизии, оборонявшей Сортавала в 1941 году), *улица Кайманова* (названная в честь Героя Советского Союза, полковника пограничных войск Никиты Фадеевича Кайманова), *улица Петрова* (названная в честь Ивана Михайловича Петрова (Тойво Юхонпойка Вяхя), полковника пограничных войск КГБ СССР).

В этот период в годонимах были также утрачены историко-культурологические отсылки к Перу Браге, королеве Кристине, наместнику Кексгольмскому Понтусу Делагарди, острову Валаам, горе Кисамяки, поселению Хелюля, озеру Айранне, холму Кухавуори, и элементам карело-финской мифологии – Сариоле (северной стране, ассоциирующейся с загробным миром), Илмари (бог воздуха и погоды, персонаж «Калевалы»), Велламо (богине моря), Тапиоле (духу леса), Калеву (отцу Вяйнямейнена, Ильмаринена и Лемминкяйнена, от имени которого происходит название эпоса «Калевала»), Куллерво (персонажу «Калевалы»).

Некоторые улицы были лишены отражающих культуру края названий, не получив ничего взамен, и именуются сейчас «безымянными»: «улица Сампо» (Сампо – в карело-финской мифологии источник благополучия и изобилия) и «улица Унтамо» (Унтамо – персонаж «Калевалы»). В настоящее время репрезентация карело-финской мифологии в годонимах Сортавала ограничивается улицами Вяйнемянена и Калевальской.

Сегодня исторический центр города составляют 23 улицы, простирающиеся от южной части города района набережной Ладожской Флотилии до ул. Промышленной – места, где город очерчивает старая железная дорога, ведущая к пристани. Из них 7 вписываются в историко-культурный контекст

развития города, являясь прямыми отсылками либо к оригинальным названиям улиц, либо к фольклору (*Карельская, Ладожская, Парковая, Восточно-Железнодорожная улицы, Выборгское шоссе, Улица Вяйнемяйнена*), одна имеет нейтральное неисторическое название (*Садовая*), а 15 оставшихся – 65,2% названий исторического центра города с карельским, шведским, и финским топонимическим и агортонимическим наследием, несут в себе идеологическое наследие советского союза (в парах «Советская улица - Советский переулок» рассматривался только топоним «Советский») [3].

По мере того, как город разрастался, новым периферийным улицам присваивались новые имена. Так, из 59 созданных наименований только *Шведская, Калевальская* улицы, и *Старовыборгское шоссе* имеют отсылки к истории города. Также наблюдается корреляция нейтральности названия (улицы по типу «*Зеленая*», «*Западная*», «*Лесная*») и позднего периода постройки, и, как следствие, большей удаленности улицы от центра.

По словам архитектора-реставратора В. Т. Кирьяновой, новые улицы назывались «без претензии на оригинальность» [2, С. 244]. В начале XX века были упразднены и исчезли такие уникальные названия улиц, как *Äyrämöistenkatu* («улица Эврмейсов»), *Inkerinkatu* («улица Ижорцев»), вносящие в лингвистический облик города историю этносов и народов. Теоретически, эти названия, как и многие утраченные другие, являются топонимическим потенциалом Сортавала, который можно было бы использовать для большего лингвистического соответствия города статусу исторического.

Таким образом, в период принадлежности Сортавала к Финляндии (Великому княжеству Финляндскому) наблюдается большой процент сохранения существовавшего лингвокультурологического наследия города и тенденция к содействию его развитию (внесение большого количества топонимов, связанных с карело-финской мифологией). Переименование топонимов того периода связано, в основном, с изменением функции улиц, в то время как в период принадлежности города к Советскому Союзу переименования улиц носили, по большей части, идеологический характер, и мало учитывали историческую и культурную уникальность облика города. За время принадлежности города к России и с момента присвоения ему статуса исторического, топонимический облик города дополняется нейтральными названиями улиц.

Источники:

1. Грамота №292. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/292/> (дата обращения: 14.02.21).
2. Краснолуцкий А. Сортавала. Санкт-Петербург: ИПЦ Площадь искусств, 2012. 759 с.
3. Список улиц города Сортавала. URL: https://city-address.ru/region-10_sortavala/all-street/ (дата обращения: 19.02.21).

V. A. Ivanova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***A BRIEF OVERVIEW OF THE STREET NAME IMAGE OF
SORTAVALA AS AN ACCOUNT OF THE HISTORICAL AND CULTURAL
LEGACY CONDITION OF THE TOWN***

A diachronic language image of the historical town of Sortavala is viewed from the perspective of the original street names renaming during the periods of town being a part of the Grand Duchy of Finland, the independent Finland, the USSR, and the Russian Federation. The condition of the historical image of the town from the language perspective is described.

Street name, Swedish, Finnish, language policy, Sortavala, the Grand Duchy of Finland, Finland, the USSR, Russia

УДК 800

Ю. В. Пояркова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: yuljasik83@mail.ru);

М. А. Чалая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: marina.chalaya@gmail.com)

ЯЗЫК – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ НАЦИИ

Язык является образующим и скрепляющим для народа, именно в языке сохраняется, передается и с течением времени претерпевает изменения национальная идентичность. Язык – это духовная сущность народа, «ключ» к пониманию нации. Мы мыслим и видим мир так, как называет его наш язык.

Сохранение языка, сохранение культуры, фольклор, письменность, историческая грамматика

Разговор о роли языка в сохранении национальных культур представляется разумным с определения обоих понятий, поскольку они многозначны.

Культура – «это (от лат. cultura - возделывание воспитание, образование, развитие, почитание), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [1].

Язык - «естественный язык, важнейшее средство человеческого общения. Язык неразрывно связан с мышлением; является социальным средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением. Язык возник одновременно с возникновением общества в процессе совместной трудовой деятельности первобытных людей. Возникновение членораздельной речи явилось мощным средством дальнейшего развития человека, общества и сознания. Реализуется и существует в речи. Языки мира различаются строением, словарным составом и др., однако всем языкам присущи некоторые общие закономерности, системная организация единиц языка. Язык изменяется во времени, может перестать использоваться в сфере общения (мертвые языки). Разновидности языка (национальный язык, литературный язык, диалекты, языковая культура и др.) играют различную роль в жизни общества» [1].

Исходя из приведенных определений, мы можем сделать первый вывод, что культура, даже в своем первоначальном состоянии, например, в виде наскальной живописи или первых орудий труда из камня или дерева, напрямую связана с зарождением в группе людей определенного языка. Филогенез человеческого вида сопровождался усложнением культурного слоя и, соответственно, языкового.

Роль языка в сохранении национальных культур можно проследить на нескольких примерах. Первый из них – соотношение географической близости и контактов между народами со сходством их языковых структур и культур.

Самый ранний язык, которые наука может восстановить, называется индоевропейским. Предположительно, носители языка располагались на территории Армянского нагорья. Великие переселения народов распространили этот язык – а вместе с ним и культуру – на территорию Европы, часть Азии и Африки, обе Америки. Народы, расселяясь, переносили с собой культуру. Образование из одного корня большого количества непохожих друг на друга языков произошло благодаря географическим препятствиям, которые возникали между группами: так, прекращая взаимодействие, каждый язык естественно развивался в своем русле, все более и более обособляясь от соседнего, поскольку не было потребности поддерживать торговые и культурные контакты [2]. Обмен товарами, заимствование элементов быта и культуры, формирование родственных связей позволяет народам сближаться. В то время как отсутствие контактов обеспечивает нулевую ассимиляцию между языками и культурами.

Второй пример связан с анализом роли языка внутри одной культуры. Каждый народ переживал такую стадию своего развития, когда сформировалась мифология, возникло множество текстов, сопровождавших языческие обряды и ежедневные или ритуальные практики, возникло устное народное творчество. Данные тексты хранились в устной форме и передавались из поколения в поколение без записи. Все это мы сейчас называем фольклором или устным творчеством народа. В этом творчестве нашли своё отражение особенности национальной культуры: картина мира человека, жившего до установления примата письменной культуры, его верования и практики.

Появление письменности помогло «резервировать» срезы культурной жизни общества без риска понести убытки в сохранении национальной культуры. Так, были записаны поэмы Гомера, зафиксирован календарь и астрономические наблюдения древних греков. Письменность помогает передавать последующим поколениям сведения о науке, культуре, искусстве и быте. Важно подчеркнуть, насколько такой вид передачи данных более надежный, чем устный: при нем не обязателен физический контакт между людьми, что освобождает нас от оков времени: мы можем прочесть папирусы спустя века. И, главное, это освобождает нас от обязательной принадлежности к одной языковой и культурной группе, что необходимо при устном взаимодействии.

А. А. Потебня, российский и украинский лингвист, говорил о том, что язык является духовной сущностью народа, «ключом» к пониманию нации. Мы мыслим и видим мир так, как называет его наш язык: все те концепты, которые вшиты и народную культуру, закреплены в языке. Так, для российской культуры принципиально важны концепты пути или дороги, дома и др. Эти концепты в семантическом ядре окружены рядом синонимов, а в сознании народа – набором ассоциаций, которые сформированы культурным фоном и

личным опытом. И человек, с детства говорящий на определенном языке, невольно присваивает себе ту картину мира, которая присуща этому народу: он творит свой внутренний мир и взаимодействует с внешним миром с помощью тех понятий, метафор, символом и образов, которые предлагает ему данный язык.

Практики, как часть культуры народа, всегда находят отображение в языке. Так, антрополог И. И. Крупник выделяет у эскимосов несколько десятков (от 40 до 53 в зависимости от расселения) названий снега. Сам ореол обитания и деятельность, необходимая для выживания на этой территории определяет эту языковую особенность: названы все состояния снега: падающий, летящий, лежащий и пр. Эти названия фигурируют и в быту, и в творчестве народа. В средней полосе России в некоторых деревнях сохранилось большое количество названий дождя, что тоже было важным для жизни.

Развитие языка в диахронии изучает историческая грамматика. На протяжении веков из языка уходило и в язык приходило большое количество новых слов. Слова уходили, если предмет уходил из обихода народа, если на замену этому слову приходило другое: более простое, поскольку экономия произносительных усилий всегда была в действии. С этими словами уходила и часть культуры: элементы декора обыденного костюма, части ритуальных костюмов, внутреннее и внешнее убранство дома, придомовые постройки.

Появление в языке новых слов чаще всего связано с ассимиляцией: слова заимствуют из другого, более влиятельного языка. В XIX веке в русский язык пришло большое количество слов из французского языка, поскольку этот язык был основным среди русского дворянства. Сейчас к нам приходят слова из английского, ставшего языком международного общения. При этом мы наблюдаем упрощение национальной культуры, смену практик.

Особый пласт слов ушел в связи с тем, что люди поменяли место жительства. Массовый переезд из деревни в город, постепенная урбанизация привели к тому, что значительная часть народной крестьянской культуры исчезла. Она сохраняется теперь в музеях, в текстах поэтов и писателей, в собранных антропологами и фольклористами текстах.

Научно-техническая революция перевернула не только физический мир, но и мир языка во многих странах: названия техники, не существовавшей ранее, проникали во все языки и обогащали их лексику. Слова эти могли иметь латинские или греческие корни, чаще – французские или английские. Всем известные слова «компьютер», «слайдер», «Принтер» и прочие – пришли в русский язык из английского.

Три великих языка: латинский, древнегреческий и санскрит – дошли до нас в только благодаря письменным памятникам, они отражают эллинскую, романскую и индийскую культуры.

Древнегреческий – язык, существовавший на территории греческой ойкумены вплоть до IV века нашей эры, на котором записаны «Илиада» и «Одиссея», великие трагедии, созданные для древнегреческого театра. По сей день

филологи, знакомясь с античной культурой, изучают именно древнегреческий, а не современный греческий язык, чтобы прочитать эти произведения в оригинале. Та же ситуация и с латынью: труды римский императоров и поэтов знакомят нас с той культурой, они сохраняют ту культуру. Санскрит – один из самых сложных языков, древний литературный язык Индии. Все три языка используются только при богослужениях в тех народах, на территории которых распространялись эти языки. Таким образом язык сохранил тот обряд богослужения, который существовал сотни лет назад, практически в первозданном виде.

Есть ситуации, когда язык, будучи мертвым, благодаря энтузиастам может ожить и воскресить ту культуру, которая уже рассеялась по свету и осталась в отдельных песнях, текстах, костюмах и, конечно, в тексте Торы. Иврит. Язык, восстановленный после 18 веков жизни только в литургическом и книжном видах трудом одного ученого – Элиэзера Бен-Иегуды. Он призывал всех евреев говорить на иврите, а его сын был первым человеком, для которого иврит стал родным языком. Постепенное воссоединение народа, обретение им собственной территории свидетельствуют о том, какой силой обладает язык, как он может физически творить национальную и культурную идентичность.

Проанализировав роль языка в сохранении национальных культур с разных точек зрения, можно говорить о том, что язык является образующим и скрепляющим для народа, именно в языке сохраняется, передается и с течением времени претерпевает изменения национальная идентичность. Появление языка и второй культуры отделило человека от животного, и язык же и культура отделяет одну народность от другой.

Источники:

1. Большой Энциклопедический словарь, 2000 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).
2. David Crystal. Language and questions of Culture. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-5172.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
3. Киржаева В. П. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие. – Саранск: Филологический факультет НИ МГУ им. Н.П. Огарёва, 2010. – 119 С.
4. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Москва: Директ-Медиа, 2011. – 100 С.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. [Электронный ресурс] -Режим доступа: http://vassilenkoanatole.narod.ru/olderfiles/1/potebnay_mysl_i_yazyk.pdf. (дата обращения 22.01.2021)

---

*Y. V. Poyarkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
M. A. Chalaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

LANGUAGE IS THE KEY TO UNDERSTANDING THE NATION

Language is formative and consolidating for the people, it is in the language that national identity is preserved, transmitted and undergoes changes over time. Language is the spiritual essence of the people, the "key" to understanding the nation. We think and see the world as our language calls it.

Preservation of language, preservation of culture, folklore, writing, historical grammar

УДК 811.133.1

Е. Ю. Шиянова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: eugenia.shiyanova@gmail.com)

ЗАЩИТА И СОХРАНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ МНОГОВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ФРАНЦИИ

В статье исследуется вопрос о защите и сохранении французского языка как национального достояния Франции на законодательном уровне. Рассматривается отношение государства к региональным языкам и иноязычным заимствованиям, то есть к тому, что может угрожать национальной самобытности и культуре французского народа.

Французский язык, английский язык, региональные языки, англицизмы, языковая политика, заимствования, культурное наследие, Французская Академия

В наше время, в эпоху глобализации, в некоторых европейских странах все чаще стал появляться страх по поводу возможной утраты национальной идентичности и культуры. Этот страх возникает, как правило, в связи с все большим наступлением английского языка во всех сферах человеческой деятельности. Многие исследователи уже даже говорят о «гегемонии» английского языка, так как он все больше становится универсальным средством общения. Но только сохраняя и защищая свой родной язык, можно сохранить национальную культуру, историю и традиции своего народа.

Чтобы понять, какую роль играет национальный язык в деле сохранения национальной культуры, нужно прежде всего понять, какая связь существует между двумя этими понятиями. Неоднозначность этой проблемы свидетельствует о ее сложности и многогранности, вследствие чего ее актуальность не только не исчезает, а привлекает внимание все большего количества исследователей.

Немецкий философ и языковед, основатель берлинского университета В. фон Гумбольдт один из первых установил неразрывную связь между языком и национальной культурой, рассматривая язык как «средство формирования нации на основе общности культуры, выражающей самобытную внутреннюю форму «духа народа»» [1]. Он продолжил развивать идею «народного духа», которая использовалась во французской философии эпохи Просвещения 18 века при объяснении различий национальных характеров. Особенно повлиял на него трактат французского философа Ш. Л. Де Монтескье «О духе законов» (“De l’esprit des lois”), опубликованный в 1748 году.

Идеи Гумбольдта подхватили многие зарубежные и отечественные ученые, исследовавшие взаимосвязь языка и культуры. Так, например, Э. Сепир считал, что язык, воплощая своеобразие народа, является базисом культуры

[2]. Тем самым он выдвигал положение о специфике культуры и языка и о том, что вне языка культура просто невозможна.

Российский лингвист и культуролог С. Г. Тер-Минасова, исследуя взаимосвязь языка и культуры, приходит к выводу, что «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него и одновременно формируют его» [3, С. 39].

Родной язык очень прочно связывает любой народ с его историческим прошлым, национальными традициями, что дает ему возможность не потерять связь со своими предками, с их культурным наследием, а сохранить культуру и передать ее будущим поколениям. Следовательно, одной из функций родного языка является хранение культурных ценностей в формах письменной и устной речи, передачи сокровищ национальной культуры из поколения в поколение и формирование человека путем создания особого видения мира и менталитета [1].

Из выше сказанного следует, что культура и язык немыслимы друг без друга и тесно взаимосвязаны. Чтобы сохранить национальную культуру, необходимо бережно относиться к своему языку, носителю этой культуры, поскольку именно с помощью языка она передается из поколения в поколение. Язык необходимо оберегать от засилья иноязычных заимствований, ответственно относиться к национальным языковым традициям. Язык нужно защищать и охранять также, как и природу, так как язык - это культурная среда обитания человека, и в ней происходят практически те же самые процессы, что и в природной среде.

Для решения этих задач необходима обоснованная языковая политика, проводимая на законодательном уровне. Только это поможет народам при общей тенденции к глобализации экономики и унифицированию языков сохранить свою уникальность и национальную идентичность.

Франция – это одна из тех стран, где существует государственная политика в области языка и культуры, возглавляемая министерством и многочисленными национальными учреждениями. Эта культурная политика усилилась на заре V Республики с созданием Министерства по делам культуры по инициативе писателя Андре Мальро. Это было связано с тем, что в стране, где язык считается национальным достоянием, в последние годы существует определенный страх по поводу утраты французской идентичности и культуры в европейском пространстве и в условиях наступления английского языка.

Нельзя не упомянуть и о том, что во Франции проживает большое количество иммигрантов, в связи с чем происходит как межрассовое смешение, так и культурное (*metissage culturel*). Интеграция во французскую культуру культурных традиций иммигрантов вызывает неоднозначную реакцию у французского государства в связи с опасением утратить национальную самобытность.

Этого французы никак не могут допустить, так как они очень гордятся своей культурой и достижениями в области культуры. Еще Шарль де Голль активно продвигал понятие французского «величия».

Французское правительство традиционно играет важную роль в поддержке французского языка и культуры посредством образовательной, лингвистической, культурной и экономической политики правительства и посредством продвижения национальной самобытности.

В настоящее время свидетельством того, что лингвистическая политика проводится, является создание высшей языковой инстанции – Высшего Совета французского языка. В компетенцию Совета входят вопросы функционирования языка в самой Франции (внутренняя языковая политика) и использование его в мире (внешняя языковая политика), а также Совет занимается проблемами сохранения целостности языка во франкоговорящих странах.

Французский язык стал официальным языком Французской Республики на основе Конституционного закона от 25 июня 1992 г., внесшего изменение в статью 2 Конституции Франции, которая гласит, что языком Республики является французский язык [4]. До этого французский язык был фактически официальным языком Французской Республики, но это не было закреплено на законодательном уровне.

Современный французский язык – это результат многовековой истории, в течение которой в состав государства был включен ряд исторических провинций и заморских территорий. Все эти регионы развивались со своими собственными специфическими культурными и языковыми традициями, поэтому концепции «французский язык» и «французская культура» создают определенные трудности в описании в связи с неоднозначностью выражения «французский». Когда мы употребляем это прилагательное, мы, как правило, обозначаем им все, что относится к определенной географической единице, а именно метрополии Франции, исключая ее заморские территории. Но сама метрополия еще до конца 19 века была настолько неоднородной, что ее можно было сравнить с «лоскутным одеялом», «сшитым» из местных обычаев и региональных различий, в частности языковых [5].

Региональная идентификация, выраженная в разнообразных культурах и связанная с региональными языками, по-прежнему существует благодаря огромной работе государства, проводимой в области языков и культуры.

По оценкам лингвистов во Франции существует около 75 региональных языков. Региональные языки часто называют диалектами, на которых говорят местные жители различных регионов Франции. Существуют диалекты романского происхождения, например, окситанский; германского происхождения, например, эльзасский, лотарингский, фламандский; кельтского происхождения, например, бретонский и т.д. Хотя региональные языки не считаются официальными языками, Конституция, тем не менее, признает ценность их культурного наследия, так как множественность языков формирует культурную самобытность Франции.

В разные исторические периоды к региональным языкам и культурным различиям во Франции относились по – разному. То французское государство стремилось объединить страну вокруг культурной и языковой нормы, то способствовало региональным различиям в рамках неоднородной французской идентичности. Но, надо сказать, что языковая политика во Франции проводилась уже с незапамятных времен. Так революционная Франция начала борьбу с региональными языками по инициативе Анри Грегуара, выдающегося гуманиста 18 века. Он представил Конвенту «Отчет о необходимости и средствах уничтожения наречия и универсализации французского языка» [5].

На рубеже 20 века Третья республика, стремясь объединить всех французов, возобновила борьбу против диалектов, наречий и народных традиций. В 1951 г. Закон Дейсона разрешил факультативное преподавание региональных языков во Франции, но закон Тубона, принятый в 1994 году все еще значительно ограничивал использование региональных языков. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к расширению права отличатся от других и признанию специфики этих региональных языков. В последние годы, чтобы сохранить региональное разнообразие, многие во Франции придерживаются принципа мультикультурализма на основе реформы по сохранению региональных языков и децентрализации некоторых государственных функций.

Культурная политика Пятой республики не всегда была однозначной, но в настоящее время существует некий консенсус в отношении необходимости сохранения французского регионализма до тех пор, пока он не подрывает национальную идентичность.

7 мая 1999 года была подписана Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств. Президент Франции Николя Саркози, избранный в 2007 г. заявил, что выступает против ратификации Хартии. Несмотря на это почти все положения Хартии уже применяются без изменения действующих законов. Миссию учитывать, наряду с французским языком, региональные языки теперь имеет Генеральная делегация французского языка и языков Франции (DGLFLF), созданная в 1989 г. Согласно DGLFLF языки, называемые региональными языками это те, на которых французские граждане говорят на национальной территории достаточно долгое время, чтобы быть частью общего богатства и составляют «живое творческое нематериальное наследие» (“un patrimoine immateriel vivant et creatif”) [4].

На данный момент региональные языки остаются без официального признания и статуса, хотя составляют богатое культурное и лингвистическое наследие страны, и каждый год 400 тысяч школьников изучают их в государственных и частных школах и говорят на них дома. Такое отношение к региональным языкам остается непонятным. Так французский лингвист Клод

Ажеж задается вопросом о том, почему Франция не может принять языковое разнообразие на своей территории, если она выступает за него в рамках международных организаций. Видимо, считает Ажеж, что тенденции к централизации государства так сильно укоренились в менталитете, что считается,

что это может подорвать неделимость республики и уникальность французского народа [4]. На самом же деле, по мнению многих лингвистов, то, что региональные языки претендуют на место рядом с французским языком, «во все не трагично». Они являются частью истории Франции и мирно сосуществуют с французским [6].

Одной из первых организаций, которая перешла под контроль государства и стала официальным органом контроля над французским языком стала Французская Академия, созданная в 1635 г. Министром Людовика XIII, кардиналом Ришелье. Именно с создания Академии и началась борьба за сохранение и «чистоту» французского языка и укрепилась объединяющая роль языка в национальной культуре. Академия устанавливает официальный стандарт языкового пуризма, однако этот стандарт, не являющийся обязательным, а только рекомендательным, иногда игнорируется самим правительством.

Основной работой академиков является составление словаря французского языка. Язык связан со всеми сферами человеческой жизни и деятельности, поэтому отражает их и реагирует на их изменения появлением новых слов, в то время как другие слова выходят из употребления. И, чтобы оставаться «живым», язык должен выражать современный мир во всем своем многообразии. Создание новых слов для обозначения реалий сегодняшней жизни является необходимостью.

Так еще в 1827 г. В предисловии к пьесе «Кромвель» великий французский писатель В. Гюго, проявляя свою признательность и восхищение к своему языку, писал: «Язык Монтеня больше не язык Рабле, язык Паскаля больше не язык Монтеня, язык Монтескье больше не язык Паскаля. ... Языки подобно морю, они постоянно колеблются. ... Каждое столетие что-то приносит и отнимает. Что с этим делать? Это фатально» [7].

Каждый год Французская Академия принимает по 10-15 новых слов, которые после бурных обсуждений входят во французский язык. Пополнение состава французского языка идет достаточно активно как за счет различных словообразовательных моделей, так и за счет заимствований из других языков. Количество англицизмов во французском языке становится все больше, что вызывает у многих определенную тревогу. Многие лингвисты считают это угрозой для французского языка, но использование англицизмов иногда необходимо за неимением в родном языке слова для обозначения того или иного предмета или явления.

31 декабря 1975 г. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и других языков. Этот закон, названный законом Ба-Лариоля, предписывал обязательное использование французского языка в рекламе, вывесках, всевозможных инструкциях и документах.

В 1994 г. по предложению министра культуры Жака Тубона был принят закон «Об использовании французского языка», который предписывал везде заменять англицизмы французскими эквивалентами, а 5 августа 2019 г. был

опубликован твит к 25-ой годовщине принятия этого закона, где министр культуры при правительстве Макрона Франк Ристер, призвал французов общаться на французском на фоне засилья языка англицизмами.

Учитывая риск увеличения иноязычных заимствований во французском языке, было основано множество ассоциаций для защиты французского языка, как, например, ассоциация «Защита французского языка» (DLF), основанная в 1958 г. журналистом Полем Камю. Сегодня эта ассоциация насчитывает более 3000 членов во Франции и за ее пределами.

Из всего выше изложенного можно сделать вывод, что защита французского языка и национальной культуры на протяжении веков была одним из важных направлений политики французского государства, начиная с создания Французской Академии. Это дело было продолжено такими государственными деятелями, как Шарль де Голль, Жорж Помпиду и многими другими, так как язык в конечном итоге составляет национальное достояние и определяет нацию. Французский академик Эрик Орсенна как-то сказал: «Что объединяет страну? Валюта? Евро используют около 20 стран. Границы? Ничего не осталось. Моя родина -это язык» [8].

Источники:

1. Нейман Е. А., Гураль С. К., Смокотин В. М., Бовтенко М. А. Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании.

URL: <http://cyberleninka.ru>article>vzaimootnosheniya-yazykov-i-kultur-i-rol-kultury-v-yazykovom-obrazovanii> (дата обращения: 17.01.2021).

2. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ./Э.Сепир; ред. и предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс: Универс, 1993. 654 с.

3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, М.: Слово – 2000, 166 с.

4. Histoire du francais: Le francais contemporain. URL : http://axl.cefano.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s9_Fr-contemporain.htm (дата обращения: 22.01.2021).

5. Culture de France/ URL: http://ru.gaz.wiki/ Culture_of_France #French_culture (дата обращения: 22.01.2021).

6. Ma patrie, c'est la langue francaise , Albert Camus. Seance publique annuelle. Helene Carriere d'Encausse. URL : <http://academie-francaise.fr/ma-patrie-c'est-la-langue-francaise-albert-camus-seance-publique-annuelle> (дата обращения: 2.02.2021).

7. Histoire du francais. Langue classique, langue universelle. URL : http://herodote.net/Langue_classique_langue_universelle_3_3-syntese-2088-450.php (дата обращения: 2.02.2021).

8. Les francais aiment les mots. URL : <http://lefigaro.fr/livres/2013/04/24/03005-20130424> (дата обращения: 22.01.2021).

E. Y. Shiyanova (Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***PROTECTION OF THE FRENCH LANGUAGE AS A FACTOR OF
PRESERVATION
CENTURIES OF FRENCH CULTURE***

The article explores the protection and preservation of the French language as the national treasure of France at the legislative level. The paper considers the attitude of the state to regional languages and foreign-language borrowing, that is, to something by which the national identity and culture of the French people may be threatened.

The French language, the English language, regional languages, Anglicisms, language politics, borrowing, cultural heritage, French Academy

УДК 81.42

Н. Ф. Щербак (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: n.sherbak@spbu.ru)

**ПОВЕРХНОСТНОЕ ЧТЕНИЕ:
ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА)**

В статье рассматривается феномен «поверхностного» и «симптоматического чтения», которые маркируются определенным этапом развития «теории текста» и устанавливает новые законы в теории интерпретации текста. Данный подход сочетается с психоаналитическими трактовками текста, рассмотрением историко-культурологического контекста. Данное положение согласуется и в некоторой степени противопоставлено современной тенденции мета-модернизма, который «сжимает» нарративное пространство, присваивает «чужое», фактически «уклоняясь» от «поверхностной» интерпретации, которая позволяет увидеть глубокие пласты нарративной ткани. Исследовательская часть представляет собой анализ текстов А. Конан Дойла, изданный в качестве научно-популярной книги. В статье приводятся примеры из комментариев к рассказу «Пестрая лента».

Поверхностное чтение, симптоматичное чтение, культурологический контекст, нарратология, интерпретация, память, психоанализ

Важнейшей проблемой на сегодняшний момент становится процесс «сжатия» информации, передачи ее в сокращенном виде. Это касается, как литературных текстов, так и публицистических, как пространства письменной речи, так и поля интернетной коммуникации или взаимодействия. Определенная традиция, которая стоит за жанром многих околослитературных текстов историками культуры определяется как мета-модернизм, который представляет собой направление в литературе, культуре, искусстве, для которого характерно «сжатие», определенное упрощение, анализ структуры чувства [1], некоторого рода «наивность», тотальное присвоение чужого, ранее созданного материала [2]. Подобная тенденция охватывает определенные области искусств и культурного пространства, при этом метамодернизм, в некоторой степени, значительно меньше предполагает «глубину» [3], предоставляя информацию или художественное произведение в более схематичной форме.

Если рассматривать более традиционные тексты (гранд-нарративы, постмодернистические тексты) нужен ли контекст, и какого рода «чтение» необходимо применять, какой способ чтения будет «действовать» в рамках

взаимоотношения писатель-книга-издатель-читатель? Для того, чтобы пояснить, что именно имеется в виду, необходимо обратиться к контексту. Обычному читателю известно, что Артур Конан Дойл писал детективные истории, менее известно, что он профессионально увлекался историей, изучал документы, публиковал статьи о Бурских войнах, был категорически против колониаторской политики Великобритании, призывал не праздновать победу при Трафальгаре открыто, так как считал, что этот день весьма неоднозначен для жителей Франции. Привносит ли информация о том, что Конан Дойл был врачом, нечто новое в понимание его произведений? Важно ли знать, что образ Шерлока Холмса трансформировался от одного произведения к другому? Или содержание известных произведений может быть сведено к простым схемам?

В «Пестрой ленте» мы читаем: «Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, – а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти...» [4]. К чему реферирует данная информация? Дело в том, что в общей сложности Шерлок Холмс появляется в 56 рассказах и 4 повестях Артура Конан Дойла. В большинстве случаев повествование ведётся от имени лучшего друга и спутника Холмса — доктора Ватсона. Первое произведение о знаменитом детективе, повесть «Этюд в багровых тонах», написано Артуром Конан Дойлем в 1887 году (начато в марте 1886). Последний сборник, «Архив Шерлока Холмса», опубликован в 1927 году. Некоторые холмсоведы утверждают, что Шерлок родился в 1854 году, а действие первого рассказа о нем, «Этюда в багровых тонах», они же относят к 1881 году, когда Шерлоку было 27 лет, как и Дойлу в период написания этой книги. По поведению Шерлока, однако, кажется, что он даже не ровесник автора, а совсем мальчик [4].

В «Пестрой ленте» есть такие слова: «проснувшись в одно апрельское утро 1883 года...» [4]. Насколько важен этот год? В комментариях к тексту Конан Дойла мною даны такие разъяснения: «Для некоторых историков Великобритании 1883 год примечателен тем, что тогда был проведен первый матч по крикету между Австралией и Англией. Действительно, 1880-е годы – расцвет Британской колониальной империи, пик викторианской эпохи. Великобритания уже владела почти всеми своими колониями и доминионами, в 1876 году королева Виктория, правившая страной в 1837–1901 годы, стала императрицей Индии. Индустриальная Революция уже завершилась, активно использовался паровой двигатель, появился телеграф. Для удобства сообщения установлено единое время по всей стране (в противовес «местному», которое использовалось ранее). Страна покрылась сетью железных дорог. В Лондоне появились специальные экипажи (смесь современного лондонского автобуса и кареты), которые следовали по определенному маршруту. В 1863 году построена первая станция метро, а в 1884 году будет запущена первая линия, соединяющая западную часть Лондона и Сити. В это же самое время в столице активно орудуют преступники, в 1888 году в районе Вайт-Чапел совершается так и

нераскрытая тогда знаменитая серия убийств лондонских проституток, совершенная Джэком Потрошителем [4].

Перечисленные детали – некоторые из примеров, проведенных мною в комментариях к тексту Дойла, и относятся к разному типу исторических знаний. Они могут говорить о конкретном историческом этапе развития Великобритании, Индии, США, Афганистана, Южной Африки (о которых пишет Конан Дойл), о бытовых реалиях, наконец, о пристрастиях автора, и, более всего, об истории развития известного персонажа Шерлока, его особенностях.

Тем не менее, существует и другой взгляд на интерпретацию текста, несколько отличный. В известной статье “Surface reading: An introduction” (2009) Стивена Беста и Шэрона Маркуса (Stephen Best and Sharon Marcus) [5] изложены основные идеи, которые призывают не отдавать такого явного предпочтения пост-модернистской стратегии [6] прочтения текста с применением одного и того же шаблона: “То, что отсутствует, просто не существует; то, что скрыто, присутствует, но невидимо, не распознано либо потому, что скрыто, либо потому, что неразвито; то, что глубоко, полностью присутствует и, следовательно, теоретически видимо, но расположено так далеко внизу, внутри или сзади по отношению к зрителю, или так полностью покрыто непрозрачной поверхностью, что может быть обнаружено только крайней степенью проникновения или проницательности. Особенно значимы различные коннотации проявленного и поверхностного. Поверхностное ассоциируется с поверхностным и обманчивым, с тем, что может быть воспринято без тщательного изучения и, неявно, оказалось бы ложным при ближайшем рассмотрении” [5, р.3–8].

Сходным образом, Мишель Фуко говорил в одном из своих интервью не об “отношениях, которые являются тайными, скрытыми, более глубокими, чем сознание”, а об “отношениях на самой поверхности дискурса”, которые “делают видимым то, что невидимо только потому, что они слишком очевидно находятся на поверхности вещей”. Для Беста и Маркуса “просто чтение - видеть призраков как присутствие, а не отсутствие, и позволять призракам быть призраками, вместо того чтобы говорить, что они призраки” [7].

Бест и Маркус развивают свою мысль о «поверхностном чтении», упоминая также «симптоматическое чтение», практику, которая включает метод интерпретации, утверждающий, что наиболее интересным аспектом текста является то, что он вытесняет. Как утверждал Фредрик Джеймсон, интерпретация должна поэтому искать «скрытый смысл за явным» [8, р. 60]. Интерпретатор «переписывает поверхностные категории текста на более сильном языке более фундаментального интерпретирующего кода» [8, р. 60] и обнаруживает истины, которые «остаются нереализованными на поверхности текста» [8, р. 48]. Симптоматическое прочтение утверждает, что «смысл текста заключается в том, чего он не говорит, что затем может быть использовано для переписывания текста в терминах мастер-кода. Раскрывая отсутствующую причину,

которая структурирует включения и исключения текста, критик восстанавливает на поверхности глубокую историю, которую подавляет текст» [5, p. 1–10].

Действительно, можно трактовать целые произведения как «психоаналитические», как было мастерски проделано в известной литературоведческой интерпретации «Поворота винта» Генри Джеймса [9, 141–183], в седьмой главе книги (Henry James: *Madness and the Risks of Practice (Turning the Screw of Interpretation)*) автор подробнейшим образом анализирует «психоаналитическую компоненту известного романа». В данном случае, под психоаналитическую интерпретацию попадают не только герои, но и идея организация текста, представляющего собой в некотором смысле «дискурс сумасшествия».

Если рассказ Эдгара Аллана По «Похищенное письмо» (1844) продолжает учить нас, что то, что лежит на виду, заслуживает внимания, но часто ускользает от наблюдения, особенно от глубоко подозрительных детективов, то тексты Конан Дойла позволяют установить и тот факт, что он интересовался политикой (доктор Ватсон неоднократно ссылается на афганские бумаги), и тот факт, что сам Конан Дойл был в раннем возрасте «перемещен» из собственного дома в дом Мэри Бартон, близкой подруги его матери, достаточно известной феминистки. Женские образы Конан Дойла - упрощенные женские фигуры, но те, которые хорошо выписаны, становятся образцами женственности и стойкости (как это видно в несколько произведениях, включая «Пляшущих человечков»).

Проблематика интерпретации, таким образом, затрагивает не только историко-культурологический контекст, но и психолингвистическую составляющую. Возможность включения поверхностного и симптоматического чтения позволяют увидеть за «внешней» стороной письмо глубинные свойства авторской и общечеловеческой психики. Другим возможным инструментарием анализа становится попытка приписать текст к жанру или традиции (как часто делается в связи с мета-модернизмом), что значительно упрощает проблематику понимания глубинных проблем интерпретации.

Источники:

1. Робин ван ден Аккер Т. Вермулен. Метамодернизм, историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: Рипол – Классик, 2020.
2. Хрущева Н. Метамодернизм в музыке и вокруг нее. Рипол-Классик, 2020.
3. Гройс Б. О Новом. Опыт экономики культуры. М.: Ad Marginem Press, 2015
4. Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы //А.К. Дойл. Комментарии и вступ. статья Н. Щербак. М.: АСТ, 2015.
5. Stephen Best & Sharon Marcus, “Surface Reading”. *Representations*. Vol. 108, No. 1, Fall 2009.

6. Hassan, I. "Toward a Concept of Postmodernism", *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA, 1987.

7. Foucault, M. Misl o Vneshnem. Sovremenniye strategii kulturologicheskikh issledovaniy. [La Pensée du dehors. Contemporary strategies of cultural studies]. *Studies of the Institute of European Cultures*. Moscow: RGGU, 2008, pp. 318-334

8. Fredric Jameson, *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, 1981. pp. 61.

9. Felman, S. *Writing and madness. Literature. Philosophy. Psychoanalysis*. California: Stanford University Press, 2003.

N. F. Shcherbak (Saint Petersburg State University)

SURFACE READING: THE IMPORTANCE OF THE CULTURAL AND PSYCHOLINGUISTIC CONTEXT (ANALYSIS OF TEXTS BY ARTHUR CONAN DOYLE)

The article deals with the phenomenon of "surface" and "symptomatic reading", which marks a certain stage in the development of "text theory" and establishes new laws in the theory of text interpretation. This approach is combined with psychoanalytic interpretations of the text. We also consider it important to consider the historical and cultural context for the interpretation of the work. This position is consistent and to some extent opposed to the modern trend of meta-modernism, which "compresses" the narrative space, appropriates previously written, that is, the actual "evades" the possibility of a detailed, "surface" interpretation. The research part is a detailed analysis of the texts of A. Conan Doyle, published in a popular science book.

Arthur Conan Doyle, surface reading, psychoanalysis, cultural context, detective genre

СЕКЦИЯ №5. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 94 (41/99)

Е. П. Каткова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ekaterinak.17@gmail.com)

СУДЬБА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1991-2001 гг.)

Статья посвящена проблеме разрушения памятников исторического и культурного наследия народов бывшей Югославии в период Гражданской войны (1991-2001 гг.). За десятилетие вооружённых конфликтов на постюгославском пространстве были утрачены сотни тысяч исторических артефактов, многие из которых - безвозвратно. Культурный геноцид практиковался всеми воюющими сторонами, что возлагает на каждую из них равную вину и ответственность перед мировым сообществом. Особо массовый характер приобрело разрушение памятников архитектуры и культовых сооружений. Не имея под собой никаких военно-стратегических оснований, оно преследовало цели деморализации противника, гомогенизации «зачищенных» территорий и уничтожения исторической памяти о том или ином этносе.

Югославия, постюгославское пространство, культурное наследие, культурный геноцид, культууроцид, культурная чистка, вандализм, варварство, национальная идентичность, лингвистическая дискриминация.

Понятие о культурном геноциде, или культурной чистке [1, С. 100] как составной части преступления физического геноцида было предложено польским юристом Рафаэлем Лемкиным в 1944 г. Несколько позже в научном обращении появился термин «культуроцид». Наиболее полное определение культууроцида характеризует его как «совокупность мер и действий, предпринятых для уничтожения культуры народов или этнических групп посредством разрушения их духовного, национального и историко-культурного наследия». Культурный геноцид включает в себя уничтожение произведений искусства, памятников архитектуры, книг, архивных документов, музейных артефактов, а также искоренение национальных и религиозных традиций и обычаев; осуществление лингвистической дискриминации.

Наиболее масштабным проявлением культурного геноцида в Европе со времён Второй мировой войны стало уничтожение культурного наследия балканских народов в годы Гражданской войны в бывшей Югославии (1991-2001 гг.), носившее организованный и систематический характер. За годы конфликта европейская и мировая культура утратили порядка нескольких сотен

тысяч уникальных памятников истории и культуры (включая библиотечные издания, архивные документы и пр.). В 2004 г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии впервые в истории вынес обвинительный приговор за преднамеренное разрушение культурного наследия.

Гражданская война в бывшей Югославии считается одним из крупнейших локальных вооружённых конфликтов современности, численность жертв которого составила порядка 160 тыс. человек. Важной особенностью этой войны стало регулярное применение насилия всех воюющих сторон по отношению к гражданскому населению, приобретшее форму этнических чисток.

Югославское государство, созданное в 1918 г., представляло собой политическое содружество югославянских народов в условиях доминирования сербского большинства. Уже в первые годы его существования это вызывало существенное недовольство со стороны хорватов, считавших что их интересы и права в рамках единого государства ущемлены. В 1929 г. Анте Павеличем было организовано ультраправое усташское движение, лозунгами которого стали сербофобия и антисемитизм, а в 1941 г. при поддержке нацисткой Германии появилось и Независимое Государство Хорватия (НГХ). Усташи получили фактически ничем неограниченную власть в пределах оккупированной Югославии, вылившуюся в массовый террор и геноцид сербов.

За победой Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Иосипа Броз Тито последовало провозглашение социалистической Югославии в составе республик Сербии (включая автономные края Воеводина и Косово), Черногории, Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины (БиГ), просуществовавшей в практически неизменном виде до 1991 г. Несмотря на общее югославянское происхождение, каждый народ прошёл свой собственный исторический путь, создав уникальную культуру и сформировав свою национальную идентичность. При этом Хорватия и Словения развивались в рамках западноевропейской цивилизации, в то время как Сербия, Черногория, Босния и Македония на протяжении нескольких веков находились под османской оккупацией. И, если сербам, черногорцам и македонцам удалось сохранить православную веру, то боснийские славяне были частично исламизированы. В XIX и XX вв. это станет предлогом для морального унижения бошняков (или боснийских мусульман) со стороны сербов, следствием чего в 1990-е гг. станет их активная исламизация и радикализация.

В рамках единого государства национальные, конфессиональные и культурные особенности нивелировались. Главной задачей Тито стало создание новой во многом искусственной югославской идентичности. Однако в последние десятилетия страна все чаще сталкивалась с проявлениями сепаратизма, межнациональной и межрелигиозной розни. Особо острый характер межнациональные столкновения приобрели в конце 1980-х гг. в автономном крае Косово, где компактно проживали югославские албанцы, исповедовавшие ислам. Запрос на самоопределение и независимость от СФРЮ здесь был сформирован местной интеллигенцией в условиях безграмотности подавляющего большинства

населения, занятого, в основном, в сельском хозяйстве. Быстрому распространению националистических идей также способствовали низкий уровень жизни и провокационная деятельность албанских дипломатов.

В течение 1991–1992 гг. свою независимость от СФРЮ последовательно объявили Словения, Хорватия, Македония и БиГ – началась серия военных конфликтов, самыми ожесточёнными из которых стали Хорватская (1991-1995 гг.), Боснийская (1992–1995 г.) и Косовская (1998–1999 гг.) войны, сопровождавшиеся гено- и этноцидом, «зачистками» городов и сёл по этническому и религиозному признакам. Главными жертвами этих войн были некомбатанты, часто чуждые национализму и религиозному фанатизму.

Физическое истребление представителей враждебного этноса сопровождалось психологическим и моральным насилием над ними, уничтожением культовых сооружений, исторического и культурного наследия. Целью данных акций было создание гомогенных в этническом отношении районов, в то время как зачастую сами граждане с трудом идентифицировали себя с каким-либо определённым этносом. Браки между хорватами и сербами, сербами и бошняками, бошняками и хорватами были обычным делом, а события Гражданской войны для таких семей стали подлинной трагедией.

Три самых многочисленных народа Югославии объединяло не только общее происхождение, но и единый сербскохорватский язык, который в результате событий 1990-х гг. подвергся политизации, распавшись на сербский, хорватский и боснийский языки. Граница между этими языками и сейчас является более чем условной, однако в годы войны за употребление неверной грамматической или лексической конструкции можно было лишиться жизни. Лингвистическая дискриминация в некоторых республиках бывшей Югославии не преодолена и по сей день.

Уничтожение культурных ценностей, являясь составной частью политики «прерывания» или разрушения национальной идентичности противника, в годы войны в бывшей Югославии носило преднамеренный и организованный характер. Акты вандализма и варварства совершались при молчаливом согласии правительств Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории, Хорватии и БиГ несмотря на то, что ещё в 1955 г. Югославия присоединилась к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей. Избежать ответственности за осуществление массового культурного геноцида бывшим республикам СФРЮ удалось не только в силу отсутствия реальной практики уголовного преследования по подобным делам у ООН и ЮНЕСКО, но и по причине того что ни одна из них не объявила себя правопреемницей Югославии. С юридической точки зрения новоиспечённые балканские государства не могли нарушить положения конвенции, к которой не присоединились.

За годы войны были уничтожены сотни тысяч памятников истории и культуры. Только в одной Хорватии из 204 зданий музеев и галерей было

частично или полностью разрушено 66. 6 551 музейный предмет пропал без вести, 1 430 предметов было уничтожено и 728 повреждено [2, S. 68].

В ходе осады города Вуковара частями Югославской Народной армии (ЮНА) с воздуха был разрушен городской музей, располагавшийся во Дворце Эльц, построенном в стиле барокко в XVIII в. В социалистические времена Вуковар и его окрестности составляли предмет гордости всей СФРЮ как место обнаружения высокоразвитой энеолитической вучедольской культуры. Величественный облик городского центра был основой для развития туризма, составлявшего одну из наиболее значимых статей поступлений в бюджет Вуковара. К концу войны центр города и знаменующий его дворец были полностью разрушены и сожжены.

Три месяца обстрелов и осады «славянских Афин» - города Дубровника (до 1918 г. носил название *Рагуза*) - югославскими войсками серьёзно повредили его уникальный по красоте старый город, внесённый в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Из 824 зданий в старом городе 563 было затронуто огнём артиллерии, а девять зданий были уничтожены полностью [3]. Мировое сообщество тогда не предприняло никаких практических мер для защиты памятников европейской средневековой истории. В 2004 г. впервые в мировой судебной практике в том числе за уничтожение и повреждение культурного наследия в Дубровнике МТБЮ был осуждён вице-адмирал ВМС Югославии Миодраг Йокич. В 2005 г. суд над генералом ЮНА Павле Стругаром постановил, что «обвиняемый виновен в артиллерийских обстрелах старого города Дубровника, длившихся 10,5 часов и представлявших собой намеренное нападение ЮНА на гражданское население и гражданские объекты» [4]. Стругар был осуждён на 7,5 лет лишения свободы и досрочно освобождён в 2009 г. [5].

С особой фанатичностью в Хорватии, но уже самими хорватами, уничтожались памятники югославской эпохи - в частности, скульптуры, мемориалы памятные доски, посвящённые народно-освободительной борьбе югославского народа против фашистско-усташской оккупации. Антифашизм стал ассоциироваться с «великосербством», «деспотизмом» и «тоталитаризмом» коммунистического режима. Новая хорватская государственность искала свои истоки в истории и идеологии Независимого Государства Хорватии, в этой связи ликвидация остатков югославского прошлого была вполне логичной. Коллективная память хорватского народа, по замыслу идеологов новой власти, должна была окончательно лишиться «опасного» коммунистического балласта. Всего за период с 1990 по 2000 г. на территории страны было разрушено, повреждено и осквернено 2 964 памятника и мемориала, из которых 731 обладали высокой художественной и культурно-исторической ценностью [2, S. 70]. В их числе шедевры скульптора Войина Бакича в селе Каменска и Франа Кршинича в Дубровнике. Сохранившиеся памятники воинам-освободителям и жертвам фашизма подвергаются регулярному осквернению и сейчас, когда война осталась далеко позади. Кроме памятников пострадало и нематериальное историческое наследие: антифашизм был вычеркнут из хорватских

школьных учебников; сотни улиц, площадей, парков, организаций, названных в честь героев и событий коммунистической эпохи, было переименовано. В одном только Загребе переименованию подверглось 1 300 объектов [6, S. 70].

Аналогичному преследованию и истреблению подвергались культурные следы сербского меньшинства, проживающего на территории Хорватии - началась целая кампания по борьбе с кириллическим и православным наследием хорватских сербов. Хорваты постепенно лишались сочувствия мирового сообщества и статуса жертв агрессии, представляя перед ним такими же варварами и вандалами, как и обвиняемые ими сербы и черногорцы.

В результате бомбардировок 25 августа 1992 г. была разрушена Национальная и университетская библиотека Боснии и Герцеговины в Сараево - сгорели сотни тысяч книг, журналов и других периодических изданий, а также уникальные архивные документы. Боснийские исследователи говорят о более чем двух миллионах безвозвратно утраченных библиотечных единиц.

9 ноября 1993 г. Хорватскими оборонительными силами (ХОС) были разрушены Старый мост через реку Неретву и несколько мечетей в боснийском Мостаре. Мост был построен в XVI в. при султани Сулеймане Великолепном в период господства Османской империи на этих территориях. Его разрушение было символическим актом: долгие десятилетия он олицетворял собой мирное сосуществование многонационального населения Мостара и Боснии и Герцеговины в принципе.

И хорваты, и сербы в Боснии, главным образом, уничтожали исламские объекты, так как именно мусульманская вера являлась главной компонентой бошняцкого самосознания. Разрушение мечетей организовывалось в рамках этнических чисток. Согласно боснийским источникам всего за годы войны 1992-1995 гг. было разрушено 614 мечетей, 954 мектеба (мусульманские начальные школы), 557 месджидов (молельных домов), 1 425 вакуфских объекта, 15 текке (суфийских монастырей) [7]. В ночь с 6 на 7 мая 1993 г. в православный праздник Юрьев день в столице Республики Сербской (РС) Баня-Луке были подорваны мечеть Ферхат-паши и мечеть Арнаудия - ярчайшие памятники османской исламской архитектуры XVI в. Всего за годы войны в этом городе было уничтожено 16 мечетей. В 2004 г. МТБЮ признал одного из лидеров боснийских сербов Радослава Брджянина виновным в организации уничтожения мусульманского наследия Баня-Луки и приговорил его к тюремному заключению сроком на 32 года.

В период косовского конфликта албанские сепаратисты осуществляли методичные и спланированные «культурные чистки», направленные на уничтожение многовекового присутствия и следов жизни сербского православного народа в Косово и Метохии (Космете). Менее чем за год косовскими албанцами были разрушены 76 православных церквей, часовен, монастырей и других религиозных построек в Призрене, Ораховце, Дзяковице, Велика Река, селе Дони Закут и других населённых пунктах; была предпринята попытка поджечь митрополию в Пече и церковь Святого Спасителя в Приштине; была

снесена церковь в селе Долац около Клины, уничтожены готические фрески и средневековые мозаики из Киева; были сожжены десятки тысяч экземпляров книг на сербском языке [8]. Пассивное наблюдение за совершением преступлений со стороны КФОР (Силы безопасности для Косово) и МООНК (Миссия ООН в Косово) привело к отчаянию местного сербско-черногорского населения, способствовало эмиграции неалбанцев из Косово и Метохии.

Сербской стороной за месяцы войны были уничтожены бекташское текке Аджизе-бабы в Джяковице, библиотека Хадум Сулейман-аги, основанная в 1595 г.; библиотеки медресе Атик в Пече и Урошеваце, музей Призренской Лиги в Призрене. МТБЮ задокументировал, что 225 из 498 действовавших мечетей в Косове получили повреждения, подверглись вандализму или были разрушены [9]. Характер повреждений свидетельствовал о том, что они не были получены косвенным путём во время ведения боевых действий. Часто пострадавшие памятники находились в окружении строений не подвергнутых серьёзным разрушениям, что подтверждало факт осознанного уничтожения исламского культурного наследия в Космете.

Преднамеренное массовое разрушение культурных и религиозных объектов в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово во время войн 1991-1999 гг. является наиболее масштабным примером разрушения культурного наследия в Европе со времён Второй мировой войны. Мировое сообщество осудило вандализм и варварство воюющих сторон, но не предприняло почти никаких реальных действий для защиты памятников истории и культуры в бывшей Югославии. Культурная катастрофа в самом центре Европы не была побочным эффектом боевых действий, поскольку нападения на культурные объекты в большинстве случаев проводились целенаправленно, систематически и вдали от линии фронта. Особенно значимый ущерб понесла Босния и Герцеговина и её османско-исламское наследие. Первоочерёдными целями вандалов здесь были здания, символизировавшие многокультурность страны и бывшее единство населявших её испокон веков народов.

Несмотря на тот факт, что осуществление культурного геноцида знаменует собой намерение совершить геноцид физический, культуроцид всё ещё не является отдельным преступлением согласно международному праву и не включён в Римский статут Международного уголовного суда. Почти все преступники, осуждённые за культурные чистки в годы Балканских войн МТБЮ, были освобождены досрочно. Подобное отношение способствует маргинализации самой концепции культурного геноцида и распространению наиболее тяжких его проявлений в локальных конфликтах современности [11]. Относительно недавним примером, подтверждающим этот тезис, является уничтожение боевиками ИГИЛ культурного наследия в Сирии и Ираке.

Источники:

1. Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. 14(3). С. 99–111.

2. Sjekavica, Marko. Sustavno uništavanje baštine – prema pojmu kultur-ocida/heritocida // *Informatica museologica*. 2012. Vol. 43. No. 1–4, S. 57-75.
3. United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // Full Contents of the Dubrovnik Indictment made Public. URL: <https://www.icty.org/sid/7948> (дата обращения: 22.02.2021).
4. MKSJ, broj predmeta IT-01-42-T, Tužitelj versus Pavle Strugar, Str. 131-135.
5. Гаагский трибунал освободил экс-генерала югославской армии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1131999> (дата обращения: 22.02.2021).
6. Imamović, Enver. Bezdušno uništavanje kulturnog nasljeđa. URL: <https://balkans.aljazeera.net/opinions/2012/3/13/bezdusno-unistavanje-kulturnog-nasljeda> (дата обращения: 22.02.2021).
7. Zahtev SR Jugoslavije Savetu bezbednosti UN - Zaustaviti uništavanje srpske kulturne baštine i obuzdati teroriste na Kosmetu. URL: <https://arhiva.srbija-info.gov.rs/vesti/1999-12/23/17095.html> (дата обращения: 22.02.2021).
8. Herscher, Andrew. Violence taking place: The architecture of the Kosovo conflict. Stanford: Stanford University Press, 2010.
9. Маркелова А. А. Культурный геноцид: проблема международно-правового статуса // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2019. Т. 13, № 6. С. 118–121.

E. P. Katkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE FATE OF MONUMENTS OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE FORMER YUGOSLAVIA DURING THE CIVIL WAR (1991-2001)

The article is devoted to the problem of the former Yugoslavia peoples historical and cultural heritage monuments destruction during the Civil War. Over a decade of armed conflicts in the post-Yugoslav space, about several thousand historical artifacts have been lost, many of which have been irrevocably lost. Cultural genocide was practiced by all the belligerents, which places equal guilt and responsibility on each of them. The destruction of architectural monuments and places of worship has become especially widespread, lacking any military-strategic grounds and pursuing the sole purpose of demoralizing the enemy and destroying the historical memory of a particular ethnic group.

Yugoslavia, post-Yugoslavian space, cultural heritage, cultural genocide, cultural cleansing, vandalism, barbarism, national identity, linguistic discrimination.

УДК 069.4

Я. А. Бабич (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: letovts@yandex.ru);

М. А. Чалая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: marina.chalaya@gmail.com)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДА К СОХРАНЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Данная статья – попытка рассмотреть современные теории и способы сохранения культурно-исторического наследия с акцентом на изобразительное искусство, так как новые подходы к заботе об изобразительном искусстве требуют некоторой переориентации в отношении их теоретических аспектов, что, в свою очередь, приводит к новой оценке, связанной с социальными, экономическими, экологическими и научными изменениями, влияющими как на социальные роли, так и на всё общество в целом.

Культурные ценности, мировое культурное наследие, реставрация, сохранение, оценка ценности

Многогранный термин «культурно-историческое наследие» близок к сути основ гуманитарности, хотя такое определение восходит к эпохе Просвещения. Однако, суть его выражалась разными способами во всех культурах на протяжении тысячелетий. И тогда, и сейчас это означало естественное наследие, наследие многих поколений.

Новая философия культурного-исторического наследия сочетает в себе культурное и природное наследие в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой в 1972 году. Концепция строго связана с универсальным пониманием наследия, основанном на постоянно развивающейся концепции общего сохранения наиболее ценных памятников культурного и исторического значения.

Изобразительное искусство повсеместно считается продуктом культуры и истории, поскольку люди выражали суть своих мыслей, чаяний и надежд с помощью искусства с доисторических времен до наших дней. Мы попытаемся рассмотреть современные теории и способы сохранения культурно-исторического наследия с акцентом на наследие изобразительного искусства. Современная общественная оценка тесно связана с ценностью наследия, что, в свою очередь, приводит к новой оценке, связанной с социальными, экономическими, экологическими и научными изменениями, влияющими как на социальные роли, так и на всё общество в целом. Новые подходы к заботе об изобразительном искусстве, как материальном, так и нематериальном, требуют некоторой

переориентации в отношении их теоретических аспектов. Также необходима новая формулировка и пересмотр стоимости и оценки.

Многообразие современного мира основано на многогранных обществах с их культурно-историческим богатством. Необходимо понимать и внедрять решения для повышения роли культурного наследия как фактора сплоченности в обществе. В настоящее время цифровая революция, информационные и коммуникационные технологии, туризм и общественный транспорт вызывают быстрые социальные изменения. Специалисты осознают трудности и ответственность. Как отметил Джозеф Раз «... это стало условностью, по крайней мере на Западе, для обозначения практик «художественных форм», в которых мы ищем внутреннюю ценность эстетического опыта [1]. Ожидания в отношении практик и ценностей в изобразительном искусстве, архитектуре, актерском мастерстве, музыке, танцах, декламации и ритуалах развиваются в течение длительного периода времени, радикально различаясь от культуры к культуре и, внутри культур, часто в зависимости от класса и пола» [2].

Теория сохранения в настоящее время занимается вопросом личной и групповой идентичности - больше, чем когда-либо в истории. Некоторые элементы нашей идентичности даны посредством биологии или непроизвольных ассоциаций, тогда как другие выбираются свободно. Важно отметить, что наши роли являются источником не только смысла, но и ответственности: «...у групп тоже есть идентичность, определяемая их культурой, их коллективной памятью и их общими обязанностями, и вытекающая из них, но коллективные идентичности, как отдельные персонажи, как правило, представляют собой смесь хорошее, плохое и безразличное » [1].

Реальное наследие довольно далеко от интерпретации культурного наследия в двадцать первом веке в контексте глобализации и «денежной этики». Профессиональные реставраторы, особенно в последнее время, хотели бы способствовать пониманию и признанию культурно-исторического наследия, а также способствовать повышению осведомленности общественности и её вовлечению в необходимость защиты и сохранения этого наследия.

Наследие изобразительного искусства играет жизненно важную роль в процессах формирования ценностей и консолидации сообществ. Древние цивилизации как Ближнего Востока, так и Египта разработали систему, определяемую как «память», выраженную канонами стили отдельных династий и целых эпох. Начиная с эпохи Возрождения, древнее искусство было общим культурным наследием, универсальным и наднациональным, следовательно, все народы являются его наследниками.

Искусство двадцатого и двадцать первого веков двойственно; мы находим как классические дисциплины, так и новые, нетипичные работы, эксперименты и попытки новых средств выражения. С точки зрения требования передать это наследие будущим поколениям, характерное отсутствие каких-либо правил и технических принципов построения стабильной и постоянной работы. Это

может вызвать беспокойство. Климент Гринберг утверждал, что у каждой формы искусства есть своя собственная система оценки эстетики [3, С. 101–8].

Реставраторы мыслят критически. На практике они широко разделяют рациональное убеждение, что любой отход от традиционных методов в изобразительном искусстве приводит к большому риску для долгосрочного выживания произведения искусства. Эта вера доминировала в западной «высокой» культуре более двухсот лет, начиная с периода романтизма и характерного для него культа художественной свободы.

К сожалению, практика консервации не была изменена в соответствии с потребностями нового искусства, например, в случае импрессионистической живописи. Следовательно, наследие импрессионистов было значительно изменено благодаря использованию популярных в то время методов реставрации, таких как восковые составы, которые изменяют оптические качества и явно непригодны для сохранения тонкой и неуловимой экспрессии картин импрессионистов.

В результате появления концептуального искусства времен Марселя Дюшана и Дада философский аспект расширил сферу заботы о наследии. Из-за введения кинетики, перформанса, а также готовых и эфемерных элементов искусства, которые их сопровождали, современные произведения искусства (включая также новые цифровые носители) могут быть легко уничтожены неправильными методами сохранения и реставрации.

В данный момент ученые наблюдают интеллектуальный прорыв в традиционных знаниях об искусстве и заботе о наследии искусства, как культурно-исторического наследия. Они стоят перед альтернативой: принимает ли общество тот факт, что искусство свободно, и следует ему в его развитии, или мы должны защищать унаследованный художественный канон «изящного искусства»? Академические центры и охраняемые учреждения пытаются совместить обе возможности. Они защищают канон материального культурно-исторического наследия, но не путем дискриминации современного искусства, а, скорее, путем исследования возможностей сосуществования двух разновидностей подходов.

Таким образом, надлежащая практика может проистекать из уважения к сложности знаний, целостной связи искусства и знаний, оптимальной связи науки и практики и дополнительного обращения с материальными и нематериальными элементами. Ряд художников и искусствоведов ищут решение через анализ визуального опыта с использованием современных гуманистических текстов Вальтера Беньямина, Мишеля Фуко и Жака Лакана. Опыт в области семиотики, постструктурализма, психоанализа, культурных исследований стал источником когнитивного подхода.

Однако современное изобразительное искусство не может быть замкнуто в рамки конкретных теорий. Оно диверсифицировано, глобально по своему разнообразию и междисциплинарно по форме. По своей сути свободное искусство может перемещаться между разными мирами, отвергая догмы и определения.

Когда мы заботимся о долговечности произведений искусства, о сохранении культурно-исторического наследия антропогенной цивилизации и об устойчивом сохранении, наш подход должен быть гибким, как к классическим формам, так и к современным.

Двадцатый век и его постструктуралистская теория сохранения культурных и исторических артефактов состояли из компонентов различного происхождения, например, фундаментальных исследований, начинающихся с теорий девятнадцатого века, теорий двадцатого века в духе исторического релятивизма Алоиза Ригля. и Макс Дворжак, и эстетическая теория реставрации Чезаре Бранди. Что сейчас в начале двадцать первого века составляют классический базис теории. В начале двадцать первого века Сальвадор Муньос Виньяс и ряд других ученых составили различные постулаты, интерпретируя экономические вопросы «устойчивого сохранения» и действия различных заинтересованных сторон [4]. Текущие исследования процессов информации и знаний затрагивают различные темы, в том числе правовые основы и роль этики. Что представляется действительно очень важным. Они представлены и подробно обсуждаются в недавно опубликованном сборнике текстов по комплексному уходу за культурно-историческим наследием изобразительного искусства, включая современное искусство [5].

Феномен культурно-исторического наследия, как форма естественной потребности человека в творчестве. является выражением духовной эволюции и развития человека. Это требует, чтобы мы расширили деятельность по сохранению для охвата множество новых задач, введя междисциплинарную модель сохранения изобразительного искусства, отказавшись от хорошо обозначенных методов действия и постоянно применяющихся на практике. Современное разнообразие и расширение культурно-исторического наследия приводит к расширению целей и методов его сохранения, которые выходят за рамки традиционных принципов, сформулированных с европейским уклоном.

Новый характер культурно-исторического наследия и сложность задачи не освобождают реставраторов от ответственности, поскольку они обязаны обеспечить оптимальную заботу об этих формах искусства. Забота об искусстве основана на принципе *primum non nocere* («не навреди») и уважении к множественности искусства. Хотя постулат о сохранении аутентичности относится к материалу, были введены другие концепции аутентичности, такие как аутентичность изображения и идеи, которые гарантируют аутентичность. Учитывая, что художественное выражение также существует в строго концептуальных областях, реставратор должен знать, как сохранить его для будущих поколений.

Новый способ изучения культурного-исторического наследия и произведений искусства должен начинаться с анализа его идеи и формы, определения его ценностей: художественно-исторической ценности (включая эстетическую ситуацию), контекста и концептуального измерения, а также его социально-экономической роли. Сегодня цивилизация осознала, что эффективное использование культурного наследия является одним из важнейших ресурсов мировой

экономики и любые потери культурного наследия невосполнимы и необратимы, эти утраты приведут к духовному оскудению общества в целом и не могут быть компенсированы созданием новых произведений.

Источники:

1. Raz, J. 2001, Value, Respect, and Attachment, New York: Cambridge University Press.
2. Gillman, D. 2010. The Idea of Cultural Heritage. New York: Cambridge University Press.
3. Greenberg, C. 1961. Modernist painting. Arts Yearbook 4, New York.
4. Muñoz Viñas, S. 2005. Contemporary Theory of Conservation, Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann.
5. Szmelter, I. (ed.). 2012a. Innovation Approaches to the Complex Care of Contemporary Art, London: Archetype Publications and Warsaw: Wydawnictwa ASP.
6. Caple, C. 2000. Conservation Skills - Judgement, Method and Decision Making. Routledge, New York and London.
7. Dutton, D. 2009. The art instinct: beauty, pleasure, & human evolution. Oxford University Press.

M. A. Chalaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. A. Babich (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**MODERN PROBLEMS OF THE APPROACH TO THE PRESERVATION OF
CONTEMPORARY CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE**

This article is an attempt to consider modern theories and ways of preserving cultural and historical heritage with an emphasis on the visual arts, since new approaches to the care of the visual arts require some reorientation in relation to their theoretical aspects, which, in turn, leads to a new assessment related to social, economic, environmental and scientific changes affecting both social roles and society as a whole.

Cultural values, world cultural heritage, restoration, conservation, value estimation

УДК 3.32.321.01

А. Х. Бугазов (*Кыргызско-Российский Славянский университет, e-mail: abugazov@rambler.ru*)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются особенности формирования евразийской модели политической системы общества. Несмотря на поливариантность евразийской формы политического бытия, в ее содержании отчетливо проявляется ряд характерных черт, к числу которых можно отнести особые отношения между государством и обществом, государственный социально-правовой контроль, призванный способствовать поддержанию целостности и организованности общества в процессе его функционирования. Одной из основных черт для евразийской модели общества является политическое лидерство, построение сильной вертикали власти и участие силовых структур в ее функционировании.

Евразийство, демократия, общество, цивилизация, политическая система, культура.

Сегодня, на фоне наблюдаемого кризиса «традиционной» демократии, все больше исследователей говорит о возможности формирования такой модели политической системы общества, как «евразийская». Сразу отметим, что в контексте данной статьи под понятием «евразийский» имеется в виду не географическое пространство, а находящееся в процессе формирования, геополитическое объединение исторически и ментально связанных между собой народов, большей частью, расположенных на территории бывшего Советского Союза. Безусловно, становление такого объединения задача не одного дня и, может быть, не одного поколения. Тем не менее, несмотря на незавершенность процесса и поливариантность понимания евразийской формы политического бытия, в ее содержании уже сегодня можно заметить ряд характерных черт.

Прежде всего, это «особые отношения» между государством и обществом, под которыми чаще всего имеется в виду роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений. Причем в той сфере, которая с точки зрения западноевропейского менталитета относится к гражданскому обществу, то есть находящейся вне зоны административного внимания и влияния государства. В данном случае речь идет о том, что в литературе квалифицируется как функция государственного социально-правового контроля, которая призвана способствовать поддержанию целостности и организованности общества, разрешению противоречий и конфликтов, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Как свидетельствует практика, любое ослабление социально-правового контроля со стороны государства ведет к появлению в

обществе деструктивных процессов и разрушению в нем тех же демократических институтов.

Данное обстоятельство позволяет говорить о такой характерной особенности евразийского типа государственности, как наличие сильной вертикали власти, без которой система государственного управления утрачивает свою эффективность. Этим определяется и значительная роль силовых структур в построении и функционировании данной системы управления.

В политической системе большинства евразийских стран, огромное значение отводится личности, стоящей у власти. По сути, власть в евразийском обществе носит персонифицированный характер. Глава государства наделяется харизматическими качествами и позиционируется не только как лидер конкретной партии, но и нации, общества в целом. Не удивительно, что и правящие партии здесь, представляют собой политические объединения лидерского типа, а среди форм правления преобладают президентско-парламентская или президентская.

Понятно, что в самой модели подобной политической системы как таковой, опасности для демократии нет. Основной ее недостаток проявляется в слабости или даже отсутствии реальной многопартийности, а вместе с ней и сильной политической конкуренции. В этих условиях, партийная система приобретает часто формальный, искусственный, а иногда иррациональный характер. Например, в Кыргызстане, понятия: «партия», «род, клан», «политический лидер» по сути, означают одно и то же и отражают устоявшуюся систему социально-политических отношений. Поэтому, политические партии в Кыргызстане есть, но партийного разнообразия в точном смысле этого слова нет. Если партии и различаются, то близостью их лидеров к рычагам реальной власти.

Дело в том, что, даже в относительно благополучный, советский период своей истории, когда кыргызский народ позиционировался как единая нация, достигшая значительных успехов в своем социальном развитии, трайбализм, (можно сказать шире – традиционализм) в психологии кыргызов, латентно, а иногда явно продолжал влиять на отношения в обществе. Поэтому, казалось бы, забытые формы мировосприятия, столь быстро «воскресли» в сознании народа после обретения суверенитета.

Подобная триада: «партия – род – лидер», таит в себе большую опасность легко трансформироваться в авторитаризм или тоталитаризм. Чем больше полномочий и государственной власти у одной личности, тем более реальна угроза тирании, А. Токвиль писал об этом еще в XVIII веке [1, С.497]. Однако и сегодня, можно найти немало примеров того, как тот или иной лидер на региональном или государственном уровне, придя к власти, стремится закрепить ее за собой лично, надежно обеспечить ее сохранность и преемственность. С этой целью можно изменить Конституцию, провести референдум, главное, что бы парадигма данной структуры власти не менялась. Как показывает практика, кардинально изменить такую ситуацию пока не удалось.

Многие специалисты, особенно зарубежные, объясняют это традиционно образом – демократическое общество есть результат экономической свободы, в своей основе оно представляет конгломерат самодостаточных индивидов и их групповых объединений. Евразийское же сообщество, имея в виду постсоветские страны либо еще не достаточно свободно, либо в принципе не способно к демократии [2].

Очевидно, что такое «объяснение» ничего не объясняет, но главное даже не в этом. Может показаться парадоксальным, но проблема в том, что реальной альтернативы персонификации власти в евразийском обществе пока просто нет. В противном случае, власть теряет контроль над ситуацией, социальные связи начинают распадаться, развитие замедляется и в обществе возникает кризис. Многие исследователи замечали эту особенность политического устройства общества еще в эпоху кочевой демократии. Известный тюрколог, этнограф А.Н. Бернштам писал: «Только крепкая рука хана, в состоянии держать в покое и боевой готовности государство кочевников, ... кочевническое государство сразу распадается, когда крепкая рука хана ослабевает и становится бессильной» [3, С. 25].

Если обратиться к истории крупнейшей евразийской державы – России, то и здесь доминантой в структуре власти является фигура «сильной личности». Не случайно в обыденном сознании все значимые «осевые» этапы истории имеют личностное определение: «эпоха Ивана Грозного», «Петра I», и т.д. Даже в советское время, историки отмечали, что в России, больше чем в какой-либо другой стране, «все решало активное меньшинство, не десятки и сотни уездов, не тысячи и миллионы людей, а средоточие властей - Петербург» [4, С. 50].

Либерально настроенные оппоненты активно возражают, против такого рода утверждений, говоря, что с тех пор культурно-исторический ландшафт общества стал совершенно иным и такие суждения уже ничего не доказывают. При этом и противники, и сторонники евразийского пути развития не отрицают того, что учет «особого национально-исторического уклада», то есть национальных особенностей психологии, культуры, истории народа в проводимых реформах - действительно одно из важнейших и обязательных условий их эффективности. «Ментальные основания, – утверждают исследователи, – вещь жесткая, и, несмотря на существование в эпоху высоких технологий, предполагаемой объективной тенденцией истории глобализации с ее универсальными ценностями и принципами бытия, именно они диктуют правила жизни, как в обществе, так и государстве» [5]. Однако никто не объясняет, что именно представляет собой «учет национально-исторических особенностей» в конкретно – практической плоскости.

Примечательно, что чаще других на «национально-исторический уклад жизни» ссылаются недобросовестные политики в своих корыстных интересах. Когда в ответ на инновационные устремления общества можно услышать, что это покушение на ценности национальной культуры. Поэтому сама по себе

констатация факта не имеет никакой методологической составляющей, поскольку это никак не расширяет дискурс реформирования политической системы евразийского общества.

На наш взгляд, вопрос сочетаемости культурных традиций прошлого с политической реальностью в евразийском сообществе, лежит в контексте отношения таких понятий, как «культура» и «цивилизация». Культура как способ миропонимания, мироощущения в своей основе носит уникальный, неповторимый характер, что в свою очередь влияет на специфичность и своеобразие истории каждого народа. Миропонимание предполагает наличие определенных норм и ценностей, на основе которых формируются потребности, как индивида, так и общества в целом. Их реализация предполагает определенную организацию жизнедеятельности общества - экономическую, политическую и т.д., которая находит выражение в способе производства, политической системе, то есть в тех формах, в которых происходит жизнедеятельность общества. Их совокупность, способ функционирования определяют содержание цивилизации. Данное понятие, в отличие от культуры, предполагает стандартизацию, унификацию осуществляемых процессов, поскольку ее основной задачей является наиболее полное удовлетворение растущих потребностей человека в материальной и духовной сфере.

Таким образом, исторический прогресс - это не только развитие культуры, связанное с изменением отношения человека к природе, обществу и самому себе, ибо это отношение (противоречивое по своей природе), выраженное в различных теориях, концепциях и т.д., по сути, остается неизменным на протяжении многих столетий. Сдвиги в общественном бытии человека связаны, прежде всего, с развитием цивилизации, то есть с уровнем организации жизнедеятельности, с тем, каким образом и на какой основе происходит взаимодействие элементов, составляющих ее содержание.

Все становится на свои места, если признать, что Кыргызстан, как и большинство постсоветских стран со своей самобытной культурой, являются акторами формирующейся евразийской цивилизации. В этом смысле евразийское сообщество способно и готово воспринимать все инновации современного мира, что оно собственно и демонстрирует уже не первое столетие. Менталитет, наряду с другими элементами своей «родовой» культуры, по аналогии с «фильтрами внимания» отбирает позитивные и новые для своей культуры, явления и достижения окружающего мира и встраивает их в собственную цивилизационную систему.

В зависимости от обстоятельств, этот процесс может происходить в виде аккультурации или межкультурного взаимодействия. Естественно иногда он может носить болезненный характер, однако без такого взаимодействия не может быть цивилизационного развития. Более того, разрешение возникающих при этом противоречий, представляет собой источник социального развития в современных условиях.

Только не следует упрощать этот процесс до уровня эклектического восприятия мира. Цивилизационное развитие выглядит столь же сложно и полимерно как формирование нейронных связей в коре головного мозга. Точно также как генетический код хранит и передает из поколения в поколение программу развития и функционирования живых организмов, культура общества хранит в себе код своего будущего цивилизационного развития.

Политические системы, как элемент цивилизационной структуры общества, могут быть похожи друг на друга, но по смыслу тех категорий, из которых она состоит (свобода, демократия, государство и т.д.) далеко не всегда. Поскольку последние являются частью духовной культуры. Однако данное обстоятельство не может служить препятствием для реформирования политической системы в евразийском сообществе. Главное, что бы наше понимание ни выходило за рамки общечеловеческих ценностей и соответствовало собственной «родовой» культуре. Тогда, эти принципы с необходимостью станут частью евразийского цивилизационного развития.

Источники:

1. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
2. Сьюзан Эллиотт: Свобода и стабильность не исключают друг друга – интервью корреспонденту российского издания «Коммерсантъ». URL: // <http://ca-news.org/news/638301> (дата обращения: 09.11.2019)
3. А. Н. Бернштам Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI-VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. // Труды института востоковедения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
4. Эйдельман Н. «Революция сверхху» в России. М.: Книга, 1989.
5. Урманбетова Ж. К. Коронавирус, либерализм и будущее Кыргызстана // ЦентрАзия. URL: // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1588852560> (дата обращения: 09.01.2020)

A. N. Bugazov (Kyrgyz-Russian Slavic University)

FEATURES OF THE FORMATION OF THE EURASIAN MODEL OF THE POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY

The article talks about the peculiarities of forming the Eurasian model of the political system of society. Despite the different understanding of the Eurasian form of political existence, its contents clearly show a number of characteristic features, which include the special relationship between the state and society, state social and legal control, designed to contribute to the maintenance of the integrity and organization of society in its functioning. One of the main features for the Eurasian model of society is political leadership, building a strong vertical of power and the participation of power structures in its functioning.

Eurasia, democracy, society, civilization, political system, culture

УДК 93/94

А. Б. Гуркин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: abgur313@mail.ru)

Я. А. Гуркин (Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, e-mail: yargur@mail.ru)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

Рассматривается история становления российской пенитенциарной науки. Подготовка и ход тюремной реформы 1979 года. Освещается история выработки нормативной базы, регулирующей отношения в пенитенциарной сфере. Вскрываются проблемы, с которыми сталкивалось Главное тюремное управление при проведении реформы.

Пенитенциарная наука, тюрьмоведение, Главное тюремное управление, тюремная реформа, тюрьма, каторга, ссылка, идентификация и регистрация преступников

Повышенное внимание к вопросу о модернизации пенитенциарной системы России в правительственных и общественных кругах проявляется во времена царствования Николая I. Вызвано это было рядом обстоятельств. Прежде всего, это переосмысление целей наказаний и гуманизация способов воздействия на преступников. Если в предыдущие века целью было демонстративное устрашение, то теперь в русском обществе постепенно начинает утверждаться идея, высказанная еще в эпоху Просвещения, о необходимости перевоспитания преступников. Во второй половине XIX века в России происходит отказ почти от всех видов физических наказаний, которые заменяются тюремным заключением, ссылкой и каторгой.

Единого мнения о том, что должно развиваться в системе наказаний в приоритетном порядке, не существовало. Казалось, что каторга и ссылка в отдаленные регионы империи наиболее простой, быстрый, требующий меньших финансовых затрат способ решения проблемы. Однако, каторга и ссылка позволяли решить лишь одну из целей наказания - изоляцию преступников, но не их перевоспитание и исправление. К середине XIX века европейская правовая мысль, усилиями основоположников пенитенциарной науки Д. Говарда и И. Бентама придерживалась мнения, что «ссылка лишь перемещает зло из одного места в другое», а тюремное заключение позволяет держать преступника под контролем и постоянно воздействовать на него различными способами, побуждая встать на путь исправления. Идеи Д. Говарда и И. Бентама получили в России признание и дальнейшее развитие. Во второй половине XIX века в

России появляются свои теоретики пенитологии. Труды И.Я. Фойницкого, М.Н. Галкина-Враского, С.В. Познышева, Н.С. Таганского, С.П. Мокринского во многом определяют направление и ход тюремной реформы.

Признание того, что тюрьма из места, где человек прибывал в большинстве случаев лишь в период следствия и до вынесения приговора, превратилась в место наказания, неминуемо подталкивало к реформированию всей тюремной системы. Правительство, осознавая эту проблему, уже с начала 1860-х гг. приступает к разработке плана по ее решению. Мнением Госсовета от 12 августа 1862 г. на законодательном уровне было установлено, что империя нуждается в «новой тюремной системе», сутью которой стала идея сосредоточения управления всеми тюрьмами гражданского характера в МВД. Обсуждение и согласование длилось почти два десятка лет. За эти годы успели поработать пять комиссий: 1862 г. К. И. Палена, 1869 г. А. Б. Лобанова-Ростовского, 1872 г. В. А. Соллогуба, 1873 г. П. А. Зубова, 1877 г. К. К. Грота.

Рекомендации, выработанные комиссиями, прежде всего последней, под руководством члена Государственного совета К.К. Грота, легли в основу решения Государственного Совета от 27 февраля 1879 года об образовании Главного тюремного управления, института инспекторов и Совета по делам тюремного управления. Новой структуре предписывалось наладить централизованное управление тюремной системой России и осуществить ее глубокое реформирование. Начальником Главного тюремного управления был назначен М.Н.Галкин-Враской. Михаил Николаевич был не просто чиновником, он стоял у истоков пенитологии в России. Его книга «Материалы к изучению тюремного вопроса», [1] вышедшая в 1865, была одним из самых первых исследований в этой области.

Главное тюремное управление стало высшей инстанцией, контролирующей органы тюремного ведомства на местах и наделенной распорядительными полномочиями. Первоначально ГТУ находилось в составе МВД, а начиная с 1895 г. – в составе министерства юстиции. В ведении ГТУ находились все места заключения, каторжные работы, ссылка и пересылка арестантов, исправительные приюты для малолетних преступников строительства и ремонта тюремных зданий, снабжения арестантов всеми видами довольствия, занятия их работами, вопросы, касающиеся прохождения службы чинов тюремной администрации и др.

Штат сотрудников начальника ГТУ состоял из помощника начальника, канцелярии, тюремных инспекторов, архитектора и статистической части. Инспекторы состояли в непосредственном распоряжении начальника ГТУ и командировались им для осмотра мест заключения и ссылки, сбора необходимых сведений, производства ревизий местных тюремных учреждений [2, С. 41–42]. На местах решено было создать губернскую тюремную инспекцию. Однако введение института тюремных инспекторов затянулось на долгие годы и создать их успели только в 24 губерниях. Тюремный инспектор был наделен

правами вице-губернатора, но его статус был не очень четко определен, т.к. начальствующими инстанциями для него являлся и губернатор и Главное тюремное управление, которые относились к разным ведомствам. Как отмечал С.В. Познышев, такое «смещение ведомств» не шло на пользу дела [3, С. 254].

Правовую базу пенитенциарной системы России составлял «Устав о содержащихся под стражей» и «Устав о ссыльных». Впервые эти уставы были сформированы еще в первой трети XIX века. В последствии они неоднократно пересматривались и переиздавались. 11-го декабря 1879 года был принят закон "Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях", который определил направления реформирования пенитенциарной системы. В 1900 г. закон: "Об изменении постановлений и дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей", в 1909 г. – законы "О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних" и "Об условном досрочном освобождении"

Законы дополнились многочисленными циркулярами, касающимися отдельных, порой самых мелких вопросов. Начальник Главного тюремного управления имел право самостоятельно издавать правовые акты и активно этим пользовался. Сборники со всевозможными «узаконениями и распоряжениями», периодически издаваемые для служебного пользования, составляли не одну сотню страниц [4]. В 1908 году в составе ГТУ появляется особое делопроизводство, которое занималось разработкой нормативных документов и составлением сборников узаконений и распоряжений по тюремному ведомству, изданием инструкций для тюремной администрации. Чиновники на местах вносили свою лепту в нормотворчество. Все это постепенно стало создавать путаницу, препятствовать установлению однообразных и четких требований при исполнении наказания. Для исправления положения Главное тюремное управление объявило о введении в действие в порядке эксперимента с 1 марта 1912 года «Общей тюремной инструкции», которая была утверждена в декабре 1915 года министром юстиции А. Хвостовым [5]. Инструкция была выработана на основе переосмысления опыта, полученного в предшествующие годы, и была наиболее четким и продуманным документом, регулирующим пенитенциарную сферу.

Реформирование пенитенциарной системы не могло быть успешным без решения кадрового вопроса. Один из сотрудников Главного тюремного управления и автор книг и статей по теории тюремоведения Н.Ф. Лучинский, писал: "Едва ли есть в государстве другой чиновник, к которому бы предъявлялось столько самых разнообразных и сложных требований, как к начальнику тюрьмы [6, С.7]. В то же время, служить в тюремном ведомстве было не очень престижно даже на начальствующих должностях. Что же касается младшего тюремного персонала, то здесь ситуация была совершенно неудовлетворительной. Набор осуществлялся «из полицейского персонала или отставных военных без всякой предварительной подготовки, не имея никакого представления о задачах, на тюрьме лежащих [7, С. 429].

Проектов по созданию учебных заведений, в которых проходили бы теоретическую и практическую подготовку будущие сотрудники пенитенциарной системы было несколько, но реализовать их в большинстве случаев не удалось. Первым учебным заведением подобной направленности стала Московская школа тюремных надзирательниц (1899–1910 годы), созданная по инициатива Московского дамского благотворительно-тюремного комитета. Школа была негосударственным учреждением, имела скромное финансирование и принимала по 5–7 учениц в год [8, С.24–27]. В марте 1912 года при ГТУ были открыты «систематических чтений по тюремоведению». Эти чтения рассматривались как курсы повышения квалификации для штатных работников по тюремному ведомству. Проработали они два месяца и «систематическими» не стали. В июле 1913 года в Санкт-Петербурге была учреждена школа для «подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя», в Москве – «школа для подготовки кандидаток на должности тюремной надзирательницы» [9, С. 900]. В школах обучалось несколько десятков человек. Курс обучения был рассчитан на 4–6 месяцев.

Предпринимаемые меры, направленные на подготовку кадров для работы в пенитенциарной системе, были совершенно недостаточными. Абсолютное большинство обучалось только после поступления на службу.

Одной из важнейших задач проводимой реформы являлось приведение в порядок и расширение тюремной инфраструктуры. В «Обзоре десятилетней деятельности Главного тюремного управления» положение дел в предреформенные годы оценивалось как катастрофическое. «Тюремные здания в большинстве своем отличались ветхостью, сыростью, недостатком света и воздуха, ... отвратительным состоянием отхожих мест. Некоторые здания в буквальном смысле слова представляли картину разрушения...» [10, С. 7]. А. П. Саломон писал: «В течение десятков лет, в ожидании реформы, правительство отпускало самые ничтожные средства на поддержание тюремных зданий и не производило почти никаких новых тюремных построек. Переполнение тюрем арестантами достигало ужасающих размеров» [11, С. 7].

С началом реформы ситуация стала улучшаться, но быстро накопившиеся проблемы решить было невозможно. Финансирование оставалось недостаточным. Щедро правительство финансировало тюремное строительство только в Санкт-Петербурге. Здесь наряду с уже существовавшими - городской тюрьмой в Литовском замке, Городской пересыльной тюрьмой, *Военно-исправительной тюрьмой* для моряков в Новой Голландии, следственной тюрьмой *Трубецкого бастиона* Петропавловской крепости, в конце XIX – начале XX вв. возводятся новые. Столичные тюрьмы должны были стать эталонами для всего тюремного строительства в империи. 1 августа 1875 года открылась первая в России следственная «образцовая» тюрьма – *Дом предварительного заключения* на Шпалерной улице, затем появился *Городской арестный дом* и *Женская тюрьма*. *Наибольшую известность* получила Центральной одиночной тюрьма («Кресты»), построенная в 1890 году по проекту архитектора ГТУ А.

О. Томишко. В двух пятиэтажных крестообразных в плане зданиях было устроено 960 камер. Тюрьма имела электрическое освещение и центральное отопление. По такому типу, только меньших размеров тюрьмы будут построены во многих городах страны. В 1879 г. в ведомстве Главного тюремного управления числилось 850 тюрем, а в 1913 г. – более 1000, число тюремных мест увеличилось с 61,7 до 120 [12, Т. 2. С. 38]. Обустройство тюрем тоже улучшается, в них появляются лазареты, библиотеки, мастерские и т. д.

Еще одной проблемой пенитенциарной системы стали побегі. Ежегодно до 2,5 тыс. заключенных совершали побегі и только около половины из них удавалось найти и задержать. Вызвано это было плохой обустроенностью тюрем, крайне низким жалованием охранников. Очень остро стояла проблема идентификация преступников. Стоило сбежавшему перебраться в места, где его не знали в лицо, «выправить документ» и опознать его становилось крайне сложно. Клеймение было отменено указом от 17 апреля 1863 года [13, С. 352–353]. Государственный совет Российской империи признал, что клеймение как полицейская мера, установленная в видах предупреждения побегов преступников и облегчения поимки их, не достигает цели. Старые варварские способы идентификации преступников ушли в прошлое, а заменить их получится только три десятка лет спустя. В эти же годы вычислить беглого арестанта позволяла наполовину обритая голова. Арестантам каторжного разряда полагалось брить правую половину головы, а осужденным, ссылаемым на поселение, и бродягам – левую сторону головы. Отменено это правило было только в 1903 году.

Новые системы идентификации возникли в начале 80-х годов XIX столетия в Европе – антропометрия (наука измерений тела) и дактилоскопия (изучение отпечатков пальцев). Честь создания первой принадлежала Альфонсу Бертильону, начальнику бюро идентификации в Париже, вторая была развита Гершелем и Френсисом Гальтоном. В России эти новации были восприняты очень оперативно. 31 мая 1890 года приказом Санкт-Петербургского градоначальника генерал-лейтенанта Грессенера при сыскной полиции столицы было создано первое антропометрическое бюро, а уже к 1897 году в России было открыто еще 12 антропометрических бюро, в 1909 году они были организованы во всех 89 сыскных отделениях страны. В сочетании с фотографированием и методом словесного портрета, бартильонаж давал сравнительно неплохие результаты. Однако дактилоскопия оказалась эффективнее. В 1906 году Министерство Юстиции приняло решение о введении в России дактилоскопической системы регистрации преступников. Для этого при Главном Тюремном Управлении было учреждено Центральное Дактилоскопическое Бюро. 16 декабря 1906 года Министром Юстиции были утверждены «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков» [14, С. 47–49], а Главным Тюремным Управлением был выпущен циркуляр «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников».

К началу Первой мировой войны реформирование тюремной системы привело к определенным положительным изменениям. Однако стремительный рост преступности, недостаточное финансирование тюремного ведомства, низкая квалификация кадрового состава, бюрократизм и воровство – все это делало положительные изменения не слишком заметными.

Источники:

1. Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1865.
2. Лопато Т. М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Пермь, 1903.
3. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915.
4. Лопато Т. М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Пермь, 1903.
5. Общая тюремная инструкция. Петроград, 1916.
6. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904.
7. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.
8. Волошин Д. В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2015. № 2 (21).
9. Об учреждении школы в С-Петербурге для приготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для приготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы: закон от 13 июля 1913 г. // Тюремный вестник. 1913. № 6–7.
10. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. СПб., 1889.
11. Саломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1898.
12. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, СПб, 2000, Т. 2.
13. О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных: указ от 17 апр. 1863 г. № 59504 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1866.
14. Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков. Утверждены Министром Юстиции Щегловитовым 16 декабря 1906 года // Тюремный Вестник. 1907. №1

A. B. Gurkin (Saint-Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

Ya. A. Gurkin (National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P. F. Lesgaft)

***REFORM OF THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM
IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES.***

The article considers the history of the formation of the Russian penitentiary science. Preparation and progress of the prison reform of 1979. The article covers the history of the development of a regulatory framework regulating relations in the penitentiary sphere. The problems faced by the General Prison Administration in carrying out the reform are revealed.

Penitentiary science, prison science, General Prison Administration, prison reform, prison, penal servitude, exile, identification and registration of criminals

УДК 371

Н. К. Гуркина (*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: nina-gurkina@yandex.ru*)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Статья посвящена обзору публикаций в прессе последнего десятилетия, посвященных проблемам современной системы образования

Пресса, образовательные услуги, традиционная российская школа, исторический опыт, реформы, системные проблемы, кризис

Значение периодической печати в общественно-культурной и политической жизни России во второй половине XIX и в XX веке подчеркивалось крылатыми выражениями «шестая держава», «четвертая власть». Пресса была важным каналом информации, освещая многообразие и многоаспектность реальной жизни страны, отражая взгляды, позиции, интересы различных политических и общественных сил, социальных и профессиональных групп. В годы Советской власти периодическая печать являлась значимым общественным организмом, обладающим социальными обязательствами и широким функциональным назначением.

В постсоветский период пресса России постепенно утрачивала свое значение, теряла читателей и тиражи, попадала под влияние различных политических сил и бизнес-структур. Тем не менее, многие популярные газеты продолжали выходить (обзаведясь страницей в интернете), появились новые периодические издания, выходящие только в сети. Изучая постсоветский период российской истории, исследователи будут обязательно обращаться к периодической печати как к ценному историческому источнику. Глубокие изменения, затронувшие все сферы жизни государства и общества, многочисленные проблемы, многие из которых были порождены «реформами», отношение к ним различных социальных слоев, поиски выхода из кризисного состояния – эти и многие другие темы позволяет осмыслить в том числе и пресса.

Важнейшей сферой деятельности государства, в орбиту которой вовлечены миллионы людей, является образование. Само существование прессы зависит от наличия читательской аудитории, профессиональных и социальных групп, заинтересованных в ее функционировании. Не случайно тема образования, наряду с политическими и экономическими вопросами, стала одной из популярных на страницах периодики. В сумятице и хаосе (в том числе и в умах) 90-х годов, когда многие журналисты, преподаватели, ученые

занимались элементарным выживанием, внимание в прессе привлекалось в основном к самым острым проблемам жизни образовательной системы. В 2000-е годы началось более глубокое осмысление происходящего, в том числе и продолжившихся реформ в образовательной системе России, появились попытки оценить их результаты, рассмотреть в целом место и роль образования в сохранении и развитии страны.

На протяжении последнего десятилетия с разной степенью регулярности мною изучались периодические издания, в материалах которых, на мой взгляд, в наибольшей мере отразились процессы, проблемы, существующие или появившиеся в отечественном образовании, и отношение к ним общества (специальные педагогические издания не рассматривались). Для анализа было отобрано около сотни публикаций на темы образования в «Российской газете», «Санкт-Петербургских ведомостях», в газетах «День литературы», «Завтра», «Советская Россия». Среди изученных материалов были обзорные статьи, заметки по определенной теме, отклики на опубликованные материалы, письма, интервью, корреспонденции. Авторами, кроме журналистов изданий, являлись вузовские преподаватели, школьные учителя, ученые, писатели, публицисты, политики.

Основой для исследования стали материалы двух изданий, долгие десятилетия бывшие своеобразным «рупором» интеллигенции и нацеленные на эту аудиторию: «Литературная газета» и «Культура». В годы редакторства Юрия Полякова в газете велись специальные рубрики «Гуманитарий» и «Словесник» (в «Культуре» – «Образование»), являвшиеся местом притяжения и сборки профессионально заинтересованных и неравнодушных людей, площадкой для дискуссий и обсуждений проблем просвещения. После ухода Полякова с поста главного редактора «Литературной газеты», равно как и Елены Ямпольской с редактирования «Культуры», обе газеты утратили былой интерес к многим общественно значимым и злободневным темам и имеют явную тенденцию к превращению в узкопрофессиональные издания.

Как показывают материалы прессы, единодушным среди авторов, и не только педагогов, является неприятие понятия «образовательные услуги», введенное в законодательство. После выступления министра просвещения О. Ю. Васильевой в «Российской газете», в котором она заявила о своем негативном отношении к этому термину, и отметила, что труд учителя – это прежде всего миссия, важнейшее государственное дело, эта проблема не стала звучать в публикациях столь остро, но окончательно никуда не ушла. В текстах самых различных газетных жанров авторы стремятся подчеркнуть ведущее место и роль образования в развитии страны, цивилизации, значение сохранения традиционной образовательной системы, сочетавшей обучение и воспитание: «Образование – это не просто совокупность обучающих учреждений, а система цивилизационного воспроизводства. Уничтожение идентичных образовательных традиций даже при благополучии всех прочих институтов жизнеобеспечения цивилизации ведет к ее гибели»; «Будущее российской цивилизации во многом

зависит от того, как российская школа справится с задачами формирования идентичности молодых граждан России, с задачей воспитания патриотов, как она сможет воспитать нравственного человека», «Образование – это системообразующий институт науки и государства. Вопросы образования – это вопросы национальной безопасности» и т. п.

Признавая несомненные заслуги традиционной образовательной системы России, авторы обращаются к различным аспектам этой темы. Так, в «Литературной газете» публиковались различные материалы, посвященные педагогическим взглядам и практическим достижениям известных педагогов – А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, В. П. Потемкина, школьным учителям и вузовским профессорам, у которых обучались авторы. Такие же материалы появлялись в других газетах, это были как отдельные статьи (например, Валентин Ковалев. «Будем отстаивать Россию. Памяти дорогих учителей» в «Завтра» 2013г.), так и эпизодические обращения к примерам прошлого, в том числе в заметках полемически-обличительного характера.

Высказывание министра Ольги Васильевой: «Я абсолютно согласна, что советское образование было одним из лучших. И оно опиралось на российские традиции образования» основывалось в том числе и на материалах прессы, в которых в эти годы неоднократно рассматривались особенности системы образования, сложившейся в СССР (часто в сопоставлении с современным состоянием образования). После периода экспериментов и исканий, не всегда оправданных и очень похожих на нынешние «новации», во второй половине 30-х – первой половине 40-х сложилась традиционная система образования в России, признававшаяся лучшей в мире. Она вобрала в себя все лучшее как из дореволюционной школы, так и из достижений и опыта советского периода. Всеобщность, обязательность, преемственность ступеней образовательной системы, высокие образовательные стандарты и качественные знания для всех, огромная роль гуманитарного образования, воспитание как государственно-значимый процесс, дисциплина и бытовая культура – на этих основах создавалась и развивалась школа. И еще один элемент был важнейшим – ведущая роль учителя.

В материалах прессы последнего десятилетия освещались этапы становления российской образовательной системы (теперь называемой традиционной), ее элементы и ступени (высшая и средняя школа, профессиональное образование), роль государства в ее формировании, вклад советской школы в развитие страны, в победу в Великой Отечественной войне, в развитие мировой цивилизации. Одна из последних статей на эту тему – Ольги Четвериковой (автор многих работ на темы образования) была опубликована в газете «Завтра» в марте 2020г. – «Сталин и школа. Знания: цена, ценность, оценка». В отдельных публикациях цитировались также широко известные высказывания о советской школе бывшего министра образования А. Фурсенко и Г. Грефа («Мы проиграли конкуренцию из-за советской, совершенно негодной системы образования»), которым авторы давали негативную оценку.

Появлялись в прессе и материалы, посвященные образовательным реформам в других странах, в частности, в Финляндии, Германии, Великобритании, Португалии. Признавая многие положительные наработки зарубежных коллег и достижения образовательных систем (прежде всего, несопоставимую оплату труда преподавателей, отсутствие тотального бюрократического контроля в образовании, мотивацию государства в широком развитии высшего гуманитарного образования, заключающуюся в больших возможностях выявления талантов, росте продолжительности жизни, воспитании образованных матерей и др.), авторы предупреждают о некритическом использовании имеющегося опыта в процессе обучения, отмечая очень низкие итоговые результаты обучения в большинстве зарубежных образовательных учреждений (кроме элитарных). Самое резкое высказывание прозвучало в статье в «Литературной газете» с очень показательным названием «Синдром пустой головы» и принадлежит работавшему в университете в Португалии Игорю Хмелинскому: «Человек, не имеющий базовых знаний, не способен ни к критическому, ни к творческому мышлению. Вот почему существующая в настоящее время в Европе и начавшаяся внедряться в странах бывшего СССР либеральная система образования производит поколения безграмотных и невежественных молодых людей, неспособных к саморазвитию» за исключением немногих – «обладающих лучшими способностями к запоминанию, либо стимулируемых родителями и преподавателями».

Оценке и обсуждению реформ образовательной системы России посвящена самая значительная часть публикаций в прессе. Очень красноречивы заголовки: «Ликвидация образования», «Не реформировать ли реформы», «Дошли до точки невозврата», «Бедная школа», «Без надежды на успех», «Под ножом коммерции», «Пять признаков тяжелой болезни», «Хочешь завоевать страну – воспитай ее детей», «Убийство оптимизацией», «Пиррова победа вариативности», «Судьба нашей высшей школы или от чего погибла Александрийская библиотека» и т.п. Большая часть авторов оценивает проводимые в системе образования реформы крайне негативно. С материалами, объясняющими суть очередных новаций и мотивацию проводящего их правительства, выступала в этот период в основном «Российская газета», при этом также публикуя некоторые критические материалы, в частности по поводу закрытия сельских школ. Проблема сельских школ постоянно звучала и в других изданиях.

Авторы публикаций пишут как об отдельных проблемах, так и об общем кризисе всей образовательной системы. Заместитель председателя комитета по образованию, науке и высшей школе Олег Смолин (его выступления и статьи регулярно публикует «Советская Россия») выделяет проблемы системные, которые «охватывают всю систему образования, большинство ее элементов и уровней; имеют надведомственный характер и требуют решений на уровне государственной власти». Среди них – ценности образовательной политики, ее идеология, финансирование (хроническое недофинансирование)

образования, статус педагога, статус учащегося, содержание образования – чему учить: фундаментальность или функциональная грамотность, «канон» и модернизация, «знаниевый» и компетентностный подходы; управление образованием (система дебиюрократизации), современные образовательные технологии, в том числе электронное обучение, здоровье учащихся, главный итог – воспитание (формирование) личности.

Все перечисленные проблемы в разной мере поднимались и обсуждались на страницах прессы. Аргументированной критике подвергалась Болонская система, ЕГЭ, приход в руководство вузов «эффективных менеджеров», система оплаты («разделяй и властвуй»), проблемы научной работы и исторического образования, девальвация высшего образования («Апология Незнаек») и др. Большой резонанс вызвали публикация в «Советской России» Рустема Вахитова «Антиномии жизни. Один день Ивана Денисова» и Открытое письмо министру образования» профессора Веры Афанасьевой в «Литературной газете» в 2017г.: «Бумагомаратель, обслуживающий обучающихся. Как профессоров приравнивали к официанту», «Студент всегда прав?», «Быть ученым – накладно» (заголовки откликов) и т.п. Вузовским преподавателям вторят школьные учителя: «Распни учителя. Показательная порка холопов одобряется», «Оковы для учителя», «Невинный неадекват или гуманизм, доведенный до абсурда», «Хамить разрешается – делать ученику замечания – нет» (все – в «Литературной газете») и т. п. Как еще одну системную проблему образования – насилие в школах – обозначил Олег Смолин. Целый вал публикаций был посвящен Керченской трагедии – расстрелу в колледже и другим подобным случаям.

Какие выводы сделает будущий исследователь образования в России (если историческая наука как явление сохранится), изучая материалы прессы 2010-х годов? Что это было – кризис, открывший путь к выздоровлению, или война (невидимая большинству), приведшая к окончательному разрушению и утрате ценнейшего исторического наследия – отечественной системы образования?

N. K. Gurkina (*North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*)

PROBLEMS OF MODERN EDUCATION IN THE REFLECTION OF THE PERIODICAL PRESS

The article is devoted to the review of publications in the press of the last decade devoted to the problems of the modern education system

Press, educational services, traditional Russian school, historical experience, reforms, systemic problems, crisis

УДК 930.1

В. Ф. Исайчиков (журнал «Просвещение», e-mail: mihmarkin@mail.ru)

ЧЕМ ПОЖЕТ ПОМОЧЬ ОПЫТ ИСТОРИИ В ПРОГНОЗЕ БУДУЩЕГО?

На примере предсказаний характера будущей революции в России Герценом, Марксом и Лениным показано, что упрощённые подходы Герцена и Маркса оказались нереализованными, а более сложный подход Ленина, основанный на марксистском подходе с учётом конкретных условий России оказался продуктивным не только для России, но и для ряда других стран. Однако результат этой революции до сих пор не осознан историками.

Исторический прогноз, Герцен, Маркс, Ленин, революция в России.

Наука об истории развития общества имела бы ценности не больше, чем прошлогодний снег, если бы она не помогала предсказать будущее. В то же время предсказать ближнее будущее на этапе медленной эволюции (количественного накопления факторов, которые способны в период переломов в развитии сделать скачок), легче, чем погоду на следующий день – но ценность этих предсказаний ничтожна.

Самое сложное в истории – предсказать переломы в развитии – не говоря уже о том, чтобы предсказать время, место и другие конкретные особенности этого перелома, которые для современной науки об обществе практически недоступны. Особую сложность при этом вносит то, что века и десятилетия эволюционного развития отучают не только (и не столько) массы, но и специалистов от необходимости готовиться к перелому (революции), при этом специалисты часто не готовы воспринимать уже сделанные научные предсказания грядущего переворота.

При том, что причины экономических кризисов известны из работ К.Маркса с середины 19-го века, политэкономы не в силах точно предсказать не только «классические» капиталистические кризисы недопотребления, но и такие этапы в развитии капиталистической формации, как войны за передел мира (не говоря уже о более сложных явлениях, которые ранее не проявлялись). До сих пор политэкономия после рывка, который был сделан в середине 19-го века Энгельсом и Марксом, всё ещё не столько предсказывает, сколько пытается объяснить уже прошедшие этапы развития – и значительной частью неверно.

У этих неудач имеются две причины - объективные и субъективные. К объективной причине неудачных прогнозов (и даже объяснений уже прошедшего) можно отнести то, что исследователи сталкиваются с наиболее сложными явлениями, известными в природе, ибо социальная форма движения

материи – это высшая и наиболее сложная её форма. К субъективной причине можно отнести то, что сам исследователь не находится вне общества, и даже если он не замечает влияния окружения, то оно обычно искажает возможность объективного взгляда. А в обществе, разделённом на классы, классовые интересы заставляют иных исследователей не отражать объективную картину мира, а защищать эти интересы.

Сложность общественных процессов можно проиллюстрировать на примере той же политэкономии. Хотя Ф.Энгельс в своей первой политэкономической работе предсказал развитие капитализма от системы феодальных монополий к системе капиталистических монополий [1], подробности и особенности процесса возникновения капиталистических монополей были описаны уже после того, как они стали важным фактором капиталистического развития. Уже после выхода первого тома «Капитала» русский марксист Н. Ф. Даниельсон обнаружил (фактически – совместно с Марксом) первые признаки расслоения капиталистической системы на капитализм центра, метрополий, и капитализм периферийный, что подрывало один из важнейших выводов Маркса о том, что «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её будущего» [2, С. 9]. В 1894 г. Энгельс повторил этот вывод Маркса на более конкретном примере: «только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно уже достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере «как это делается» ... только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращённого процесса развития» [3, С. 502].

Тенденция разветвление системы на капитализм центра и капитализм периферийный начала проявляться практически сразу после возникновения капитализма. Однако на раннем этапе этот процесс было трудно заметить из-за больших вариаций. Но уже во второй половине 19 века страны, не успевшие создать своей сильной промышленности, попали в положение хронически отстающих. Начался процесс расслоения капитализма на две ветви, при этом из-за неэквивалентного обмена страны капиталистического центра стали эксплуатировать периферию (этот процесс также был открыт Даниельсоном).

Если в работе [4, С. 577] соотнести «мастерские мира» с капиталистическим центром, а «аграрную периферию» с капиталистической периферией, то уже в 1850 году национальный доход стран капиталистического центра из-за неэквивалентного обмена увеличился на 45% (у стран периферии уменьшился на 16%), а уровень жизни был выше в 1,7 раза. То есть, расслоение капитализма уже в 1850 году становилось заметным; однако разброс по странам и внутри стран был достаточно велик.

Процесс разветвления (расслоения) капитализма продолжался и усиливался. В 1960 году картина перераспределения дохода стала более впечатляющей. Национальный доход стран капиталистического центра увеличился на 157% (у стран периферии уменьшился на 75%), а уровень жизни был выше в 10,3 раза.

Можно сказать, что, хотя Даниельсон и Маркс и открыли новое явление, но они ещё не полностью осознали, что они открыли; лишь в середине 20 века латиноамериканские марксисты Р. Пребиш и Ф. Кардозу сформулировали сами понятия периферийного капитализма и капитализма центра. Но широко известным это явление стало в виде «мир-системного подхода», искажённого буржуазными социологами (Ф. Бродель и И. Валлерстайн); пытался приспособить этот подход для анализа мирового развития и мелкобуржуазный (крестьянский) социолог С. Амин. Можно провести аналогию из химии: открыли кислород Пристли и Шееле, но они не поняли, что они открыли; Лавуазье понял не только, что они открыли новый элемент, но и то, что это открытие «убило» флогистонную теорию.

Вопрос о путях развития капитализма не был академической абстракцией, особенно для России, в которой тяготы первоначального накопления капитала наслаивались на крепостнические пережитки. Разработанное Энгельсом и Марксом материалистическое понимание истории показало, что при развитии производительных сил неизбежным результатом этого процесса будет появление новой общественной формации – коммунистической.

Но при известной конечной цели (коммунизме) невозможно предсказать все возможные пути её достижения. Ситуацию с движением человечества к коммунизму можно сравнить с известной детской игрой, когда фишки игроков, передвигаясь вперёд на случайное число ходов, то ускоренно возносятся вперёд, то не менее резко возвращаются назад – но при этом обязательно достигают своей цели (зацикливание на пути с периодическими возвратами подчиняется своим случайным закономерностям, исключая, однако, бесконечное зацикливание).

Русские народники, начиная с Герцена, не столько видели, сколько желали «перескока» через тяготы развития капитализма, но механизм этого желанного скачка не представляли. Маркс и Энгельс видели эту возможность только в случае, если российскому крестьянству поможет победившая социалистическая революция в Западной Европе. При этом у Маркса и Энгельса существовала определённая разница в подходах: Маркс выражался достаточно осторожно [5]. Энгельс на основании опыта Западной Европы и большего развития капитализма в России был настроен более критически к крестьянскому социализму в России. В 1894 году по поводу спора с Ткачёвым в 1875 году Энгельс писал: «Многие из тогдашних русских социалистов провозглашали Россию избранным народом в социальном отношении; не западноевропейский пролетариат принесёт-де своей борьбой возрождение старому экономическому миру, нет, это возрождение придёт к нему из самых недр русского крестьянства. Против этого ребяческого взгляда и была направлена моя критика» [3, С. 498].

Дальнейший спор о путях развития России, вылившийся в противостояние социалистов-народников и социал-демократов сам по себе оказался малопродуктивным, ибо и те, и другие (включая Плеханова и молодого Ленина)

догматизировали отдельные положения марксизма. Однако крестьянские восстания в 1902 году, а затем опыт Первой русской революции привели Ленина к формулировке: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [6, С. 371]. Не случайно, что на эту формулировку сразу же набросились меньшевики; но Ленин либо отговорился газетно-публицистически: «Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов, вызывает лишь улыбку» [6, С. 389], либо укрылся за официальными резолюциями большевиков, в которых говорилось о руководящей роли рабочего класса (но не о совместной диктатуре).

На самом деле в позиции Ленина не было ничего народнического; *он дал реальную, научную оценку предстоящей революции*: «...Победоносная революция в современной России *не может быть* чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства» [6, С.376–377].

Почему же Ленин затушёвывал этот отход от классиков? Дело в том, что понятия о диктатуре пролетариата или диктатуре буржуазии у Маркса есть, а вот о совместных рабоче-крестьянских диктатурах – ни слова, теоретический вопрос о совместных диктатурах различных классов никем тогда не рассматривался. Ленин пришёл к нему не от умозрительных логических построений, а от практики русской революции: «...если рассматривать вопрос ... *в целом*, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства» [6, С. 377].

Можно предположить, что в это время Ленин видел будущую революцию как революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства, но считал ненужным в период реакции углубляться в теоретический спор по вопросу в тот момент далеко не самому актуальному. Но 25 октября 1917 года в считанные минуты после взятия Зимнего дворца, при открытии II съезда Советов Ленин дал чёткую классовую характеристику революции: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась» [7]. Вопрос о том, почему и до, и после Октябрьской революции Ленин далеко не всегда говорил о совместной диктатуре рабочего класса и крестьянства – это тема особого разговора.

В заключение мы перечислим исторические факты:

1. Социалистическая революция в России (как затем и в странах Восточной Европы, Китае, Вьетнаме и пр.) прошла не по формуле Маркса – вначале победа пролетарской революции в развитых капиталистических странах, а потом под её влиянием – переход к строительству социализма крестьянских стран.

2. Социалистическая революция в России прошла и не по Герцену в виде победы крестьянского общинного социализма, и на его основе и примере осуществился переход к социализму развитых капиталистических стран.

3. Социалистическая революция в России (а затем в Китае, Вьетнаме и др.) произошла по-ленински, более сложным путём, чем это видели и Герцен, и Маркс: пролетарская революция в России соединилась с направляемой рабочим классом крестьянской антифеодальной революцией. Общинный социализм был не только движущей силой революции, но и её тормозом, поскольку к этому времени экономически себя изжил.

4. Совместная диктатура пролетариата и крестьянства в условиях малочисленности пролетариата оказалась неустойчивой; мелкобуржуазное крестьянство в результате сталинской «ползучей» контрреволюции «выдавило» пролетариат из совместной диктатуры. А разлагающаяся при развитии производительных сил на пролетариат и буржуазию мелкая буржуазия, единоличничество, в свою очередь, в СССР не смогла удержать власть в борьбе с буржуазией (но в Китае, Вьетнаме и др. странах пока удерживает).

5. Путь к коммунизму

Вопрос к историкам и политэкономам (по Марксу это одна наука) не в том, почему эти явления не были ими предсказаны (о сложности предсказаний мы говорили), а в том, почему тогда, когда эти явления стали фактами истории, они не были ими объяснены? Автору кажется, что выяснение этой причины будет важным для историков, ибо оно позволит историкам не только понять причины этой неудачи, но и внести необходимые доработки в свою теоретическую и педагогическую работу.

Источники:

1. Энгельс Ф. «Наброски к критике политической экономии» / Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.1., С. 544–571.
2. Маркс К. «Капитал», Т.1, Политиздат, 1983, 905 с.
3. Энгельс Ф. «Послесловие к работе «Социальный вопрос в России» / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-то томах. Т.4, М.: Политиздат, 1986, С. 497–509.
4. Островский А.В. Россия. Самодержавие. Революция. Т. II, М.: КМК, 2020, 622 с.
5. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти томах. Т.6, М.: Политиздат, 1987, С. 40-43.
6. Ленин В.И., ПСС, т.17, С. 370-390.
7. Ленин В.И., ПСС, т.35, С. 2

V. F. Isaychikov («Enlightenment» magazine)

WHETHER HISTORY EXPERIENCE CAN ALWAYS HELP IN THE FORECAST OF THE FUTURE?

On the example of predictions of the nature of the future revolution in Russia, Herzen, Marx and Lenin showed that the simplified approaches of Herzen and Marx

were unrealized, and Lenin's more complex approach, based on a Marxist approach taking into account the specific conditions of Russia, turned out to be productive not only for Russia, but also for a number of other countries. However, the result of this revolution has not yet been realized by historians.

Historical forecast, Herzen, Marx, Lenin, revolution in Russia.

УДК: 93/94; 130.2

М. Е. Кудрявцева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mashutka331@yandex.ru)

ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И СУБЪЕКТ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ

Культурно-историческое наследие может быть важнейшим интеллектуально-духовным ресурсом для субъектного творчества в том случае, если оно наполнено личными смыслами. Современное цифровое пространство, с одной стороны, предоставляет человеку уникальные возможности для освоения культуры и обогащения её своими текстами, с другой стороны, резко снижает способности человека к подлинной культуротворческой деятельности, выхолащивая из неё живое смысловое содержание. Культурное наследие в цифровом пространстве в большей степени потребляется, а не осваивается, а субъектное творчество подменяется культом оригинальности.

Культуротворческая деятельность, культурно-историческое наследие, смысловое содержание, цифровое пространство

Практически все феномены окружающего мира, находя своё отражение в цифровой реальности, нуждаются в переосмыслении, особенно актуальным это видится, когда речь идёт о культуротворческой деятельности человека.

В современной культурологии существует направление, заложенное одним из её основоположников А. И. Арнольдовым, название которому «гуманитарная культурология». Гуманитарный вариант культурологии, как отмечает О. И. Горяинова, «в большей мере тяготеет к культурно-философским основаниям знания, главным образом в том, что он не упускал из поля исследования задачу построения аксиологической вертикали опыта» [1, С. 49]. Духовная культура мыслилась как «...сложный процесс создания и освоения человеком социокультурной реальности» [2, С. 45], а задачей культурологии было исследование «...процесса духовного развития человека» [2, С. 46]. В русле этой парадигмы гуманитарной культурологии А. И. Арнольдова приведём здесь некоторые размышления относительно роли человека как носителя культурно-исторического наследия и субъекта творчества в современном цифровом мире.

Аналогично тому как Булгаковский герой высказывался относительно разрухи, что она «не в клозетах, а в головах», можно было бы высказаться и о культуре. «Место жительства» культуры – в человеке, во всей его социо-духовной целостности. Без всякого сомнения, культурные тексты (в самом широком смысле этого слова), будучи опредмеченными в виде архитектурных,

музыкальных, литературных, исторических и других произведений, заслуживают глубокого почтения и бережного к себе отношения. Более того, эти тексты осуществляют связь времён, на них бережному и уважительному отношению к своему прошлому учатся следующие поколения. Излишне говорить о том, что эти тексты представляют огромную ценность для человеческого мира. И всё-таки абсолютизация опредмеченных ценностей культуры, придание им статуса исключительности, недоучёт роли человека, современного человека, как носителя культуры, воспринимающего и переживающего эти ценности, опасно.

По нашему глубокому убеждению, культура живёт, в первую очередь, не в архитектуре, не в музыке и не в литературных текстах, а в головах и душах людей. Даже если, по какой-то причине, исчезнет всё культурное наследие человечества, но останется несколько человек, сохраняющих хотя бы какую-то её часть в своём сознании, можно будет утверждать, что культура жива. И наоборот – если таковых людей не останется, то весь мир, полный сияющих архитектурных шедевров, звучащий гениальной музыкой предстанет пустой декорацией, лишённой смыслов, поскольку придать смысл чему-либо может только человек.

С нашей точки зрения, в настоящее время в опасности находится как раз человек как носитель культурно-исторического наследия. Речь идёт в первую очередь о мире, который принято называть «цивилизованным». Это, казалось бы, мир уважения к ценности человеческой жизни, уважения к правам личности, создания условий для её творческой реализации. В этом мире культивируется благоговейное отношение к историко-культурному наследию, многие средства брошены на восстановление памятников культуры, традиции отдельных национальных культур поддерживаются и поощряются, особое внимание уделяется религиозным традициям, будь то христианство, буддизм или ислам – строятся, украшаются и обустраиваются церкви, мечети, дацаны, всё более разветвлёнными, сложными и красивыми становятся обряды.

Формы умножаются и умножаются, но вот с наполненностью этих форм смыслом остаётся проблема. Очарованный внешними проявлениями культа, человек всё меньше заглядывает вглубь себя самого, забывая о том, что «царство Божие внутри нас» (и это утверждение по сути справедливо применительно к любой религии). Растиражированные в медийном, цифровом пространстве памятники высокого искусства, зачастую вписанные в контекст массовой культуры, и тем самым сниженные и опошленные, перестают восприниматься как побуждение к внутреннему смыслообразованию, к напряжённой внутренней работе, связанной с познанием мира и себя в мире. Теперь они воспринимаются, скорее, в аспекте отдыха и развлечения или как маркеры престижного образа жизни, необходимым компонентом которого является потребление произведений искусства.

Приблизительно такой же характер праздного любопытства носит интерес современного человека к традициям, обрядам и ритуалам национальных

культур. В них даже можно принять участие, развлечения или шутки ради, но категорически не рекомендуется наполнять их личным смыслом, поскольку это может поставить под сомнение привычный взгляд на жизнь как совокупность условий для благополучного и комфортного существования.

Исторические события также в современном мире всё чаще становятся предметом игрового отношения, открывающим большие возможности для театрализации, причём в основном формальной, не ставящей своей целью заставить человека задуматься над смыслом, а чисто внешне воспроизводящей минувшее. Огромную роль в этом играет визуализация событий, что, впрочем, является вполне оправданным, поскольку современный человек всё большее количество информации готов воспринять визуально и всё менее настроен на восприятие информации вербальной.

Так, всё чаще мы сталкиваемся с военными реконструкциями, где моделируются ситуации знаменитых сражений. Задача таких перформансов может быть вполне благородной – напомнить людям о прошлых трагедиях. Однако воспроизвести в перформансе боль и кровь невозможно, да и не нужно, перформанс всё равно оказывается не более чем маскарадом, миром, где вместо крови, выражаясь словами А. Блока, «стекает клюквенный сок». Реконструкция таким образом решает исключительно рациональную задачу – чисто формально встроить в человеческое сознание исторический факт. Заставить человека сопереживать реконструируемым событиям вряд ли получится.

С другой стороны, современный кинематограф, обращаясь к драматическим событиям прошлого, всё более отдаёт предпочтение сильным эмоциональным, иногда шокирующим инструментам в ущерб необходимой в таких случаях эстетической сдержанности. Это, конечно, продиктовано ориентацией на массовые вкусы – человек массы ищет простых, но сильных эмоций. Всё упрощается, и человеческая память о культурно-историческом наследии в итоге наполняется набором штампов маркированных определёнными эмоциями – человеку легче ориентироваться, если он заранее знает, когда необходимо ужаснуться, когда всплакнуть, когда засмеяться, когда принять грустный вид. Процесс освоения человеком социокультурной реальности, о котором писал А. И. Арнольд, идёт по заранее проложенным для него рельсам, сойти с которых он всё менее и менее способен.

В недалёком будущем метафорически мир можно будет представить в виде своеобразного музея разнообразных эпох, культур, исторических событий, где по залам будут перемещаться люди, разглядывая экспонаты, переживая запрограммированные этими экспонатами эмоции, предвкушая в глубине души поход в музейный ресторан, где будут предложены на любой вкус меню с кухнями всех народов мира. А тот из этих людей, кто захочет пережить незапрограммированную эмоцию, или, не дай бог, вынести из музея экспонат, чтобы употребить его в реальной жизни (например, наполнить реальным смыслом какой-нибудь старый обряд), будет немедленно призван к порядку, а в случае необходимости и изолирован от общества или даже уничтожен,

чтобы использование вынесенной музейной редкости ни в коем случае не поставило под угрозу принцип благополучия.

Между тем, культурно-историческое наследие, в том случае если оно не лежит в человеческой памяти мёртвым грузом, а находится в процессе постоянного переосмысления, является важнейшим интеллектуально-духовным ресурсом для субъектного творчества. С точки зрения философии и психологии, критерием его подлинности выступают в своём неразрывном единстве оригинальность и ценность. Следование критерию оригинальности обращено в настоящее и будущее: устремиться вперёд, совершить прорыв за рамки действующей системы, создать то, чего никогда не было – вот пафос оригинальности. Оригинальность, сначала чисто теоретически, а с расширением возможностей искусственного интеллекта и практически, может быть просчитана путём анализа большого массива данных. Следование же критерию ценности предполагает опору на прошлое, ориентацию на историко-культурные феномены, ценность которых проверена временем и просчитана даже с помощью искусственного интеллекта быть не может. Вот как, в единстве прошлого, настоящего и будущего, определяется, например, понятие произведения искусства в российской энциклопедии по культурологии: «Произведение (искусства) – продукт художественного творчества; результат обработки того или иного материала (речь, камень, полотно, краски и т. п.) с целью создания такого предмета, который является носителем смысла, одновременно личного и сверхличного, индивидуального и традиционного, ответного по отношению к предшествующим предметам того же рода и вместе с тем актуального для созерцателя-адресата в настоящем и будущем; имеющего отношение и к жизненной практике, и к отвлеченной идеологии, но не сводимого ни к тому, ни к другому, а самоценного (т. е. эстетически, а не практически или идеологически значимого) [3, С. 297].

Современное цифровое пространство, казалось бы предоставляя человеку уникальные возможности как для освоения культурного наследия человечества, так и для обогащения его своими текстами, на деле резко снижает способности человека к подлинному творчеству, подменяя его культом оригинальности. Сама природа цифровой среды, созданной для расширения свободы внешних коммуникаций, ориентирует человека на поиск всё новых и новых социальных контактов, ожидания одобрения с их стороны. Снискать же одобрение в сети через творчество можно, сделав ставку в первую очередь на оригинальность. Творческая реализация человека теперь отталкивается не от глубинной потребности в рефлексии над проблемами бытия, а от потребности ощутить себя «творческой личностью», способной создать нечто оригинальное. Критерий ценности творческого продукта вообще сейчас не берётся во внимание в силу того, что не поддаётся количественной оценке.

Культурно-историческое наследие сейчас не столько осваивается, сколько потребляется человеком, причём главная причина этого, на наш взгляд, довольно банальна: освоение, в отличие от потребления требует труда,

связанного хотя бы с поиском желаемой информации, а тем более с осмыслением. То что легко доступно не воспринимается как ценность, по отношению к которой следует напрягаться.

Потребляя в цифровом пространстве то, что называется сейчас «культурный продукт», человек, вместо того чтобы погрузиться в себя, пропустить сквозь систему своих ценностей увиденное, услышанное или прочитанное, стремится как можно скорее вынести своё впечатление вовне, формулируя его в комментариях, вступая в полемику с оппонентами, которая иногда превращается в главный предмет человеческой рефлексии, вытесняя тот повод, по которому она возникла.

Человек незаметно для себя перестаёт быть субъектом культуротворческой деятельности и всё более и более становится субъектом потребления себя самого в разнообразных ипостасях. И далеко не последнее место занимает в этом процессе монетизация: в своей якобы культуротворческой деятельности человек не только потребляет, но и продаёт самого себя за имидж культурного человека и творческой личности. Как характеризовал этот процесс Ж. Бодрийяр, «человек больше не сталкивается со своим образом, лучшим или худшим, взамен появилась витрина – геометрическое место потребления, в которой человек сам не отражается, а занимается созерцанием многочисленных предметов-знаков и поглощается системой знаков социального статуса» [4, С. 240–241].

Главной бедой современного мира и современного человека, таким образом, оказывается совсем не отказ или игнорирование необходимости освоения своего культурно-исторического наследия и совсем не отказ от культуротворческой деятельности, а выхолащивание этих важнейших гуманитарных процессов, вытравливание из них живых человеческих смыслов, утрата их ориентации на духовное развитие человека.

Источники:

1. Горяинова Культура против «посткультуры»: место традиционности в современной культуре // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. № 3 (18), С. 48–55.
2. Арнольд А. И. Введение в культурологию. М.: НАКиОЦ, 1993. 352 с.
3. Культурология: энциклопедия: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 2 / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. – 1184 с. – (Сер. «Summa culturologiae»).
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, 2006, 268 с.

M. E. Kudruavtseva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***PERSON AS A CARRIER OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE
AND A SUBJECT OF CREATIVITY IN THE MODERN DIGITAL WORLD***

Cultural and historical heritage can be the most important intellectual and spiritual resource for subjective creativity in the event that it is filled with personal meanings. The modern digital space, on the one hand, provides a person with unique opportunities for mastering culture and enriching it with his own texts, on the other hand, it sharply reduces a person's ability to genuine cultural activity, emasculating living semantic content from it. Cultural heritage in the digital space is largely consumed, rather than assimilated, and subjective creativity is being replaced by the cult of originality.

Cultural activity, cultural and historical heritage, semantic content, digital space

УДК. 347.973

С. В. Максина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nachso@mail.ru);

И. Ф. Новикова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА, КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматриваются вопросы использования государственного языка, как неотъемлемой части культурного и исторического наследия, раскрываются понятие и значение принципа государственного языка в гражданском судопроизводстве, осуществляется анализ права лица, участвующего в деле и не владеющего языком гражданского судопроизводства, пользоваться родным языком, а также услугами переводчика, исследуется процессуальное положение переводчика, предлагаются решения затронутых проблем практики применения.

Государственный язык, культурное и историческое наследие, гражданское судопроизводство, лицо, участвующее в деле, переводчик

К числу фундаментальных конституционных ценностей, перешедших от прошлых поколений, помимо территориальной целостности и государственного суверенитета, относится и русский язык.

Несомненно, что русский язык является частью культурного и исторического наследия не только России. В частности, особое значение русского языка, традиционно являющегося средством межнационального общения, подчеркнуто в Модельном законе «О языках», статья 2 которого устанавливает русскому языку статус официального языка Содружества Независимых Государств [1].

В соответствии со ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [2].

Вместе с тем Конституция РФ, руководствуясь лежащими в основе федеративного устройства Российской Федерации принципами равноправия и самоопределения народов, закрепила за республиками право устанавливать свои государственные языки.

Указанные положения находятся в системной связи с другими положениями Конституции РФ, регламентирующими статус личности, в том числе о

равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, места жительства; о гарантии каждому судебной защиты его прав и свобод.

Предоставление судебной защиты осуществляется лишь в определенном порядке, который установлен законом. Конституция РФ в ст. 118 регламентирует, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

При этом согласно п. 1 ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции ведется на русском языке - государственном языке Российской Федерации, а судопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции (верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов, районных судах) может вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд [3]. Особое внимание в указанном законе уделено судопроизводству у мировых судей, являющихся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. Пункт 2 указанной статьи регламентирует, что судопроизводство у мировых судей ведется на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Однако, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» в ст. 3 обязывает к использованию в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве у мировых судей только государственный язык Российской Федерации [4].

Следует отметить, что имеющаяся в указанных нормативных правовых актах несогласованность в использовании государственного языка республики при осуществлении правосудия по гражданским делам нивелируется применением норм федерального конституционного закона, имеющего большую юридическую силу.

В соответствии со ст. 9 Гражданского процессуального кодекса РФ гражданское судопроизводство ведется на русском языке – государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, которая входит в состав Российской Федерации и на территории которой находится соответствующий суд [5]. Таким образом, федеральным законодателем в процессуальном законодательстве воспринято положение Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Кроме того, анализ положений указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что одним из принципов гражданского судопроизводства является принцип государственного языка судопроизводства, сменивший принцип национального языка судопроизводства, который был закреплен в ГПК РСФСР (ст. 8 ГПК РСФСР).

Согласно ч. 2 ст. 26 Конституции РФ каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения. Однако, данные положения не в полной мере восприняты гражданским процессуальным законодательством.

Так, в силу п. 2 ст. 9 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) право давать объяснения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика разъясняется и обеспечивается только лицам, участвующим в деле и не владеющим языком судопроизводства.

Однако, помимо лиц, участвующих в деле (истца, ответчика, прокурора), в гражданском процессе участвуют и иные лица, а именно лица, содействующие осуществлению правосудия, в частности, представитель истца или ответчика, свидетель, эксперт. При таком положении представляется, что право давать объяснения и выступать на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика должно быть законодательно закреплено за всеми участниками гражданского процесса.

Необходимо обратиться также к процессуальному положению переводчика. Следует отметить, что ст. 162 ГПК РФ, определяющая в том числе его права и обязанности, расположена в главе 15, регламентирующей стадию судебного разбирательства. Согласно указанной статье председательствующий разъясняет переводчику его обязанность переводить объяснения, показания, заявления лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, а лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, содержание имеющихся в деле объяснений, показаний, заявлений лиц, участвующих в деле, свидетелей и оглашаемых документов, аудиозаписей, заключений экспертов, распоряжений председательствующего, определения или решения суда. Переводчик вправе задавать присутствующим при переводе участникам процесса вопросы для уточнения перевода, знакомиться с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности перевода, подлежащие занесению в протокол судебного заседания. Председательствующий предупреждает переводчика об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом РФ, за заведомо неправильный перевод и приобщает его подписку об этом к протоколу судебного заседания. Представляется, что нормы о правовом статусе переводчика следовало изложить в главе 4, посвященной лицам, участвующим в деле, и другим участникам процесса.

На практике также встает сложный и до настоящего времени нерешенный законодателем вопрос, кого и на основании какого документа можно считать переводчиком. Несмотря на то, что законодатель наделил участвующих в деле лиц правом предложить суду кандидатуру переводчика и определил момент разъяснения переводчику его прав и обязанностей непосредственно после проверки явки участников процесса, представляется, что вопрос о переводчике следует решать непосредственно после открытия судебного заседания. Но

даже в этом случае, если в деле участвует лицо, не владеющее языком судебного производства, действия председательствующего, открывающего судебное заседание, должны быть разъяснены такому лицу переводчиком на родном языке.

Согласно ст. 164 ГПК РФ председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто участвует в судебном заседании в качестве переводчика и разъясняет лицам, участвующим в деле, их право заявлять самоотводы и отводы.

Следует отметить, что переводчик не может участвовать в рассмотрении дела, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности. Об этом указывает ст. 18 ГПК РФ, распространяющая основания для отвода судьи, указанные в ст. 16 ГПК РФ, на переводчика. В случае заявления отвода суд в соответствии со ст. 19 ГПК РФ заслушивает мнение участвующих в деле лиц, а также лица, которому заявлен отвод, если отводимый желает дать объяснения. Вопрос об отводе переводчика разрешается судом, рассматривающим дело. Закон не содержит указания о последствиях отвода такого участника процесса, как переводчик. На практике, как правило, отвод переводчика в случае удовлетворения заявления об отводе влечет за собой отложение разбирательства дела. Представляется, что законодателю следует урегулировать этот вопрос путем включения в ст. 169 ГПК РФ еще одного конкретного случая.

Если отвод не был заявлен или заявленный переводчику отвод судом отклонен, председательствующий согласно ст. 165 ГПК РФ разъясняет лицам, участвующим в деле, их процессуальные права и обязанности, а также права, предусмотренные ст. 39 ГПК РФ.

В случае уклонения переводчика от явки в суд или от надлежащего исполнения своих обязанностей он может быть подвергнут судебному штрафу в порядке и в размере, которые установлены главой 8 ГПК РФ.

Особое внимание следует обратить на то, что нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство, является безусловным основанием для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений как в апелляционном, так и в кассационном порядке (ст. 330 и ст. 379.7 ГПК РФ).

Предлагаемые решения затронутых в статье вопросов позволят участвующим в деле лицам, а при условии внесения в действующее гражданско-процессуальное законодательство изменений, и другим участвующим в процессе лицам в полной мере реализовать конституционное право на судебную защиту.

Источники:

1. Модельный закон «О языках». Принят на двадцать четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 24-6 от 4 декабря 2004 г.) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, 2005, часть 1, № 35.

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета, 04.07.2020, № 144.

3. Федеральный конституционный закон от 03.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.01.1997, № 1, ст. 1.

4. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.06.2005, № 23, ст. 2199.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (в ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

S. V. Maksina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. F. Novikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SOME ISSUES OF USING THE STATE LANGUAGE AS AN INTEGRAL PART OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE, IN CIVIL PROCEEDING

The article deals with the use of the state language as an integral part of cultural and historical heritage, describes the concept and importance of the principle of state language in civil proceedings, analyzes the right of a person participating in a case and who does not speak the language of civil proceedings to use their native language, as well as the services of an interpreter, examines the procedural situation of an interpreter, and offers solutions to the problems of application practice.

State language, cultural and historical heritage, civil proceedings, person participating in the case, translator

УДК 343.2/.7

И. Н. Нужнов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н.Г.Кузнецова», e-mail: inuzhnov@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РФ: ОБРЕТЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА.

Государственный Совет России стал одним из элементов конституционной реформы 2020 года, в результате которой произошла его «трансформация» из внеконституционного органа в конституционный, статус которого должен определяться федеральным законом. В рамках данной статьи проведен историко-правовой экскурс возникновения и институализации Государственного совета, анализ конституционно-правового статуса, порядка формирования, структуры и полномочий данного органа сегодня.

Ключевые слова: Государственный Совет Российской Федерации, Госсовет, конституционно-правовой статус, конституционный орган, консультативно-совещательный орган при Президенте России, единая система публичной власти.

Частью конституционной реформы, проведенной в 2020 г., стала реализация предложения, высказанного 15 января 2020 года Президентом России в Послании Федеральному Собранию о необходимости изменения правового положения Государственного Совета Российской Федерации, а именно конституционного закрепления его статуса и роли. Аргументировалось это стремлением увеличения полномочий глав субъектов федерации в выработке и принятии решений на федеральном уровне, поскольку Россия – огромная страна, где у каждого субъекта Федерации есть свои особенности, проблемы, свой опыт [10].

Политико-правовые истоки появления этого государственного органа в новейшей истории российского государства и права восходят к рубежу 20-21 вв. Образование Государственного Совета РФ стало результатом очередного реформирования порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ в 2000 году и было связано с тем, чтобы обеспечить участие глав исполнительной власти, высших должностных лиц субъектов Федерации, переставших быть членами Совета Федерации, в решении важных вопросов государственной жизни, обеспечить наиболее эффективный учет интересов и потребностей субъектов Федерации.

Указом Президента России от 1 сентября 2000 года было утверждено Положение о Государственном совете, в котором был конкретно определен статус Госсовета как совещательного органа, призванного содействовать

реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти [4].

Определяя место Государственного совета среди других властных и консультативных институтов, Президент РФ в приветственном выступлении на его первом заседании 22 ноября 2000 г. указал на то, что "Госсовет должен работать, прежде всего, как политический орган стратегического назначения», который «может задать вектор движения страны», не подменяя при этом в своей работе парламент или Правительство, «обеспечить правовое, экономическое и политическое единство страны с учетом местных особенностей", «укрепление властной вертикали» [11].

В состав Государственного Совета в соответствии с Положением входили Председатель и члены - на общественных началах. Председателем Совета является Президент, членами - по должностям высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Федерации.

Для решения оперативных вопросов в структуре Госсовета формировались его Президиум из семи членов, рабочие группы, консультативная комиссия. Учреждена и должность Секретаря Государственного совета, который, однако, не входил в его состав. На общественных началах им является один из помощников Президента РФ.

Из определения Госсовета вытекают и его задачи, которые условно можно разделить на две группы: 1) связанные с содействием реализации полномочий Президента РФ; 2) связанные с обсуждением общегосударственных вопросов.

В течение 20 лет Госсовет выполнял совещательно-консультативные функции, а персональный состав его членов подвергался многократной ротации, обусловленной кадровыми решениями как на федеральном, так и на региональном уровне. За все время деятельности Госсовета до момента внесения поправок в Конституцию России его правовой статус так и не получил какого-либо законодательного оформления.

Таким образом, краткий историко-правовой экскурс позволяет сделать вывод, что Государственный совет стал порождением политической тактики, суть которой состояла в вертикализации государственного управления, придания динамики законодательному процессу с целью максимального ускорения прохождения необходимых стране реформ, исключив при этом фактор столкновения интересов центра и регионов внутри Федерального Собрания. За прошедшие 20 лет Госсовет в своем развитии прошел процесс становления и институционализации в существующей управленческой системе государства. Произошел переход от функции своеобразного балансира политических интересов федерального центра и субъектов Российской Федерации к формату штаба выработки и приведения в действие единообразной государственной политики во всех отраслях деятельности государства. После наделения в 2018 году рабочих

групп Госсовета довольно широкими полномочиями правовой статус Государственного совета стал сопоставим со статусом конституционных органов, отчего вполне логичным кажется решение ввести положение о Государственном совете в Конституцию России и урегулировать вопросы его организации и деятельности на уровне федерального закона.

Внесенные в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти"[2] в ст.83 Конституции РФ изменения закрепляют конституционный статус Государственного совета, порядок его формирования и цели.

Согласно пункту е5 ст. 83 Конституции РФ Президент РФ формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [1]. Этой же нормой предписывается, что статус Государственного Совета РФ должен определяться федеральным законом.

С юридической точки зрения конституционное закрепление статуса Государственного Совета РФ позволяет обеспечить легитимизацию данного органа, а также наделить его полномочиями на уровне отраслевых федеральных законов, уйдя от "указного" нормативного регулирования его организации и деятельности.

Принятый в соответствии с Конституцией Федеральный закон № 394-ФЗ "О Государственном Совете Российской Федерации" более конкретно регулирует правовой статус Госсовета, порядок его формирования, состав, функции, задачи и организацию работы. Некоторые его вопросы находят конкретизацию в Указах и распоряжениях Президента РФ.

Анализ этих правовых положений позволяет выделить основные составляющие конституционно-правового статуса Государственного совета РФ.

Во-первых, меняется его роль и компетенция в системе публичной власти в результате преобразования самих целей формирования данного органа, которые по сравнению с ранее действующим Положением о Госсовете существенно образом расширены. В статье 3 Федерального закона в соответствии с п.е5 ст.83 Конституции России определяется, что Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [3].

Конституция теперь предусматривает новое понятие **публичная власть**, определение которой дано в ст.2 федерального закона. Под ней понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти

субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие организационно-правовые, функциональные и финансово-бюджетные взаимодействия в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства [3].

Если изначально Госсовет был призван обеспечить единообразие государственной политики по контуру "Федерация – субъекты федерации", то теперь можно говорить о более широком охвате вертикали управления. Госсовет **занимает центральное место** именно в единой системе публичной власти, которая охватывает собой федеральный, региональный и муниципальный уровень властной компетенции.

Конституционная норма о Госсовете также устанавливает целью его формирования *определение основных направлений внутренней и внешней(!) политики Российской Федерации, а также приоритетных направлений социально-экономического развития государства*. То есть, в отличие от компетенции, определенной Положением, Конституция и федеральный закон распространяют его компетенцию и на область внешней политики.

Таким образом, можно сказать, что Государственный Совет РФ представляется ключевым органом «стратегического планирования» в области внутренней и внешней политики, социально-экономического развития государства, функционирования и согласованного взаимодействия системы публичной власти. Часть 2 ст. 3 ФЗ определяет, что Государственный Совет в пределах своей компетенции участвует в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации [3].

Во-вторых, определенные изменения претерпели задачи и функции Госсовета, которые определяются гл.2 федерального закона. К основным задачам по содействию Президенту РФ в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти добавляется определения основных направлений внутренней и внешней политики РФ и приоритетных направлений социально-экономического развития.

Дальше ст.5 закона устанавливает, что Госсовет готовит предложения Президенту РФ:

- по вопросам социально-экономического развития, регионального и муниципального развития, а также формирования механизмов эффективного осуществления такого развития и содействия их реализации;
- по важнейшим вопросам государственного строительства, укрепления основ федерализма и местного самоуправления, а также по вопросам

взаимоотношений федеральных властей с субъектами РФ и муниципальными образованиями;

- по вопросам формирования механизмов согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов госвласти, органов госвласти субъектов РФ и органов местного самоуправления, повышения эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ), глав муниципальных образований (глав местных администраций);

Госсовет РФ также:

- содействует Президенту РФ при разрешении разногласий между федеральными органами власти и органами власти субъектов РФ, а также между органами власти субъектов РФ;

- рассматривает по предложению Президента РФ проекты федеральных законов и указов Президента РФ, имеющих общегосударственное значение;

- обсуждает основные параметры проекта федерального закона о федеральном бюджете и на плановый период, а также информации Правительства РФ о ходе исполнения федерального бюджета и о реализации национальных целей развития Российской Федерации;

- обсуждает основные вопросы кадровой политики в РФ.

Закон определяет, что Президент РФ может возложить на Госсовет РФ иные задачи, имеющие важное государственное значение.

Для решения своих основных задач Государственный Совет согласно ст.6 закона осуществляет следующие **функции**:

- рассматривает вопросы, касающиеся взаимодействия органов публичной власти, обсуждает основные направления внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетные направления социально-экономического развития государства, в том числе основные направления регионального и муниципального развития;

- рассматривает вопросы, касающиеся согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, в том числе по вопросам передачи полномочий между названными органами, в целях достижения согласованного их решения;

- анализирует практики государственного и муниципального управления, разрабатывает предложения по их совершенствованию;

- участвует в определении, согласовании и утверждении критериев и показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

- обеспечивает мониторинг планируемых субъектами Российской Федерации и достигнутых ими за отчетный период значений (уровней) показателей деятельности, представляет соответствующий доклад Президенту Российской Федерации;

• участвует в разработке и определении мер поощрения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения ими наилучших значений (уровней) показателей деятельности.

Закон определяет также, что Госсовет может осуществлять и иные функции в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, решениями Президента Российской Федерации.

В-третьих, закон определяет состав и порядок формирования Государственного совета. В состав Госсовета РФ входят Председатель Госсовета и члены Госсовета, которые участвуют в его деятельности на общественных началах.

При этом закон устанавливает, что в состав Госсовета РФ не могут входить лица, имеющие гражданство иностранного государства либо документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства. Лицам, входящим в состав Госсовета РФ запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории России.

Председателем Госсовета РФ является Президент РФ, который: осуществляет руководство Госсоветом РФ; определяет место и время проведения заседаний; председательствует на заседаниях; формирует план работы и повестку дня очередного заседания; назначает Секретаря Госсовета РФ из числа членов Госсовета РФ; решает иные вопросы деятельности Госсовета РФ.

Членами Госсовета РФ по должности являются Председатель Правительства РФ, Председатель Совета Федерации РФ, Председатель ГосДумы РФ, Руководитель Администрации Президента РФ, высшие должностные лица субъектов РФ.

По решению Президента РФ в состав Госсовета РФ могут быть включены представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе РФ, представители местного самоуправления. По решению Президента РФ в состав Госсовета РФ также могут быть включены иные лица (какие - в законе не уточняется, исходя из толкования – любые).

Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2020 г. № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации» в состав Госсовета включено 103 человека. Наряду с членами совета по должности в него вошли первый замруководителя Администрации Президента, руководители фракций в Госдуме, два представителя от муниципальных образований, полпреды Президента в федеральных округах, руководители РСПП и ФНП, а также помощник Президента И.Е.Левитин, являющийся секретарем Госсовета [7].

При этом определено, что члены Госсовета РФ не вправе делегировать свои полномочия другим лицам.

В-четвертых, изменения претерпела и структура Госсовета. Для решения текущих вопросов деятельности Государственного Совета формируется

Президиум Государственного Совета, состав которого определяется Председателем Госсовета. Если по Положению в состав Президиума входило 7 человек, то теперь Распоряжением Президента РФ в его состав включено 21 человек.

Закон (ст.11) определяет, что в целях выполнения задач и осуществления функций Государственного Совета решением Председателя создаются комиссии Государственного Совета по направлениям его деятельности, а также могут создаваться рабочие группы и иные рабочие органы Государственного Совета. В состав комиссий могут входить представители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, в том числе не являющиеся членами Государственного Совета. В законе определяются и основные функции комиссий.

В-пятых, закон определяет организацию деятельности Государственного совета РФ, взаимодействия его с другими государственными и муниципальными органами (ст.12, 13, 14, 15)

Заседания Госсовета РФ проводятся регулярно в соответствии с планами, утверждаемыми Председателем (т.е. Президентом РФ). По решению Председателя могут проводиться внеочередные заседания Госсовета РФ.

Заседание является правомочным, если на нем присутствует большинство от общего числа членов Госсовета РФ. По решению Председателя заседания Госсовета РФ могут проводиться с участием представителей Правительства РФ, палат Федерального Собрания РФ, иных органов и организаций.

Итоги заседаний Госсовета РФ оформляются решениями, которые подписываются Председателем Госсовета РФ. Причем закон конкретно не определяет, какие решения являются принятыми, как устроено принятие решений, необходимо ли голосование и т.п.

В случае принятия Госсоветом РФ решения о необходимости принятия федерального конституционного закона, федерального закона или внесения в них изменений, внесения поправок в проект федерального конституционного закона или федерального закона проект соответствующего акта вносится в Государственную Думу РФ. Однако возникает вопрос: как решения Госсовета РФ будут оформляться в законопроект, поскольку Госсовет РФ не обладает правом законодательной инициативы (такое право должно быть установлено в Конституции РФ).

Вероятней всего, исходя из настоящего текста закона и сложившейся практики, предложения о законопроектах будут направляться Президенту РФ, который уже в свою очередь будет направлять их в ГосДуму РФ.

Кроме того, если Госсовет РФ решит, что нужно разработать или изменить какой-то документ стратегического планирования, то такая рекомендация направляется в Правительство РФ, в регионы или в муниципальные образования.

Следует отметить, что конкретные полномочия Госсовета в законе не раскрываются. Вместе с тем из закона, на наш взгляд, прослеживается полный контроль Госсовета РФ Президентом РФ: Президент РФ формирует Госсовет РФ, его структурные подразделения, председательствует, подписывает все решения, но при этом, исходя из задач Госсовета РФ, по сути, сам себе направляет предложения, решения по которым сам же и подписывает.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, Госсовет РФ представляет собой конституционный консультативно-совещательный орган, не имеющий исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий.

Во-вторых, Государственный Совет РФ является органом, действующим непосредственно, как отмечает Авакьян С. А. при Президенте РФ [12, с. 398], поскольку создан с целью содействия реализации полномочий главы государства, возглавляется им, а некоторые решения Госсовета оформляются нормативными правовыми актами главы государства.

В-третьих, Государственный Совет РФ является «важной площадкой», на которой обсуждаются проблемы и вопросы, имеющие государственное значение. По итогам их рассмотрения Президентом РФ утверждаются соответствующие поручения, оказывающие воздействие на действующие правовое регулирование.

На первый взгляд может показаться, что функции Госсовета носят совещательный характер, но с учетом статуса Председателя и состава Госсовета очевидно, что обсуждения по взаимодействию всех уровней власти, внутренней и внешней политике и социально-экономическом развитии будут точно не формальными, а иметь реальные последствия в форме последующих решений, которые безусловно будут приниматься и реализовываться.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (дата обращения: 01.08.2020).

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // "Российская газета", N 55, 16.03.2020.

3. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ "О Государственном Совете Российской Федерации" //Российская газета - Федеральный выпуск № 280(8334), 11 декабря 2020 г.

4. Указ Президента РФ от 01.09.2000 N 1602 "О Государственном совете Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 04.09.2000, N 36, ст. 3633.

5. Указ Президента РФ от 21.08.2012 N 1203 (ред. от 18.07.2018) "Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации

по обеспечению деятельности Государственного совета Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 27.08.2012, N 35, ст. 4778.

6. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2020 г. № 800 «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации»// prav0.gov.ru

7. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2020 г. № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации»// prav0.gov.ru

8. Распоряжение Президента РФ от 27.12.2018 N 404-рп (ред. от 18.03.2020) "О рабочих группах Государственного совета Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 31.12.2018, N 53 (ч. I), ст. 8632.

9. Распоряжение Президента РФ от 01.05.2019 N 128-рп (ред. от 18.03.2020) "Об утверждении состава консультативной комиссии Государственного совета Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 06.05.2019, N 18, ст. 2233.

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // «Российская газета», N 7, 16.01.2020.

11. Выдержки из стенографического отчета о заседании Государственного совета 22 ноября 2000 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24310>

12. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА М, 2014. Т. 2. С. 911.

13. Кузнецов И. И. Государственный Совет в системе власти Российской Федерации 2000–2004 годов // Вестник ПАГС. 2004. №7. С. 10–19.

I. N. Nuzhnov (Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI", VUNC of the Navy "N. G. Kuznetsov Naval Academy")

THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION: GAINING CONSTITUTIONAL STATUS.

The State Council of Russia became one of the elements of the constitutional reform of 2020, which resulted in its "transformation" from a non-constitutional body to a constitutional one, the status of which should be determined by federal law. Within the framework of this article, a historical and legal excursion of the emergence and institutionalization of the State Council, an analysis of the constitutional and legal status, the order of formation, structure and powers of this body today is carried out.

Keywords: State Council of the Russian Federation, State Council, constitutional and legal status, constitutional body, consultative and advisory body under the President of Russia, unified system of public power.

УДК 94(47).081+930.2

А. А. Рубцов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: rubtsov334@gmail.com)

ВЛАСТЬ И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1870-Х ГОДОВ: НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ «СТАЧКА»

В статье идет речь о развитии языка описания политических угроз в Российской империи в 1870-х годы. В современной гуманитарной науке возможности междисциплинарного диалога значительно расширяют перспективы развития исторической науки. Поэтому автор опирается на подходы, разрабатываемые в рамках направления «истории понятий» и социологии. На примере развития понятия «стачка» продемонстрировано как власти осваивали новые вызовы, возникавшие в связи с общей модернизацией пореформенной России, и создавали соответствующие новым явлениям понятия.

Российская империя, политическая полиция, стачка, забастовка, история понятий

30 декабря 1872 года начальник московского губернского жандармского управления (далее – МГЖУ) разослал инструкцию подчиненным ему офицерам, служившим в уездах Московской губернии. В данном документе он указывал на то, что порой источником неправильных действий со стороны нижних чинов могли служить действия самого же начальства и неточность предоставляемых подчиненным требований. В пример такой неточности он привел показательный случай, описанный им следующим образом: «Один из унтер-офицеров [...] вверенного мне Управления, донес мне, что на одной суконной фабрике произошла стачка рабочих, при чем не объяснил необходимых подробностей, как о поводах к стачке, так и вообще о том, сколько участвовало в стачке рабочих и какой она имела характер в начале своем и окончании. Унтер-офицер этот в донесении своем изложил обстоятельства дела весьма хорошо и мне лично известно, что он по развитию своему, способности и усердию к службе вполне удовлетворяет своему назначению. При расспросе же его, по поводу представленного им упомянутого донесения, он откровенно объяснил что значение слова «стачка» ему не было разъяснено и он под этим словом понимает все те неудовольствия фабричных рабочих, кои ими заявляются административным лицам фабрики» [1, Л. 64об. – 65]. Представленный случай, связанный якобы с «незнанием» унтер-офицера, как это описывает в конце циркуляра начальник МГЖУ, указывает на одну важную проблему в Российской империи второй половине XIX века – сложность процесса формирования знания в среде чиновничества о возможных политических угрозах.

Властям в Российской империи приходилось постоянно реагировать на новые формы политического протеста, появившиеся в течение второй половины XIX века. В Российской империи, как и в других европейских государствах, антиправительственные политические выступления всегда оказывались случаями экстраординарными, следовательно, требующими немедленной реакции. Несмотря на то, что революционные леворадикальные или националистические движения воспринимались как экстремальная угроза государству, на протяжении XIX века они постепенно становились обыденным явлением политической жизни империи. Поэтому важной оказывается задача проследить, как происходило «освоение» этой новой политической реальности в процессе практической работы с революционными угрозами.

В последние десятилетия представители гуманитарных наук стали уделять особое внимание языку, его взаимодействию с политическими, социальными и культурными контекстами. Поэтому обращаясь к исследованию поставленной проблемы, стоит учитывать подходы, разработанные в рамках указанного тренда в развитии науки. В своем исследовании я опираюсь, с одной стороны, на методы, разработанные в рамках такого важного направления как «история понятий» [2], в русле которого исследователи уделяют внимание интерпретации понятий и контекстам их распространения, реконструируя процесс формирования смыслов и их использования различными политическими акторами.

С другой стороны, я учитываю идеи социологов, относящих себя к т.н. традиции «прагматического поворота». В одной из фундаментальных работ, выполненных в рамках данного направления книге «Критика и обоснование справедливости» [3] ее авторы Л. Болтански и Л. Тевено интересует не абстрактная проблема справедливости, а процессы «justification», – оправдание, обоснование своего действия в повседневных дебатах. «Другими словами: исследуются практики проверки и установления доверия, не извечный вопрос о высшей правде, а практики оправдания» [4]. Из этого вытекает более фундаментальное утверждение о важности исследования практик повседневной жизни, так как именно на уровне последних происходит постоянное производство знания о мире, которое затем становится общепризнанным. В этом ключе и язык политической полиции, относящейся к сфере обеспечения общественной безопасности в Российской империи, становится особой практикой управления. Примером исследования дискурса власти как особой практики управления являются работы американского социолога Дж. Мора. В своих исследованиях он обращался к статистическому анализу с целью исследования языка американского государства о нуждающихся классах населения [5]. Мор изучил, из каких элементов складывался дискурс о бедных в Америке, и показал связь объяснительных моделей с конкретными решениями, принимаемыми властями в области поддержки населения. Внимание к интерпретации понятий и их контекстам в наибольшей степени проявилось в политической истории и истории социально-политической мысли.

Возвращаясь к представленному в самом начале делу, кратко рассмотрим проблему функционирования понятия «стачка». Изучая его, можно приблизиться к пониманию процесса формирования языка описания политических угроз в России второй половины XIX века и задать траектории дальнейшего исследования. Из других инструкций и распоряжений Штаба корпуса жандармов мы знаем, что множество сведений о происходящих в губерниях событиях собиралось для аппарата управления именно тем нижним слоем чиновников, к которым относились и унтер-офицеры корпуса жандармов. Как сообщалось в одном из таких циркуляров «Чины Жандармского дивизиона [...] должны при охранении порядка тишины и спокойствия при стечении публики всегда обращать внимание на толки и разговоры имеющие признаки неуважения к местной административной власти, а в особенности признаки государственного преступления» [6, Л. 39]. Фактически от того какую информацию они соберут и то в каком порядке она будет ими представлена начальству зависело какой дальнейшей образ о положении дел сформируется в высших эшелонах власти по мере движения собранной информации вверх по иерархической лестнице государственных институтов. Поэтому начальник МГЖУ обращал особое внимание на необходимость разъяснять нижним чинам и их обязанности, и значение тех понятий, которые необходимо использовать для описания политической реальности.

В русском языке до 1870-х годов понятие «стачка» обычно использовалось в значении «сговора». В словаре В.И. Даля, издававшемся в 1863 – 64 гг., для понятия «стачка» отсутствует самостоятельное определение, однако оно используется как синоним к слову «сообщничество» [7, С. 246]. В уголовном праве «стачка» тоже использовалась для описания сговора между свидетелями [8, С. 200] или для описания незаконной договоренности между промышленниками с целью повышения цены [9, С. 305]. Однако с начала 1870-х годов можно зафиксировать учащение использования понятия «стачка» в значении забастовки рабочих. Причиной распространения такого смысла этого понятия были западноевропейские события. Нужно учитывать, что прежде всего как некую политическую угрозу организованную борьбу рабочих рассматривали в среде высшей бюрократии, которая была под впечатлением от событий Парижской коммуны 1871 года и пристально наблюдала за деятельностью Международной организации трудящихся известной как I Интернационал. Поэтому прежде всего в среде интеллигенции и управленческой элиты «стачка» стала использоваться как понятие, описывающее протест рабочих на предприятиях.

Это значение поэтому проникает и в сферу уголовного права. В печатавшихся Министерством юстиции с 1873 года Статистических отчетах в перечне преступлений появляется «стачка рабочих», под которой понималась прежде всего остановка работы предприятия с целью протеста против действий администрации [10, С. 72]. В тоже время, в 1872 году на одной из правительственных комиссий обсуждался проект о внесении в одну из статей «о

противозаконных сообществах» [11, Л. 91] определения наказания за стачки, однако эти изменения не были приняты.

В рассматриваемом циркуляре начальник МГЖУ таким же образом разъясняет, что под собой должно подразумевать понятие «стачка»: «Стачкой и забастовкою фабричных и заводских рабочих тогда только можно назвать, когда она по существу своему имеет следующий характер: все или самая большая часть рабочих фабрики или завода столковались между собой прекратить работу с целью вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату или же принудить хозяев исполнить какое либо другое их требование. При подобных стачках, несомненно, должны явиться и подстрекатели, личности по всему вероятию неблагонадежные» [12, Л. 65].

В это определение проникают оба значения «стачки» и как «сговора», и как «забастовки». В вышеприведенной цитате начальник МГЖУ упоминает о подстрекателях к стачке как обязательной составляющей этой формы конфликта с администрацией. Подстрекатели понятие уголовного права, которое описывало один из типов соучастия в преступлении. В этом проявляется момент формирования смысла понятия «стачка», когда к новому значению забастовка добавляется старое – наличие сговора. Таким образом, «стачка» в этом документе предстает как сговор среди рабочих с целью остановить производство и выразить протест против администрации. Вероятно, именно изначальный смысл «стачки» как «сообщничества» позволил этому понятию утвердиться в качестве обозначения «забастовки», так как последнее означало только остановку работы, а «стачка» указывала еще и на способ этой приостановки как консолидированного протеста.

Таким образом, жандармы фактически должны были осваивать не только юридические понятия, но и политический язык эпохи, чтобы распознавать угрозы общественной безопасности. Стачка действительно было новым явлением для российской политической действительности 1870-х годов. Поэтому для большинства чиновников и жандармов, служащих в губерниях, это еще не стало актуальной повесткой дня. «Стачка» является примером понятия из западноевропейской политической борьбы, которое проникало в российские губернии раньше, чем соответствующие ему явление.

Источники:

1. Проект циркуляра МГЖУ помощникам начальника управления, находящимся в уездах Московской губернии, 30 декабря 1872 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 58. Оп. 1. Д. 5.
2. Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
4. Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007, № 1. С. 32-41.

5. Mohr J.W. Soldiers, mothers, tramps and others: Discourse roles in the 1907 New York City charity directory // *Poetics*. 1994, Volume 22. P. 327-357.
6. Письмо начальника МГЖУ полковнику В.А. Мею от 31 мая 1872 года за №632 // ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 ч. М.: Издательство общества любителей Российской словесности, 1866.
8. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала СПб.: типография В. Демакова, 1870.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с разъяснением по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената. М.: типография А.И. Мамонтова, Грачева и К°, 1868.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 года, за 1874 год. СПб.: Министерство юстиции, 1875.
11. Проект закона о противозаконных сообществах // ГАРФ. Фонд 110. Оп. 1. Д. 970.
12. Проект циркуляра МГЖУ помощникам начальника управления, находящимся в уездах Московской губернии, 30 декабря 1872 г. // ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5.

A. A. Rubtsov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

POWER AND NEW POLITICAL REALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 1870S: ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF «STRIKE»

The paper deals with the development of the discourse for describing political threats in the Russian Empire in the 1870s. In the modern humanities, the possibilities of interdisciplinary dialogue significantly expand the prospects for the development of history. Therefore, the author relies on the approaches developed in the framework of the direction of «history of concepts» and sociology. Using the example of the development of the concept of «strike», it is demonstrated how the authorities mastered the new challenges that arose in connection with the general modernization of post-reform Russia, and created concepts corresponding to the new political phenomena.

Russian Empire, political police, strike, history of concepts

УДК 94(47).084.1

Д. И. Стогов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ И Б. В. НИКОЛЬСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений между вдовой Ф. М. Достоевского Анной Григорьевной Достоевской и ученым-правоведом, одним из лидеров черносотенцев Борисом Владимировичем Никольским. Подчеркивается важность сохранения исторического наследия (в данном случае переписки А. Г. Достоевской и Б. В. Никольским) для сохранения преемственности поколений. Анализ переписки затрагивает взаимоотношения между представительницей культурного мира и одним из лидеров монархистов. Б. В. Никольский посещал литературные и музыкальные вечера у А. Г. Достоевской, а также выступил в качестве адвоката на стороне истца по делу Н. С. Аскарханова о нарушении авторских прав. Однако дело выиграть не удалось, и после этого отношения между Достоевской и Никольским пошли на спад.

Российская империя, адвокат, литература, публицистика, периодическая печать, Институт русской литературы

В условиях перехода России и мира к информационному обществу и цифровой эпохе особую важность представляет проблема сохранения исторического и культурного наследия. Обращение к достижениям ушедших эпох важно для сохранения преемственности поколений, исторической памяти.

Крупнейшие книгохранилища, архивы продолжают осуществлять перевод своих собраний в электронный формат. Особое место среди них занимают документы, связанные с выдающимися деятелями культуры прошлого.

В фонде 588 (Б. В. Никольский) Государственного архива Российской Федерации сохранились письма второй жены Ф. М. Достоевского, издательницы и публикатора его трудов, библиографа и филателиста Анны Григорьевны Достоевской (1846–1918) к известному ученому-правоведу, специалисту римского права, профессору, одному из организаторов и лидеров Союза русского народа Борису Владимировичу Никольскому (1870–1919) [1]. Анализ этой переписки представляет интерес, поскольку затрагивает взаимоотношения между представительницей культурного мира второй половины XIX в., к тому же непосредственно связанной с одним из величайших русских писателей, и представителем правомонархического движения, одним из основателей черносотенного Союза русского народа.

В настоящее время письма А. Г. Достоевской к Б. В. Никольскому, как и другие материалы этого же фонда, оцифрованы и находятся в свободном доступе на портале Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина [2].

Нам неизвестно, в каком году и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Б. В. Никольского и А. Г. Достоевской. В воспоминаниях А. Г. Достоевской говорится о том, что в молодости, после 1864 г., она училась на Педагогических курсах, и словесность ей преподавал отец Б. В. Никольского, известный филолог Владимир Васильевич Никольский. Достоевская впоследствии вспоминала: «...Мне особенно запомнились лишь талантливые лекции по русской литературе профессора В. В. Никольского, на которых сходились слушательницы обоих отделений» [3, С. 51].

Первое письмо А. Г. Достоевской и Б. В. Никольскому, хранящееся в архиве, датировано 8 марта 1892 г., а последнее – февралем 1904 г. По содержанию письма и телеграммы Достоевской Никольскому можно разделить на две категории: личного характера, с приглашениями на вечера с домашними спектаклями, и деловые, связанные с адвокатской практикой Никольского.

Анна Достоевская поздравляла Бориса Никольского с церковными праздниками [1, Л. 2], передавала поклон и поздравления его матери Марии Ивановне и супруге Екатерине Сергеевне [1, Л. 2]. В доме Достоевской вечерами проходили домашние спектакли [1, Л. 1, 10, 11, 23], литературные чтения [1, Л. 3, 4], танцы [1, Л. 9], на которые приглашался Борис Владимирович. В письме от 23 апреля 1892 г. А. Г. Достоевская подчеркивала, характеризуя свой литературный кружок: «Кружок у нас тесный, а потому лишним людям не сообщайте, что у нас собираются читать» [1, Л. 4]. На собрания к Достоевской 16 ноября 1895 г. пришли, среди прочих гостей, «несколько барышень и молодых людей» [1, Л. 7].

В 1904 г. А. Г. Достоевская среди прочих книгоиздателей и литераторов затеяла тяжбу с редактором-издателем (издавал ежемесячный журнал «Библиографические новости» и петербургский журнал «Русское свободное слово») Н. С. Аскархановым (1861–?). В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом, ИРЛИ РАН) содержатся письма Н. С. Аскарханова к А. Г. Достоевской от 4 и 5 декабря 1903 г. [4]. Судя по всему, Аскарханов намеревался издавать сочинения Ф. М. Достоевского, однако в итоге не смог этого сделать. В Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени Императора Александра III (1846–1903) [5], его фамилия отсутствует.

В письме от 17 мая 1904 г. Анна Достоевская просила Бориса Никольского взять судебное дело против Николая Аскарханова в свои руки в качестве адвоката. Дело касалось контрфакций (нарушения авторских прав). Далее Достоевская сообщала, что ее сын Федор Федорович должен был выдать Никольскому доверенность на ведение дела, однако, судя по содержанию письма, передача доверенности затянулась, как минимум, на неделю [1, Л. 13].

Отметим, что дело против Н. С. Астраханова инициировалось не только и не столько А. Г. Достоевской, но целым рядом известных литераторов и книгоиздателей. Так, книгоиздатель А. Ф. Маркс еще 26 апреля 1904 г. предложил Б. В. Никольскому вести это дело [6, С. 15]. Сам Никольский в дневнике писал, что намерен закончить прошения по «Аскархановскому делу» до мая, чтобы летом быть свободным [6, С. 16]. К 27 мая он получил по этому делу доверенности от великого князя Константина Константиновича, А. Ф. Маркса, А. С. Суворина и Е. М. и Л. М. Вольфов. Здесь же он упомянул, что ожидает доверенности и от А. Г. Достоевской [6, С. 16].

В письме от 23 мая 1904 г. А. Г. Достоевская сообщала Б. В. Никольскому, что, наконец, она получила доверенность от сына, Федора Федоровича Достоевского. После этого в пятницу она отправилась к нотариусу, чтобы «составить доверенность на ведение дела с Аскархановым» от имени ее самой, сына и дочери Любови Федоровны [1, Л. 16]. Далее в письме Анна Григорьевна сообщает о «неприятном осложнении», которое возникло на ее пути: «Когда я просила кроме доверенности составить нотариальное условие о (возможности) вознаграждении, то нотариус сказал, что такое условие я по передоверию от сына подписать не могу, (Здесь и далее выделено автором письма. – Д. С.), так как в данной им доверенности не включено право на заключение условий с поверенными о вознаграждении за ведение дела. Нотариус сказал, что этот пункт должен быть ясно оговорен в доверенности. Ужасно жалею, что в оставленном черновике Вы не упомянули об этом пункте отдельно. Так как необходимо, чтобы нотариальное условие было совершено нотариальным порядком, то мне пришлось вчера отправить доверенность обратно и просить сына выдать другую с точным обозначением выше означенного пункта» [1, Л. 16]. В итоге А. Г. Достоевская, зная медлительность своего сына в деловых отношениях, опасалась, что дело затянется. В связи с этим она просила Б. В. Никольского немедленно начинать дело в суде (в виду того, что истцов было, как мы уже упомянули ранее, несколько). «Мы же присоединимся впоследствии, если не произойдут какие-либо новые осложнения», – заключила Достоевская [1, Л. 17].

3 июня 1904 г. А. Г. Достоевская среди прочих заинтересованных лиц посетила квартиру Б. В. Никольского, обсуждалось дело Аскарханова [6, С. 18].

13 июня 1904 г. Б. В. Никольский записал в дневнике: «Аскархановское дело растет. Я обнаружил с его стороны подложные цензурные разрешения, да еще в перепечатке поэмы великого князя (Константина Константиновича. – Д. С.)! В цензуре все на моей стороне, потому что ненавидят Аскарханова и с ним постоянно ссорятся. Это чрезвычайно мне выгодно» [6, С. 19].

3 июля 1904 г. Б. В. Никольский записал в дневнике: «Аскархановское дело – эффектное дело, но неблагоприятное по массе труда и по ничтожной плате. А главное, что в нем худо, – задерживает оно меня с диссертациею» [6, С. 28].

Наконец, 27 июля 1904 г. А. Г. Достоевская, проживая в Старой Руссе, дала ответ на письмо Б. В. Никольского, который на тот момент отдыхал в Сестрорецке (его адрес: Большая Канонерка, дом Федорова, № 20). В письме она

сообщала, что дело против Н. С. Аскарханова «окончательно разладилось» по причине того, что ее сын не прислал новой доверенности и, как писала автор письма, «кажется, совсем не пришлет» [1, Л. 19]. Далее Анна Достоевская передавала следующие обстоятельства, связанные с ведением дела: «Невестка моя (она гостит у меня в Руссе) передавала, что Ф. Ф. (Достоевский. – Д. С.) говорил об этом деле с одним известным московским адвокатом, и тот заверил, что иск выиграть невозможно и что нам придется поплатиться значительными судебными издержками, если сумма иска будет значительная. Если же сумма иска будет мала, то, при 50% вознаграждении, мы получим гроши, а, стало быть, "игра не стоит свеч". Я искренно жалею, что, редактируя проект доверенности, Вы упустили упомянуть о праве моем заключать договор о вознаграждении. Если б это было сделано, то сын мой подписал бы доверенность и дело пошло бы в ход» [1, Л. 19 – 19 об.].

«Поверьте, – писала далее А. Г. Достоевская, – что мне чрезвычайно жаль, что в деле взыскания с Аскарханова мы остались в стороне, но что поделаешь с обстоятельствами, которые сильнее нас. Я предполагала, что Вы уже приступили к делу по другим претензиям, т. к. в майском моем письме просила не дожидать нас, заранее зная, как трудно вести деловые сношения с моим сыном в случаях, если дело идет не по его специальности. Если Вам пришлось заплатить из-за меня что-либо по этому делу – сообщите, и я с благодарностью возвращу произведенные Вами расходы» [1, Л. 19 об.].

Таким образом, Б. В. Никольский не смог реализовать намерения А. Г. Достоевской добиться взыскания с Н. С. Аскарханова суммы. Дело развалилось.

Вместе с тем, в тот же день Б. В. Никольский записал в дневнике: «Аскархановское дело, несомненно, даст мне широкую известность» [6, С. 30]. Видимо, именно это обстоятельство особо заботило ученого-правоведа и адвоката.

Впрочем, контакты А. Г. Достоевской и Б. В. Никольского сохранялись и впоследствии. Никольский в дневнике (запись от воскресенья 3 апреля 1905 г.) сообщил, что в тот день вечером у Елизаветы Рейнгартовны Бобрищевой-Пушкиной, жены присяжного поверенного А. В. Бобрищева-Пушкина, архиепископ Волынский и Житомирский (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий) Антоний (Храповицкий) «читал о благости Божией и вечных мучениях», «как всегда, умно и интересно». Среди прочих гостей Б. В. Никольский упомянул в дневнике и «старую стерву Достоевскую» [6, С. 52]. Видимо, к тому времени отношения между А. Г. Достоевской и Б. В. Никольским окончательно разладились.

Подведем итоги. Из переписки А. Г. Достоевской и Б. В. Никольского следует, что они были хорошо знакомы, причем фактически дружили семьями, приходили в гости друг к другу. Особо активными были отношения в 1890-е годы. По мере того, как Б. В. Никольский получал большую известность и как ученый-правовед, и как адвокат, росла его популярность. Ряд известных книгоиздателей и литераторов, в том числе А. Г. Достоевская, поручили ему вести дело о нарушении авторских прав против книгоиздателя Н. С. Аскарханова. Однако дело

выиграть не удалось, и после этого, судя по всему, отношения между Достоевской и Никольским пошли на спад.

Источники:

1. ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 263.
2. Письма Достоевской А. Г. Никольскому Б. В. // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/466153?mode=rusmarc> (дата обращения 28.12.2020).
3. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 544 с.
4. РО ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29992.
5. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени Императора Александра III (1846–1903) / Сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. 394 с.
6. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918 / Сост. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 656 с.

D. I. Stogov (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

***RELATIONS BETWEEN A. G. DOSTOEVSKAYA
AND B. V. NIKOLSKY THROUGH THE PRISM OF THE PROBLEM OF
HISTORICAL HERITAGE***

The article discusses some aspects of the relationship between the widow of F. M. Dostoevsky, Anna Grigoryevna Dostoevskaya, and the legal scholar, one of the leaders of the Black Hundreds, Boris Vladimirovich Nikolsky. The importance of preserving the historical heritage (in this case, the correspondence between A. G. Dostoevskaya and B. V. Nikolsky) for preserving the continuity of generations is emphasized. The analysis of the correspondence touches upon the relationship between a representative of the cultural world and one of the leaders of the monarchists. B. V. Nikolsky attended literary and musical evenings with A. G. Dostoevskaya, and also acted as a lawyer on the side of the plaintiff in the case of N. S. Askarkhanov on copyright infringement. However, the case could not be won, and after that the relationship between Dostoevskaya and Nikolsky began to decline.

Russian Empire, lawyer, literature, journalism, periodical press, Institute of Russian Literature

УДК 37(470)(09): 94(470)

Е. В. Умова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evum@mail.ru)

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В 1920-1930-Е ГГ.

В статье рассматриваются особенности политики советского правительства в области образования и культурного воспитания населения в 1920-1930-е гг., выделяются её достоинства и просчеты, положительные и отрицательные последствия этой политики.

Культурная революция, образование, культбригады, рабфак, школа, техникум, вуз.

Последние десятилетия развития России характеризуются проведением реформ в различных сферах жизни общества, в т. ч. в сфере образования. Не все перемены воспринимаются позитивно и изучение истории страны, анализ её отдельных периодов дает возможность использовать исторический опыт в процессе современных преобразований. 1920-1930-е гг. – сложный период в отечественной истории и культуре. Противоречия между достаточно гибкой социально-экономической политикой большевиков и жесткой позицией в политической сфере, способствовавшей формированию тоталитарной системы, явственно видны в образовательной политике рассматриваемого периода. Периода, когда новая власть, пройдя разрушение дореволюционной школы и многочисленные эксперименты, заложила основы общедоступной системы образования, эффективность которой признавали даже политические противники СССР

Составной частью теории социалистической революции В. И. Ленин считал проблему революции культурной, которая выступает как предпосылка и фактор создания материально-производственной базы социализма [1, Т. 45, С. 372]. Процесс создания социалистической культуры вывел на первый план проблемы повышения общей грамотности населения (к 1917 г. неграмотно около 70%), приобщение его к достижениям культуры и подготовки кадров новой советской интеллигенции. Кроме того, стремясь распространить в обществе свое идеологическое влияние, новая власть планировала использовать для этого возможности не только учебных, но и различных культурных и просветительских учреждений.

Рассматривая грамотность как важнейшее условие для активного участия рабоче-крестьянского населения в общественно-политической жизни страны, большевики практически сразу после прихода к власти издают декрет о ликвидации безграмотности (ликбез), обязавший учиться всё неграмотное

население страны. Декрет «О единой трудовой школе» (1918), фактически ликвидировавший существовавшую до революции систему образования, провозгласил несомненно прогрессивные принципы новой советской школы: светскость, бесплатность, обучение на родном языке, право всех граждан на образование независимо от национальной, половой принадлежности и социального положения. Однако провозглашенное на бумаге зачастую противоречило происходившему в реальности (недостаток финансов, массовый уход учителей, низкая эффективность обучения, политизация образования) и большевики пошли по другому пути. Осенью 1923 г. было образовано общество «Долой неграмотность!», занимавшееся обучением навыкам элементарной грамотности как детей, так и взрослых силами идейных добровольцев. В 1928 г. по инициативе ВЛКСМ начался всесоюзный культпоход «Грамотный, обучи неграмотного», постепенно ставший своеобразной формой шефской работы города над селом. Культбригады занимались не только обучением населения, но и помогали улучшить клубную и библиотечную работу на селе, оздоровить быт, внедрить в сознание деревенских жителей идею необходимости получения образования. С начала 1930-х гг. культпоход охватил все мероприятия, направленные «на перевоспитание взрослого населения и коммунистическое воспитание подрастающего поколения»: борьба с религией и пьянством, санитарное просвещение и распространение агрономических знаний, популяризация в селе радио и кино, идеологическая работа, направленная на пропаганду колхозного строительства. Примечательно, что созданные в 1930 г. «красные чумы» – кочевые учреждения культуры, занимавшиеся просвещением населения Крайнего Севера, были ликвидированы только в 1975 г. В 2002 г. акция «Красный чум» была возобновлена, но уже как медико-социальный проект.

В 1930-е гг. стало выходить из кризиса школьное образование. Было введено обязательное начальное обучение, а в 1934 г. – школьная система с преимущественными ступенями (начальное, неполное среднее, среднее). Окончательно был исправлен первоначальный «перекосяк» образования в сторону трудовой деятельности. Введение предметной формы преподавания, единообразных учебников и учебных программ, единого режима занятий фактически говорили о завершении периода экспериментов и возврате к традиционной до-революционной системе образования. Важнейшей функцией школы стало воспитание учащихся. Главной особенностью советской системы образования рассматриваемого периода становится её идеологическая направленность, вызывающая ныне противоречивые оценки. Идея Ленина о классовом характере воспитания и образования в условиях построения коммунизма привела к политизации гуманитарных предметов, внеклассной и внешкольной работы (митинги, агитбригады, военизированные игры). Они использовались властью для формирования нового типа идеологически подкованной личности, преданной коммунистическим идеалам и беспощадной к «врагам» государства. С другой стороны, именно благодаря воспитанию патриотизма и коллективизма

выросло поколение, защитившее Отечество в годы Великой Отечественной войны, восстановившее страну из послевоенных руин.

Переход к политике индустриализации дал мощный толчок для развития среднего специального и высшего образования. Система школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) дала возможность быстро решить проблему обучения квалифицированных рабочих кадров. В эти школы принимались подростки, уже имевшие начальное образование. Важнейшую роль в подготовке кадров среднетехнического и административного персонала, владеющего не только профессиональными навыками, но и теоретическими знаниями, стали играть многочисленные техникумы, в которых к 1940 г. обучался почти 1 млн. человек. Естественно, что, как и в школах, важной составляющей обучения в средних специальных учебных заведениях было идеологическое воспитание рабочих, каждый из которых «...должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком» [2, с. 149].

В 1920-е гг. Советская Россия практически полностью лишилась дореволюционной интеллигенции: значительная часть её покинула страну или была насильно выслана (1922), часть заняла выжидательную позицию. Пытаясь привлечь старую интеллигенцию на свою сторону, большевики одновременно взяли курс на её перевоспитание в советском духе. Регулярными стали чистки и проработки «несознательной» интеллигенции, а с конца 1920-х гг. началось прямое её уничтожение («шахтинское дело», дело «Промпартии»). В связи с этим вопрос формирования новой советской интеллигенции стал весьма актуальным. Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» (1918) сделал высшее образование общедоступным, отменил не только оплату за обучение и вступительные экзамены, но и «представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы» [3, т. III, с. 82]. Однако без прочной общеобразовательной базы обучение в вузах, особенно для выходцев из рабоче-крестьянской среды, было практически невозможным. Открытые в 1919 г. рабочие факультеты (рабфаки) стали основной, и весьма удачной, формой подготовки молодежи к вузам. В середине 1920-х гг. уже около 40% студентов были бывшими рабфаковцами, а тот факт, что молодежь на рабфаки делегировалась в первую очередь советскими и партийными органами, давал большевикам возможность формировать новую интеллигенцию идеологически лояльную к советской власти. Этому во многом способствовали постановления об обязательном изучении исторического материализма и основ марксизма-ленинизма (с 1924) и ликвидация автономии вузов. Циркуляр ЦК РКП(б) окончательно закрепил необходимость «усиления идейного влияния партийных организаций на работу высшей школы», в т. ч. «участие в подборе преподавательского состава вузов и рабфаков, в разработке и проведении новых методов преподавания...» [4, с. 10]. В результате очередной «чистки» из вузов были изгнаны не менее 20% всех студентов и нелояльные к власти преподаватели. Под пристальный контроль партии попала подготовка учителей и преподавателей, особенно общественных наук. Идеологическое

руководство над ними осуществляли опытные партийные и комсомольские работники, подготовка которых осуществлялась через многочисленные партийные школы. К концу 1920-х гг. политика большевиков, направленная на изменение социального состава высшей школы (как преподавателей, так и студентов), в целом была успешно завершена, но приведя одновременно к заметному снижению уровня подготовки специалистов.

С введением первого пятилетнего плана начинается новый этап реформ. Постановлением о реорганизации (1930) вузы разделялись по отраслевому принципу, шло их переустройство на основе «решительного сближения теоретического обучения и производственной практики», значительно улучшалась материальная база. С целью более эффективного использования выпускников вузов было введено их обязательное распределение (1933), гарантировавшее трудоустройство по специальности. С 1936 г. была упорядочена организация учебного процесса, введены единообразные учебные планы и система штатных преподавателей. Создание единой системы заочного обучения (1938) позволило расширить доступность высшего образования для жителей всех регионов страны и возможность получать его без отрыва от производства. Для подготовки «высококвалифицированных научно-исследовательских работников» была возобновлена деятельность аспирантуры, восстановлена с некоторыми изменениями система ученых степеней и званий (1934). В результате реформ уже к 1940 г. по числу студентов СССР вышел на первое место в мире и, несмотря на идеологизированность советской высшей школы, качество подготовки специалистов было достаточно высоким, что стало основой для научного и технического прорыва 1950-1960-х гг.

Таким образом, изучение образовательной политики большевиков в 1920-1930-х гг. приводит к выводу о её двойственных итогах. С одной стороны, именно решительные и во многом жесткие действия власти дали возможность в короткие сроки ликвидировать безграмотность, заложить основу для той модели системы образования, которая (с учетом послевоенных изменений) была одной из лучших в мире и в основных чертах сохранялась вплоть до 1980-х гг., решить проблему подготовки инженерно-технических кадров. С другой, она показала опасность непродуманных экспериментов и слома устоявшейся системы, необходимость опираться на накопленный опыт, а также избегать политизации системы образования и применения к ней авторитарно-бюрократического стиля руководства. Советская система образования, пережившая после распада СССР значительные трансформации, во многом повторяет ошибки вековой давности. И результаты непродуманных реформ и изменений дают возможность говорить о необходимости разработки последовательной и продуманной концепции развития образования, учитывающей исторический опыт в этой сфере.

Источники:

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45.
2. Макаренко А. С. О воспитании. М.: Политиздат, 1990.

3. Декреты советской власти в 18 т. М.: РОССПЭН, 2009.

4. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. Вып. 2. М., 1947.

E. V. Umova (St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")

***SOVIET STATE POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION
IN THE 1920th – 1930th YEARS***

This article analyses the aspects of the soviet government policy in the field of education and cultural development of population during 1920th – 1930th years. The policy benefits and drawbacks, its positive and negative consequences are summarized.

Cultural revolution, education, cultural development groups, workers' faculty, school, college, university.

УДК 94(73).091

А. Е. Филимонов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aefilimonov@etu.ru)

ВОПРОС О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ СЪЕЗДОВ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ МУЗЕЕВ (НАЧАЛО XX В.)

В статье рассматривается обсуждение американской национальной идентичности в контексте работы музеев среди членов Американской ассоциации музеев в 1907-1912 гг. Их выступления на съездах организации изучались на предмет их отношения к американскому национализму и его месту в пространстве музея. Формирование национальной идентичности не было приоритетом для музейных профессионалов, но было важно для работников смежных областей (педагогика, арт-рынка и других).

Американская ассоциация музеев, национализм, национальная идентичность, музеология, музеи, Соединенные Штаты Америки, образование, педагогика

Американское музейное дело не было сведено исключительно к работе отдельных, пусть и крупных, музеев. С начала XX века в нем начали устанавливаться прочные институционализированные связи, объединившие значительную часть американских музейных деятелей. К числу важных институтов внутрипрофессиональной коммуникации того периода принадлежит Американская ассоциация музеев (далее – ААМ), созданная в 1906 году для координации развития американского музейного дела на национальном уровне. Нашей задачей в рамках данной является определение взглядов как ее отдельных членов, так и всей ассоциации в целом на роль музеев в формировании американской национальной идентичности. Следует отметить, что в музеологической литературе деятельность ААМ освещена слабо. При этом сборники материалов ее ежегодных съездов представляют собой важный источник по истории американского музейного дела, музейной мысли и, что особенно важно для нашей работы, идеологических воззрений тех, кто посвятил себя музейной работе. Материалы съездов ААМ разворачивают перед исследователем картину борьбы и, одновременно, сосуществования разных подходов к определению целей и задач, стоявших перед музеями. Неоднократно затрагивались и аспекты индоктринирующей функции музеев, причем участники съездов не всегда сводили ее к формированию образа американской нации.

Большое внимание докладчиков привлекали не связанные напрямую с поставленной нами проблемой вопросы. Важной проблемой было определение музейной аудитории. Многие члены ААМ считали переход от научно-исследовательской направленности к просветительской работе с широкими слоями

публики свершившимся фактом. Главный куратор музея Бруклинского института искусств и наук Ф. А. Лукас в своем докладе, посвященном эволюции музейного дела, объявил о наступлении образовательного этапа, который потребовал от музейных работников обращения ко всему обществу, а не к заинтересованным профессионалам [1, С. 88]. Его поддержал Генри Уорд из городского музея Милуоки, штат Висконсин, высказав идею о том, что музей, чье существование финансируется на общественные деньги, обязан этим народу, и должен способствовать его развлечению и просвещению [2, С. 102]. Куратор департамента антропологии Филдовского музея естественной истории в Чикаго Джордж Дорси был, однако, не согласен с этой точкой зрения. Он считал, что основными целями существования музея являлись демонстрация универсальных научных фактов и помощь исследователям, а служение музею обществу – второстепенная задача. По мнению Дорси, музей должен был стать лидером масс, а не подстраиваться под их уровень [3, С. 100]. Так на первом съезде ААМ, прошедшем в 1907 году, были определены основные подходы к проблеме музейной аудитории. Общий дух докладов на последовавших съездах говорит о том, что возобладала первая точка зрения. Таким образом, музейное сообщество признало, что объектом воздействия музея, его экспозиционной и образовательной деятельности стал массовый посетитель. Это открывало большие возможности для превращения музея в инструмент идеологии.

Несмотря на это, неидеологические вопросы привлекли большое внимание американских музейных деятелей того периода: это видно из самих названий докладов. Самыми многочисленными оказались доклады, посвященные вопросам технического характера: музейному оборудованию, консервации музейных предметов и т. д. Многие проблемы, в которых современная музееведческая литература усматривает явный идеологический подтекст, обсуждались на съездах ААМ в спокойной деполитизированной манере. Например, доклад Генри Уорда о некоторых принципах музейной архитектуры сразу привлек наше внимание, так как нам встречались исследования о роли музейной архитектуры в утверждении властного дискурса [4, С. 86]. Вопреки нашим ожиданиям, это короткое сообщение рассказывало лишь о том, что здание музея должно быть красивым в своей простоте и защищенным от пожаров [5, С. 95]. Рассматривались и другие вопросы: директор музея Пенсильвании Эдвин Барбер выступал за повышение качества экспертизы музейных материалов и за ограничение использования дубликатов на экспозиции [6, С. 25].

Тем не менее, обсуждение идейной стороны музейной деятельности не затерялось на этом фоне, и посвященные этой проблеме доклады составили значительный тематический блок на большинстве съездов. Роберт Кёлер, представитель Миннеаполисского общества изящных искусств, озвучил идеи, сходные с принципами политики Метрополитен-музея в отношении американского искусства: он призывал к сбору произведений современных американских художников. По его мнению, американская художественная школа уже состоялась, и вполне могла восполнить недостаток произведений

классического европейского искусства в американских музейных собраниях [7, С. 125]. Но в Метрополитен коллекционирование, несмотря на американский приоритет, оставалось космополитическим в плане географии происхождения предметов. Здесь же Кёлер заявил, что американские художественные музеи способны сформировать коллекции исключительно из американского материала, и это только подчеркнуло бы самобытность американской культуры [7, С. 127]. Эти идеи Кёлера соответствуют по духу культурно-националистическим призывам Теодора Рузвельта. Близость взглядов с музеем Метрополитен проявил и Джордж Кунц, куратор отдела драгоценных камней в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. Он ратовал за участие американских музеев в мировой экономической гонке [8, С. 32]. Тенденция к усиленному вниманию к состоянию национальной экономики проявилась и в ААМ.

Фрэнк Сиверенс, представитель исторического общества Буффало, штат Нью-Йорк, в 1910 году рассказал о своем видении идеального исторического музея. Вопреки распространенным в современной историографии представлениям о преодолении локализма, свойственного Америке в первой половине XIX века, он видел музей как место собрания предметов, отражающих историю конкретного штата, графства или отдельного города [9, С. 66]. Следует отметить, что данный подход противоречит основным принципам коллекционирования и экспозиции исторических предметов в Национальном музее США. Там нарратив выстраивался с точки зрения большой общенациональной истории США, рассказанной с позиции федерального правительства. Сиверенс, в свою очередь, сделал ставку на формирование малого патриотизма. Эта концепция музейного строительства во многих чертах сходится с теорией философа Джосайи Ройса о высоком провинциализме. Тем не менее, между его идеями и концепциями Национального музея можно найти и сходство: коренное население Соединенных Штатов было также жестко фиксировано в качестве неполноценной части истории США. Если в Национальном музее это делалось через отнесение индейцев к природному миру, то в рамках историко-хронологической экспозиции их четко закрепляют в прошлом, как этап, предшествующий прибытию белых поселенцев. После этого автор доклада предложил больше не учитывать их присутствие на американской территории [9, С. 66].

Самую яростную националистическую проповедь произнесла на съезде 1911 года Анна Слокам, школьный педагог из Массачусетса. Она открытым текстом заявила, что задача музея – передавать дух нации, созданный ее художниками [10, С. 58]. Так музей воспитает из посетителя (особенно эмигранта) ответственного гражданина республики, знающего место его родины в мировом прогрессе. Также, по ее мнению, музей должен был сыграть дисциплинирующую и стабилизирующую роль в американской жизни: удержать быстрое развитие США в рамках свободы, закона и порядка [10, С. 60]. В гражданском аспекте своей позиции Слокам близка по своим взглядам к

президентам Позолоченного века, которые также уделяли много внимания воспитанию гражданских доблестей. В то же время она высказывает приверженность идеям мыслителей-прогрессистов (Джон Дьюи, Герберт Кроли), направленным на смягчение социальных противоречий в быстро развивающемся урбанизированном капиталистическом обществе. Фактически, эти идеологические паттерны служили одной цели: сохранению в социуме существовавшего экономического, социального и политического порядка.

На съезде 1912 года своеобразной национализации подверглась американская природа. Директор Нью-йоркского зоологического парка Уильям Хорнедей призвал музеи активнее включиться в защиту животных, так как это дело всего американского народа. При этом основной задачей зоологического музея он считал сохранение коренных американских видов животных [11, С. 113]. Мы видим, что животный мир также начал становиться принадлежностью нации и частью национальной символики, с помощью которой формируется и транслируется национальная идентичность.

В 1913 году один из активных деятелей ААМ Джордж Кунц вывел эту своеобразную рассеянную дискуссию о роли музеев в формировании и распространении американских ценностей на новый уровень. В рамках подготовки к международной выставке в Панаме он предложил организовать в социально-экономическом блоке выставочного пространства экспозицию, посвященную самим американским музеям, их функционированию в качестве институтов культуры, науки и образования [12, С. 97]. Таким образом, музеи стали не только конструкторами и трансляторами национальной идентичности, но и сами начали превращаться в часть ряда престижных достижений американской нации.

Кажется необходимым проанализировать на предмет интереса к теме американской национальной идентичности представленные здесь выступления американских музейных деятелей с точки зрения их специализации, удаленности от крупных образовательных, культурных и научных центров, а также уровня престижа учреждения, в котором они работали. География не дает корреляции: вопросы, связанные с национальной идентичностью затрагивали как представители провинциальных (Роберт Кёлер, Миннесота) так и передовых штатов (Джордж Кунц, Нью-Йорк; Анна Слокам, Массачусетс; Уильям Хорнедей, Нью-Йорк; Фрэнк Сиверенс, Нью-Йорк).

Следует отметить, что наиболее открыто ратовали за тиражирование образов национальной идентичности лица, которые не являлись в полной мере музейными профессионалами. К ним относятся заинтересованный в развитии национального художественного рынка член общества изящных искусств Роберт Кёлер, охваченный прогрессистским и националистическим пылом школьный педагог Анна Слокам, директор зоологического парка (который нельзя считать музеем в полном смысле этого слова) и защитник окружающей среды Уильям Хорнедей. Взгляды профессиональных музейных работников сильно отличались. Кураторы Ф. А. Лукас и Джордж Дорси, директора Генри

Уорд и Эдвин Барбер вовсе не касались национальной проблематики. Единственным профессиональным музейным работником, поддерживавшим использование музея в качестве инструмента национальной пропаганды, был куратор Американского музея естественной истории Джордж Кунц.

На данный момент можно сделать следующие выводы об отношении американских музейных работников к репрезентации национальной идентичности в музеях на уровне профессиональной ассоциации. Среди вопросов, обсужденных на ее съездах, тема национальной идентичности заняла пусть и важное, но не доминирующее место. При этом члены ААМ не сошлись в терминологии и подходе к проблеме, затрагивая лишь разные аспекты этого вопроса. Также достаточно рассеянным и неустойчивым оказалось развитие дискуссии по проблеме: ни одна из тем, связанных с конструированием национальной идентичности, не была поднята чаще, чем на одном съезде. Таким образом, мы можем сказать, что определенная часть музейного сообщества проявила интерес к пропаганде национальных идей, но он оказался несистематическим.

Источники:

1. Lucas F. A. The Evolution of Museums. // Proceedings of the American Association of Museums. 1907. Vol. 1.
2. Ward H. L. The Aims of Museums. // Proceedings of the American Association of Museums. 1907. Vol. 1.
3. Dorsey G. The Aim of the Public Museum. // Proceedings of the American Association of Museums. 1907. Vol. 1.
4. Berger M. A. Sight Unseen: Whiteness and American Visual Culture. University of California Press, 2014.
5. Ward H. L. Some Principles of Museum Architecture // Proceedings of the American Association of Museums. 1908. Vol. 2.
6. Barber E. The Need of Cooperation among Museums // Proceedings of the American Association of Museums. 1909. Vol. 3.
7. Koehler R. Some Ideas of the Founding of an Art Museum // Proceedings of the American Association of Museums. 1908. Vol. 2.
8. Kunz G. F. The Projected Museum of Peaceful Arts // Proceedings of the American Association of Museums. 1912. Vol 6.
9. Severance F. H. Historical Museums // Proceedings of the American Association of Museums. 1910. Vol. 4.
10. Slocum A. D. Possible Connections between the Museum and the School // Ibid. 1911. Vol. 5. P. 58.
11. Hornaday W. T. The Duty of American Zoologists // Proceedings of the American Association of Museums. 1912. Vol. 6.
12. Kunz G. F. The Desirability of a Museum Exhibition at the Panama Exhibition. // Proceedings of the American Association of Museums. 1913. Vol. 7.

A. E. Filimonov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***THE ISSUE OF THE NATIONAL IDENTITY IN THE PROCEEDINGS
OF THE AMERICAN ASSOCIATION OF MUSEUMS
(EARLY XX CENTURY)***

This article addresses the discussion of the American national identity in the context of the museums' work among the members of the American Association of Museums in 1907-1912. Their speeches at the congresses of the organization were studied for the purpose of discovering their attitude towards American nationalism and its place in the space of the museum. While not being a priority for the museum professionals, the formation of the national identity was important for the workers of the related fields (pedagogics, art market etc.).

American Association of Museums, nationalism, national identity, Museum Studies, museums, the United States of America, education, pedagogics

УДК 940.55 (47=57)

Р. А. Ялышев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: renyal@mail.ru)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ДИСКУССИЯ ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ ВО ВЛАСТИ О ПУТЯХ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА

Рассматривается вопрос о пути реформирования аграрного вопроса в России в начале XX века. Ключевым в 1902-1905 гг. стал спор С.Ю. Витте с В.К. Плеве о необходимости роспуска общины, который завершился поражением Витте и гибелью Плеве от рук террористов. А в России тем временем началась революция.

Россия в начале XX века, аграрный вопрос, С.Ю. Витте, В.К. Плеве, русская революция, проекты аграрной реформы, крестьянская община, П.А. Столыпин

В начале XX века в высших эшелонах власти России шла серьезная борьба вокруг способов решения аграрного вопроса. В центре внимания была проблема существования общинного землевладения. Либеральный курс, направленный на устранение общины, продвигал министр финансов С. Ю. Витте. Необходимость сохранения общины отстаивал министр внутренних дел В. К. Плеве.

Наиболее острая дискуссия между Витте и Плеве разгорелась после имевшего очень широкий размах восстания крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях в марте-апреле 1902 г. Вскоре полемика превратилась в открытую конфронтацию и неприятие министрами друг друга. Инициативу в рассмотрении крестьянского вопроса сразу же захватил в свои руки В.К. Плеве. В июне 1902 г. он с согласия царя учредил при министерстве внутренних дел под председательством консервативного А.С. Стишинского, товарища министра, Редакционную комиссию для подготовки проекта пересмотра законов по крестьянским делам [1, С. 236]. Необходимость совместной работы в поисках решения крестьянского вопроса была в общем ясна как Плеве, так и Витте, но действовать совместно им мешало, во-первых, кардинальное расхождение во взглядах на аграрный строй, во-вторых, личная неприязнь. Поэтому Редакционная комиссия Министерства внутренних дел и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которым руководил Витте, работали на разных полюсах. Эта напряженность в отношениях двух министров, вызванная спорами по крестьянскому вопросу, не могла быть скрыта от гласности. Петербургские газеты публиковали ход противостояния. Статьи в «Новом времени» критиковали Витте [2]. «Петербургская газета», наоборот,

подчеркивала значение идей Витте как противовес односторонним, тенденциозным проектам министерства внутренних дел [2].

Расхождения в подходах к решению проблемы были весьма существенные. В частности, Редакционная комиссия Министерства внутренних дел пришла к выводу, что подчинение крестьянства общегражданским правам и регулирование ими имущественно-правовых отношений среди крестьян было нежелательно, так как комиссия считала главными рычагами решения крестьянского вопроса переселенческую политику и деятельность Крестьянского поземельного банка в деле распределения земель. Витте тоже поддерживал развитие в полном объеме этих мер, но все же главную задачу видел в наделении крестьян общегражданскими правами [3, С. 511–512]. Проект, выработанный Редакционной комиссией, выглядел довольно противоречиво в вопросе об уравнительном землепользовании: община рассматривалась как институт, способный защитить интересы беднейшего крестьянства, предотвратить процесс его пролетаризации и отвечавший уровню крестьянского хозяйства в то время. Однако более совершенной формой ведения хозяйства, имевшей большое будущее, был признан хутор, причем переход к хуторскому хозяйству рассматривался как чисто техническое аграрное мероприятие [4, С. 67]. В целом программа, разработанная под руководством В. К. Плеве, не давала ясных ответов на вопросы, решения которых ждало крестьянство. Плеве проповедовал идеи полицейского социализма, пытаясь сохранить существовавший строй путем уступок и частичных перемен.

Борьба между Витте и Плеве заключалась не только в стараниях Плеве устранить Витте с поста министра финансов, но и в попытках Витте стать министром внутренних. По словам директора департамента полиции, – А. А. Лопухина, – весной 1903 г. Витте при помощи В. П. Мещерского и С. В. Зубатова пытался заполнить пост министра внутренних дел [5, С. 71].

Тогда Плеве переиграл Витте, которому пришлось уйти с поста министра финансов. Но еще больше проиграл от этого сам Плеве. Вскоре за свои реакционные воззрения он был убит террористами, а выработанные министерством внутренних дел при Плеве законопроекты о крестьянах вскоре во многом утратили свою значимость. А для Витте тогда открылись новые возможности. Убийство Плеве окрылило его, и он с новой силой возобновил борьбу за власть, стремясь превратить свой пост председателя Комитета министров в действенный орган по руководству государством. Добиться каких-либо конкретных результатов в этом направлении Витте не удалось. По словам В. И. Гурко, с момента назначения князя П. Д. Святополк-Мирского на освободившийся пост министра внутренних дел Витте взял курс на то, чтобы превратиться в реального главу правительства, опираясь на общественность вместо утраченной опоры на царя [6, С. 18]. Известно, что Витте был вынужден обращаться за поддержкой к лидерам оппозиции – Д. Н. Шипову, Е. Н. Трубецкому, А. И. Гучкову, П. Н. Милюкову и др. [7]. Одним из методов достижения поставленной цели была у Витте демонстративная поддержка Святополк-

Мирского и противопоставление его В.К. Плеве. По словам В. Н. Коковцова, Витте окружал Мирского «льстивными, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров» [6, С. 18–19], в результате чего Мирский стал выглядеть в глазах придворных и правительственных сфер ставленником Витте, из-за чего долго не продержался на своем посту. Николай II вскоре утвердил его отставку, но, когда в качестве одного из своих возможных приемников, тот назвал Витте, царь объявил, что совершенно не доверяет ему и даже подозревает в принадлежности к масонам. Таким образом, основной причиной неудач С. Ю. Витте видится практически полное отсутствие какой-либо поддержки как со стороны царя, так и со стороны общественности. По словам известного кадета В. А. Маклакова, Витте «разошелся с самой психологией нашей общественности, попутно выйдя из доверия Николая II». По мнению Маклакова, необходимость сотрудничества с общественностью затем понял П. А. Столыпин и мог идти по этому пути дальше Витте, не возбуждая против себя подозрений власти [8, С. 11-12].

Вскоре стало ясно, что Витте больше не владеет инициативой в области внутренней политики. Такое не прекращавшееся падение Витте отразилось на руководимом им Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Итогом трехлетней деятельности совещания стало его закрытие на последнем этапе работы. По словам Витте, «дело было почти доведено до конца, когда состоялось закрытие совещания с передачей подлежащих обсуждению его вопросов министру внутренних дел и в Особое совещание под председательством д.т.с. Горемыкина». Совещанию Витте оставался последний этап – составление журнала по вопросу об общине редакционной комиссией под председательством И. Л. Горемыкина, являвшегося одним из участников Совещания [3, С. 536]. И тот умело затянул процесс до закрытия. Сам Витте с явным неудовольствием воспринимал Горемыкина как участника совещания и именно с ним связывал закрытие работ в нем. Позже он писал: «В совещании участвовал Горемыкин, который шел с нами, а за спиной вместе с величайшим карьеристом Кривошеиным <...> подвели при помощи генерала Трепова <...> под совещание мину, внушив, что оно неблагонадежно». Получивший в начале 1905 г. огромные полномочия Д. Ф. Трепов прямо критиковал позицию Витте: «При усвоении такой точки зрения, которая проводится в последней записке статс-секретаря Витте по крестьянскому вопросу, извращается правильная перспектива, так как вместо рассмотрения реальных экономических причин, угнетающих наше сельское население, вопрос переносится в область юридических построений» [9, С. 27].

Подтверждения словам Витте содержатся в воспоминаниях сына А. В. Кривошеина – К. А. Кривошеина. Он отмечал, что Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было закрыто из-за растущего нерасположения государя к Витте весной 1905 г. под влиянием Д. Ф. Трепова, И. Л. Горемыкина и А. В. Кривошеина [9, С. 38]. Царь повелел передать дела вновь образованному совещанию по вопросам о мерах к

укреплению крестьянского землевладения под руководством И. Л. Горемыкина. Расстроенный С. Ю. Витте отозвался о членах нового совещания как о людях «одинакового с Горемыкиным пошиба, то есть или "чего изволите?" или "за царя, православие и народность", а в сущности за свое пузо, за свой карман и за свою карьеру». А. А. Половцев пишет, что это была месть Горемыкина за то, что Витте отнял у него портфель министра внутренних дел и назначил на его место Д.С. Сипягина [10, С. 69–70].

Трудно дать однозначную оценку данным высказываниям, но не подлежит сомнению тот факт, что направление крестьянской политики определял император, а воля Николая II была выражена в Высочайшем указе 8 января 1904 г. Сенату, гласившем, что пересмотр законодательства о крестьянах «Мы признали за благо произвести на почве главных начал преобразований 1861 г., положив в основу упомянутого пересмотра... неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, при условиях обеспечения отдельным крестьянам способов выхода из общины». В указе также говорилось о необходимости сохранить крестьянам сословный строй и неотчуждаемость от крестьянского владения наделных земель [11, С. 8]. Очевидно, что для проведения в жизнь данных идей Витте абсолютно не годился как явный их противник, а Горемыкин казался вполне подходящим, так как отстаивал именно такой курс.

Почти неограниченным доверием Николая II пользовался Д. Ф. Трепов, поставленный во главе созданного в январе 1905 г. в Санкт-Петербурге генерал-губернаторства с диктаторскими, по сути дела, полномочиями. Опасаясь крестьян и потеряв почти все остатки веры в крестьянский монархизм, Трепов вскоре представил царю проект профессора П. П. Мигулина с частичным отчуждением помещичьих земель, заявляя, что сам готов поделить половину своих владений для сохранения остального. Этот проект затем был отвергнут. Но еще до этого Трепов пытался навязать императору свои взгляды, оформив их в записке царю «Земельная политика и крестьянский вопрос» от 8 марта 1905 г.

В определении аграрной политики Д. Ф. Трепов действовал совместно с И. Л. Горемыкиным. В итоге указом Правительствующему сенату учреждалось «Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения» во главе с Горемыкиным, которому при открытии нового совещания была рекомендована программа, содержащаяся в записке Трепова.

Горемыкин с готовностью принял данные ему руководства. Это следует из его слов, обращенных к царю: «Вашему величеству благоугодно было преподать мне для руководства в предстоящей работе удостоившуюся одобрения Вашего величества записку «Земельная политика и крестьянский вопрос». По существу, предложения Д. Ф. Трепова сводились к следующим главным идеям:

1) принять меры для перехода от общинного владения к хуторскому хозяйству;

2) обеспечить землей малоземельных и безземельных крестьян путем переселений, расширения деятельности Крестьянского поземельного банка, сдачи в аренду государственных земель и т. д.;

3) «ограничить крестьянские земли от помещичьих и тем самым подчеркнуть неприкосновенность помещичьих земель».

Таким образом, мы наблюдаем как власти вплоть до 1905 г. продолжали искать решение аграрного вопроса в русле традиционной охранительной политики без принятия каких-либо резких или нестандартных шагов на фоне уже разгоравшейся первой русской революции. Одновременно отметим, что в уставках Горемыкину уже просматриваются элементы будущей аграрной реформы П.А. Столыпина. Вскоре революция заставила власти поменять курс. Столыпин попытается собрать охранительные и либеральные идеи воедино и сумеет подавить первую русскую революцию, что, впрочем, в итоге не решит всех проблем крестьянства и лишь отложит развязку до 1917 года.

Источники:

1. Леонтович В. В. История Либерализма в России. 1762-1914 гг. М., 1995.
2. Новое время. 5 декабря 1904 г. № 10333; Петербургская газета. 6 декабря 1904 г. № 331.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960.
4. Кризис самодержавия в России. 1895-1917 гг. Л., 1984.
5. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М., 1923.
6. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905г.: Реформы и революция. СПб., 1991.
7. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
8. Маклаков В. А. Вторая государственная дума: Воспоминания современника. Лондон, 1991.
9. Кривошеин К. А. А.В. Кривошеин. 1857-1921 гг. Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.
10. Дневник А. А. Половцева / Красный архив. М.; Л., 1928. Т.4.
11. Материалы государственного совета России: Временные организации. СПб. Т.54, 4.4, № IV.

R. A. Yalyshev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE AGRARIAN QUESTION IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY: DISCUSSION BETWEEN LIBERALS AND CONSERVATIVES IN GOVERNMENT ABOUT THE PEASANT QUESTION

Reforming the agrarian question in Russia at the beginning of the twentieth century is investigated. The key issue in 1902-1905 was the dispute between S. Yu. Witte and V. K. Plevé about the peasant community, which ended with the defeat of

---

Witte and the death of Pleve who was killed by terrorists. Meanwhile, the revolution started in Russia at the same time.

Russia in the beginning of the XX century, agrarian question, Sergey Yu. Witte, V.K. Pleve, Russian revolution, agrarian reform, peasant commune, P.A. Stolypin

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета	3
СЕКЦИЯ №1. ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ	
Микиртумов И. Б. Убеждение в споре и потенциальные эпистемические установки	4
Ананьева Е. М. О новизне «Новой антропологии»	9
Корчажкина О. М. Диалог в стиле Платона как инструмент развития логического мышления учащихся	14
Лисанюк Е. Н. «Сведение к Гитлеру»: оскорбление или аргумент?	21
Лобастова В. А. Стратегия феноменологического метода в интерпретации Г.Г. Шпета	25
Ломако О. М. Антропологическая трансформация власти в информационном обществе	30
Маврин Д. И. Возрождение интеллектуальной религиозной философии в результате реализации современных психологических концепций	36
Мамина Р. И., Почебут С. Н. Цифровой этикет в условиях пандемии	42
Марков Б. В. Сопротивление медиа	48
Маркова Т. Б. Возможности библиографии и информационно-поисковые системы	53
Московчук Л. С. Учебник по философии в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы	59
Очеретяный К. А. Онтопозис цифрового опыта: принципы доместификации	64
Пелевин С. И. Социокультурная рефлексия цифровой трансформации общества	69
Пирайнен Е. В. Самопрезентация как результат саморефлексии в цифровой среде	75
Пономарёв А. И., Фролов К. Г. Восприятие эмоций в дискуссии о моральной ответственности искусственного интеллекта	79
Прокофьева Д. В. Роль философии в формировании ценностей человека современного российского общества	85
Сироткин Ю. Л. Антропологическое время и человекомерное пространство как эпистемологическая перспектива	92
Склярова А. М. Неофрейдизм, гуманистическая философия и	97

психология о дегуманизации личности

Тузов В. В. Понятие цифровизации и образование 105

Хамидов А. А. Аргумент к беспомощности 110

Хусаенова Л. А. Постчеловеческая философия: сверхчеловеческие возможности или дегуманизация? 112

Яхеев В. В., Логина Е. В. Относительный многомерный критерий сравнения Яхеева, как математическое отражение закона перехода количества в качество на примере удароопасности горных пород 117

СЕКЦИЯ №2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Елисеев С. М., Глухих В. А. Перспективы и проблемы цифровой трансформации современного государства 122

Гаркуша В. Н. Актуальные аспекты искусственного интеллекта в образовании 129

Государкин Я. С., Такмаков М. В. Формирующая ответственность в сфере искусственного интеллекта 134

Грибовод Е. Г. Искусственный интеллект через призму трансгуманизма и постгуманизма 139

Дерюгин П. П., Баннова О. С. Профессиональная социализация IT специалистов на рынке труда (в России, США, Европе и Китае) 144

Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н., Чжэн Вэньсинь, Юй Ян. Формирование человеческого капитала в цифровой образовательной среде: России и Китае – социальные аспекты 147

Дерюгин П. П., Камышина Е. А. Важность цифровой грамотности в деятельности руководителей корпорации 155

Замотин М. П. Использование возможностей искусственного интеллекта в образовании и обучении 158

Ивашковская Т. В., Павлов В. А. Медиаконструирование социальной реальности 163

Казаринова Н. В. Под знаком «Cancel Culture» 168

Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект и цифровые технологии в туризме 172

Козлова А. К. Социальная ответственность инженера: прошлое, настоящее и будущее 177

Колянов А. Ю. Искусственный интеллект в медиа 2010-х гг.: опыт контент-анализа 182

Лебединцева Л. А., Фролова А. С. Новое понимание социальных инноваций как формы реализации человеческого капитала в цифровую эпоху	187
Мешков Н. В., Нам Е. Использование искусственного интеллекта в различных сферах жизни человека	191
Милецкий В. П., Ковтун Е. А. К вопросу о социальной адаптации мигрантов в постсоветской России	196
Морозов С. М. Применение нейро-нечётких систем в области извлечения социальных знаний	200
Пашковский Е. А. Общение во время вынужденной самоизоляции: характеристика изменений	205
Субботин А. Н. Искусственный интеллект в общественной жизни применительно к обработке видеoinформации	211
Теплыгина И. М. Социальные и научные аспекты применения искусственного интеллекта в театре	219
Шустов Д. А., Островская Н. В. Проблемы использования искусственного интеллекта в образовании	223
Щербина А. В. Автономия личности и искусственный интеллект: возможности синергии	228
СЕКЦИЯ №3. ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	
Ильина И. А. Софизм: интеллектуальное мошенничество или коммуникативная стратегия в эпоху постправды	233
Акинчиков Д. Д. Негативное влияние социальных сетей на психологическое состояние подростков	237
Виноградова К. Е., Кащук А. А. Коммуникационный потенциал социокультурных проектов	242
Горячев А. А. Нативная реклама в сравнении с традиционной и скрытой: этический аспект	247
Корнилова Е. Е. Роль коммуникационных технологий в процессе популяризации национальных культурных ценностей	252
Трубникова А. Г., Шарахина Л. В. Связи с инвесторами (IR) в продвижении ИТ-проектов	257
Тульчинский Г. Л. Публичная коммуникация в цифровой среде: запрос на ответственность	264
Филясова Ю. А. Признаки негативного перфекционизма в цифровой коммуникации Санкт-Петербург	269

Шарахина Л. В., Комаров А. К. Человек и искусственный интеллект в коммуникационном продвижении медицинских услуг 274

Шашкова Н. В. От репутации к сетевому облику человека (репутационная культура личности в эпоху цифровой трансформации общества) 281

СЕКЦИЯ №4. РОЛЬ ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Ульяницкая Л. А. Языковая политика и сохранение национальных культур 286

Бабич Я. А., Чалая М. А. Роль языка в сохранении культуры на примере коренных племен Северной Америки 292

Журавлева О. М. Сохранение и трансформация национальной культуры в американских мюзиклах 297

Иванова В. А. Краткий обзор годонимического облика города Сортавала как отражения степени сохранности историко-культурного наследия 302

Пояркова Ю. В., Чалая М. А. Язык – ключ к пониманию нации 307

Шиянова Е. Ю. Культуросберегающий потенциал в цифровую эпоху 312

Щербак Н. Ф. Поверхностное чтение, влияние культурологического и психолингвистического контекста на интерпретацию текста (на примере произведений Артура Конан Дойла) 319

СЕКЦИЯ №5. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Каткова Е. П. Судьба памятников культурного наследия бывшей Югославии в период гражданской войны (1991-2001 гг.) 324

Бабич Я. А., Чалая М. А. Актуальные проблемы подхода к сохранению современного культурно-исторического наследия 331

Бугазов А. Х. Особенности формирования евразийской модели политической системы 336

Гуркин А. Б., Гуркин Я. А. Реформирование пенитенциарной системы России в конце XIX- начале XX вв. 341

Гуркина Н. К. Проблемы современного образования в отражении периодической печати 348

Исайчиков В. Ф. Может ли опыт истории помочь в прогнозе будущего? 353

Кудрявцева М. Е. Человек как носитель культурно-исторического наследия и субъект творчества в современном цифровом мире 359

Максина С. В., Новикова И. Ф. Некоторые вопросы использования государственного языка, как неотъемлемой части культурного и 365

исторического наследия, в гражданском судопроизводстве

- Нужнов И. Н. Государственный совет РФ: обретение конституционного статуса 370
- Рубцов А. А. Власть и новая политическая реальность в Российской Империи 1870-х годов: на примере понятия «стачка» 379
- Стогов Д. И. Взаимоотношения А. Г. Достоевской и Б. В. Никольского сквозь призму проблемы исторического наследия 384
- Умова Е. В. Политика советского государства в области образования в 1920-1930-е гг. 389
- Филимонов А. Е. Вопрос о национальной идентичности в материалах съездов Американской ассоциации музеев (начало XX в.) 394
- Ялышев Р. А. Аграрный вопрос в России начала XX века: дискуссия либералов и консерваторов во власти о путях решения крестьянского вопроса 400

**Труды
XVIII Всероссийской научной конференции
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2021)**

Санкт-Петербург, 18 – 19 марта 2021 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Учебно-научном центре социальных исследований
Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Материалы представлены в авторской редакции

www.ics.ru

